НЁМАН

4/2016
АПРЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Напоследок

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Александр Николаевич КАРЛЮКЕВИЧ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 14.04.2016. Формат 70 ×108 $^1/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,62 . Тираж 1640. Заказ .

Цена номера в розницу 24 700 руб.

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*



Федор КОНЕВ

Сломанная ветка

Повесть

Поздняя осень. Чему следовало, то уже увяло. Было слякотно, а теперь сухо, солнечно, благостно. В невинной наготе природа замерла в ожидании первого снега, как невеста перед облачением в свадебное платье с белой фатой. Что ей, природе? Знай переодевайся то в зимние, то в летние наряды, и нет такому обновлению конца.

И моя жизнь вступила в пору своей осени, тоже поздней, но единственной, первой и последней. Улетели прожитые дни, как скворцы, только с тем отличием, что назад не вернутся. И сидеть бы мне в смирении да смотреть на закаты, что видятся из кухонного окна, но нет покоя. Нынче утром всерьез подумал, что надо мне навестить Яна Ниловича, нашего участкового терапевта, что-то со мной, чую, происходит неладное.

Прежде к врачам вообще дорогу не знал, сколько себя помню, все был здоров. Если случалось недомогание, шел в баню с друзьями, те отхлещут березовым веником, да банный жар прокалит до костей, и снова полон жизни, как спелый огурчик. В теперешние мои солидные годы без поликлиники, конечно же, не обхожусь, но и не бегаю из-за всякого насморка. А тут вроде и не болен, а тревога не отпускает — что-то со мной не так. Может, и нужно-то всего поговорить с кем.

Теперь друзья-товарищи в большинстве своем удалились туда, откуда не возвращаются. Сидят, должно быть, в раю и блаженствуют, как в парилке. Только как они там без веников обходятся, не представляю. Те, что остались в миру, слушать не станут меня, своих хворей хватает, сами заболтают. Да и не болит у меня ничего, не печет, не колет, не ноет. С душой у меня что-то, полагаю. А ее ж, голубушку, в рентген не разглядишь, кардиограмму не снимешь. Академики и те не знают, где она в организме, только руками разводят. Но человек от нее полностью зависит, это уж я утверждаю, и без всякого сомнения.

По нынешним понятиям, все у меня благополучно. Дети живут отдельно, своими домами. Дочка заботливая, сын не забывает. После пятидесяти пяти лет совместной жизни жена, правда, иногда не выдерживает моего нынешнего характера и уходит к дочери на неделю, а то и больше. Мол, с внучком побуду. А я-то знаю — убегает. Но и ее понять можно. Ей тяжело с человеком, который будто воды в рот набрал. Прежде словоохотливый, я и впрямь стал хмурым молчуном. Не хочется мне говорить о политике, о растущих ценах, о маленьких пенсиях, о соседях, о всей той дребедени, чем завалена, как мусором, жизнь человека. И не потому, что великими мыслями обуреваем. Откуда им быть? Но скучно, скучно…

Родился я в Минске, где и теперь живу. Мне шел шестой годик, как началась война с фашистом. Скорее всего, отец ушел на фронт или в партизаны,

точно не помню, но его не было с нами, когда мы в толпе уходили из города на восток. Мама погибла под бомбежкой, а нас с братиком спасли какие-то добрые люди.

В числе эвакуированных детей мы с братом оказались в Пермском крае, в небольшой деревне на берегу Сысолы. Под детдом отвели старую опустевшую конюшню за неимением другого помещения. Но детей разбирали местные жители, понимая, что ребятня холодную зиму не переживет в захудалой, продуваемой всеми ветрами постройке. Нас с Ваней увела в свою маленькую избушку сердобольная женщина, бездетная солдатка, звали ее Таисьей. Если есть рай, то она теперь там.

Ни родителя, ни кого-то еще из родни я так потом и не отыскал, хотя пытался. И все мои корни — могилки Ванятки да мамы Тоси. Раньше навещал каждый год по весне, ухаживал за ними, чтобы не заросли дикой травой, чтоб с землей не сровнялись. А теперь трудноватой стала дорога с пересадками. Так я деньги посылаю старому знакомому, чтобы следил, а сам все обещаю навестить, не теряю надежды. Братик погиб рано, мальчишкой, а мама Тося умерла в годах. Сколько ж она, бедная, натрудилась, сколько мерзла, мокла, надрывала жилы на колхозной барщине, но была в ней какая-то живучая сила, которую и злая судьба не могла одолеть.

И как себя помню, все просила меня — «учись». Не хотела мне той доли, что сама вынесла. Судьба ко мне оказалась милостивой, школу кончил успешно, к тому времени колхозникам стали выдавать паспорта, и я был волен поступить в институт. Женился я на соседке, подросшей до невесты, родилась у нас поначалу дочь, потом сын, которого назвал в память братика Ваней. Закончил архитектурный факультет, но выпал на мою долю период, когда строили «хрущобы», которые теперь сносят, и недалеко, видать, то время, когда от них следа не останется, как и от моего ударного труда. Собственно, профессия моя оказалась ни к чему, работал по узаконенным стандартам, так что из меня не вышло ни Баженова, ни Корбюзье. Честолюбивые мечты даже и не просыпались, к счастью. В одно время пошел в прорабы, оказался неплохим организатором, перевели в строительное управление, которое к пятидесяти годам возглавил и начальствовал до самой пенсии, что-то решал каждый день, спорил, старался, чтоб лучше было, а теперь и не вспомню, чего кипятился.

Пенсию принял со скрытой радостью. Дети уже взрослые, живут в достатке, мне ничего не надо — ни престижной машины, ни лучшей квартиры, ни Багамских островов. Старый приятель открыл фирму и временами подкидывал работу, как раз многие стали строить поначалу домики на шести садоводческих сотках, а потом и коттеджи. Составлял проектную документацию, за это получал какие-то деньги, подспорье к пенсии, но вот уже год отказываюсь от заказов. Жена, конечно, не понимает — с чего бы? А должно быть, охота пропала. Лошадь и та от работы дохнет.

Прожил я свою жизнь, как миллионы людей на земле, как миллиарды, если точней. И все бы ничего, но с каких-то пор стал подумывать, что не мне она предназначалась, жизнь-то моя. И раньше возникала эта мысль, но редко, и заскакивала в голову мимоходом. А тут прямо загостилась, и не выпроводить. Может быть, и впрямь мною прожитое время выделено было брату, а нелепый случай переиграл судьбу. Меня эти опасения сильно угнетают, устаю от них.

Вот нынче, уже под утро, приснилось, будто я шагнул в заброшенное кирпичное здание через пустой проем двери. И будто из последних сил держу на плечах щербатую бетонную глыбу с торчащей на полметра арматурой. Я ока-

зываюсь в неуютном до жути помещении — голые обшарпанные стены, прогнившие половицы, непокрытая ржавая кровать, щелястый потолок. Сбрасываю до злости надоевшую ношу. Откуда-то знаю, что в этой развалине живет брат, который должен прийти с минуты на минуту. Я жду его, поглядывая по сторонам. В пустые проемы окон и двери вижу одну воду и догадываюсь, что всю пойму большой реки залило до горизонта.

И тут в квадрате двери появляется брат. Ему лет сорок. Он смотрит на глыбу с торчащим из нее куском арматуры, и лицо его становится недовольным. А я понимаю, что бремя оставить должен здесь, иначе нужно будет нести дальше, на что сил моих нет. Мы стоим с братом, смотрим друг на друга. И он жестом позволяет оставить. Я понимаю, что брат поступил так без охоты, в угоду мне. В это время к самому порогу носом утыкается пыхтящий пароход, и матросы спускают сходни. Я поднимаюсь на судно, чувствуя легкость во всем теле. Пароход задним ходом отплывает на стремнину. Я оглядываюсь и вижу среди безбрежных вод развалюху из красного кирпича. И понимаю, что остался бы там, если бы брат не забрал тяжесть, под которой можно понимать болезнь или какую беду, если разгадывать сон.

Сновидения же как объясняют ученые люди? Мол, это те же воспоминания, только искаженные вольной фантазией. Уж не буду задаваться вопросом, откуда берется «вольная фантазия», но где тут что от реальности, пусть даже в изломанном отражении? Не оказывался я в такой жалкой развалюхе среди воды, а уж причалившего к порогу парохода и подавно быть не могло. А главное — не мог я видеть брата мужиком сорока лет, неумолимой судьбой дано было ему пожить всего десять годков… С того дня, как его не стало, целая человеческая жизнь прошла.

Ну ладно, сон на то он и есть, чтоб присниться. А намедни что было? После вечерней прогулки вернулся я изрядно усталый и по обыкновению устроился на скамейке спиной к светящимся окнам дома. После ходьбы тело радовалось покою, сидеть бы да сидеть этак до скончания века. Прямо сердце таяло от истомы.

И я не видел, когда он подошел, заметил уже, как подал голос.

— Добрый вечер! — произнес незнакомец низким, будто вкрадчивым голосом, стоя на почтительном расстоянии, явно давая тем понять, что может легко пойти дальше, а с позволения и присесть готов рядом.

Был он среднего роста, худой, с круглым плоским лицом, которому никак не соответствовала бородка клинышком, она казалась приклеенной, чужой. Старомодный костюм сильно выцвел и был неопределенного цвета, но ближе к серому со светлыми разводами, заметными даже при зыбком свете окон. Задники были настолько стоптаны, что ботинки обувались, должно быть, как тапочки.

Я его не встречал прежде, а то запомнил бы, лицом больно приметный. Должно быть, не из нашего района и уж точно не из нашего дома. Незнакомец при всей своей худобе не выглядел дряхлым, а очень даже уверенно чувствовал себя на ногах. И когда я невольным жестом пригласил присесть, шагнул и опустился на скамейку завидно легко. Теперь я увидел близко лицо незнакомца, оно не показалось болезненным, а напомнило худобу аскета.

— Думал, не пригласишь, — сказал он, довольный.

И чего я необдуманным суетным жестом позволил присесть рядом человеку, который мне был совершенно не нужен? Даже не знаю. Вот начнет нести ахинею, а я слушай. Еще и отвечать придется из вежливости. Испортит настроение, весь вечер насмарку. И вроде волен встать да пойти к себе домой, но сижу чего-то.

А он молчит. Ну, и я молчу. Посмотрит на меня, вроде чего-то сказать хочет, да снова отведет взгляд и вздохнет. Улучил момент, пригляделся и вижу — глаза чистые, с голубизной, а в них искорки играют. И такое возникло ощущение, что он этими глазами насквозь меня видит.

Еще прошла минута в молчании, показавшаяся очень долгой, снова глянул он на меня, отвернулся, уставился под ноги и умоляющим голосом проговорил:

— Не суй ты нос куда не надо.

И так он это сказал, будто важнее для него и нет ничего на свете, да еще и добавил с мукой на лице:

— Не вороши...

Я как-то опешил, даже и взглянуть на него не могу, будто боюсь его глаза увидеть. Откуда было ему знать, что со мной происходит? Но тут начинаю чувствовать, что его рядом нет. Повел взглядом, а незнакомец и впрямь исчез. Бесшумно мог встать, а отойти далеко никак не успел бы, но влево глянул — никого, вправо — никого и передо мной — ни души. Единственно, что мог успеть, так в пролет юркнуть. Но не мальчишка вроде, чтоб так шустро убежать.

Мне все равно надо было идти домой, и я чуть поспешней обычного перешел через пролет на ту сторону дома и спросил бабушек, сидевших на скамье у подъезда, не проходил ли мимо старичок минуту назад.

— Нет, соседушка, нет, — пропели в три голоса бабки.

Эти не могли не заметить, не могли упустить, под их носом мышь не пробежит тайком. Их посади на границе, страна может спать спокойно. А тут такого приметного старика прозевали. Да быть такого не может!

Но бабки явно не разыгрывали меня, не лукавили, по лицам видел, безгрешны божьи одуванчики. И я ушел ни с чем, гадая, кто ж это такой был и откуда ему знать, что я как раз копаюсь в прошлом. Это насчет «не вороши». А «не суй нос» к чему? Даже и грубовато вроде.

Если галлюцинации начались, подумалось мне, то дела мои плохи. Хотя сам я не видел никаких причин для такого расстройства. Ну сны! Ну мысли! И что тут особенного? Со всеми бывает. Правда, и ни один чокнутый не признает себя больным. Так что навестить доктора в любом случае не помешает. Пропишет успокоительных таблеток, и будут мне сниться одуванчики да журчащие ручейки. Одно блаженство!

Из всех врачей города и даже области я выбрал бы только Яна Ниловича, или как все его величают — Нилыча. Ничем не хочу обидеть других специалистов, есть среди них и более головастые, но окажись они скопом с одной стороны, а с другой — один Нилыч, выбрал бы его. Мы с ним не то чтобы приятели, но добрые знакомые, сочувственные друг к другу. При встрече обязательно спросит:

— Как здоровьице, Палыч?

И я поинтересуюсь:

— Как ваше, Нилыч?

Это милейший человек, как говорили в старину, сердечно сочувствующий своим пациентам, жалеющий. Правда, молодые коллеги за глаза посмеивались, мол, старик изрядно отстал от современной медицины, она унеслась куда-то вперед, а он так и остался на своем просиженном стуле. Но руководство держало его при должности, потому что больные верили своему старому доктору и подняли бы шумиху, завалили бы инстанции жалобами.

У Яна Нилыча доброе сердце, а это большая редкость в наше время.

Я его не раз видел на рабочем месте. Худощавый, седенький, телом подбористый, лицом светленький, он в белом халате походил на постаревшего ангела или знакомого нам с детства доктора Айболита. А еще напоминал он мне земских докторов чеховских времен, которые в любую погоду днем и ночью на полудохлых клячах по бездорожью тащились к больному на вызов.

Вот я к нему и пойду.

— Что, Палыч? — спросит. — Что стряслось?

— Сны, — скажу. — Совсем замучили.

Насчет глюка пока промолчу, сгоряча направит к психиатру, а я не хочу иметь дела ни с кем, кроме него. Толково объясню, что с каких-то пор стали меня одолевать сны, прямо-таки спасу нет. Раньше за собой такой напасти не замечал. Иной раз приснится что-то занятное, расскажешь кому-нибудь, все какая-то тема разговора. А чаще отмахивался, не веря, что в них может быть хоть крупица провидения.

Всегда считал себя человеком практическим, прагматичным, как нынче говорят — деловым, и разную мистику не признавал. По характеру всегда был живчиком, то есть из той породы людей, которые воспринимают жизнь, как рыба воду. Не будет воды, рыба не поплывет. Это факт. Так зачем об этом думать? Есть какая-то польза от того думанья? Нет. Вот рыба и не думает, пока есть вода. Я жил земными заботами, как все мы, старался, чтобы семье было лучше и себе хорошо. Других забот как-то и не припомню.

А тут сны и сны. И не пустые ж!

Так что очень даже надо повидаться с Яном Нилычем, нужда назрела. Посидим, потолкуем, может, какую теорию разработаем, как в таких случаях быть. А то ж проснусь однажды в полночь, а вокруг призраки сидят и смотрят на меня стылыми глазами. До этого ж можно докатиться. На этот раз не стану записываться на прием к врачу, потому что есть другая возможность встретиться, и я решил ею воспользоваться.

Дело в том, что я каждый вечер прогуливаюсь. Рядом с моим подъездом находится пролет, и через него попадаю из одной реальности в другую, которые китайской стеной разделяет мой дом в двадцать четыре подъезда. С одной стороны здания тянутся дворы, буквально забитые машинами, которых стало столько, что впору друг на друга ставить, а с другой, считай, сохранилась деревенская идиллия.

Просторное поле, еще недавно пустое, в последнее время обсадили молодыми деревцами, дальше ровно вытянулся канал с бетонными берегами. Справа от меня сосновый бор. Но я туда не хожу. Он только издалека кажется девственным, но гулять по нему противно, любители пикников вконец замусорили и загадили. От властей нет никакого ухода, видать, по генеральному плану город расширят дальше, так что лес все равно пойдет под пилу.

Просторная пустошь между домом и каналом всегда соблюдалась, коммунальщики выложили из плит дорожки для прогулок и следили за ними, буйную траву вовремя выкашивали и ежегодно обновляли скамейки, а пьяная молодежь с завидным постоянством их ломала. Владельцы собак выгуливали своих питомцев, школьники вяло, как подневольные, бегали на уроке физкультуры, засветло прогуливались пожилые люди, а в сумерки выходил я в сером спортивного типа костюме и в кедах, образцовый пенсионер.

В это время мало кто прохлаждался, разве какие редкие влюбленные парочки сидели на скамейках, и мне было приятно в одиночестве шагать вдоль канала по ровной дорожке, освещенной редкими фонарями, потом перейти по мостику и через двести метров оказаться в парке Челюскинцев.

А там уютно, деревья ухожены, между ними чисто, дорожки выложены плиткой, и не диво увидеть белок. Ну, конечно, не на каждой ветке сидят, но часто я с ними вижусь, могу часами следить за ними, но они, правда, меня и не замечают, нет никакой взаимности, даже обидно. Обычно я гуляю в той части парка, где нет аттракционов и довольно малолюдно.

В одном месте, в стороне от людных дорожек, стоят столы под навесом, и там собираются любители шахмат и шашек. Даже зимой, в самые сильные морозы хоть две пары, да сидят. Со стороны кажется, что уже оледенели, а подойдешь — живы, из-под заиндевелых бровей сверкают азартом глаза, но прикованные к доскам взгляды оторвать невозможно. Если даже пистолет поднесешь к виску, игрок только отмахнется со словами:

— Да погоди! Два хода и мат! А ты тут!

Обычно вокруг игроков толпятся разного возраста люди, кто-то своей очереди ждет, а кто-то просто так стоит, никогда не играет, но приходит всегда. Вот таким участником был Ян Нилыч. Поначалу удивился, увидев его, потому что прежде его не бывало. Никогда не замечал, чтобы за стол садился, а как позже выяснил, не играл он в шахматы.

Я ему как-то уже говорил, что сны одолели.

— Счастливый человек! — вздохнул он тогда. — А у меня бессонница.

Сам я не люблю шахматы, мне скучно следить за игрой, и сколько-то постояв рядом, ухожу, а он остается. Как-то я и не задумывался, чего бы ему тут торчать, не бездомный вроде. Ян Нилыч умел себя держать, был все такой же спокойный, внимательный, никогда прежде и теперь ни одной жалобы от него не слышал. Но замечать стал, что глаза у него как-то ввалились, будто в них застыла растерянность.

Жил Ян Нилыч в соседнем доме. Иногда мы встречались то в магазине, то на автобусной остановке, теперь вот в парке. Знакомство наше было ненавязчивым, ни его, ни меня ничто и ни к чему не обязывало, а давало полную свободу, иной раз при встрече только-то и кивнем друг другу, а то разговоримся на полчаса. Я-то со своей стороны точно знаю, что испытываю к нему расположение, но и он явно светлеет лицом, завидев меня.

— Далеко направились? — спросит.

— На край света, — отвечу.

— А он есть — край?

— Проверить надо.

— Я слышал, Земля круглая.

— А если врут?

Он смеется и рассказывает, как его дед, деревенский мужик, не верил, что Никита Хрущев поехал в Америку. До него никто из лидеров не ездил. Бабка его урезонивает: «Вот же по радио говорят!» — «Врут, — отмахивается дед, — вокруг Москвы покатается да и скажет — в Америке был».

— Народ не обдуришь, — киваю я и поясняю: — На почту иду. За пенсией.

И не от Яна Нилыча, а от соседок из его подъезда я узнал, что месяц назад умерла у него жена, с которой он прожил в согласии больше сорока лет. Детей не случилось, хотя в молодости об этом мечтали. И оттого еще, должно быть, относились друг к другу, по словам соседок, как две сироты, обделенные судьбой. А как жены не стало, Ян Нилыч днем еще в какой-то степени отвлекается работой, а вечерами невмоготу становится сидеть в одиночестве, не находит в квартире места, где сердце не так саднило бы от боли, вот и уходит в парк. Даже эти подробности доложили мне соседки, которых я сам навел на разговор. Возвращался с автобусной остановки и проходил мимо них, сидев-

ших на скамейке. По именам не знал ни одну, да и они меня также, однако глазам примелькавшиеся были.

— Как наш доктор поживает?

Одного этого вопроса и хватило, а потом только слушал.

При следующей встрече в парке, это еще до моего глюка было, подойдя к нему, я бережно коснулся локтя Яна Нилыча и сказал:

— Я очень соболезную вам. Не знал, простите…

— Я же врач, — неожиданно твердым голосом заявил Ян Нилыч. — А помочь не мог. Вот что хуже всего.

Должно быть, об этом думал в эту минуту, и слова сами вырвались. А возможно, с этой мыслью жил постоянно, отчего в глазах застыла растерянность.

— Понимаю, понимаю, — бормотал я. — Искренне соболезную.

— А что толку, Палыч, соболезновать? — мягко сказал он и грустно улыбнулся. — Лучше бы научили засыпать.

— Таблетки же есть…

О таблетках он будто не услышал. А я тоже хорош, советую лекарства врачу. Уж наверно пробовал. И тут Ян Нилыч заметно оживился.

— Вы знаете?! — негромко воскликнул он. — В молодости я буквально злился, что много сплю. Восемь часов! С ума сойти! Я не был согласен с природой, что нужно так много спать. Просто бунтовал. Прикидывал — проживу восемьдесят лет, из них двадцать просплю. Двадцать лет жизни коту под хвост!

И очень подмывало меня, уже опытного сновидца, чуть ли не готового теоретика, сказать собеседнику, что сны, возможно, вовсе и не сны, а вторая жизнь, дарованная человеку природой. Но хватило ума удержаться. Человека бессонница замучила, а я ему — о снах, о второй жизни… Трогательное утешение!

— Конечно, я понимал, что мозг не может без сна, — продолжал Ян Нилыч. — Но я не понимал — почему не может? Всего три процента умственных возможностей мы используем. Ну, пусть десять! Но не больше. Основная часть мозга и так бездельничает, а жалким трем процентам пятнадцати минут хватило бы отдыха… Я был тогда подростком. Можно понять… Но я буквально восстал против природы. Всего три процента! Ну, десять! И я поставил целью жизни разбудить человеческий мозг в его полноте.

Ян Нилович увял, ссутулился, потух, явно устыдившись своего короткого порыва.

— Мне бы выспаться, — жалостливо проговорил Ян Нилыч. — Ну да ладно!

Мы расстались, но весь вечер меня занимал этот наш разговор. Если парень поступил в мединститут, то ежу понятно, что не остыл задор поспорить с природой. Что встретилось ему на этом пути? Когда и отчего образумился? Поломал крылья или без боли выкинул из головы вздорную идею?

Ночью приснилось, что я нахожусь в маленькой комнате. Видимо, там и живу. А дом велик, из множества комнат состоит. Но в остальных покоях даже свет не горит и двери заперты. Весь огромный дом для меня — тайна. Я почему-то знаю, что все залы, горенки, светелки, коридоры, лестницы принадлежат мне, кем-то устроены и обставлены для меня, но ни в одном из этих помещений я ни разу не был. И где-то должны быть ключи, целая связка. Найти бы их, и тогда передо мной распахнутся все двери, и я буду гулять по дому сколь угодно. А в них… Чего только в них нет!

И почему-то я доподлинно знал, что связка ключей у брата в руках, но его нет поблизости.

Назавтра весь день нет-нет да и возвращался я к тому разговору, что у нас с Яном Нилычем возник было, вернее — к его рассказу о порывах молодости. Осталась недоговоренность, и она меня тревожила. Вечером подошел к тому заповедному месту, где собирались под навесом любители шахмат и болельщики. Эти люди могли между собой созваниваться и встречаться на своих квартирах, в тепле и уюте, но предпочитали видеться в парке и проводить вместе долгие часы, не считаясь с погодой. И дело было, думаю, в том, что здесь, под соснами, не было ни детей, ни внуков, ни жен, которые могли отвлечь, помешать мыслительному процессу над шахматной доской. Свобода, она сладостна.

На этот раз Ян Нилыч двинулся навстречу мне, завидев издалека, и мы пошли по аллее вглубь парка, в безлюдье.

— Опять не спали? — спросил я.

— Да так, урывками… часа два… не больше.

— Может, таблетки какие… — опять я со своим советом.

— Ненавижу лекарства! — жестко перебил меня Ян Нилыч на этот раз.

Такому заявлению я удивился, конечно. Как врачу без лекарств?

— Чем же лечить? — спрашиваю.

— Почитаешь инструкцию к иному препарату, впору саван заказывать одновременно, столько противопоказаний и побочных действий. Но цивилизация ничего другого не придумала. Сами же врачи говорят: «Одно лечим, другое калечим». И выписывают.

— А вы?

— Куда я денусь! Но не усердствую. Можно обойтись — обойдись.

Он остановился и ткнул указательным пальцем мне в грудь.

— А вы знаете, как отзовется? — спросил он меня, будто именно я и был виновен в будущих бедах. — Чем аукнется в потомках то, что их предки глотали горстями лекарства?

Потом он прошел несколько шагов молча и стал говорить о том, что не могла природа наслать на человека скопище болезней и лишить его организм всякой защиты. Он в это не верил с юных лет. И мечта-то его как раз была о том, как открыть в человеке все эти защитные силы, то есть создать теорию естественного оздоровления. Занимался спортом, закалялся, увлекался самовнушением, а в одно время прямо-таки истязал себя, жил на хлебе и воде, спал на корточках в бельевом шкафу — и все ради одного только: истончить дух до такой степени, чтобы постичь заложенные в самом себе тайны.

— Молод был, дерзости хватало…

Он даже в медицинский институт поступил с мечтой лечить людей без вредных лекарств. Но укатали сивку крутые горки, задор ушел вместе с молодостью, а взамен пришло грустное понимание того, что выше головы не прыгнешь, сколько ни скачи. Однако осталась, притаившись, юношеская вера, что человек все может, и только по какой-то причине отказано ему всего себя раскрыть, потому живет он даже не вполсилы, а на какие-то три процента своих возможностей.

— Может, и хорошо, — решился-таки я возразить. — Человек и с этими тремя процентами столько натворил, что скоро дышать будет нечем. А дай ему полную волю!

На мои слова Ян Нилыч не ответил, только уныло покивал головой, глядя по ноги, потом живо глянул на меня и спросил:

— О чем вы, Палыч, думаете? В последнее время, конечно. Нет ли назойливой мысли?

— В том-то и дело, что есть, — признался я, уже уверенный, что лучше Яна Нилыча никто меня не поймет.

Этот человек мозг хотел разбудить, а я узнал, где копятся сны. Ну, чем мы с ним не два сапога пара? Я-то ведь как думаю? Днем у нас работают те три процента, о чем он говорил, а ночью просыпается вторая, большая часть мозга, которая забита снами, и они вырываются на волю. Недаром же древние греки придумали миф о ящике Пандоры. С тарой малость ошиблись, не подумали о черепной коробке. Конечно, не стал я излагать Яну Нилычу свою теорию, считая ее еще не вполне зрелой, скажем, для публикации в научном журнале с последующим переводом на все языки, а скромно оставил при себе. Да и не о том спрашивал меня Ян Нилыч.

— И что вас занимает?

— Брат, — говорю. — Не выходит из головы.

— Он болен?

— Нет, погиб. Давно.

— Как давно?

— В десять лет. Я старше. Мне было двенадцать.

Он задумчиво помолчал, а потом спросил:

— Несчастный случай?

— Да...

— А вас не было рядом?

— Был рядом. В двух шагах.

— И могли спасти?

— Мог. Но не спас.

Ян Нилыч мягко взял меня под локоть и повел к скамейке, что была недалеко.

— Вот что, дружочек, — сказал он. — Присядем-ка мы с вами да посидим. Спешить нам некуда. Вот вы и расскажете подробно, а я послушаю.

Мы жили в крохотной избушке с низким потолком и двумя маленькими окнами без форточек. Когда от растопленной печки, от сохнувшей одежды и обуви становилось душно, мама Тося вытаскивала затычку из дырки, что была под самым потолком и называлась продухом. Холодный пар врывался упругой струей в берложную духоту, принимая причудливые очертания, как живое облако. Я это помню.

Мы больше всего боялись, что в жуткие метели избушку занесет снегом и нам не выбраться будет из сугроба. И продух иногда открывали, чтоб проверить, не погребены ли мы еще, доступен ли свежий воздух. И эти детские страхи я тоже помню.

Однако не забылось и то, как мы с братиком радовались первому снегу. Это был такой большой праздник для нас, что ни с каким другим и не сравнить. Я просыпаюсь с чувством того, что произошло нечто исключительное, за стенами дряхлой избушки слишком тихо, даже собаки не гавкают, а в окошках необычно много света. Расталкиваю спящего рядом на полу братика, он высовывает из-под овечьего одеяла голову и тоже все сразу понимает.

Одеваемся, обуваемся молниеносно, летим мимо рукомойника, выскакиваем за дверь, как пыжи из ружья, и застываем на крыльце, потеряв на время дар речи. И вислоухая Жучка, видим, боязливо выглядывает из конуры, не смея даже скулить. Мир не узнать. Вчера еще голый, облезлый, унылый и грязный, он весь преобразился и сиял такой чистой белизной, что дух за-

хватывало, и наши мальчишечьи сердечки непонятно отчего бились так, будто хотели выскочить и улететь воробьями в этот зияющий простор.

Но самой поражающей явью казалось то, что на пышно лежавшем снегу, устилавшем улицы, огороды и крыши, еще ни одного следа не было — ни человечьего, ни лошадиного, ни птичьего.

И мы осторожно ступали по нетронутой первозданной целине, чувствуя себя первопроходцами. Было весело оглядываться и видеть свои следы.

Наша изба была в конце деревни и близко от реки, по ту сторону которой стоял прямо-таки сказочный лес, весь осыпанный снегом. Правда, деревенские бабы говорили, что волков за годы войны развелось много. Охотники же все ушли на фронт. Но в то утро лес был таким приветливым, будто состоял из одних новогодних елок. И мы с братиком нисколько не сомневались, что из этого обычно мрачноватого ельника все пугающее ушло, а осталось только хорошее.

Сильно обмелевшая осенью река уже второй день лежала подо льдом и теперь, устланная снегом, казалась тоже совершенно безопасной. Я шел впереди, а братик ступал след в след. Местами молодой еще лед потрескивал, и я брал то левее, то правее. Ивашка был уверен, что проводник у него надежный, и шел молча, преисполненный важности, все-таки не каждый деревенский мальчишка осмелился бы на этот рискованный переход через реку. Но уж больно был заманчив лес, как я помню.

В лесу мы увидели петлистый след зайца, множество отпечатков куропачьих лап и в трех местах поставили оставшиеся от мужа мамы Тоси проволочные силки. От погибшего под Ленинградом солдата осталась и двустволка, но мама Тося ружье мне пока не доверяла, а то уж точно подстрелил бы я зайца и с десяток куропаток. Настроение было самое что ни на есть охотничье.

Однако голод напомнил нам, что пора возвращаться домой. Да и мама Тося встревожится нашим долгим отсутствием, а ее мы старались не огорчать. Я ведь потом в жизни много разного народу повидал, но такой доброты существа так и не встретил. Боже мой, что ж она была за человек! Нищая, вдовая, униженная колхозом, судьбой обиженная, а государству только тем и нужная, чтобы работала наравне со скотиной, рабыня покорная, бездольная баба, а в сердце — одна доброта. Всех жалела — и эвакуированных детей-сирот, и солдат на войне, и товарок-вдов, и Сталина, который ночами не спит. Это ж сколько ему, бедному, думать приходится, чтобы всех советских людей спасти от Гитлера! Мама Тося мыслила глобально и свою единственную жизнь ни во что не ставила. «Что я? Мальчишек бы своих на ноги поднять». Мы ей были «свои», и нам она отдавала последний кусок хлеба. «Ничо, ничо. Я привычная, я потерплю».

Братик называл ее мамой, он плохо помнил свою, кровную, а в моей памяти жила красивая, белозубая, улыбчивая женщина с ласковыми руками, которая говорила мне удивительно нежным голосом: «Жаворонок ты мой!» Я и по сей день просыпаюсь рано. И безотчетно люблю этих стремительных пичуг, что летают высоко в небе. Я с радостью оказался бы среди них, если б и впрямь была возможна реинкарнация. Повториться человеком мне как-то не очень хочется.

Мама Тося понимала, почему я так ее зову, и никак не могла смириться с тем, что незнакомая ей женщина погибла от бомбы, которая упала с неба. Ведь там, на небе-то, Бог. И могло быть только одно объяснение для мамы Тоси, что Бог шибко состарился, совсем уж седенький стал, оттого плохо видит и слышит. Она, очень любя, жалела и Боженьку.

Мы с братиком переходили реку выше по течению, но от того места далеко отошли и поленились вернуться, а то могли б по старым следам перейти. Но там, где мы оказались, река была гораздо шире, а деревня спускалась к самому берегу. Во дворе одного из домов мужик колол дрова. Это обнадежило — в случае чего услышит крик.

Но у судьбы столько вариантов, что никогда не угадаешь, какую карту она бросит из веером раскрытой колоды. Мы с Ваней побаивались тонкого льда на реке, а беда была ближе, и нам ее не дано было предвидеть.

Через ельник я спускался к реке первым. Ваня привычно шагал за мной. На мне была ватная телогрейка, оставшаяся от мужа мамы Тоси. Я ее в поясе туго затягивал бечевкой, а рукава загнул и ходил в тепле, как боярин какой. Другой зимней одежды, естественно, не было. А тут зацепился ненароком за сухой сучок ели, да вовремя застыл. Даже обрадовался, что не порвал ветхую ткань, уж больно не хотелось огорчать маму Тосю.

Братик мне помог отцепиться, а пока я разглядывал, есть ли прореха, он всего-то и прошел вперед шагов пять. Я услышал, как железо лязгнуло. Братик вскрикнул и сел на снег, удивленно глядя на правую ногу, схваченную хищной челюстью волчьего капкана, который оказался под тонким слоем нежно-пушистого снега. И как я понял потом, западня стояла тут год или того больше, видать, мобилизовали охотника на войну и он забыл снять.

К дереву капкан был прикручен толстой проволокой, моих силенок не хватило разогнуть узел, а разжать челюсти капкана и вовсе не смог. Да и братик кричал от боли, как только я дотрагивался до его ноги. Как бы, думаю, кость не раздробило. Один был выход — бежать в деревню, звать на помощь людей. Смотрю, а того мужика, что дрова колол, уже нет, в дом ушел. Братик смотрит на меня с тихим испугом, спрашивает: «Я умру?» — «Ты что? — говорю. — Да я мигом».

Побежал через реку прямиком, не думая, что могу провалиться, ворвался в первую избу, а там одна бабка, не слышит ничего, глухая, держит сухую ладошку возле уха и спрашивает: «Чаго?» Я в другую избу, там — дети. Выскочил на середину улицы, вижу, тот мужик, дровосек, удаляется, видать, на работу пошел. Я его догнал, задыхаюсь, толкую, больше руками, но чего-то он понял, побежал со мной к реке, прихватил длинную жердь на случай. Однако реку перешли без приключений. Я тогда страшно удивился — братик спал. И лицо было такое спокойное, словно он в тепле, и будто снится ему что-то хорошее.

Помню, мужика звали Спиридон. По летам был уже не годен в солдаты, потому остался в деревне. Чего-то уж сильно он испугался, прощупав ступню Ванятки, подсунул руки под мышки мальца, опасливо приподнял тельце, а сам наступил ногами на двойные пружины капкана, разжал их своим весом. Зубастые челюсти, страшные для меня по сей день, нехотя раздвинулись и отпустили ногу, а потом яростно лязгнули. Спиридон понес Ваню в охапке, мелко семеня ногами и сильно сутулясь, стараясь не трясти свою ношу. Реку перешли без опасений по старым следам. В избе Спиридон уложил его на лавку и осторожно стал снимать обувку. Братик носил кисы, сшитые из камусов, шкурок с ног оленя. Кисы обувались, как чулки, и подвязывались под коленом. Легкие, теплые, удобные. Но защита — никакая. Зубастый капкан перекусил сосуды, братик истек кровью, оттого и уснул. Я и теперь вижу, как черная кровь поползла из снятой обувки на некрашеный пол.

Никогда не забуду, как Спиридон рыл могилку. Земля уже успела изрядно промерзнуть, и под ударами лома сыпались искры. Чтобы облегчить работу, Спиридон разводил костер, земля сколько-то оттаивала и поддавалась лопате.

За день он не управился и подбросил в костер корчи, но трухлявые, чтобы дольше горели, а не одним пыхом.

Братик лежит посреди пола в узком гробике, и лицо его так спокойно, будто спит. Мама Тося всю ночь не встает с колен, стоит перед иконой и что-то бормочет. Мне страшно — а вдруг сойдет с ума или уже… Оттого я вышел на улицу. Была темная ночь, небо затянуло тучами, ни луны, ни звезд. И в избах не светились окна. А я стоял на крыльце и видел на высоком кладбищенском холме за деревней призрачный огонь костра. Завтра моего братика похоронят в том месте. Огненный язык вдруг да вырвется из ямы, и чудится мне, что кто-то красным платком машет, манит к себе. И мне так страшно, словно кровь начинает стыть в моих жилах. Меня охватывает такой ужас, что я чувствую, как мертвеет сердце. И в этот миг, когда, казалось, вот-вот прервется дыхание, я услышал за стеной отчаянный, какой-то нечеловеческий от запредельной боли крик:

— Господи, что же ты делаешь?!

И возникшая мысль бросила меня в жар. Что будет с бедной мамой Тосей, если я умру? Сколько ж ей страдать, этой бедной, безгрешной и обездоленной женщине? Всему же есть мера.

Рассказал я Яну Нилычу эту историю не так подробно, как здесь изложил, придерживался только фактов, и в конце к тому подвел, что все могло быть иначе. Не зацепись я, иди впереди, к примеру, и наступи на капкан, так мои латаные валенки, опять же, оставшиеся от мужа мамы Тоси, не прокусить было бы никаким зубам. А поскольку обувь велика была, так я еще портянки наматывал. И боли бы не почувствовал.

Слушал Ян Нилыч внимательно, каждое слово будто впитывал, я это видел по его глазам, а по завершении моей исповеди долго молчал, ссутулившись, вобрав голову в острые плечи и размеренно покачиваясь всем торсом, будто считая секунды, да неожиданно замер, повел на меня взгляд и спросил:

— Брат-то мальчишкой снится?

— Ни разу, пожалуй, я сам удивился тому. Лет сорока видел. А чаще кого-то посылает. Сказать что-нибудь или передать.

— Говоришь, видел лет сорока. А как узнал, что он?

— Вот этого не знаю!

Мы покинули скамейку и пошли по узкой аллее к выходу. Парк лицом, то есть парадным входом, обращен к шумному проспекту, а мы выходили с тыла через калитку, шагали вдоль глухой стены завода и добирались до мостика через канал. Времени для беседы хватало, но Ян Нилыч молчал, и я тоже. Не знаю, о чем он думал. А мне припомнился недавний сон.

Будто пришел ко мне человек. В квартиру не зашел, а стоял за дверью. Но я знал, что ко мне явился. И знал, что от братика с какой-то вестью. Ну, я вышел к нему. Кто такой, не узнаю. В черном плаще до пят, под капюшоном лица не разглядеть. И говорит: «Того не поймешь, что брат понял».

Проснулся и лежу в постели, взглядом уткнувшись в потолок, который наискось пересекает светлая полоса от уличного фонаря. Чего уж такого Ивашек понял, в свои десять лет оказавшись за чертой жизни? А я, выходит, дожил до старости и все глуп, как слепой котенок? Про это ведь сказал незнакомец. Ради того и пришел, потому как тут же повернулся и стал спускаться с этажа. Я долго слышал его шаги, которые уходили в гулкую пустоту и затихли, как на дне.

И вот что меня в ту ночь удивило. Было такое чувство, что я на самом деле выходил на лестничную площадку и видел незнакомца. И мне хотелось поговорить об этом с Яном Нилычем, когда мы шли молча вдоль забора. Инте-

ресно, что скажет. Но он молчал, и мне совестно было сбивать его с мысли.

Мы уже перешли мостик через канал и оказались на развилке двух асфальтированных дорожек. Он подал руку, узкую ладонь, небольшую и очень теплую.

— Понял, отчего сны, — сказал мой участковый терапевт тем мягким тоном, с каким разговаривал в своем кабинете с больными, и не выпускал мою ладонь. — Вы себя вините в смерти брата. Вам тогда сучок помешал спасти Ваню, то есть вы допустили ошибку. И вы поправили бы ее, если б можно было вернуться…

Боже мой, сколько раз я об этом думал! Ведь все бы иначе сложилось, если бы я не замешкался из-за одежки. Пожалел фуфайку, латаную-перелатаную, а брата потерял. Как мог?! Если б можно было исправить тот непростительный промах... если бы вернуться на день. Да какой день? На пять минут!

В мои нынешние перезрелые годы я окончательно освоился с мыслью, что сказку о бессмертии души люди придумали ради собственного утешения. Разве ж легко примириться с тем, что с момента зачатия ты уже приговорен к смерти? Да нет, очень даже нет. Каждый по себе знает. Если честно признаться, я завидую тем, кто верит, что за чертою жизни есть просторы и свет. И мне жалко себя за свой нажитый скепсис, но я ничего не могу поделать с собой. Да и никто уже не в силах переубедить меня, однако и никакая сила не поколеблет мою веру в Бога. Как это может сочетаться в человеке? А так вот просто, без проблем.

Вот мама Тося не сомневалась, что встретится на том свете с убиенным на войне мужем. Бывало, в долгий зимний вечер при робком свете керосиновой лампы опечалится вдруг и скажет мне, что одного боится — не признает своего Микулу, в солдатской-то шинели ни разу не видела. Ей думалось, что в раю погибшие солдаты держатся все вместе, а их много, тысячи и тысячи. Где ж разглядеть в такой толпе? И я, комсомолец, материалист твердолобый, утешаю ее, что он ее узнает, уж он-то ее сразу приметит и побежит навстречу. А что было делать? Отнимать ее мечту, ее надежду?

Она думала так, и ей было легче жить с этой надеждой. Ведь ум человеку на то и дан, чтобы мысли рождались. Иной раз и здравые возникают. Но даже с глупостями спорить лично я не стану. Пусть хоть одна воля будет у человека — думать, как ему думается.

У меня был один знакомый, который с полной серьезностью утверждал, что если постоянно грызть ноготь указательного пальца левой руки, то в тебе будет вырабатываться какой-то особенный желудочный сок, который убивает все микробы и вирусы, тем спасая человека от всех болезней. Больницы не нужны будут, врачи тоже. Это же какие деньги государство может пустить на оборонные цели! Стоило с ним спорить? К тому же было моему знакомому под девяносто лет. В таком возрасте можно и умом несколько расслабиться.

Но я-то еще не впал в маразм. А в тот вечер, когда Ян Нилыч угадал мое заветное желание, я всерьез задумался о том, как научиться управлять снами. Ни больше ни меньше. Того добиться надумал, чтобы не сны меня водили как им вздумается, а чтобы я ими управлял, как тройкой послушных лошадей. Прекрасно же понимал, что зряшную затею надумал, неисполнимую, да и по-житейски ненужную, однако душа повела себя норовисто и прямо-таки загорелась страстью вернуться в тот зимний лес, осыпанный снегом семидесятилетней давности. И не мог я с ней, своевольной, совладать.

И помнил же — «Не вороши!».

Брат это был. Некому больше. Только в том облике я его не признал. Он меня настораживает, а я остаюсь непослушным. Всегда же здраво рассуждал, а тут готов был пойти на все тяжкие, только бы добиться цели. И ведь залез бы в бельевой шкаф, чтобы спать на корточках, тем истончая дух, как старался молодой Ян Нилыч, но одна незадача — если скрючусь там, то уже не разогнусь и не вылезу. И тут озлился на свою старость, на беспомощность человечью, повернулся на правый бок, с головой накрылся одеялом и через какое-то время все-таки уснул.

Снилась всякая несусветная ерунда. В полночь проснулся, ни одного сна и вспомнить-то не могу, сплошная мешанина в голове, что-то мелькает-мелькает перед глазами, ни лиц не разглядеть, ни предметов, будто сильным вихрем сорвало все с места и кружит в воздухе. Это, видать, психика воспротивилась, взбунтовалась против меня.

Пока пытался вспомнить хотя бы один внятный сон, опять задремал. И так четко привиделось, как в ясный день, что иду я по краю покатой крыши многоэтажного дома. А ветер сильный, порывистый, и я догадываюсь, что сорвусь. И ведь прекрасно понимаю, что нужно опуститься на четвереньки и ползти, раз уж так надо вперед. Но я этого не делаю, потому что не могу, будто заколдованный. Тут, конечно же, случился упругий удар ветра, и полетел я вниз, как ворон общипанный. Хочу кричать, а не могу. Проснулся в холодном поту, и страх долго не оставлял меня. И то удивило, что он был настоящим, этот страх. Он колотился под сердцем, как вспугнутый заяц под кустом.

Нет, от моей воли во снах ничего не зависит. Меня это прямо-таки возмущает. В реальной жизни волен повернуть налево или направо, а то передумать и шагать прямо. В магазине выбираю сам, что купить, а не продукты лезут в руки. Во сне же кто-то властный играет мною даже с какой-то издевкой. И не спросит, хочу ли я вязнуть в болоте, лететь с горы в пропасть или согласно разговаривать с давно умершим недругом.

До утра было еще далеко. Почудилось мне, что в прихожей кто-то ходит. Жена, что ли, вернулась? Не поленился, встал, проверил — никого. В доме такая слышимость, что мог сосед пройти выше этажом.

Что-то у меня все-таки с нервами. Ведь в прихожую вышел с ожиданием увидеть незнакомца. Сны одолели, так уж ладно, но глюки — это перебор. Зря не открылся Яну Нилычу. Хоть высказал бы он свое мнение, чего я умом не осилю, а десятилетний мальчонка понял? Решил, что непременно потолкую с Яном Нилычем, не откладывая на потом, и на этом успокоился. Да и что значит — не вороши? Сознание затуманилось, и я уснул.

Оказался на песке в одних плавках, молодой, загорелый. Рядом река игриво плескалась о кромку берега. Небо надо мной было таким чистым и солнечным, что я невольно подумал о том, какая все-таки хорошая затея жизнь.

Но тут солнце в один миг потускнело, как при затмении. Я увидел — его застила огромная птица своими широкими, как паруса, крыльями. И вся недавняя голубизна пошла трещинами и стала кусками отваливаться, как старая штукатурка, а за нею оказалась такая высь, что дух захватывало, и она-то и была, как понял, настоящим небом. Пространство надо мной начали заполнять птицы. И становилось их так много, что уже не поддавались никакому счету.

И крупные, и малые, и черные, и светлые, и немыслимо ярких оперений особи, судя по всему, мешали друг другу и оттого метались в полном беспорядке и в каком-то злом отчаянии. А я уже не сомневался в том, что все поднебесное пространство они занимают постоянно, однако люди не видят их, а мне внезапно открылась правда. «Вот в каком мире мы живем, —

думал я. — Вот какие силы окружают нас. Духи ли они, души ли умерших с истока веков — того не понял пока, но сложен, сложен мир и большей частью от нас сокрыт».

В следующий миг я уже оказался в самой гуще птичьей метели и видел близко, как сталкиваются пернатые, как ломают крылья, как увечат клювами сильные слабых, как в злобе пробивают себе дорогу. Вот могучий орлан с двухметровым размахом крыльев врезается в стаю уток. Вот воронье накидывается на белого аиста. Вот стая галок клином пробивает себе дорогу. И крики, стоны, хруст костей со всех сторон.

А я самый маленький. Я воробей. Шустрый до изумления. Кто только не пытается ухватить меня за хвост, а я увертываюсь, совершая неимоверные кульбиты, проныривая между крыльями и проскакивая мимо разинутых клювов. Мне приятно, что я такой ловкий, но вдруг начинаю замечать, что птиц становится все больше и больше. Уже и пространства не хватает для размаха крыльев. Не моим, конечно, крылышкам, но я начинаю задыхаться, не хватает воздуха. И тут я догадываюсь, что происходит. Оказывается, все птицы стремятся набрать высоту, но сильно мешают друг другу. А на высоте — голубизна. И те, что прорываются в эту голубень, становятся белыми и уносятся в какую-то непостижимую высь. Там — воля. Но далеко не всем дано вырваться из суматошной толчеи. На злобную зависть им белые птицы улетают все выше и выше, исчезая с глаз. Я пугаюсь, что мне не хватит силенок взлететь так высоко. К тому же вижу, что и крылышек-то у меня нет, а машу я руками. И, конечно, падаю на землю, лежу на песке уже человеком и вижу над собой чистое солнечное небо, полное покоя и ленивой неги.

Но я-то знаю, что птицы остались, только незримы они человеческим глазам. И духи ли то, души ли живших когда-то людей — то не выяснил, то осталось загадкой. А только догадывался, что отныне я стану посматривать на небо, опасаясь, что откроется великое побоище птиц, каждой за себя.

Два стола стояли впритык, за одним сидел щупленький Ян Нилыч, а за вторым, заваленным бумагами, лет тридцати розовощекая и волоокая женщина, от которой веяло здоровьем и спокойствием. Ей было настолько уютно в своем теле, что с лица не сходило довольство, а губы старательно придерживали улыбку. Все-таки врачебный кабинет, надо соответствовать, а ей только и думалось, как я догадывался, о любви.

— Что привело к нам, дорогой? — спросил встревоженно Ян Нилыч.

Мог бы и раньше подумать, что доктор будет не один, а теперь просить, чтобы его помощница вышла, было неудобно. А я же хотел поговорить без свидетелей. Тема уж больно интимная — глюки. Представил, как посмотрит на меня эта сдобная женщина своими глазами с поволокой, и стало не по себе. И я стал жаловаться на боли в сердце, чего на самом деле не было.

Но Ян Нилыч догадался о моем смущении и отослал помощницу по какому-то делу. А той в удовольствие пройтись на своих крепких ножках по людным коридорам, всем телом чувствуя, как хороша, как стройна и привлекательна. Татьяна тут же и ушла, а Ян Нилыч сказал:

— Теперь давай по сути.

Я и доложил о галлюцинации, рассказал про сон о птицах и поделился желанием научиться, чего бы это ни стоило, управлять снами. Ян Нилыч слушал меня, по-детски приоткрыв рот, и не шелохнулся, пока я не умолк.

— Так, так, так, — будто очнулся он и быстренько записал на листке бумаги три короткие строчки столбиком. — Ясненько, ясненько…

— Не того? — покрутил я пальцами у своего виска.

— Нам всем не мешает к психиатру. Но попробуем разобраться сами. Значит, первое. Вы вернулись с прогулки?

— Да.

— Сколько гуляли?

— Часа два.

— Устали, конечно?

— Не без этого.

— Сели на скамейку, расслабились и…

— И что, Нилыч?

— Уснули.

— Да нет, нет…

— Ни в какую мистику я не верю, — сказал он твердо, открытой ладонью прихлопнув лист бумаги. — И не спорьте со мной.

— Честно говорю! — сопротивлялся я, но он только несогласно помотал головой.

— Вы сами не заметили, — уверял Ян Нилыч. — За один миг вы могли не только посидеть с незнакомцем, но слетать с ним на Луну, походить там босиком и вернуться. Отец мне рассказывал. Он пешком дошел до Будапешта. От усталости, говорит, засыпаю в строю. Поначалу, говорит, спотыкался и чуть не падал. Но что интересно, засыпал всего на миг, а успевал побывать дома, воды натаскать в баню, растопить каменку и связать веник из свежих березовых веток к приходу жены. И что обидно, говорит, утыкался носом в спину впереди идущего как раз в тот момент, как появлялась жена. Гляжу, говорит, спускается с горки по тесовой лесенке...

И Ян Нилыч решительным жестом зачеркнул первую строчку.

— Это мы выяснили.

Я спорить не стал, у меня не было никаких убедительных доказательств обратного, мог и задремать. Ну и пусть будет так. А на бумажке, что лежала перед доктором, оставались еще нетронутыми две строчки, и я решил подождать, с какими доводами он их зачеркнет. Ян Нилыч явно использовал свою методу «естественного оздоровления», и мне было любопытно, что он пропишет мне вместо успокоительных пилюль.

— Теперь о снах, — сказал Ян Нилыч, пристально вглядываясь в мои глаза, будто что-то по ним можно было выяснить. — Вас преследуют навязчивые мысли?

— Я ж говорил о брате, — напоминаю.

— Чувство вины?

Я пожимаю плечами. А что еще? Но этого мало ему. Он расспрашивает и расспрашивает, что и почему, когда и с чего началось. Ведь знает, что случилось, думаю, не забыл мой рассказ в парке, а задает и задает вопросы да все вглядывается в глаза. Что ж неясного? Шел, шел я по дороге жизни, гляжу — осталось мало шагать при солнечном свете. Оглянулся назад, а там, в самом начале пути, стоит Ваня и смотрит на меня ясными глазами, будто спрашивает: «Ну что, доволен? А я ведь тоже хотел жить». И в его голосе проскальзывает обида. По глазам вижу, что понимает, не ему, а мне суждено было остаться в том далеком дне. Но не упрекает меня брат, и оттого еще горше.

— Раздевайтесь до пояса, — попросил мой доктор.

Прослушал через стетоскоп и спереди, и со спины, «дышите, не дышите», вернулся на свой стул и тем же сабельным ударом зачеркнул вторую строку на своей бумажке.

— Для ваших лет вполне здоровы.

Теперь он снова стал вглядываться в мои глаза, словно там можно было прочесть что-то.

— Скажите, Палыч, какая такая нужда появилась управлять снами? Что за прихоть?

— Сами же говорили, человек все может.

— Решили вернуться в тот день хотя бы во сне?

— А чего не попробовать?

— Ну да, — закивал он. — Ну да… Отец говорил, что все же научился спать на ходу. Так, говорит, настроил мозг, что сплю и не сплю. Шагаю, говорит, со строем слитно и сны вижу. О доме, конечно, о том, как жена с горы спускается, заранее улыбаясь мне.

— Значит, не прихоть… то есть, может человек…

— Что это изменит? — резко перебил меня Ян Нилыч. — И надо ли?

— А вы не хотите видеть жену хотя бы во сне?

И тут я понял, что сглупил, неосторожно и грубо задел незажившую, открытую рану. Ян Нилыч провел ладонью по лицу, будто предупредил этим поспешным движением гримасу отчаяния.

— Навязчивые воспоминания, — пробормотал он и внятно добавил: — Вот что, голубчик. Давно дома делали ремонт?

— А это при чем? — удивился я.

— Ремонт не нужен, спрашиваю?

— Ну, жена говорит, кухню обновить бы. Но я же знаю, что такое ремонт. Это ж…

— Вот именно! Светопреставление. Вот и займитесь, Палыч, ремонтом. И будет не до снов. Это я вам гарантирую. Сам полгода назад ремонт затеял. Это что-то!

— Может, микстуру какую, — напомнил я о медицине.

— Займитесь ремонтом, — сдержанно и настойчиво сказал он и вычеркнул последнюю строчку, чуть не разорвав кончиком ручки бумагу.

Я стою на перроне, вокруг суетится народ, поезд с минуты на минуту прибыть должен. Остановка будет короткая, успеть надо. Где остановится нужный вагон, я не знаю. Бежать придется, видимо. И я готов, чувствую в себе достаточно бодрости. Медленно надвигается поезд, ползет мимо меня, останавливается, лязгнув всеми своими буферами. И вот уже посадка, а я сдвинуться не могу, ноги отказали, будто одеревенели. При этом я знаю, что мне надо обязательно уехать, вопрос жизни и смерти. Но поезд уходит, а я остаюсь.

И просыпаюсь, конечно, это был сон. Полночь, тишина, даже сосед не храпит за стеной, я лежу и злюсь. Прямо стукнуть охота кулаком себя по голове. Да что же это такое? Почему я не мог сдвинуться с места? Что удержало? Мне же надо было уехать.

«А так ли уж ничего не могу? — подумалось мне впервые. — Откуда я это знаю? Хоть раз пробовал поступить по-своему? Я же и на этот раз не сделал никакого усилия. Стоял как столб. Хоть бы пальцем двинул». И мне припомнился сон о птицах на все небо. Ведь я носился между большими крыльями маленьким воробьем и весьма ловок был. Что же получается? Не так уж все безнадежно.

И возникло желание проверить, можно ли сделать во сне усилие над собой. Но для этого надо уснуть. А тут день только начался и будет нудно длиться до вечера, так что устанешь поглядывать на часы. И был я всем недоволен, потому из дома не выходил, чтобы ни с кем не встречаться, не пока-

зывать дурного настроения. Насупленно смотрел телевизор, но из головы не выходила мысль о предстоящей ночи, и потому вечером даже изменил маршрут прогулки, чтобы случайно не встретиться с Яном Нилычем, не нарваться на вопросы о самочувствии. По лицу догадается, что я какой-то нацеленный, и может сбить мой запал.

Говорил же Ян Нилыч, что человек может все. Если все может, то и снами способен управлять. Не должно такого быть, чтобы эту способность природа не заложила в человеке. Надо рискнуть. Жизни осталось с гулькин нос, и чего буду трястись над ней, если есть возможность вырваться из обыденности? Петух и тот не отказался бы от орлиных крыльев.

В общем, был я настроен решительно, как спринтер на старте. Хотел, чтобы сны и впрямь оказались не снами, а второй жизнью, к тому же, более увлекательной и красочной, чем дневное существование.

— Не вороши…

А чего мне осторожничать? Что я могу потерять? Чем уж так дорожу? Надоело каждый день повторять одно и то же — принимать душ, приводить себя в порядок, готовить завтрак, ходить в магазин, выходить на прогулку и тащиться по надоевшей дорожке вдоль канала. Дни потеряли новизну, друг за другом тянутся, ничем не отличаясь. И славно уходить в сны, где быта нет.

И ведь что важно, что более всего привлекательно? Во снах я буду проживать ту жизнь, которая прежде только в мечтах возникала. Как все мальчишки нашего двора, к примеру, мечтал стать летчиком, и теперь уж точно стану им. Взлечу так высоко, что мотору уже воздуха будет не хватать, и я брошу самолет камнем вниз, чтобы только у самой земли выйти из пике. А если мой одномоторный биплан развалится на части, так я раскину руки и спланирую на луг, где мужики по старинке косят сено «литовками».

Никогда прежде я не испытывал такого предчувствия безграничной радости. В снах своих я буду беседовать, с кем бы ни пожелал, и лучшие умы человечества из всех веков только удивляться станут тому, как я толков. Но я-то буду знать, отчего так. Их мозги работали на малую толику, скажем, на десятую часть, а мой — на все сто. В том-то и причина. Какие глубины откроются, каких высот я достигну, того словами не передать. Да и слов-то нет для тех прояснений.

Но что еще важно — в том царстве сна, которое мне будет доступно, обитают те, кого когда-то я любил. Все такие живые, такие искренние, настоящие, какими и при жизни-то не всегда бывали. Во снах я буду молод и счастлив, и что главнее всего — запросто буду встречаться с братом, и мы поговорим обо всем том, о чем не привелось нам беседовать в реальной жизни.

И в ту ночь, которую я так ждал, приснилось мне, что я волен. Этим чувством полной свободы было охвачено все тело, будто необжигающим пламенем. Бодрствуя в земной жизни, я никогда подобного состояния не испытывал, потому оно изумило, естественно, однако лишь поначалу, а уже вскоре стало привычным, будто я наконец-то пришел в себя, обрел свою суть, чего всегда не хватало в паутинных сетях будничного житья. «Вот она, воля! — думал я. — Вокруг никого. Если сейчас кто-то появится, я уже буду не волен. Люди зависят друг от друга. А свобода — это когда ты один и никто тебе не нужен».

Я был очень рад, что эта ясная и такая, в общем-то, простая мысль, недоступная по какой-то причине прежде моему разуму, озарила меня, как выплывшее из-за тучи солнце. Я был настолько свободен, что даже собственного веса не чувствовал, когда же оглянулся, то и следов на песке не увидел.

А шел я по узкой полоске берега, слева от меня река вытянулась струной до горизонта, а справа — глинистый обрыв, втрое, пожалуй, выше человеческого роста. Но вскоре эта круча полого сошла на нет. И перед глазами распахнулось поле, посреди которого возвышалось огромное дерево неизвестной мне породы. Но оно было таким могучим, что баобаб рядом показался бы кустом малины. Раскидистое, разметавшее разлапистые ветви подобно крыльям, уходящее верхушкой за облака, оно стояло незыблемо, как скала. Я невольно воскликнул:

— Вот оно какое — Древо Жизни!

Отчего пришло в голову именно это определение, сам не знаю, но в тот миг оно мне показалось истинным. Мне даже представились корни этого исполина, пронизавшие чуть ли не всю Землю. Они держали ствол и неимоверную массу кроны этого древа, уходящего верхушкой в неведомую высь.

Зная, что так должно быть, и потому не удивляясь, я проник через расщелину в полуметровой коре и оказался внутри дерева. Там не темно было, но свет оказался каким-то густым, будто молочным. Множество прозрачных сосудов, похожих на стеклянные трубы, связками поднимались вверх, и по ним восходили соки земли для жизненной силы ветвей и листьев. Между связками была пористая масса, через крупные ячейки которой можно было пробираться, как по лабиринту. Я знал, что мне предстоит подниматься вверх до самой макушки дерева. Но знал и то, что назад пути нет, ступив в лабиринт, я уже не найду обратного хода, потому что это не предусмотрено.

Там, на невероятной высоте, ждет меня истина, которую люди не знают. Там распахнется перед глазами мир в его подлинной сути. Почему-то вспомнилось, как на днях в одной из телепередач услышал, что ученые еще одно открытие сделали. Оказывается, наша Вселенная не единственная, а их множество. Это ж какие дали, какая ширь вокруг меня! А я жил и не чувствовал, в какой огромности находился, в какой безмерности. Я понимал, что умом человеческим того раздольного мира не понять, потому что большая часть мозга спит. И только во сне…

Но с теми знаниями, что откроются мне, невозможно будет вернуться в обычную жизнь. Почему? Откуда я знаю. Нельзя и все. Не положено. Вот и выбирай — знать да в сны уйти или жить да не знать.

Властная сила влекла в лабиринт, и одолеть эту колдовскую тягу было невозможно, как я понимал. Уже готов был сделать первый шаг, но тут возник какой-то назойливый звук, и был он таким настойчивым, что я проснулся. Кто-то звонил в дверь. Чертыхаясь, я выбрался из-под одеяла, встал на ноги и пошатнулся. Что такое? Чего так голова закружилась? Снова кто-то трижды позвонил. Ну, нет у человека совести! Теперь я не сомневался, что это был сосед, которому с утра опохмелиться понадобилось.

У нас с ним бизнес — он одалживает на бутылочку, я его субсидирую, а он с пенсии возвращает. Навару, конечно, никакого нет, но и мысли не возникало, что может быть как-то иначе. Когда дверь открыл, увидел его испитую физиономию.

— Ты чё, сосед? — испуганно заговорил он. — Звоню, звоню. Знаю, дома, а не открываешь. Думаю, помер.

Но тут возник из-за его спины щупленький мой доктор Ян Нилыч, сильно встревоженный.

— Спасибо, что помогли, — сказал он соседу. — Свободны.

Тот было воспротивился.

— Мне бы до пенсии…

Но доктор повелительно отстранил его, переступил порог и закрыл дверь.

— В постель, — приказал мне.

И стал он со мной возиться, проверил давление, долго через стетоскоп прислушивался к сердцу, разговором занимал, чтобы сознание, видимо, проверить.

— Сколько ж времени? — спрашиваю.

— Да уже десятый час. Разоспались, Палыч.

Он по каким-то дням навещал больных по вызову, а на этот раз предстояло навестить старушку из моего подъезда, так он заодно прихватил мою больничную карточку и заглянул ко мне. Стал рассказывать про ту старушку с девятого этажа, у которой только что был. Тоже, говорит, одолели сны. А снилось ей, как чашку мыла, да выронила, а та не разбилась; таракан по столу пробежал, и не успела прихлопнуть; а то веник куда-то подевался, всю ночь искала, не нашла; стиркой хотела заняться, а стирального порошка не оказалось, вот уж расстроилась…

— Что в жизни, то и во сне, — улыбнулся я, зная толк в сновидениях, можно сказать — дока, академик.

— Ей годков-то под сто, — мягко возразил Ян Нилыч. — Но шустрая. А врача вызывает, чтоб было кому сны рассказать.

Он пристально посмотрел на меня, что-то выискивая в моих глазах, и спросил:

— Вы слышали?

— Что?

— Сколько ей?

— Под сто. Знаю я эту бабку.

— И проживет еще десяток лет. Не сомневаюсь. А почему?

— Вам видней.

— А потому, Палыч, что не создает проблем себе. Живет малыми заботами, повседневными. Вечером попрощалась с миром и уснула спокойно. Утром проснулась и рада.

— Из вредности она проживет, — не согласился я. — Назло невестке, чтобы квартира той не досталась. И не проверяйте вы меня. С головой у меня все в порядке.

Он закончил врачебное свое обследование и сидел на краю кровати, глядя на меня сверху.

— А ведь вы, голубчик мой, — сказал Ян Нилыч, — стресс во сне пережили. Могло печально кончиться, дружок. Так что не надо хорохориться.

— Но встать-то могу?

— Полежи немного. Давай потолкуем, как нам быть. Сны не оставляют?

— Займусь ремонтом кухни, отстанут, — заверил я доктора.

— Обиделись? — мягко улыбнулся Ян Нилыч.— К доктору пришли, а он прописывает ремонт.

— Да нет, Нилыч, нет. Я все правильно понял.

Чем-то сильно испугал меня лабиринт, ведущий в неведомую заоблачную высь. Этак уйдешь в сон и не вернешься. Надо быть осторожней. Вот только бы узнать еще, как осторожничать. Бодрствуя, и камень обойдешь, чтобы не споткнуться. А во сне? Танк на тебя ползет, а ты сдвинуться не можешь. Камень с горы падает, а ты рот разинул и смотришь. Прямо ж на тебя летит. Ну, отбеги же! Не получается.

— Я вам говорил, как в молодости верил, что человек все может? — спросил он меня, будто уловил, о чем думаю.

— Да, конечно, — отозвался я.

И он стал рассуждать о том, как в юности понимал мир. Все видимое и ощутимое мало привлекало его, а мысли занимали завесы, за которыми скрывалось все недоступное уму. И он жадно стремился к тому, чтобы эти завесы снять. Со временем додумался до того, что завесы эти не за тремя морями и не на седьмом небе, а в нем самом. Тогда и стал мучить себя, чтобы растормошить мозг. В народных сказках богатырь тридцать три года спал, а как очнулся, силы в нем оказалось столько, что не измерить. Может быть, и мозг человека дремал себе тысячелетия да все ждал, когда ж, наконец, кто-то разбудит его.

— И довел я себя до того, что полгода лечили, — признался Ян Нилыч. — Опасайтесь, с психикой шутки плохи.

— Не беспокойтесь за меня, Нилыч, — поспешил я уверить. — Со мной все в порядке. Полный ажур!

Нисколько я не лукавил перед моим милым доктором. Мне и впрямь не хотелось снова оказаться в лабиринте.

Нет, я честно решил через дня два заняться ремонтом кухни. Вот уж удивится жена! Давно ворчала, что в доме нет хозяина. А вот он! Гляди да любуйся! Но прежде мне надо завершить одно дело. Да и делом-то это назвать не очень подходит. Шаг мне нужно завершить, один шаг. Может быть, даже и ночи на это хватит. А там уж засучу рукава, вытащу в прихожую все из кухни, вырву плинтусы, сниму линолеум — и пошла работа. Мне мастера не нужны, а если помощь понадобится, кликну соседа. Зря субсидировал?

— Могу за вас быть спокойным? — спросил Ян Нилыч.

— На сто процентов, — уверил я.

— Ну ладно, — кивнул он, не очень поверив. — Меня больные ждут.

Он поднялся и вышел в прихожую, а я в халате последовал за ним. Перед тем как выйти за дверь, Ян Нилыч передал мне визитку и сказал привычным своим мягким и доверчивым голосом:

— Не забывайте, у меня бессонница. Так что днем и ночью к вашим услугам.

Мальчишкой, помню, упрусь на своем и уже ведь понимаю, что не прав, но не уступаю, пока не схлопочу тумаков. Потом хожу с синяком под глазом, но довольный. Чем? Вот и теперь мне было совестно, что обманываю доброго человека, скрывая от него свое упрямое желание вернуться в тот зимний лес хоть на минуту, чего бы это мне ни стоило. Иначе не будет покоя.

Усилием воли я пытался сосредоточиться на одном-единственном дне из долгой жизни, а память вольничала и картины прожитого тасовала без всякой системы. С чего-то вспомнилось мне, как мы с Таней, зелеными подростками, стоим лицом к лицу. И нам жуть как мешают носы. То, что сейчас случится, неотвратимо, мы этого хотим, какая-то непонятная сила тянет друг к другу. От этого хотения голова кружится, и сердце бьется, как никогда прежде. А куда девать носы? Но мы все-таки умудряемся соприкоснуться губами, сухими от страха. Я очень хорошо помню и этот миг, и сухие губы. Мы были в состоянии обморока. Будто весь мир вот-вот рухнет или земля уйдет из-под ног.

Это был первый поцелуй. Из памяти выпали целые годы, какие-то важные по тогдашнему разумению события видятся смутно, а этот миг возник так ясно и чувственно, будто не остался в далеком прошлом.

Прилетело воспоминание, да удалилось в какие-то свои края, а на смену уже другие спешат. Я отчетливо вспомнил, как была счастлива мама Тося, когда обула сапожки, которые я купил ей с первого заработка. Старшеклассником выгружал с мужиками баржу с продуктами на зиму.

Резиновые сапожки были какого-то неопределенно-морковного цвета. В деревне они оказались первой фабричной обувкой. Мама Тося была так тронута подарком, что никак не могла налюбоваться. Идет по улице, да нет-нет и глянет на сапожки. А бабы говорили: «Ой, Таисья! Прямо вырядилась, как барыня». И она отвечала: «Сынок купил». И думалось мне, что не столько радовалась сапожкам, сколько тому, что «сынок купил».

Потом я ей помогал деньгами, из города без подарков не приезжал, а она все не привыкала, прижмется к моему плечу и шепчет: «Господи, за что мне такое счастье!?» И слова-то эти относились не к презентам, а ко мне, к сыночку.

Весь день я ловил воспоминания, но никак не возникал в памяти тот день, в который я хотел вернуться, ускользал, терял очертания, будто застило глаза поволокой. Так ничего у меня и не получилось, напрасными оказались старания. И вечером в означенный час я вышел на неизменную прогулку.

В конце дома машины выбили свежую рытвину. А днем был дождь, и ямку залило водой. Я же, ротозей, ступил в эту чертову колдобину и промочил ногу. Вернуться бы назад и другие кеды обуть, но упрям же, как не знаю кто. Не хлюпает и ладно, хотя вода оказалась холодной, все-таки осень. Ну, не мок, что ли, никогда? На ходу высохнет. И пошел в сыром носке.

А ночью проснулся и чувствую, что весь горю. Вот еще чего не хватало! Татьяна, супруга благоверная, утром позвонит, и сколько ни притворяйся, догадается, что со мной неладно. Столько лет вместе! Что вы хотите? А мне бы хоть день или два надо побыть одному. Такое у меня горячечное чувство, что это мне крайне нужно. Предчувствие какое-то возникло, и с ним такое ощущение, будто взялся за ручку двери и оробел. Открою, а что там? Может, смерть моя стоит и улыбается. Но за дверью — тайна, это я знаю и то знаю, что ручку не отпущу, потяну на себя при всем опасении.

В доме хватало лекарств. Нашел какие-то таблетки от простуды, проглотил, запил водичкой и вернулся в постель. Была самая глухая пора ночи. Я моментально провалился в сон, будто рухнул во тьму, опутанный по рукам и ногам. И спал, видимо, совсем немного. Разбудила непогода.

Будто злые силы места себе не находили и метались за окном в оголтелой ярости. Ветер водометной машиной хлестал дождем по окнам, замолкал, надуваясь силой, да снова обрушивался в безумной злобе. И я под теплым одеялом за бетонными стенами чувствовал тот же мистический страх, что и мой далекий пращур под звериными шкурами в холодной пещере.

Но не заметил, как уснул и оказался в блаженной тишине. Мягкий кипенный свет окутывал все вокруг, отчего даже в воздухе чувствовалось блаженное умиротворение.

Собачка глядела на нас с Ванюшкой с такой мольбой, что слезы выступили у нее на глазах. Она не понимала, что за ночь произошло в мире, и надеялась, видимо, что мы объясним. Но нам было не до нее, мы сами стояли на крыльце, пораженные белизной. Братик вдруг шумно потянул носом и сказал:

— Пахнет.

— Чем? — покосился я на него.

— Снегом.

И тогда я тоже почувствовал, что вчерашние запахи ушли, а возникла одна свежесть. Мы с братиком дышали таким чистым воздухом, какого теперь уже нет на планете. Я об этом подумал не тогда, а теперь, и нисколько не удивился, что стою мальчишкой на крыльце дряхлой избушки, от которой щепки не осталось, а думаю нынешним стариковским умом. Эта странность нисколько не мешала мне. Чувство того, что я оказался в том далеком дне, было полное и настолько реальное, что, ущипни руку, и почувствуешь боль.

Мы молча прошли по деревенской улочке и спустились к реке. Прежде чем ступить на молодой лед, я предупредил братика, чтобы он шел, несколько отстав, и след в след.

— А я как иду? — буркнул он.

И мне показалось, что он недоволен тем, что ему приходится всегда идти за мной, если чуть возникала опасность. Я на него посмотрел с удивлением и спросил:

— Ты слышал, что я сказал?

— Да слышал, слышал, — ответил он примирительно.

И мы начали переходить реку. Где-то на самом стрежне братик опять подал голос.

— Нам хорошо, а им плохо, — сказал он.

Я остановился и посмотрел на него.

— Кому плохо?

— Рыбам. Кому еще?

— Почему им плохо?

— Подо льдом, знаешь, как темно?

Мне даже в голову не приходило, что всю зиму рыбы живут в кромешной темноте, над ними нет светлого неба, темная ледяная глыба придавила реку, и нет даже малого просвета. Мне представилась эта темень, и по телу пробежали холодные мурашки.

— Шагай! — строго прикрикнул я и двинулся вперед.

Тут важно было не угодить в промоину, прихваченную ледком и запорошенную снегом. Когда вышли на противоположный берег, Ванятка спросил:

— Ты боялся?

Конечно, я не мог признаться честно, уверенно считая, что по всем понятиям старший брат никогда и ничего не должен бояться.

— Да нет, — бросил я небрежно.

— А я боялся.

Тогдашним умом я не понял, что он не за себя боялся, а за меня, потому что я шел впереди, а он на десять шагов отстав, и то по следу. Ему-то ничего не грозило. Я же подумал, что он оттого признался, что стыдился своей робости, и успокоил:

— Ты не трус. Ты осторожный.

Он только засопел.

А в лесу он много дивился птичьим и звериным следам. Все спрашивал, кто тут пробежал, кто оставил эти каракули лапчатые, а тут кто прополз.

— Это заячий след, — показал я. — О! Глянь! Это лиса.

— Она поймала зайца?

— Сейчас разберемся.

Мы стали изучать следы и поняли, что заяц сделал петлю и обхитрил Патрикеевну, его след уходил в одну сторону, а лисий — совершенно в другую. Братик счастливо смеялся.

Когда я ставил проволочные ловушки, братик молчал, сопел чего-то и смотрел со стороны. А как пошли дальше, спросил меня:

— Попадется тот заяц, который убежал от лисы?

— Почему тот? — пожал я плечами. — Их тут, знаешь, сколько!

— Тот попадется, — хмуро пробурчал братик.

Я оглянулся на него, не понимая ворчливого недовольства.

— Ты что? — пристыдил его и объяснил: — Мы же охотники.

— Не буду его есть! — крикнул братик. — Вот тебе!

Это был протест, прямо-таки бунт. Я хотел успокоить, подыскивал слова, и в это время острый сухой сучок зацепил мою фуфайку чуть ниже кармана. И насупленный сердитый братик, набычив голову, рванул вперед. Я знал, что будет дальше, не хотел, чтобы все повторилось. Что-то надо было делать. Братик почти рядом, но был у меня только миг, не больше. Я понимал, надо ухватить его за руку, удержать. Еще не поздно. Однако не мог двинуть и пальцем, все тело будто одеревенело, не подчинялось мне. Какая-то непокорная властная сила держала меня в своей воле, и надо было ее одолеть. От усилия, от дикого напряжения, казалось, лопнут жилы и взорвется мозг. И я одолел свое оцепенение, вцепился за локоть брата пальцами, как голодный волк зубами.

— Иди за мной, — велел я. — Понял?

Я торопливо шагнул вперед, порвал ветхую фуфайку, думая только об одном: не ступить на капкан. Под ровным пушистым снегом его не угадать было, но мне показалось, что я пошел верно, взяв чуть правей. Однако капкан голодно лязгнул зубами, ухватив валенок чуть выше лодыжки так, что я не мог вытянуть ногу. Братик, страшно испуганный, кинулся ко мне.

— Самим не справиться, — сказал я ему. — Зови Спиридона. Он услышит.

В просвете между деревьями я видел, как тот у себя во дворе колол дрова. Братик подбежал к берегу и стал кричать, звать на помощь. Но мальчишеских голосов было в то утро много в деревне. Все-таки первый снег, всем в радость. И Спиридон не обращал внимания на этот грай.

— Стой! — закричал я. — Стой!

Но он меня уже не слышал, братик бежал по льду на тот берег. Маленькая черная фигурка на белом, как саван, полотне реки. И следы на чистом снегу. Я поднял взгляд выше и видел, что бегущего братика Спиридон заметил и поспешил к реке, схватив длинную жердь. И почему-то застыл, уронив жердину и в отчаянии вскинув руки. Поначалу я даже не понял, что случилось. Братика не было, а его следы обрывались черным пятном, похожим на чернильную кляксу. Это прорубью, будто одним глазом, выглянула полынья на самой стремнине реки, на самой ее быстрине, которая со щучьей жадностью поглотила мальчонку. И когда я осознал это, то закричал так дико, так страшно, будто сама душа вырвалась из груди, все там в клочья разорвав.

От этого крика проснулся. И первым делом суетно подумал, что распугал всех соседей. Но, видимо, истошный вопль случился в другом времени и нынешнего утра даже малым эхом не достиг.

Температуры не чувствовал, то ли таблетки помогли, то ли сон выправил встряской организм, но я был здоров и хотел жить. В это утро я любил жизнь так, как никогда. Честное слово! И я хотел жить, просто жить и о смерти не думать. Нет замены жизни, так я считал в это утро. И что может быть сильней жизни? Нет такой другой силы. Весной смотришь — голая земля. А за какие-то дни пробивается трава, и все — зелено. Вся планета окутана жизнью. И до того разнообразной, что представить невозможно. Зверей, птиц, гадов ползучих — чего только нет. Одни вымирают, другие нарождаются, а то приспоса-

бливаются неким образом — и так бесконечно, так вечно. Я как-то вычитал в газете, что одних вредителей леса больше двух миллионов разновидностей, так просто охнул. Всем рассказывал и дивился — это что же такое? Два миллиона с лихвой! А всех форм жизни от микробов до слонов, от мхов до человека и не счесть. Жизнь народилась, раскручивается, меняется, цепляется за камни, наполняет океаны, и я весь ею пропитан от ногтей до волос.

Вспомнил крестьянское бытие мамы Тоси, которая не то что словом, а даже малым помыслом не способна была осудить жизнь. Весь день пилит дрова на свирепом морозе, придет домой, простуженная насквозь, протянет к печке скрюченные в пальцах ручонки и улыбается нам: «Тепло-то как!»

А еще Ян Нилыч рассказал о том, как сильно ослабевшая от болезни жена его сидела на застекленном балконе в кресле. Он поправил плед на ее коленях, а она близко глянула ему в глаза и спрашивает: «Что человеку остается, если несет его лодку в потоке и слышен уже гул водопада, а весел нет?» Она у него учительницей была, привыкла задавать вопросы. Он ответа не находит, как случалось на экзаменах, а она ему и говорит: «Любить жизнь».

И вот снова я проснулся с нетерпеливым желанием жить. И как в прежние времена, с первых минут пробуждения занимали меня конкретные заботы. Надо бы в квартире и впрямь провести посильный ремонт, и не только в кухне, в прихожей пора переклеить обои, лоджию оббить вагонкой да купить кресло, чтобы с наступлением тепла посидеть на солнышке.

Мне казалось, будто брат вернулся откуда-то издалека и поселился в душе, но не в дальних покоях памяти, а в самой уютной, залитой солнцем светелке. Против судьбы, видать, не попрешь. Если суждено утонуть, то и в пустыне найдется лужа, если дано выжить, то и огонь не возьмет. Но теперь брат со мной, и мы неразлучны.

В это утро мой прежний скепсис показался скучным, и уже не был я уверен, что исчезаем мы из этого мира начисто. Выправилась душа, и жизнь моя вошла в свои берега.

— Что же было? — спросил я как-то Яна Нилыча.

Мы с ним виделись не то чтобы каждый вечер, но и не так уж редко. Иногда прогуляется со мной и не заглянет к шахматистам, идет домой. И вроде все больше привыкал к моим прогулочным маршрутам.

— Что надо было, то и было, — ответил мой доктор. — Ничего зря не бывает.

В завершение своей повести хочется рассказать незначительный вроде бы случай. На поле между каналом и домом, в котором живу, прошлой зимой посадили рощицей березки. Я еще удивлялся — зимой и посадки! Оказывается, так можно и даже нужно. Деревца прижились, были они пока с нас ростом. Каждый раз, шагая к мостику, мы с Яном Нилычем проходили мимо них и однажды заметили сломанную ветку. Она висела, как рука на жилах. Тут Нилыч остановился, и я, к своему удивлению, увидел, как его глаза наполнились слезами. И не знаю — спросить, не спросить, что с ним.

— Прости, — сказал он, вытер глаза тыльной стороной ладони и виновато улыбнулся.

Я присел на корточки перед сломанной веткой, вижу, древесины и коры достаточно осталось, такие ветки я вылечивал, все-таки дачник с опытом. И на этот раз вытащил носовой платок, ничего другого не имея под руками, выпрямил ветку, плотно прижал на изломе и туго забинтовал.

— Займусь завтра, — сказал я, поднимаясь с корточек. — Нужен садовый вар, а магазин закрыт.

И мы пошли дальше. Ян Нилыч был задумчив, и я не стал спрашивать, чего он так расстроился, до слез. А я назавтра поехал в ближний хозмаг, купил садовый вар и пошел к деревцу. Ветка снова беспомощно висела, а платок кто-то забрал. Новый он был и дорогой, между прочим. Зачем добру пропадать!

На этот раз, выправив ветку, обмазал рану садовым варом и туго обвязал скотчем. Вечером в конце нашей прогулки показал деревце Яну Нилычу. Он даже лицом посветлел. Сказал:

— Вика была бы довольна.

Ян Нилыч рассказал, что уже в последние свои дни жена увидела в окно, как во дворе девочка лет пяти упрямо ломала ветку акации, а мать со стороны смотрела и ждала, когда чадо управится. Проходивший мимо мужчина сделал замечание женщине, и та стала кричать на него. Слов не разобрать, но без мата явно не обошлось, судя по свирепому лицу женщины. И мало того, мамаша подошла к дереву, доломала ветку и подала дитятке. А та бросила ее под ноги, ветка ей вовсе не нужна была, ей всего-то сломать хотелось. Жена так расстроилась, что Ян Нилыч еле успокоил. Между прочих слов сказал о девочке:

— Вырастет, поумнеет.

И жена ответила:

— Не поумнеет.

Я посмотрел на грустного Яна Нилыча и догадался, как больно было ему услышать эти слова от умирающей супруги. В нем-то самом не было этой безнадежности, хотя в свои дерзкие молодые годы не удалось разбудить дремотный мозг, не для смертных, видать, этот промысел, но знаю, осталась в нем потаенная вера, что в человеке еще много чего сокрыто. И откроет человек пути естественного оздоровления, так что будут наши потомки обходиться без лекарств. Маленький, щуплый, в подростковой куртке, он уходил к своему дому, а я смотрел вслед и думал, что молодые коллеги оттого зубоскалят над старым доктором, что их души не озаряла великая мечта.

— Вот так-то! — сказал я вслух и ладонью коснулся верхушки деревца.

Синоптики предсказали назавтра первый снег. Время летит быстро, пройдет зима, а там уже и весна. Брызнет наша пораненная веточка зеленью, и означать это будет — прижилась. Налетит бродяга-ветер, она ему старательно помашет — жива я, жива!





Микола МЕТЛИЦКИЙ

Судьба ведет меня по жизни

* * *

Мой вышний век! Всеобщим космодромом
Становится земли зеленой ширь.
Ракеты ввысь стартуют с гулким громом,
Гудит и напрягается эфир.

Мы поминутно прибываем в силе
На тверди небом данной нам земли.
Какие мы высоты покорили
И притяженье разорвать смогли!

На то же мы и есть здесь человеки,
Чтоб разумом освоить мир земной.
Но почему-то все мутнеют реки,
Уходят травы с дюны луговой.

И мы в своем бессилье и бескрылье —
Планета отпустить нас не смогла —
Повсюду безоглядно натворили
Всей бездной человечьей бездну зла.

* * *

Душа росинкою дрожит,
Судьба ведет меня по жизни.
Но как сумел я пережить
Свою великую Отчизну?

Что Беларуси новой стать
Пришлось, нисколько не бедую.
Я рад сегодня привечать
Свою державу молодую.

Пускай живет, пускай поет,
Не зная горестной тревоги…
И в стены новые ее
Хочу свои вложить я строки.

* * *

Пускай меня переживет
Речушки тонкая струя,
Трава, что и росой цветет,
Вечерний щекот соловья.

И лип приречных череда,
Стена стволистая леска…
Бежит стремительно вода,
Течет безудержно река,

А с ней — и время, что от нас
По дну песчинками сплывет.
Хочу, чтоб и рассвет не гас, —
Пускай меня переживет.

* * *

Что помню я из прошлого? Немного!
Все больше — проявленья зла земного:
Распад империй, гибель городов,
Вулканов грозных мстительные взрывы,
Помпеи пепел — всполох боязливый,
В котором столько жизненных следов.

Свет пирамид, веками отдаленных,
Где почивают с миром фараоны —
Их почитали, как земных богов.
Куда ни глянь — везде вскипало пекло,
Драло, палило, рушило и меркло.
История — суть Дантовых кругов.

Но выставлю в ответ земному страху,
Дням скорбным — человечества отвагу, —
Немало в ней событий и идей, —
И без ее порывистого взлета,
Закованная в мрачные тенета,
Ты не была б, земля, землей людей!

* * *

За Глинищем урочище Сокава,
Поодаль от осушенных болот.
Какие тут на солнце млеют травы,
А воздух так и впрямь — целебный мед.

Березняки в межлесье — бель бересты
Покрыты белоусом иль сивцом…
Завлечь сюда сумели жизни версты,
Чтоб мог я стать земной красы ловцом.

Два одиноких дуба перед лесом —
Как бы ворота в тот желанный рай.
Здесь дух твой зреет, милое Полесье,
И льется где-то в небо через край.

А солнышко светло и величаво
Лучится в далях синей высоты.
За Глинищем урочище Сокава —
Как торжество природной красоты.

Новогрудок. 2010

Улочки Новогрудка
Через шесть сотен лет,
Сечи былой погудка
Бьется о холод стен.

Ржание вдоль округи
Из позабытых дней.
Звон серебра кольчуги
Ярче и все слышней.

Держат хоругви дружно —
Конный и пеший строй…
Ветер гудит натужно,
Тянет их за собой.

С миром идут добытым
Грюнвальдовы князья,
Рядом Ягайло, Витовт —
Снова они друзья.

Мир… Отдохни, Отчизна.
Сколько нас полегло?!
Замок же Гедимина
Всех возьмет под крыло.

Хмельной подаст им браги,
Меда нальет из сот.
Верности их присяги —
Лет уже, да, шестьсот.

Вижу: идут из сечи,
Помню: на сечу шли.
День и мой не вечный
Все ж отстоять смогли.

Полнится площадь людом,
Здесь и набат слышней…
Тешится Новогрудок
Славою сыновей.

Перевод с белорусского Изяслава КОТЛЯРОВА.



Алесь БАДАК

Инструкция по соблазнению замужних женщин

Интервью для первого белорусского эротического журнала, который пока не начал выходить

Это интервью никогда прежде не публиковалось. Оно даже не закончено, и я плохо представляю, что могло быть написано во врезке. Не думаю, что это было бы банальное перечисление основных фактов моей биографии и изданных мною книг: Марина не переносила банальностей.

Возможно, во врезке она написала бы о том, как переступила порог моей квартиры, сквозняк с улицы донес до нее через открытое окно едва уловимый запах сирени, будто я держал в руках невидимый букет.

— Я забыла предупредить, что хочу поговорить с вами о любви. Вы не против?

Однако глаза ее говорили иное: она не предупредила нарочно, для нее важно было начало разговора, чтобы сразу понять, какое интервью может в результате получиться. Для меня это было важно не меньше, и я ответил:

— Точнее, вы, я думаю, хотите поговорить о еще не написанной повести, о которой я имел неосторожность сказать в одной телепередаче.

— Почему неосторожность? Это была хорошая реклама автобиографической, как вы сами признались, повести «Инструкция по соблазнению замужних женщин».

Она протянула ко мне правую руку ладонью вниз, чтобы продемонстрировать обручальное кольцо:

— Я замужем!

— Я больше не практикую.

— Что?..

В конце концов, врезка могла быть о чем угодно, ее могло и вовсе не быть, как могло не быть опубликованным и само интервью, если бы она не выслала мне текст на вычитку. Я публикую его без единой правки, лишь в начале и в конце сделал необходимые пояснения. Публикую потому, что повесть так и не была и, думаю, никогда не будет написана, и это все, что осталось от странной встречи, состоявшейся пять лет назад, когда однажды в жаркий июньский полдень я открыл дверь квартиры и увидел на лестничной площадке красивую молодую женщину, чей облик все не уходит из моей памяти.

— Я больше не практикую.

Мне сорок пять, возраст, когда завтрашний обед еще кажется более вкусным, нежели вчерашний, вечерняя женщина красивее утренней, а время от рассвета до полуночи таким долгим, что можно забыть, что говорил на вос-

ходе солнца утренней женщине, осторожно слизывая молочный луч луны с плеча вечерней женщины.

Я старый холостяк, хоть это и не стоящая внимания условность, формальность: я никогда не был одиноким в том смысле, который мы обычно вкладываем в это понятие. Одиночество — страдание, если оставляют тебя. Если оставляешь ты — это удовольствие с лимонным привкусом сожаления, которое со временем переходит в покой. Причем после каждой женщины остается иное одиночество, сотканное из запахов именно ее тела, из ее обид и несбывшихся обещаний, из ее смеха и слез. И едва я успевал насладиться своим очередным одиночеством, как в моей жизни появлялась другая женщина.

Я всегда брал в любви самое лучшее, что в ней есть, не доводя ее до привычки, как пчела стремится собрать побольше нектара с цветов, пока не пришла пора увядания.

— Мне кажется, в этом сравнении вы забыли важную деталь: собирая нектар, пчелы тем самым в результате приносят пользу многим людям, а в вашей ситуации приходится говорить только про вред.

— Вред? Женщины любят во всем обвинять мужчин с той уверенностью, которая лишает смысла любые оправдания. Тем не менее, хочу кое-что уточнить.

Меня не интересуют молоденькие дурочки, которых обмануть так же просто, как на лодке переплыть Минское море. Они легко соглашаются на все, не слишком затрудняя свой мозг вопросом: а что будет дальше, убежденные, что в запасе у них вечность и что они несут моральную ответственность только перед собой, а с собой, как известно, договориться проще всего.

Не интересуют меня и недавние разведенки, которые каждого нового знакомого рассматривают как потенциального мужа.

В общем, меня не интересуют те, кому от меня — в семейном плане — или не надо ничего, или нужно все.

Поэтому дверь моей спальни открывалась только перед теми, кто замужем. Ну, если вам этого мало: сам я не переступил порог спальни ни одной замужней женщины. Согласитесь, замужняя женщина семь раз подумает, прежде чем изменить. А значит, ее поступок нельзя назвать необдуманным. С другой стороны, она семь раз подумает, прежде чем кардинальным образом изменить свою семейную жизнь, или проще говоря, развестись, и на седьмой раз ей станет от этих мыслей так страшно, что когда ее случайный роман, наконец, закончится, она чувствует облегчение.

Ну и главное: я убежден, что ни одна из этих женщин не почувствовала себя обманутой, потому что ни одной из них я не обещал то, чего дать не мог.

— Но в каждой женщине завтрашнего больше, нежели сегодняшнего, и, бросая ее сегодня, вы вмешиваетесь в ее будущее.

— Будущее замужней женщины начинается в ее вчерашнем дне. Преимущественное большинство женщин хоть раз в жизни изменяли своему мужу, а значит, измена — это то, что заложено в ней природой. И семейная рутина, обиды, конфликты, которые вызывают желание отомстить, — все то, что мы называем причиной измены, на самом деле только повод для нее. Причина в том, что любовь — это не то, что мы имеем, а то, к чему стремимся, поскольку всегда ждем от нее чего-то нового.

Тот, кто впервые увидел, как восходит солнце, и заплакал от такой красоты, может стать великим поэтом, но тот, кто каждое утро плачет, с одного и того же места наблюдая восход, может стать сумасшедшим.

«Я однолюбка, никогда не изменю своему мужу и буду любить только его — до самой смерти», — заявила одна из героинь моей повести в начале нашего знакомства. Я спросил ее: «Ты помнишь, как вы познакомились?» — «Конечно, — ответила она. — В парке Янки Купалы. Я сидела на скамейке и кормила белочку арахисом. Еще были у меня миндальные орехи, но я где-то вычитала, что для них это отрава». Кстати, вы знаете, что женщины, которые, услышав один вопрос, отвечают сразу на десять, доступнее для соблазнения, нежели те, у которых начало ответа надо искать на губах, а конец — в глазах?

— Вы серьезно?

— Так я узнал, что в день их знакомства было солнечно, и спросил: «А что, если бы шла гроза, и вы с ним остались каждый в своей квартире? В Минске почти два миллиона жителей, ваша встреча — не больше чем случайность. Через неделю, через месяц, через год ты встретила бы в этом же парке, а может, в метро — не важно, другого своего единственного, и обманывала бы себя до поры до времени, что будешь любить только его, таким образом изменяя тому, невстреченному, первому.

Кстати, она уже развелась: сперва видела у мужа только то, что хотелось видеть, а потом — то, что видеть не хотела.

— Благодаря интернету весь Минск — это огромная коммунальная квартира, где каждый на виду, что дает нам б*о*льшие возможности для выбора, а значит, снижается процент случайности. И прежде чем лично познакомиться с человеком, о нем можно многое узнать в социальных сетях.

— Всю переписку в интернете я копирую в файлы, которые хранятся в двух папках, названных «Рабочая» и «Личная». Я очень редко перечитываю файлы из рабочей папки, а всю переписку из личной знаю почти на память. Вы никогда не станете выкладывать в социальные сети свое фото, которое вам не нравится, и никогда не отправите по электронной почте любовное послание, которое предварительно как следует не обдумаете, не перечитаете сто раз и не вычеркнете из него все, что может характеризовать вас не с лучшей стороны, потому что вам хочется как можно больше понравиться адресату. На некоторое время это срабатывает, но после виртуального знакомства придется переходить в реальное, а в реальности ничего зачеркнуть невозможно, оно навсегда останется в нашей жизни, как шрам после аппендицита.

«Мне было больно и обидно от того, как ты со мной поступил в понедельник… а назавтра я проснулась с тяжелой головной болью, потому что проплакала половину ночи… а потом прочитала твое сообщение, что-то вроде: «надеюсь, тебе спалось хорошо, чего не могу сказать о себе», расценила это как очередное издевательство. И все эти дни мне было очень плохо, когда вспоминала тебя».

Пересказывая вам сейчас это письмо, я не придумал, не вычеркнул из него ни одного слова. В отличие от одной молодой женщины, когда она писала его в мое прошлое — двадцать четыре года назад, ровно на разницу в нашем с ней возрасте. Она почти не чувствовала этой разницы (для чего, признаюсь, мне пришлось приложить много усилий), но — заставляла чувствовать ее меня, благодаря таким вот своим театрально-слезным посланиям.

— Вы не верите в любовь между людьми, разница в возрасте которых несколько десятилетий?

— Почему же, верю. Вопрос только в том, что от такой любви мы сможем взять и какую цену заплатим ей. Стоя в реке, невозможно остановить ее. Но можно остановить маленькую частичку реки, зачерпнув воду пригоршней.

Вопрос в том, надолго ли достанет терпения удерживать ее. Так и с временем. Нельзя остановить течение всего времени, но небольшую часть его, ту, которая течет через наше сердце, можно повернуть обратно. Однако трудно долго жить сразу в двух временных измерениях.

— Вы любили по-настоящему женщин, с которыми встречались?

— Безусловно. Понимаете, я не вполне верю в идеальную любовь, с первого взгляда — и навсегда. Это не костюм, пошитый высококлассным мастером по индивидуальному заказу. Я покупаю костюмы в магазине, и случается, поначалу чувствую, как тело неохотно привыкает к обновке, даже хочет избавиться от нее, словно от высохшей кожи после ожога. Но проходит время, и оно сливается с ней в единое целое, перестает ее ощущать. Одна из героинь моей повести, с которой мы проработали вместе почти год до того, как у нас возникли более близкие отношения, позже призналась мне: «Ты каждый день приходил на работу в костюме и галстуке. И вдруг в воскресенье мы случайно встретились в магазине. Я впервые за столько времени увидела тебя в свитере, и ты в эту минуту показался мне таким по-семейному родным, что я едва сдержалась, чтобы не повиснуть на твоей шее».

— Вы можете поделиться с читателями нашего журнала некоторыми способами соблазнения замужних женщин?

— Боюсь, тогда им будет не так интересно читать мою повесть.

— В таком случае, когда они смогут ее прочитать?

— Думаю, скоро. Хотя, признаюсь, меня настораживает предупреждение Вуди Аллена: «Хочешь рассмешить Бога — поделись с ним своими планами».

Это интервью, отправленное мне на вычитку без журналистских ремарок в диалогах, написание которых — ее право — Марина, видимо, оставила на потом, я получил по электронной почте и, не поправив в нем ни одного слова, на следующий день отправил обратно с благодарностью. Прошла неделя, затем другая, но от Марины не было никаких сообщений. Большинство журналистов готовы переписываться с вами дни напролет, пока интервью в работе, но тут же забывают о вас, когда согласовано все до последней точки.

Однако я знал, что к Марине это вряд ли относится, и решил, что возникли серьезные проблемы с изданием журнала, и ей неловко мне об этом сообщать.

Но я ошибся. Примерно через месяц она прислала на мой электронный ящик письмо следующего содержания: «Прошу прощения, что так долго не отвечала. У меня теперь не лучшее душевное состояние, потому все кажется мерзким, в том числе и ваше интервью. Когда я брала его у вас и готовила к печати — радовалась, поскольку оценивала наш разговор как журналистка, а не замужняя женщина. Вы когда-нибудь ставили себя на место ваших жертв... простите, женщин? Конечно ставили, вы же писатель. И, наверно, считаете, что они должны быть благодарны вам. Как же, вы легко и непринужденно показывали им: они лучше, чем думают о себе, и заслуживают большего, нежели имеют. Вы создавали для них маленькие праздники и убеждали, что праздники в их жизни должны быть каждый день. Вот главный пункт вашей инструкции по соблазнению, разве не так?Но сомневаюсь, что вы хоть раз поставили себя на место женщины, у которой этот праздник закончился. И вы даже не представляете, что такое быть брошенной: это когда чувствуешь перед собой пропасть и нет сил от нее отступить. Ну и...»

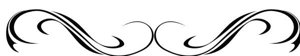
На этом письмо оборвалось. Оно так ошеломило меня, что я долго не мог собраться с мыслями, пока, наконец, не начал писать ответ. Я хотел сообщить ей что-то очень важное, но слова не слушались, и когда я перечитывал готовое, видел, что получается совсем иное, идиотское, не то, что минуту назад было в моей голове…

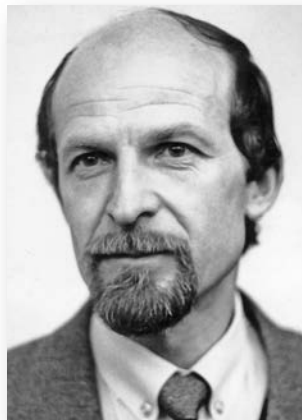
Две недели я напрасно ждал ответа, пока однажды не вспомнил ее слова: «Благодаря интернету, весь Минск — это огромная коммунальная квартира». Я без особых проблем отыскал на «фейсбуке» ее страницу. Последняя информация, помещенная в разделе «Хроника», принадлежала неизвестной мне молодой женщине, которая с печалью, без подробностей, сообщала, что Марины не стало. В тот же день мы с ней списались, и я узнал, что Марина после ссоры с мужем выбросилась с девятого этажа.

Я не знаю, прочитала ли она мое последнее письмо, в котором я каялся за свое бестолковое интервью, за эту игру, рассчитанную на то, чтобы привлечь внимание к еще не написанной повести. Боже мой, я разведенный холостяк, в жизни которого была только одна женщина — собственная жена! Я собирал истории о семейных изменах в газетах и журналах, вырезая и складывая их в верхний ящик письменного стола, чтобы позже самые интересные использовать в своей повести. Я собирал истории, конспектируя на мелованных листках признания эстрадных звезд и кинодив на всех доступных мне 49 каналах кабельного телевидения. Чем дольше я собирал их, тем труднее мне было остановиться. И когда довольно объемный ящик стола заполнился, когда однажды я открыл его и верхние вырезки и мелованные листки мотыльками слетели на пол, я ахнул: мир утонул в семейных изменах! И самое страшное, что об этом не стыдно говорить на публику, что это не осуждается зрителями! Поэты издают книги с фотографиями своих бывших жен и любовниц вместе со стихами, им посвященными. Актеры на премьерах фильмов признаются, что любовные романы, которые привели их к семейному разладу, начались именно на съемках этих фильмов во время интимных сцен. Я не говорил в телепередаче, что моя повесть будет автобиографической! Я сказал, что она почти документальная. А сегодня под другим понимается первое, и никак иначе. Мне хотелось наполнить повесть реальными героями, реальными историями так плотно, как ад наполнен грешниками. Это и была бы повесть-ад — к тому, небесному приговору.

Но, скорее всего, она уже никогда не будет написана.

Перевод с белорусского Олега ЖДАНА.





Федор ГУРИНОВИЧ

Когда мудрей становится душа

Мамин хлеб

О, этот ноздреватый мамин хлеб!
В деже,
Себе облюбовавшей место
У теплой печки,
Бунтовало тесто.
Ему там было и темно, и тесно,
Как птице, что попала ночью в склеп
И бьется в стены каменные слепо.

Оно росло, ползло через края,
Угадывался в нем уж запах хлеба.
И, чисто вымыв руки, мать моя
Тягучей массой заполняла формы,
Ухватом задвигала их на под.
И не страшны нам были ни реформы,
Ни выборы, ни съезды, ни приход
Самой зимы с ее метелью лютой,
Коль знали мы, что будет на столе
Румяниться, как солнышко в стекле
Оконном, хлеб.

И никакой валютой
И золотом его не заменить.
И как бы трудодни ни обрезали,
Вовек не оборвется жизни нить,
Пока святится хлеб под образами.

Буханку, осененную крестом,
На скатерть мама клала,
И под небо —
Божественный, святой — в избе простой
Струился дух:
Ведь стол тогда — престол,
И стол — доска,
Когда на нем нет хлеба.

Сон

В озере под горой
Знойный закат лоснился…
Нынче внучок приснился,
Жаворонок родной.

Словно весной мороз,
Был этот сон — как мука:
Будто глаза у внука
Полные горьких слез.

Был весь простор в слезах.
Сердце от боли сжалось.
Что он хотел сказать?
Звал он отца, пожалуй.

Вдруг запекло в груди
С невероятной силой:
— Дедушка, приходи!..
Господи, Стас мой милый!

Я тебя так искал,
Где ты, мой непоседа?..
Мокрая и у деда,
Как от дождя, щека.

Минский дождь

Сыну Денису

Над столицей — кружево: взгляни —
Дождь такой бывает только в мае.
Желтыми боками, как лини,
Засверкали мокрые трамваи.

Небосвод, разбавленный водой,
Словно знамя, над проспектом виснет.
Дождь гуляет — юный, золотой,
Полный света, радости и жизни.

Лей, мой вездесущий, чистый, лей!
Пусть дрожит река в гусиной коже.
Ну, Сымон-музыка, веселей!
Даже Колас выглядит моложе.

И баскетболист, худой, как гвоздь,
И ученый муж с портфелем мудрым,

Подставляйте пригоршни — и дождь
Их наполнит звонким перламутром.

Ну, теперь стихи в тетрадках жди,
Все с восторгом собственных оваций.
Искренние майские дожди —
От таких не стоит укрываться.

Заманить бы спутницу под зонт,
Но — увы — до сессии неделя.
Ах, как кружит голову озон!
Может быть, любовь на самом деле.

Город в блеске свежей синевы,
Отступает дождик помаленьку.
Как тугие груши из листвы,
Из-под юбок светятся коленки.

Будут соты полные у пчел,
Будут в поле дружные побеги…
Я в такой вот дождь без кепки бегал —
И пушок по лысине пошел.

Внуку Станиславу

Ох, как же время быстро мчит!
Подножки ставит, лечит, мучит —
Оно и меч, оно и щит…
Уже собрался в школу внучек.

Он — как начищенный пятак,
Весь любопытство, весь — вниманье.
И если в жизни что не так,
То он еще не понимает.

Еще в нем столько доброты,
Еще жестокости — ни грамма.
Учи добру его и ты,
Ведя за ручку в школу, мама.

О, дорогой наш ученик,
Гляди широкими глазами
В подлунный мир, где каждый миг
Жизнь преподносит нам экзамен.

Я забежал бы, если б мог
Помочь тебе,

Чтобы в тетрадку
Поставил строгий педагог
«Десятку», твердую «десятку».

Мечтаешь ты об островах,
О море и о тепловозе…
А нам стареть и отставать,
Седеть, как веткам на березе.

Но я твержу себе: держись!
Хоть время мчит — такая штука —
Хоть скоротечна наша жизнь,
Мы повторяемся во внуках!

Счастье

Люблю, когда с тугих небес, скользя
По плащ-палатке,
Музыка дождя
Стекает в травку вешнюю спокойно,
И Музу не послушаться нельзя.
О, как мне в дождик пишется запойно!

На каждом стебле капелька дрожит,
Мелькают строки, будто бы стрижи,
И жалят рифмы звонкие, как пчелы.
И это — состояние души,
Небесной гостьей с детства увлеченной.

Дождь шлепает по лужам, как дитя.
Упреками, что хмурое, мол, утро,
Не обижайте вы его хотя —
В природе все продумано и мудро:
Как жизнеутверждающе блестят
Дождинки неподдельным перламутром!

По желобкам изящным травяным
Все капельки на землю пусть стекают.
И хоть, дробясь, погаснут все они,
Зато ведь помощь семенам какая!

Уже у них и клювики раскрылись,
И всё смелей росточки каждый час…
Хочу, чтоб и стихи мои у вас
В сердцах и в душах так же растворились.

Весна

Звенит простор.
И на меня обиды
Не может быть сегодня у весны.
Сегодня я не с птицею убитой
Вернулся,
А с букетиком лесных
Цветов.
Я счастлив, будто спас птенца,
Что выпал из гнезда.
Я свой — не пришлый.
Вот что писал певец природы Пришвин —
(А я всецело верю мудрецам,
Их книги незабвенные листая):
Природа любит пахаря, певца.
И в этот ряд охотника поставил.

Охота и природа? —
Есть сквозная
Дилемма у людей на этот счет,
Но я замечу тоже в свой черед:
Хотя охотник шляется с ружьем,
Никто природу так, как он, не знает,
Не любит, не щадит, не бережет.
И потихоньку меркнет молодая
К охоте страсть.
Уж больно хороша
Весна!
А с ней и я не увядаю.
И жалость наживается с годами,
Когда мудрей становится душа.

Перевод с белорусского автора.





Виталий ЖУРАВСКИЙ

Похищенный орден

Рассказ

1

Утром вскрыли дверь в квартире дочери бывшего чекиста Арона Иосифовича Вольфсона. Неладное обнаружила сама хозяйка, вернувшись из магазина. Каждое утро Вера Ароновна Вольфсон, как по заведенке, посещала одну и туже торговую точку, которая предлагала пенсионерам пятипроцентную скидку на товары повседневного спроса. Увидев взломанный замок и поняв, что у нее в квартире похозяйничали чужие, в дом Вера Ароновна заходить не стала. Помня наставления отца, она знала, что по своей неосторожности может уничтожить следы преступления или, еще хуже, нарваться на непрошеных гостей. Не теряя ни минуты, по сотовому телефону вызвала милицию. Вскоре прибывшие криминалисты сняли отпечатки пальцев с взломанного замка, опросили соседей, после чего запустили хозяйку в квартиру. Все было на месте, никаких признаков погрома.

— Посмотрите еще раз внимательно, что у вас исчезло, чтобы мы могли составить опись пропавшего имущества. Деньги, драгоценности… — пояснял Вере Ароновне старший группы майор Павлович после того, как был произведен тщательный осмотр квартиры.

Вера Ароновна внимательно обследовала все шуфлядки и полки комодов, осмотрела шкафы. Все ценное, включая полученную вчера пенсию, было на месте.

— Вроде все здесь. Да и что у меня можно взять, у пенсионерки. Наверное, грабители ошиблись адресом. Сообразили, что нечем поживиться, и ретировались. Самое ценное, что здесь есть, так это ноутбук. Видите, стоит на столе, его даже не тронули... Теперь придется замок новый покупать.

Майор Павлович подошел к ноутбуку, приподнял крышку. Ноутбук находился в режиме ожидания. Экран вспыхнул, и высветилась заглавная страничка из интернета. В поисковом окне «Гугла» висел кем-то оставленный запрос: *Орден Трудового Красного Знамени БССР* — и пониже показаны результаты: статьи и картинки. Майор Павлович по привычке пару раз пальцем крутанул туда-сюда колесико рядом лежащей мышки и поводил курсором по другим закладкам на экране монитора. Ничего интересного… Он закрыл крышку ноутбука и спросил хозяйку:

— Вы на нем работаете?

— Да что вы, — Вера Ароновна заулыбалась и замахала руками. — Мой племянник себе планшет купил, как теперь говорят, навороченный, а этот ноутбук у меня оставил. Мне он ни к чему. А вот племянник, когда гостит у меня, сидит в этом, как его, в интернете.

— Могли бы сами освоить компьютер и сидели бы в мировой паутине, — как бы шутя предложил майор.

— Мне это ни к чему, — еще раз повторила хозяйка.

— Так ничего не пропало? — снова переспросил следователь.

— Все на месте, — ответила Вера Ароновна.

В тот день работы у оперативников было много. Только вечером майор Павлович ввалился в свой служебный кабинет. С головы не выходил утренний инцидент. Странное дело. За время, проведенное на многолетних дежурствах, майор Павлович знал, что ничего просто так не бывает. Без причины никто к пенсионерке не полезет и не станет брать на себя срок ради какой-то ерунды. Значит, у вора была веская причина вскрывать замок! Что-то же он там искал? И что именно — следователю придется выяснить.

Майор Павлович начал вспоминать подробности этого необычного дела. Все как всегда: вскрытые замки, преступник был в перчатках, на ногах кеды, таких пруд пруди, работал чисто. Только вот не вязался ноутбук с пенсионеркой. Типа — племянника? Может быть. А что там за надпись была? «Орден Трудового Красного Знамени». Набрал данное словосочетание в поисковике компьютера. Интернет ничего любопытного не выдал. Советская награда, история, описание. Вспомнил! Вроде там еще было уточнение — БССР? Добил аббревиатуру на клавиатуре. Тут уже интереснее. Орден Трудового Красного Знамени БССР просуществовал с 1924-го по 1933 год. Награда была в то время редкой — с 1924-го по 1928 год орден получили не так много человек. На сегодняшний день коллекционеры готовы приобрести его за несколько десятков тысяч долларов. Среди награжденных — Вольфсон Арон Иосифович, сотрудник ЧК ОГПУ в знак особых заслуг перед страной диктатуры пролетариата в деле социалистического строительства.

Несмотря на поздний час, майор Павлович набрал с городского номер телефона Веры Ароновны. Старуха долго не поднимала трубку, когда подняла, то удивилась, что ей так поздно звонят из милиции. А еще больше удивилась вопросу следователя о том, где находится принадлежащий ее отцу орден Трудового Красного Знамени БССР.

— Орден после смерти отца я передала в исторический музей. У меня есть акт приемки. Там он и должен находиться.

— Извините, — сказал в трубку майор Павлович, — тогда точно ничего не понимаю. Спокойной вам ночи.

— Спасибо. Хотя погодите! У отца был еще один такой орден.

— Как еще? — удивился следователь. — Ваш отец был дважды награжден?

— Да нет. Подождите, я пойду — посмотрю.

В трубку было слышно, как Вера Ароновна шаркающими шагами куда-то ушла. Вскоре она вернулась и взволнованно сообщила, что в шкатулке с фамильными ценностями ордена нет.

— У отца был второй такой же орден. Он ничем не отличался от первого, только с маленьким сколом эмали на щите, может, даже невзаправдашний. Вот он и пропал.

— Теперь все стало на свои места, — выдохнул майор Павлович. — Встретимся завтра.

2

10 октября 1924 года было принято постановление Президиума ЦИК и СНК БССР «Об ордене Трудового Красного Знамени БССР». В нем, в частности, говорилось: «...знак отличия — орден Трудового Красного Знамени БССР — присуждается всем гражданам БССР, проявившим особую самоотверженность, инициативу и трудолюбие в разрешении хозяйственных задач в области улучшения промышленности, транспорта, организации сельского хозяйства и других отраслей труда». Орден был одностепенным и представлял собой серебряный треугольный щит, покрытый красной эмалью. В центре ордена на фоне белой эмали — накладная шестерня с красной эмалевой пятиконечной звездой и буквами «СССР» в середине. В нижней части звезды изображены топор и серп, справа от шестерни — три колоса пшеницы, слева — красное знамя. Под ними надпись: «Беларуская Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка». Над щитом надписи: слева на еврейском «Вайсруссландише социалистише ратнрепублике», справа то же — на польском. В то время еврейский и польский языки наряду с русским и белорусским были официальными языками БССР. Под ними надпись «Пролетарыі ўсіх краёў, злучайцеся».

Арон Вольфсон, старший следователь НКВД, покрутил толстыми пальцами тяжелой руки серебряный треугольник ордена Трудового Красного Знамени БССР. Такой же по форме и по исполнению красовался у него на груди. Он проводил в Минской тюрьме допрос арестованного графика Змудзинского.

— Итак, продолжим. Геннадий Евгеньевич Змудзинский, русский по национальности. Родился 29 января1897 года в г. Нижнеудинске Иркутской области. Участвовал в Первой мировой войне. С 1918 года в Красной Армии в должности командира полка, затем начальник разведотдела бригады. С 1921 года проживаете в Минске. Принимал участие в международной выставке книги в Лейпциге в 1927 году.

— Все верно!

— Именно там вы были завербованы польской дефензивой?

— Какая дефензива? Я художник-плакатист.

— Не стоит отпираться. Вы — агент польских разведорганов, и нам все известно о вашей шпионской деятельности.

— Этот арест — полное недоразумение. Я автор первого ордена Советской Беларуси. Он у вас на груди! Моим орденом награждали лучших рабочих фабрик и заводов, сельских тружеников и лесоводов.

— А у нас имеются сведения, что вы всегда симпатизировали буржуазному правительству Польши и искали случая переметнуться на чужую сторону. А чтобы наши враги поверили вам и приняли вас за своего, вы разработали образцы ордена Трудового Красного Знамени БССР и наградной грамоты с нарушением Конституции БССР. Эмблема ордена преднамеренно была искажена: вместо серпа и молота изображены серп и топор, вместо «Пролетарыі ўсіх краін, злучайцеся!» написано «Пролетарыі ўсіх краёў, злучайцеся», а инициалы «БССР» написаны на польском и еврейском языках.

— Но это родные языки, на которых разговаривают национальности, населяющие Беларусь.

— У меня родной язык — русский! И не надо тут, в тюрьме, заниматься польской и сионистской пропагандой!

— Когда создавался орден — были совсем другие веяния. После того как все малые национальности зажимались в царской России, было правильным решением на самом высоком уровне показать, что все народы в Советской России имеют одинаковые права.

— Именно с этой целью на самом эскизе ордена вы дописали своей рукой: «Вношу предложение на углах звезды вписать «БССР» на местных языках: белорусском, еврейском и польском. Золотыми буквами». Признавайтесь: вы хотели осквернить дорогую каждому советскому человеку звезду и намекали, что Советская Беларусь будет под польскими панами?

— Я хотел лишь создать дорогую для всех награду.

— Расскажите следствию подробную историю создания ордена.

— На заседании Президиума ЦИК Беларуси в июле 1924 года был утвержден проект ордена Трудового Красного Знамени Беларуси моей композиции. Для изготовления натуры какового мною было изъявлено согласие личного надзора, для чего в представленной калькуляции стоимости испрашивалась сумма в 2400 рублей на 300 штук орденов, исходя из расчета стоимости каждого отдельного ордена в 8 руб. Основным металлом каковому должно служить серебро вороненое и золото с эмалевой цветной эффектной заливкой такового и с сохранением ею 4 рельефов. Донося о вышесказанном, я просил данный вопрос поставить на разрешение следующего заседания Президиума ЦИК для окончательного выяснения дальнейшей плоскости положения проекта ордена к выходу его в свет. При данном заявлении со своей стороны я приложил счет за идею и исполнение проекта ордена Трудового Красного Знамени БССР на сумму 350 рублей.

— Вы себя дорого оценили, — съехидничал следователь НКВД. — Мы, поверьте, тоже не поскупимся. Продолжайте.

— Расходы на эту цель были внесены в смету ЦИК. Самостоятельных действий я не производил. На основании выданного мне на этот предмет разрешения ЦИК Беларуси я заказал магазину гравера Каткова, находящемуся в Москве по Художественному проезду в д. № 22/1, 300 орденов и оплатил заказ по квитанции. Но означенные ордена были взяты из указанного магазина в количестве 300 шт. уполномоченным МУРа товарищем Булановым на основании ордера на обыск магазина и согласно секретному заданию в числе проверки подлинности изготовленных ранее 2 военных орденов Красного Знамени, предметом обыска каковые и являлись. Получая обратно белорусские ордена из секретного отделения МУРа, я недополучил 3 штуки. Я отчетливо заполнил недостающие номера, а именно 11, 221, 212, которые в Секретном отделе МУРа куда-то исчезли и до сих пор еще не найдены. Как я ни пытался, найти мы их не смогли. В силу всех вышеуказанных причин, я для полного исполнения данного мне поручения произвел дополнительные работы по изготовлению недостающих 3 орденов, указанных выше, занумеровав их под номерами 301, 302, 303. Потом еще не раз ставил в известность об этом ЦИК, просил о соответствующем принятии мер к затребованию возвращения пропавших по необъяснимым причинам в Секретном отделе МУРа орденов Трудового Красного Знамени БССР, дабы не допустить возможность незаконного пользования ими лиц, их присвоивших. Добавлю, что при получении орденов обратно мною была оставлена в МУРе расписка на получение 298 шт. орденов, из которых один ненумерованный, взятый ими же у гравера в мастерской как бракованный. Последний я оставил у себя. Вы только что держали его в руках.

— Теперь у меня будет два ордена. Шучу. Эту штучку я изымаю из ваших личных вещей, и она остается у меня как вещдок, а с вами следствию все понятно.

Следователь положил орден в нагрудный карман и вышел из камеры.

Геннадий Змудзинский как «агент польских разведорганов» был 22 сентября 1938 года расстрелян. В 1957 году Военным трибуналом Белорусского военного округа он был реабилитирован посмертно.

3

На следующий день майор Павлович приехал домой к Вере Ароновне с утра, чтобы та не успела убежать по магазинам. У двери ее квартиры возился столяр — врезал замок.

— Вчера не успели заменить — только сегодня из ЖЭУ пришли. Обидно, что неделю назад мы уже меняли замок. Эти замки такие ненадежные. Только деньги на ветер.

— А зачем меняли?— заинтересовался следователь.

— Племянник, Борька, пока я была в поликлинике, не смог за собой дверь захлопнуть. Ему нужно было уходить, а замок почему-то заартачился. Он пока пытался закрыть дверь — совсем его сломал. Правда, потом сбегал в магазин и купил новый. Даже деньги с меня не взял. Все равно мне его денег жалко. Они на улице не валяются. Я только установку оплатила. Я Борьке ключ и отдала, чтобы впредь замки не ломал.

— У вашего племянника есть свой ключ от этой квартиры? — Майор Павлович был слегка озадачен. Это информация совершенно не вязалась с его первоначальными предположениями в отношении племянника.

— Да, теперь есть.

— И часто он бывает у вас?

— Как когда. Он учится в университете, живет в общежитии, но заходит ко мне, чтобы в тишине позаниматься, правда, больше времени сидит за компьютером.

— Вы же сказали, что он теперь планшетом пользуется.

— Борька говорит, планшет удобно использовать в метро или в общежитии. А дома лучше на компьютере работать. Да и я люблю, когда он ко мне заходит. Мне веселее. У меня своих детей нет.

— А что так? — спросил следователь.

— Когда молодая была, парни мою квартиру обходили, боялись моего отца. Он у меня строгим был, как-никак генерал КГБ. Потом отец состарился, умер, вместе с ним и я состарилась. Стала никому не нужна. Вот племянник мне теперь как сын или внук.

— Я первым делом предположил, что этот ваш племянник и пытался вас обокрасть.

— Да вы что? У него ключи есть, да и я всегда его дома одного оставляю. Зачем ему дверь ломать?

— Ну да, — согласился майор Павлович. И тут предположил новую догадку: — Если только специально, чтобы следствие повести по ложному следу.

— Это вряд ли. Я ему сама деньги предлагаю, так он через раз только берет.

— Орден же пропал.

— Какой там орден. Так, безделушка. Я даже не знаю откуда он у отца взялся. Давайте я напишу заявление, что ничего не пропало и ни к кому не имею претензий.

— Это ваше личное дело, но совершено преступление, зафиксирован факт проникновения в чужое жилище, возбуждено уголовное дело по факту кражи, и мы обязаны провести расследование. Кстати, как найти вашего племянника?

4

Боря планировал сбежать после первой пары, хотел сначала заехать в общежитие, чтобы бросить там учебники, а потом уже податься к тетке. Зачеты позади, к сессии он допущен, можно позволить себе расслабиться.

В тот момент, когда он спускался по лестнице к выходу из университета, у него зазвонил мобильный телефон. На дисплее высветился неизвестный номер.

— Борис Евгеньевич?

— Да, — удивился Боря. Его редко называли по имени и отчеству. А если называли, то, как правило, это ни к чему хорошему не приводило.

— Вам удобно говорить?

— Да.

— Вас беспокоит следователь Павлович. У меня к вам есть несколько вопросов. Где мы можем встретиться?

— С чем связан интерес к моей скромной персоне? — попытался пошутить студент.

— Вашу тетю, Веру Ароновну Вольфсон, обокрали. Кто-то проник в ее квартиру.

— Не может быть! С ней все хорошо? И почему Вера Ароновна сама мне не позвонила?

— Не беспокойтесь, все обошлось, — успокоил следователь Борю. — Ее в этот момент не было дома. Я бы хотел с вами побеседовать, необходимо уточнить один момент.

— Спрашивайте.

— Не по телефону. Давайте встретимся там, где вам будет удобно.

— Тогда я буду через полчаса ждать вас у входа в главный корпус университета.

Борис вернулся в аудиторию. Шла лекция по теории экономики: преподаватель увлеченно рассказывал об учении Адама Смита. Борис извинился за опоздание, поднялся на верхний ряд и подсел к своему приятелю Леониду Васюченко.

— Мне только что звонили из милиции. К моей тетке кто-то в ее отсутствие заглядывал домой. Твоя работа?

— Мне это надо?

— Не ври! Не мог пару дней подождать! Думал все один заграбастать, — Борис повысил голос. — Орден у тебя?

— Да пошел ты!

— Друзья мои, успокойтесь, — сделал замечание преподаватель. — Не забывайте, что вы находитесь на лекции.

— Еще раз извините, — сказал Борис и бросился к выходу.

5

Борис и Павлович встретились на лестнице у входа в здание университета. Хотя ни разу в жизни до этого они не виделись, узнали друг друга сразу. Поздоровались и представились. Первым разговор начал Борис:

— Вы меня в чем-то подозреваете?

— С чего вы взяли?

— А тогда к чему этот разговор?

— Расследование в рамках уголовного дела. Я лишь задам пару вопросов, и, думаю, на этом будет все.

— Слушаю вас, — согласился Борис.

— Когда последний раз вы встречались с Верой Ароновной?

— Пару дней назад. Зачеты были, потом хвосты пересдавал, так замотался, что даже не было времени ей позвонить. Да я ее предупреждал, что буду очень занят.

— Из квартиры вашей тети похищена редкая награда — орден Трудового Красного Знамени БССР.

— Я в курсе. После вашего звонка я разговаривал с ней по телефону. Только не представляю, какой это орден? Там было много всяких наград.

— Вещь редкая и занятная, и если вы хоть раз просматривали награды у нее дома, он не мог вам не запомниться.

— Я вам повторяю, что мне эта тема неинтересна, или вы имеете что-то против меня?

— Успокойтесь. Если бы я имел против вас что-то конкретно, то мы бы с вами разговаривали в другом месте. Я знаю, что у вас есть ключ от квартиры Веры Ароновны и вам не было смысла совершать взлом, — сказал следователь и добавил: — Если только чтобы отвести от себя подозрение.

— Если бы я захотел, то мог бы взять любой понравившийся мне орден, и никто бы не заметил его пропажи. По крайней мере, нескоро бы заметил.

— Все верно. Но именно это и не дает мне покоя. Человек, которого меньше всего подозревают, как правило, оказывается преступником.

— Значит, вы меня все-таки подозреваете?

— Да что вы! Просто делюсь практикой.

— Что-то еще?

— На этом все. Вопросов больше к вам не имею. Если что вспомните, тотчас звоните. — Павлович передал Борису свою визитку.

— Обязательно…

В этот момент из дверей университета с шумным потоком студентов выскочил Леонид и чуть не налетел на Павловича с Борей.

— Молодой человек, осторожнее, — осадил его майор Павлович.

— Кстати, знакомьтесь: мой приятель Леонид, — Борис представил его следователю.

— Майор Павлович, — отрекомендовался следователь и после неловкой паузы добавил: — Что ж, молодые люди, не буду вам мешать. До свидания.

Леонид, сосед Бориса по общежитию, как-то обмолвился, что водится с коллекционерами, людьми с достатком, которые так одержимы идеей собирательства, что готовы заплатить любые деньги за стоящую вещь. Он хвалился, что сам не один раз выступал посредником между покупателем и продавцом и за это получал хорошие комиссионные. А когда узнал, что тетка Бориса дочь генерала КГБ и после смерти того остались правительственные награды, уже от Бориса не отставал. Каждый день приставал с просьбами что-нибудь этакое втихую стащить и показать знатокам. Борис вначале в шутку принимал предложения Леонида, лишь отмахивался от назойливого соседа. Но жизнь в столице требует определенных затрат. Чтобы молодому человеку хорошо выглядеть и одеваться, обладать стильными вещами, иметь дорогие часы, седьмой айфон и прочие аксессуары — необходимы средства. На стипендию и малой толики этого не купишь. В итоге Борис сдался, но соглашался на предприятие Леонида при условии, что к пропаже наград он будет непричастен, то есть даже пальцем к ним не притронется. И разрешает взять только один экземпляр. Это идея Леонида — значит, ему все и проворачивать.

Борис пробил в «Гугле» предположительную стоимость генеральских наград и остановился на ордене Трудового Красного Знамени БССР. Он котировался дороже других, но вот его точной цены Борис так и не узнал: в интернете сбывали только муляжи или новоделы. Успокаивало одно — орден был с поврежденным краем эмали и без документов, а значит, скорее всего, большой ценности для дочери бывшего чекиста не представлял.

Ребята разработали план: вначале Борис провернул махинацию с как бы заевшим замком, чтобы в любой момент располагать ключом, потом он должен был вызваться сходить с теткой в поликлинику или куда-нибудь еще, а Леонид в это время наведается в квартиру и стащит орден. Потом Леонид находит покупателя, сбывает орден, и они делят деньги пополам. Борис даже передал Леониду запасной ключ. Так неужели Леонид самостоятельно решился на аферу?

— Кстати, следак оставил свою визитку. — Борис сунул под нос Леониду картонный прямоугольник. — Лучше колись мне, чем потом ему будешь рассказывать. А хочешь, я сам ему все расскажу? Поэтому давай выкладывай все начистоту.

— Вот твой ключ, и ни в какую квартиру я не лазил. Сам ничего не понимаю. Было дело: я показал в клубе коллекционеров одному незнакомому мне челу фотку ордена, что ты скинул мне на телефон. Он вначале загорелся. Сказал мне, что заплатит столько, сколько мы и не мечтали. Потом ни с того ни с сего охладел. Сам мне перезвонил и заявил, что орден бракованный и никто за него ничего стоящего не даст. Поэтому я и говорить тебе про такого покупателя не стал. Решил искать другого. А этот хмырь, в виде компенсации, предложил мне пару копеек за адрес твоей тетки.

— Зачем он ему?

— Видимо, сам хотел завалиться к ней и уговорить продать что-нибудь более ценное, чем этот, как он выразился, значок. Ну, я и сказал, где она живет. Ключ, честно, не давал. Пожалуйста, забирай его назад.

Леонид вернул Борису латунный ключ, на секунду сверкнувший на солнце.

6

Полгода спустя майор Павлович, сидя у себя в кабинете на «тут.бай», просматривал новостной блок. Лента пестрела яркими событиями, и вдруг он наткнулся на любопытное сообщение: «В Нью-Йорке прошла очередная нумизматическая неделя, на которой нумизматические аукционные дома и фирмы выставили на продажу свои материалы и коллекции с периода античности до наших дней. На нем лидером торгов стал орден Трудового Красного Знамени БССР. Эта награда с небольшим дефектом пошла за 150 000 долларов. Орден Трудового Красного Знамени БССР просуществовал с 1924-го по 1933 год. Награда была и в то время редкой — с 1924-го по 1928 год орден получили всего лишь 15 человек».

Майор Павлович набрал дежурного.

— Кто-нибудь из группы задержания свободен? Тогда готовьтесь на выезд. Я спускаюсь. Едем в наш университет, нужно для разговора доставить двоих моих знакомых: Болека и Лёлика.

7

Разыскать Бориса с Леонидом для следователя не составило большого труда: после занятий они оба отдыхали в своей комнате в общежитии. Задержанных парней доставили в отделение милиции, и теперь они в глухом закутке у дежурной части ожидали допроса. По дороге, пока ехали в отдел,

следователь попытался освежить воспоминания ребят, задав им пару наводящих вопросов касательно полугодичной давности происшествия. Правда, про интернетовскую новость, которая его подтолкнула снова взяться за это дело, пока ничего не говорил. Ребята, как и прежде, твердили: ничего не брали, ничего не знаем и вообще ничего не помним! Раз диалога не получилось, решил, следователь, тогда сидите и думайте. А пока майор Павлович в своем кабинете ломал голову, как поступить дальше. Он все еще не решил, с кого первого начинать допрос. Борис, конечно, что-то знает, Леонид, кажется, знает еще больше. Но вот как правильно на них надавить и не пережать, чтобы найти ту ниточку, за которую можно потянуть, он не знал.

С поста позвонил дежурный: необходимо что-то решить с задержанными. Будем оформлять — или в обезьянник, или будем отпускать.

— Тогда давайте сразу обоих наверх! — наконец-то решился следователь.

Через пару минут парни в сопровождении дежурного вошли в кабинет следователя.

— Вы же говорили, что ни в чем меня не подозреваете, а сейчас получается наоборот? — спросил Борис.

— Что мы здесь делаем? — зло бросил Леонид. — Я лично вообще ни при делах!

— Читайте, — майор Павлович повернул монитор в сторону задержанных парней.

Борис и Леонид быстро пробежали глазами короткую заметку на компьютере следователя. Удивленно переглянулись. Майор Павлович по их недоуменным взглядам понял, что эта информация стала для них тоже сенсацией.

— Ну и что? — первым спросил Борис, пытаясь сохранить спокойствие. — С чего вы решили, что это теткин орден?

— Совпадений много.

— Насколько я знаю, Вера Ароновна претензий ни к кому не предъявляла и дело вроде закрыто.

— Как сказать, — неопределенно ответил майор Павлович. — Каким-то образом орден попал на аукцион в Нью-Йорк. И мне кажется, что произошло это не без вашего участия.

— Все, что знал, я вам рассказал, — сказал Борис.

— А я вообще ничего не знаю, — ответил Леонид.

— Предлагаю еще раз поразмыслить. Имейте в виду: дело набирает нешуточный оборот, и ваше нежелание сотрудничать со следствием, проще говоря, препирательство, наталкивает меня на определенные мысли не в вашу пользу.

Павловича вызвал дежурный. Выбегая из кабинета, он бросил в сторону парней:

— Вы взрослые люди и должны понимать, как дорого может обойтись вам ваше упрямство. Так что думайте!

Ребята остались одни.

8

Не сразу, может, через недели две после случившегося в квартире дочери чекиста происшествия, когда понемногу все улеглось и все успокоились, ребята решили самостоятельно разыскать «знакомого» Леонида. Вначале

отправились на «блошиный» рынок на «Поле чудес» в Ждановичах, но там продавали такую мелочь и в таком неприглядном виде, что поняли: здесь серьезный покупатель вряд ли появится. Отправились в минский клуб коллекционеров, где каждую неделю по средам и воскресеньям в Дворце железнодорожников собирались ценители старины. Побывали там еще несколько раз, прогуливаясь под сводами дворца между столиками с раритетами, толкаясь и присматриваясь к каждому встречному, но так нужного человека и не увидели.

— Так мы до конца жизни будем его искать. И вряд ли найдем! Надо как-то по-другому действовать, — сказал Борис после того, как они сделали очередной круг в холле дворца.

— Твои предложения?

— Давай подойдем к кому-нибудь и спросим прямо в лоб. Ты же сам говорил, что твой дружок бывал здесь. Тут вы встречались. Значит, кто-то должен его знать и может подсказать, как его найти. Пойдем хоть у этого спросим!

Борис устремился к мужчине с аккуратной бородкой и седыми длинными волосами, аккуратно завязанными хвостиком на затылке. С этим коллекционером, который на раскладном столике разместил бонны, бережно вложенные в прозрачные файлы, ребята сталкивались здесь и раньше. Значит, он был завсегдатаем клуба и мог им помочь.

— Погоди, — Леонид приостановил Бориса. — Нельзя так просто подойти и все выложить. Нужно схитрить.

— Скажем, что ищем мужика, который обещал нам продать старую безделушку, даже аванс взял.

— Тогда точно никто ничего нам не скажет. Надо наоборот.

Леонид первым обратился к коллекционеру:

— Может, вы нам подскажете? Тут один человек обещал у нас купить одну вещь. Даже предоплату дал. А сам больше в клубе не появляется. Пропал, как в воду канул. Теперь непонятка получается: задаток мы получили, а вещицу никто не забирает. Получается, другому человеку тоже продать не можем.

— А что за вещь? Дайте я посмотрю, — глаза коллекционера загорелись.

— Да так, медальон пустяковый, но нам все равно неловко, — влез в разговор Борис.

— Ну ладно, так что за мужик? Как он выглядит?

— За пятьдесят ему будет. Высокий, крепкий. Волосы ежиком. Все в джинсовке ходит, с черной сумкой на плече. Раньше здесь был, а сейчас куда-то запропастился.

— А давно его ищете?

— Уже вторую неделю.

— Ну, не знаю, может, заболел. Под ваше описание много кто подходит. Большинству, кто в клуб приходит, за пятьдесят. Коллекционеры — люди серьезные, все в возрасте. Может, какие особые приметы вспомните?

— Да ничего особенного.

— Немного прихрамывает, — вспомнил Леонид.

— Припомнил, — обрадовался коллекционер. — Он наградами занимается.

— Точно, — подтвердил Борис.

— Я наглядно его знаю, но где искать, не подскажу. Вы подойдите к вон тому старику в углу, — коллекционер показал на сидящего за столом с альбомами седого старичка. — Они вместе иногда сидели. Думаю, вам он что-то подскажет. Но в другой раз, если что-то интересное будет, несите сразу ко мне. Можно звонить в любое время. Вот моя визитка.

Борис, когда они отошли от разговорчивого коллекционера, смял маленький цветной листочек, отпечатанный на домашнем принтере и неаккуратно вырезанный обычными ножницами, и незаметно выбросил его в урну, стоявшую на их пути.

Подошли к старику. Первым спросил Борис:

— Дедуля, мы тут с одним мужиком договорились насчет серьезной покупки. А он пропал. Который день его ищем.

— А что вас интересует?

— Редкие боевые награды.

— Ну да, заглядывает сюда такой человек. Его тема. А от меня чего хотите?

— Как его найти можно?

— Мы в долгу не останемся, — намекнул Леонид.

— Тут, ребятки, я вам не помощник. Я сижу на старых открытках, за двадцать, максимум за тридцать долларов штучку отдаю покупателям. А там меньше тысячи баксов даже не заворачивают. Он иногда рядом со мной сидит на приеме. Не для себя, для богатых дядей старается. Двумя словами с ним перекинемся — и весь разговор. А где живет — не скажу.

— Где его искать? Ума не приложу, — сказал Леонид, когда они вышли из дворца на улицу. — Последняя надежда была на клуб коллекционеров.

— А надо ли его искать? — рассудил Борис. — Допустим, найдем мы его — и дальше что? Мужик, ты орден украл? Так он тебе и признается. Да еще не известно, кто за ним стоит? Все равно орден уже тетке не вернем.

— Как-то так получается…

— И на фига ты поперся к этому коллекционеру? Жили спокойно, кроме залетов по учебе, никаких проблему нас не было. Так на тебе! Теперь море неприятностей наживем. Всплывет этот орден в каком-нибудь нехорошем месте, и опять будут нас по ментам таскать.

Борис как предугадал. Теперь они сидели в кабинете следователя. Надо было что-то говорить. Правду? За правду можно пойти невольными соучастниками. Оставалось хранить молчание и дальше.

— Молчим? — спросил Борис.

— Молчим! — согласился Леонид.

9

Майор Павлович ушел на вызов. Эти заговорщики подождут в кабинете. Пускай еще немного подумают, тем более, отлучиться нужно было ненадолго. Дежурного он предупредил. Тут рядом, буквально в двух кварталах от отдела милиции, в здании Дома быта произошел забавный инцидент. Клиент сдал в сервис часы. Когда пришел в мастерскую их забирать, заподозрил что-то неладное. Часы как бы подменили. Он потребовал свои, мастер сказал, что это и есть его часы. Клиент обвинил мастера в воровстве и заявил, что вызовет милицию. «Вызывай», — ответил мастер, полагая, что клиент блефует. А тот и правда набрал 102.

— Рассказывайте, что не поделили? — спросил майор Павлович, прибыв на место.

Первым ответил взволнованный мужчина в черном берете, по виду преподаватель какой-нибудь технической дисциплины в колледже.

— Этот, этот мошенник… — заикаясь и сбиваясь, пытался он спокойнее говорить, только это от волнения давалось ему с трудом.

— Выражения выбирайте! — перебил его часовой мастер в джинсовке.

— Именно мошенник, который прикрывается вывеской «Ремонт часов», заменил мои золотые часы на вот эту пустышку. И как только успел раздобыть похожие? Наверное, даже позолоченные? Думал, я не замечу подмены. Дудки! Это часы моего отца, хотя они не такие и старые, но делались тогда, когда золото в стране было настоящее, высшей пробы, не польское и не китайское.

— Вам валерьянку пить надо! — защищался мастер. Он выбрался из своей будки и, когда ходил, немного прихрамывал. — А то на людей бросаетесь. Что принесли мне, то я вам и возвращаю.

— Я сам буду решать, что мне пить или не пить! — не унимался взвинченный клиент. — Верните мои часы. Товарищ милиционер, скажите этому наглецу, чтобы он вернул мне мои часы.

— Сейчас разберемся. Если часы такие дорогие, зачем вы их понесли в мастерскую?

— Поэтому и понес, раз дорогие, чтобы самому не наломать дров. Они нуждаются в чистке и смазке. А мастер показался мне порядочным человеком. Я кому попало свои часы не доверяю. А этот тип внушал мне доверие, поэтому я и обратился к нему. Оказалось, напрасно.

— Может, вам их раньше где-нибудь подменили? Только что сами сказали, что до меня часы сдавали в другие мастерские. А теперь меня оговариваете.

— Не морочьте мне голову. Не смотрите, что я в очках и плохо вижу. Я свои часы даже на ощупь отличу от любых подобных часиков. Мне там каждая царапинка известна.

Перепалка мастера и клиента в присутствии милиции заинтересовала окружающих. Вокруг мастерской начали собираться зеваки, и дальнейшее разбирательство на месте было невозможно.

— Хватит! Мы так надолго застрянем с вашими часами, а у меня времени в обрез. Посему собираемся и все вместе едем в отдел, — принял решение майор Павлович. — Проведем экспертизу и там уже на месте определимся, что и как.

10

— Это он! — Леонид прямо-таки подскочил, когда в кабинет вместе со следователем, прихрамывая, вошел высокий крепыш в джинсовке. Гражданин, вызвавший милицию, остался внизу у дежурного писать заявление.

Реплика должна была быть обращена только к Борису. Но для Леонида стало таким неожиданным появление в кабинете следователя человека, которого они столько искали и вдруг встретили там, где никак не думали, что он не смог сдержать своих эмоций и громко вскрикнул. Следователь среагировал молниеносно. И на его вопрос, знаком ли ему этот человек, Леонид ответил утвердительно.

— Чего уж там, раз выдал себя, рассказывай товарищу следователю всю правду, — смирился Борис.

Леонид рассказал о встрече с коллекционером в Дворце железнодорожников, о переговорах, которые они вели по поводу ордена, и о том, что за двадцатку выдал адрес дочери чекиста. Про дубликат ключа не стал говорить. Смолчал и Борис. Для следователя это уже было не важно. Пусть остается на совести ребят.

— Что вы на меня пытаетесь повесить все ваши косяки? — зло возмущался мужчина в джинсовке. — С часами доказать не получается, так теперь какой-то орден приплели. Я этих сосунков первый раз в жизни вижу. Ничего я не знаю!

— Ребята, выйдите в коридор и там обождите, — попросил следователь. — Я вас попозже вызову: может быть, понадобитесь для очной ставки. А у нас с товарищем серьезный разговор намечается.

Ребята обосновались на стульях у дверей и стали ждать. В кабинет следователя то заходили, то выходили разные люди, одни в форме, другие в штатском. Прошло несколько часов, а про них как будто забыли. Наконец вышел сам майор Павлович.

— На сегодня вы свободны, — сказал он. — Субъект оказался сговорчивым. Нам еще с ним придется поработать. Почему вы сразу во всем не признались? Тогда бы мы преступника по горячим следам взяли. Может быть, даже орден тетке вернули.

— Боялись, что нас обвинят в краже, — за двоих ответил Борис.

11

Для друзей и знакомых он был всегда Мастером. Его настоящие имя и фамилия были известны кадровику Дома быта, паспортистке ЖЭКа да еще паре официальных лиц. После окончания ПТУ, когда их группу распределили на часовой завод, встретивший их начальник смены, скептически настроенный к зеленому пополнению, в шутку обронил в адрес пацана, который первым бросился к верстаку: «Пришел мастер!» Это прозвище к нему приросло, и так повелось с тех времен: обратитесь к Мастеру, Мастер сведет с нужным человеком, Мастер точно оценит ваш предмет. Даже клиенты часовой мастерской, сдавая свои часы в ремонт, обращались к нему не иначе как: «Мастер, посмотрите, что можно сделать?»

Мастер был сродни тем коллекционерам, которые, обладая необыкновенными находками, мало перед кем могут открыто ими похвастаться, опасаясь за их сохранность. Втайне любуются своими сокровищами сами. Изо дня в день по крупицам собирают свою коллекцию, гоняются за каждым раритетом, живут впроголодь, иной раз отказывают себе в самом необходимом, ходят по несколько лет в одних и тех же брюках, но покупают заветную вещь. А по вечерам за плотно занавешенными окнами достают из шкафа коробку из-под обуви, наполненную редкими предметами, и до поздней ночи с упоением перекладывают ее содержимое. И так проходит вся жизнь. Некоторым к поздней старости хватает ума, и они, переборов свою скупость, сдают свое добро в музеи, оставаясь в доброй памяти потомков. Но как правило, после смерти владельцев дело всей их жизни по дешевке распродают внуки или новоявленные племянники.

Страстью Мастера были награды. А это занятие стоило дорого. Заработка в часовой мастерской ни на что не хватало, он не мог позволить выложить

крупную сумму за приглянувшуюся ему вещь. Поэтому приходилось химичить, порой на грани закона: кое-что перекупать, продавать, работать на приеме, чтобы потом с небольшим наваром перепродать более богатому коллекционеру, который не может позволить себе открыто светиться.

Страсть к коллекционированию пришла в детстве. В комнате его школьного друга на красном вымпеле с золотистой бахромой вместе с другими значками красовался серебристый пятиугольник «ГТО». Вот этот знак и запал ему в душу. Каждый раз, когда он бывал в доме одноклассника, его как магнитом тянуло к этому значку. И когда друг побежал выносить мусор, он не удержался и снял значок с вымпела. Вначале было ужасно стыдно, он думал даже вернуть украденную вещь, но через пару дней пришло успокоение. Каждый вечер перед сном он долго вертел значок в пальцах, любовался им, а потом прятал под кровать. Этот значок стал первенцем его будущей коллекции.

Много читал литературы по истории создания и развития наград; книги покупал, брал в библиотеке и очень радовался, если книжка была с иллюстрациями, особенно цветными. Неслучайным стал выбор профессии — часового мастера, — ближе к драгоценным металлам.

Коллекционеры разборчивы в вопросе общения. Редко, но все же встречаются. Уже владея кое-какими раритетами и имея вес в своем окружении, Мастер сошелся со старым коллекционером, обладателем ценных царских наград, который слыл специалистом в области изучения нагрудных знаков и всегда мог с удовольствием проконсультировать по этой теме. Вскоре старик скончался. Мастер не перестал бывать в его доме, сдружился с вдовой, и когда та собралась продать кое-что из наследия своего мужа, предложил выкупить у нее орден Святого Станислава с мечами, датированный XIX веком. Вдова, не забывая доверительные отношения между умершим супругом и Мастером, согласилась. Осталось определиться в цене. Вначале Мастер предложил ей 300 долларов, но когда та засомневалась в резоне такой продажи, накинул сотню, и чтобы женщина точно согласилась на сделку, пообещал заплатить 500. У Мастера с собой больших денег не было, и они решили встретиться завтра. Полночи Мастер не спал. Этот орден должен был стать гордостью его коллекции, а такими вещами владеть чрезвычайно престижно.

Но в то же время радость омрачалась терзаниями: все же много предложил за орден. Хозяйка, наверное, согласилась бы продать его и за 400 долларов: она-то настоящей цены не знает. Очень жалко было сотни. А утром к вдове заявился какой-то барыга и забрал орден Святого Станислава за пять тысяч долларов. Чувству досады не было конца.

Поэтому, когда Леонид показал ему фото ордена Трудового Красного Знамени БССР и сказал, что готов с ним расстаться за определенную плату, Мастер понял, что второй такой подарок жизнь ему вряд ли предоставит. Вся та мелочь, которую ему раньше приносили и которую он скупал, не шла в сравнение с этой штукой. Такую редкость иметь в своей коллекции — мечта любого коллекционера и гарантия безбедной старости.

— Я готов найти покупателя, и цена будет хорошей! — вызвался помочь Мастер.

Но Леонид сильно перегнул, когда озвучил желаемую сумму.

— Вещь не моя, но хозяин хочет за нее две тысячи баксов.

— По-моему, это очень кучеряво! — опешил Мастер. — О таком вознаграждении не может быть и речи. Это нереальные деньги, столько вам никто не даст!

— Как хотите! Сходим к другим, узнаем их цену.

И тут Мастер вспомнил случай с орденом Святого Станислава и решил действовать наверняка, чтобы теперь его не опередили. Быстро все переиграл: убедил Леонида, что орден не представляет никакой ценности, и вообще, он отказывается от покупки. Но готов за двадцатку узнать, где находится награда. Заполучив адрес, Мастер в одно прекрасное утро ради своей сокровенной цели пошел на преступление.

12

— Чего уж теперь, ушел за границу раритет, — сказал майор Павлович. — Из-за вашей трусости еще одна белорусская редкость попала в чужие руки. А этого любителя старины элементарная жадность сгубила: на подмене часов прокололся. Не ожидал, что клиент будет таким принципиальным. И, конечно, — Его Величество Случай. Не окажись вы у меня в этот момент в кабинете, могли б не найти того, кто похитил орден. А то, что он, имея на руках адрес Веры Ароновны, взломал замок и в отсутствие хозяйки забрался в квартиру и похитил орден, не подлежит сомнению. Собрать доказательную базу не составит труда. Так что вы теперь свидетели по этому делу.

— Можно вопрос?— спросил Борис.

— Пожалуйста.

— Как орден в Нью-Йорке оказался?

— Пока доподлинно известно только одно: у этого субъекта дочь в Америке живет. Все остальное выяснит следствие.

Вернуться в свой кабинет майор Павлович не успел: к нему подбежал мужчина с черным беретом в руках и, дрожа от волнения, взмолился:

— Отдайте мои золотые часы!





Елена КОШКИНА

Правильно хожу

Вокруг да около

«Ты всё словами окружаешь слово главное», —
Сказал редактор мне. Наверно, прав он, сокол мой.
Наверно, главные слова сказать пора давно,
А я хожу, я всё хожу вокруг да около.

Хожу вокруг, а сердцем чувствую, что правильно
Хожу. Не сбито мной ничто, ничто не взломано.
Такое множество оград! За каждой — главное.
Оно у каждого свое. И всем — одно оно.

У хрупких изгородей всех, у всех живых оград
Одно желанье есть — чтоб просто кто-нибудь ходил,
Подобно сторожу, вокруг, чтоб был он жизни рад
И чтоб на радость у него хватало долго сил.

И я хожу-брожу вокруг. Шаги мои слышны,
Наверно, матери моей. Их слышит мой отец.
Гражданка белой рощи я, участница весны
И осени, и всей зимы, и лета, наконец.

Вокруг да около оград, да около полей,
Вокруг да около любимой дочери моей
Хожу, все главное в себе стараюсь уместить,
Стараюсь жить по совести. Стараюсь просто жить.

Тетива

От чего бы тетива ни пела,
Каждый звук ее живым остался.
Ни одна стрела не улетела,
Ни один полет не оборвался.

Хорошо ли было, или плохо,
Жизнь сама втянула в это дело

И сама поставила на карту
Всё, что в нас погаснуть не сумело.

Эту битую, живую карту
Я всегда везде ношу с собою.
На нее нанесены дороги.
Без нее я ничего не стою.

Видишь, Боже: я стараюсь делать
То, что называется стихами.
Верить мне в тебя или не верить —
Что-то происходит между нами.

Что-то натянулось тетивою
Между мною, Боже, и тобою,
К тетиве приладилась стрела,
И стрела становится тропою.
Я пошла…

* * *

Мы уходим по белому снегу
Под лучами горячего дня.
До свиданья, высокое небо.
До свиданья, родная земля.

Мы идем, оглянувшись на что-то,
Не считая коротких шагов.
Мы уходим с одною заботой:
Не оставить недобрых следов.

Не сказать безнадежного слова.
Всё забудется, канет, пройдет,
Всё заменится чем-нибудь новым,
Но останется этот уход:

Под лучами высокого неба,
Все простив, ничего не кляня,
Мы уходим по белому снегу
В тихом-тихом сиянии дня.





Анатоль ЗЭКОВ

Алесь

Вспоминая друга

Мне посчастливилось вместе с Алесем Письменковым побывать во многих уголках родной Беларуси, выступать в разных читательских аудиториях, посещать его Белынковичи и мою Потаповку, два лета подряд провести несколько дней на Браславских озерах и, отдыхая в писательской «Ислочи», побродить по раковским тропам, полтора года поработать в редакции журнала «Вожык».

У нас не было секретов. Иногда мы открывались друг другу настолько, насколько не открывались, пожалуй, самым родным и близким. К сожалению, о многом из того, в чем мне признавался Алесь, особенно в последние месяцы и дни своей короткой и непростой жизни, я не могу рассказывать и сегодня. Это наше, личное.

Но было и другое — и грустное, и веселое. Кое-что из таких воспоминаний — перед вами.

Первое стихотворение

«Когда вы написали свое первое стихотворение?» — это, пожалуй, самый распространенный вопрос, который интересует читателей на встречах с поэтом.

Адресовали его и Алесю. В самом деле, когда?

А было это, по его собственному признанию, в четвертом классе. Все мальчишки ходили по уши влюбленные в симпатичную одноклассницу. Алесь, безусловно, — не исключение. И однажды, осмелев, он написал стихотворение и передал девчонке. Послание состояло из двух зарифмованых строчек:

Удзень і ўноч парой вясновай
Люблю я Таньку Раяўнёву.

Каким-то образом признание Алеся попало к учительнице, и Елена Трифоновна (так, по-моему, ее звали) с возмущением заявила: все в классе решают задачи, а этот разгильдяй сочиняет любовные записки. Поставила влюбленного ученика в угол. «Пока я там стоял, — рассказывал Алесь, — сочинил еще одно стихотворение. Мне понравилось, и оттуда все пошло».

С того классного угла на уроке арифметики и шагнул будущий поэт на литературный простор да поднялся на такую вершину, какая тогда, в школьные годы, вряд ли виделась и самому Алесю, и его учительнице Елене Трифоновне. Спасибо ей и низкий поклон!

Там, где начинается Беседь...

Была у Алеся мечта — навестить исток и устье Беседи. «Хорошо бы и по всей реке проплыть, — говорил, — да это неисполнимо. А вот исток на Смоленщине и устье при впадении в Сож на твоей Гомельщине — это реально...»

И я понимал друга, ведь Беседь была не только рекой Аркадия Кулешова, но и его также. На Беседи прошло детство Письменкова, сюда, в родные Белынковичи, приезжал он из Минска навестить родителей, а позже — на их святые могилы.

Первую часть мечты Алеся, «истоковую», мы осуществили вместе, другая же, «устьевая», к сожалению, так и осталась неосуществленной.

Я хорошо помню тот жаркий летний день, когда с тогдашним главным лесничим Костюковичского лесхоза Михаилом Шавандой и каким-то районным агроснабженцем за рулем уазика выправились на Смоленщину — погранпоста на границе с Россией тогда не существовало. Приехали в село, за которым где-то там, в болотистом лозняке, из родника и должна была вытекать Беседь. В проводники прихватили первого попавшегося на нашем пути местного старожила. Вначале ехали на машине, а потом, когда под ногами стала хлюпать земля, оставили ее на обочине и дальше уже пробирались сквозь густые, усыпанные комарьем кусты, пешком.

— Вот он, исток! — воскликнул, наконец, Алесь, первым напоровшись на журчащий ручеек. Сбросил сорочку и, набрав полные пригоршни ледяной родниковой воды, плеснул ее на себя и начал растирать вспотевшее от ходьбы и солнца тело. А увидев, что я стою в стороне, махнул рукой:

— А ты что застыл? Обдайся! Представляешь, мы у истока Беседи!

Я редко видел его таким вдохновенно-счастливым. Казалось, что Алесь у этого родника словно вновь родился.

...Говорят, что в свой последний приезд в Белынковичи на могилы родителей (это было на Радуницу, 20 апреля 2004 года, буквально за три дня до внезапной смерти в Минске) Алесь с ночи еще, едва забрезжил рассвет, пошел на Беседь и просидел на берегу, пока не подошло время ехать в столицу. О чем он думал, всматриваясь в речное течение? Неужели предчувствовал близкое расставание с рекой своего детства-отрочества?..

А что дальше?

Сижу за столом, пишу.

Подходит сын-школьник:

— Что ты делаешь, папа?

— Стихотворение пишу.

— Ну, напишешь, а что дальше?

— В журнале напечатаю.

— А потом что?

— В книгу включу.

— И все?

— Почему все? Если понравится, могут поместить в школьном учебнике, и ты вместе с одноклассниками будешь учить его наизусть.

Сын на мгновение задумался, а потом словно спохватился:

— Ой, пап, не пиши.

Эту историю я рассказал как-то Алесю Письменкову, и он включил ее в свое эссе под общим названием «Думаць вершы» («Думать стихи»). Фамилию, правда, мою опустил. Жалея таким образом моего сына. Да я не обижаюсь. Пускай не обижается и Алесь на меня, что сейчас пересказал ее.

Писатель: больший и меньший

Гостили у родителей Алеся Письменкова — в его родных Белынковичах.

Сели завтракать, заговорились. Вижу: отец вдруг завертелся на табуретке. И не выдержал:

— Хорошо, хлопцы, вы еще посидите, а я пойду запрягу коня — может, успею сено привезти с луга, пока дождь не зарядил, — кивнул на окно, за которым виднелось пасмурное небо.

— Сиди, отец, — успокоил его Алесь. — Сейчас мы с Толиком привезем.

— Ага, с Метлицким как-то дров уже накололи, — намекнула на что-то былое мать. — Теперь так, пожалуй, с Толиком сено привезете...

Когда же, наконец, выбрались на луг, мы с Владимиром Семеновичем вилами бросали сено на телегу, а Алесь утаптывал. И все говорил и говорил, размахивая руками.

— Слазь, — приказал вскоре отец, глянув на перекошенную телегу. — Писатель он и есть писатель.

— А может, Семенович, мне попробовать? — загорелся я.

— Есть желание — лезь.

Никогда еще я так не старался — очень уж хотелось понравиться.

— А у Толика лучше получается, — похвалил меня спустя некоторое время отец. — Наверное, все же меньший писатель.

— Почему это? — испугавшись, что Владимир Семенович обидел меня такой похвалой, встрепенулся Алесь.

— Да потому, что лучше топчет, чем ты, — как бы между прочим, спокойно ответил отец.

Поклон дому

Были в Гомеле, вечером заехали в мою Потаповку. Решили переночевать, а завтра доехать дизелем до Жлобина и оттуда уже пассажирским отправиться в Минск.

Алесь, узнав, что девичья фамилия моей матери Зарецкая, обрадовался, предполагая, что, возможно, мы какие-то родственники, поскольку и в его роду есть Зарецкие.

А утром следующего дня попросил показать дом, где в детстве жил писатель Владимир Дзюба.

— Хочу поклониться, — сказал. И добавил при этом: — Я у многих писателей был на родине. И знаешь, потом совсем по-другому читаются их книги. Более зрительно.

Нечто похожее чувствовал и я, погостив в его родных Белынковичах. Особенно после смерти друга, когда приезжал на урок памяти Алеся Письменкова, организованный в родной школе поэта его земляком, поэтом Александром Бордовским.

Десять стихотворений

В издательстве «Мастацкая літаратура» готовили к изданию книгу Алеся Письменкова «Мы з братам». Это было в пору нашей совместной работы в журнале «Вожык»: Алесь — главный редактор, я — его заместитель.

— Хотят выпустить в твердом переплете, но для объема нужно еще с десяток стихов, — пояснил мне друг.

— Так дай.

— Но у меня их нет.

— Напиши.

— Тебе легко говорить, а я с детскими стихами уже завязал.

И все же Алесь, наверное, внял моему совету, ибо на следующий день, еще не заходя в свой кабинет, первым делом заглянул ко мне:

— Одно стихотворение вчера написал. Детское. Хочешь, читану?

И не дожидаясь моего согласия, «читанул». А спустя день — второе, еще через день — третье. Так и до десятка догнал.

А когда привез из издательства книгу, говорил:

— Я и не надеялся, что получится. Если бы не твое «напиши», то, пожалуй, и не было бы такой красивой книжки. Хотя так я никогда не писал. Словно под заказ...

А где брат?

После выхода книги «Мы з братам» в столичном книжном магазине «Светоч» организовали ее презентацию. Алесь перепутал время и потому опаздывал.

Ведущий мероприятия Наум Гальперович уже все рассказал о поэте, прочитал почти все стихи из книги, а автор не появлялся. Около получаса распинался ведущий, пока, наконец-то, дождался «виновника» торжества.

После того случая родился анекдот. Мол, подросток, который присутствовал на встрече в «Светочи», рассказывал своему другу:

— Представляешь, какой-то Наум написал с братом книгу и почти час хвастался: «Мы с братом, мы с братом». А потом и брат появился. Белокурый такой, совсем на Наума не похож.

Алесь сам рассказывал это и от души смеялся.

Давайте разучим

У Алеся есть замечательное детское стихотворение «Як быць?»:

Без марожанага
Гіну.
А з марожаным —
Ангіна.

Каких-то семь слов с предлогами, а какой поистине образный рисунок! Ничуть не хуже, чем русское хрестоматийное «Наша Таня громко плачет...», с которым выросли и мы, и наши дети, а теперь и внуки. А вот же оно, свое, родное, белорусское, может, даже более содержательное, чем у Агнии Барто. Кстати, упомянутое стихотворение Алеся переведено на русский, украинский

и польский языки, включено в школьные учебники этих стран. А мы говорим, что нет в отечестве пророка.

Нередко, когда мы выступали перед маленькими читателями, Алесь на прощание разучивал это стихотворение с мальчишками и девчонками наизусть. И в конце, словно ставил жирную точку, обязательно желал: «Растите здоровыми и никогда не болейте!»

Теперь на своих встречах я также разучиваю это стихотворение с мальчишками и девчонками. И не оставляет ощущение, что мы, как и раньше, выступаем вместе с Алесем.

По самую шляпку

К нашим первым совместным с Алесем литературным странствиям присоединился Петр Ильюкевич, который объявлял себя под псевдонимом Петро Чабор (читателю, правда, ничего не говорило ни первое, ни второе имя). Стихи он писал, даже читал их на наших встречах, однако почти нигде не печатался. Больше всего Петро был известен тем, что занимался распространением учебно-методической литературы в школах и педучилищах, а чтобы дело двигалось веселее, заодно устраивал и встречи с писателями. С такой миссией мы посетили Барановичи, Борисов, Горки, Лиду, Оршу, Речицу, Лоев... В разных поездках к нам с Алесем Петро присоединял кого-нибудь еще: помню Анатоля Клышку, Аверьяна Деружинского, Владимира Климовича, Валерия Пазнякевича...

Как-то возвращались поездом из Лиды. Наискосок через проход в вагоне сидел примерно наших лет мужчина — заметно было, что на подпитии. Возможно, наш громкий разговор, особенно густой письменковский бас, задел и мужчину. Он встал и подсел к нам.

— Я слышу, вы по-белорусски говорите. Наверное, писатели?

— Может, и писатели, — неохотно отозвался Алесь. — А что?

— Г... вы, а не писатели! — безо всяких церемоний брякнул мужчина. — Вот я знал одного, так тот настоящий писатель, не вам чета. Анатоль Зэков его зовут, может, слышали?

У нас с Алесем от услышанного чуть было челюсти не отвалились: ничего себе, скажи кому — не поверит. А наш попутчик продолжал:

— В Гомеле жил. В районной газете такие стихи печатал, вам и не снилось. Потом в Минск поехал, так где-то и пропал. Не в струю, видимо, попал. Или, может, ваши, столичные, затерли, не дали хода? А жалко, хороший писатель был.

— А ты хотя бы раз видел того Зэкова? — поинтересовался Алесь.

— А как же! — подхватился с видом обиженного наш попутчик. — Не дальше, чем вас. К нам приезжал. Сидели даже за одним столом. Мог каблуком гвоздь в стену вогнать. Одним ударом. Бывало, разбежится — и как даст! По самую шляпку!

— А этого ты не знаешь? — кивнул Алесь в мою сторону.

— Этого — нет. И тебя — тоже.

— Анатоль Зэков, — представил Алесь.

— Не вешай мне лапшу на уши, — отмахнулся мужчина. — Этому до Зэкова далеко. Тот гвозди в стену вгонял каблуком...

— Какие гвозди? — позже, когда мы остались вдвоем, поинтересовался Алесь.

— Да слушай ты, — отмахнулся я. — Придумал что-то...
— Однако все же запомнил. Знает, что ты — поэт.
— Да. Который гвозди каблуком в стену вгонял...
— Спасибо и на этом, — подытожил Алесь. — Фамилия твоя в голове засела. А что касается гвоздей, то Бог с ними, пусть будут. Для рекламы.

Собачье занятие

В Лиде на встрече с учащимися младших классов, предоставляя мне слово, Алесь Письменков говорит:
— А сейчас перед вами выступит поэт-пародист... — Вдруг прерывается и обращается к аудитории: — Ребята, а вы знаете, кто такой пародист?
Вверх взмыло несколько рук.
— Ну, скажи ты, — указывает на мальчишку в первом ряду.
Тот поднимается и бойким голосом произносит:
— Это что-то с собаками связано.
Мы тогда рассмеялись, а придя в гостиницу, я, помнится, сказал Алесю:
— А знаешь, парнишка был прав. И в самом деле есть в моем занятии что-то собачье: на одного оскалюсь, на другого гавкну, третьего укушу...
— Хорошо, что хотя бы не лижешь, — подытожил Алесь.

«Я — зэк!»

Как-то возвращались с Алесем на поезде с его родины в Минск. Вышли в тамбур покурить. Стоим, разговариваем.
Вдруг к нам подваливает выпивший верзила — руки в татуировках, почти синие.
— Куда путь держим, мужики? — спрашивает.
— В Минск, — отвечаем.
— Здесь все — в Минск. А конкретно?
— Где живу в Минске? — переспрашиваю я. — На «Западе».
— Повезешь меня на такси, — командует верзила.
— С чего бы это? — едва не в один голос спрашиваем с Алесем.
— А вы, видимо, не въехали, кто я.
— А мы и въезжать не собираемся.
— Я — зэк, — с гордостью объявляет верзила.
И я не выдерживаю:
— А чем ты это докажешь?
— Как чем?
— Документ у тебя есть, где написано, что ты зэк?
Верзила скалит зубы:
— Ну, земляк, ты и скажешь. Кто же такие документы выдает?
— А у меня есть, — «прикалываюсь» я и достаю редакционное удостоверение.
— Зэк... — прищурив один глаз, читает он первые буквы моей фамилии и от удивления едва ли не сползает по стене вниз.
— Где взял?
— Пахан выдал, — окончательно добиваю я наглого собеседника.

...Мы еще не единожды выходили покурить. Следом за нами выходил и верзила. Приглашал к себе в купе вместе выпить. Хотя, когда мы отказывались, не очень настаивал. Видно, «пахана» побаивался.

А когда мы в Минске вышли из вагона, Алесь пошутил:

— Жалко, что ты ему не сказал: «Теперь ты нас повезешь...» С таким документом могли и прокатиться...

Встреча за решеткой

Нас, сотрудников журнала «Вожык», пригласили в Новосады — выступить в тюрьме перед заключенными. Поехали втроем: Алесь, я и Павел Сакович. «К своим едешь», — подшучивали надо мной в дороге коллеги.

На встрече Алесь знакомил осужденных с «Вожыкам»: вспоминал газету-плакат «Раздавім фашысцкую гадзіну», с которой начинался сегодняшний журнал, рассказывал, о чем пишем сейчас. Когда назвал имя Кондрата Крапивы, который стоял у истоков «Вожыка», сказав при этом: «известного вам», кто-то из осужденных то ли в шутку, то ли всерьез спросил:

— А где он сидел?

...Свои впечатления от той поездки Алесь выразит позже в «Вершы, напісаным у турме». Читатели, однако, познакомятся с ним уже в посмертной книге поэта «Думаць вершы...».

Навасады. Зіма.
Год 2003-ці.
Месца дзеі — турма;
Запрасілі сустрэцца.

Ад турмы і сумы
Адракацца не будзем,
Добра ведаем мы,
Што й за кратамі — людзі.

Іх зямная юдоль
Не найлепшая ў свеце,
Іх затоены боль
Нельга нам не прыкмеціць.

Ну не звер ён, не звер,
Той вунь стрыжаны хлопча.
Мо ягоны давер
Заўтра зона растопча.

Анічым не праб’еш
Яе панцыр лядовы.
Спадзяванне на верш,
На гаючае слова.

Как видно, доброта к людям, которой всегда была полна душа Алеся, не оставила ее и в тюрьме.

Двенадцать пунктов

С Алесем были в одном лесхозе. Его директор решил показать нам свое хозяйство. Для посещения определил пунктов двенадцать. И везде встречали с рюмкой. И не одной, как правило.

На пункте шестом я, обращаясь к директору, попросил:

— Константинович, может, немного сократили бы программу?

— Это невозможно, — откликнулся он. — Все предупреждены. Так что будут ждать.

— И в самом деле, не обижать же людей, — согласился Алесь. — Лучше пускай организм терпит...

Знакомство в лесу

После того, как вышла широко известная сегодня книга поэзии, прозы и публицистики о чернобыльской трагедии «Прайсці праз зону», автор этой идеи Микола Метлицкий воспылал желанием показать нашу родную Беларусь с другой стороны: мол, не вся же она загрязнена, сохранились и красивые места, например, Браславщина. Чтобы приобщить к созданию браславской антологии друзей-поэтов, Микола и организовал несколько летних поездок на здешние озера.

Я попал на второе лето. Поселились мы с Алесем отдельно от остальных — в приспособленной под жилье бочке-цистерне на живописном берегу Струсты. Рядом ютилась баня, однако металлическую цистерну за день так нагревало солнце, что и ночью в ней было словно в парилке.

— Зато Миколка не будет ворчать, когда сто граммов возьмем, — тешился Алесь. — А то сам теперь, собака, не пьет и нас с тобой укорять будет: мол, я же вас привез сюда, чтобы красотой вдохновлялись да стихи писали, а не водку хлебали...

Раз-другой вышли на лодке в озеро с удочками, а затем я отказался от такого занятия — не рыбак все-таки. Да и откуда взяться рыбацкому азарту, если вырос не на реке?!

Пока Алесь проводил время на воде, я бродил по лесу, собирал грибы. Особенно везло на поддубники — хоть, как говорят, косой коси. Привлекательные, крепенькие — одно удовольствие срезать!

Во время одного из таких блужданий набрел на туристические палатки. Как узнал потом, таким образом отдыхала семья из Могилева: муж с женой и две их дочери-старшеклассницы. Познакомились, разговорились, хозяйка даже угостила меня приготовленными на костре яствами. Приглашали еще навещать.

И я не отказался, тем более что старшая из красавиц-девчонок, Алеся, с первого взгляда полонила сердце. Как-то прихватил с собой и друга — познакомить с земляками.

— Так вот почему Толик отказался от рыбалки, — шутил на нашей встрече с могилевскими туристами Алесь. — Нюхом чует симпатичных девушек. Ишь ты, даже в лесу вынюхал. — И обращался к хозяину: — Смотрите, за Толиком глаз да глаз нужен... А я-то думаю, за какими грибами он все бегает? Хорошие сыроежечки нашел, не скажи, какие хорошие...

Все понимали шутку, особенно озорно, закрасневшись, смеялись девчонки. А мы и в самом деле с могилевцами подружились, даже в баню пригласили.

В Минске Алесь написал стихотворение «Рыбацкая малітва», которое впервые было помещено в сборнике «Браслаўшчына азёрная мая» — том, ради которого и возил нас на озера Микола Метлицкий.

...Нет Алеся, а я все нет-нет да и перечитываю его стихотворение — и словно возвращаюсь в то жаркое лето на Браславских озерах:

О Божа, не дай прапасці,
Не рабі недарэкамі,
Пашлі нам рыбацкае шчасце,
Мне і Толіку Зэкаву.
У нас усяго даволі
З добрае ласкі Твае,
Даволі і хлеба, і солі,
А шчасця рыбацкага не стае.
І вуды ў нас адмысловыя,
А чамусьці ні клёву, ні лову...
З нас смяяцца гатовая
Студэнтачка з Магілёва.
Нібы рыбакі мы ніякія,
Нібы мы нічога не ўмеем:
— Прывітанне Аксакаву!
Добры дзень Сабанееву!
О Божа, не дай прапасці,
Не рабі недарэкамі,
Пашлі нам рыбацкае шчасце,
Як не мне, дык хоць Зэкаву.

Налево и прямо

Когда я впервые попал на Браславские озера, нас было пятеро: кроме меня Микола Метлицкий, Светлана Лобач, Алесь Письменков и его старший сын Максим. Следующим летом первых двух сменили Андрей Федаренко и университетский товарищ Письменкова Алесь Данильчик, который был еще и за водителя, привезшего нас.

Этот вояж нам устраивал поэт Виталь Гаранович, и потому по дороге на Браслав необходимо было остановиться в Глубоком — взять ключи от вагончика, где планировали жить, и постельное белье. Однако, собираясь в Минске, что-то завозились, и в Глубокое, где Виталь Григорьевич работал директором школы, добрались впотьмах. Того в школе, естественно, уже не было. А где он живет, Алесь Письменков знал приблизительно, да и номер домашнего телефона не помнил. Покружили по райцентру, но все без толку.

— Да Виталика здесь все знают, — заверил Алесь.

Только вот ни первый встречный, ни второй ничем не помогли. А больше людей в почти ночном Глубоком по дороге не встречалось.

— Ай, поехали на озера, — предложил один из нас. — Ночь как-нибудь перекантуемся, а завтра утречком, когда директор будет в школе, вернемся.

На том и сошлись, как вдруг впереди замаячила группка молодежи — вероятно, возвращались с дискотеки.

Мы притормозили.

— Как нам проехать на Браслав? — открыв переднюю дверцу, спросил Алесь Данильчик.

— Где живет директор школы Гаранович? — почти одновременно с ним поинтересовался Письменков.

Девушка посмотрела на обоих, а затем, склонившись к водителю, сказала:

— Вам — налево, а вот вам, — бросила взгляд на Алеся, — прямо.

— Молодец, не растерялась, — несколько раз вспоминал потом ту девушку наш друг.

«Собака»

Алесь знал, что на работе меня можно найти и в восемь, и в девять часов вечера. «Кто-то — алкоголик, а Толик — трудоголик», — утверждал он порой.

Однажды, помню, звонит:

— Сидишь?

— Сижу, — отвечаю. — А ты?

— Тоже сидим с одним очень уважаемым человеком — ты, кстати, его знаешь: наш замечательный писатель К. Взяли по сто граммов, советуемся, что делать дальше.

— Так приезжайте! — предлагаю.

Спустя полчаса Алесь и писатель К. уже были у меня, в редакции газеты «Добры вечар», где я в то время работал главным редактором.

Посидели, поговорили, за разговором выпили бутылку водки. К. — известное дело, не наш возраст — немного «поплыл». Мы взялись проводить его домой.

В подъезде дома Алесь предложил:

— Дальше, до квартиры, иди ты, а то я вчера приводил, — жена не поймет. А тебя она, к тому же, не знает. Короче, я внизу подожду...

Поднялись на нужный нам этаж, подошли к квартире. Я нажал на кнопку звонка. Дверь распахнулась — и перед нами возникли сразу две женщины: одна — постарше, вторая — помоложе, видимо, жена писателя и дочь, подумал я.

Взглянул К. на них — и мгновенно развернулся на 180 градусов:

— Ты куда меня привел, собака?

Я опешил: может быть, и в самом деле квартиру перепутали?

— Ваш? — спросил жещин, указав на К.

— Наш, наш, — в один голос ответили те.

...Утром К. позвонил Алесю:

— Ты знаешь, жена с дочкой сказали, что я будто бы ни за что обругал человека, который привел меня вчера домой. Анатоля, значит. Неужели и вправду так было?

— Да не обругали вы его, — успокоил Алесь. — Я, правда, не слышал, потому что внизу стоял, но Толик рассказывал, как и что было. Вы его лишь «собакой» обозвали.

— А-я-яй! — завопил К. — Как неудобно!

— Да не переживайте. Толик — свой человек, все понимает.

Тем не менее К. еще не раз при встречах подходил ко мне и просил прощения, хотя я всегда отмахивался: мол, зря вы переживаете, все хорошо...

Именно тот нелепый случай сблизил нас так, как никогда прежде. А наша дружба продолжается и по сегодняшний день — к сожалению, уже без Алеся.

Редактор

Знаю одного главного редактора, который любит хвастаться перед коллективом, мол, ему чуть не ежедневно предлагают высокие должности, однако он — патриот своего издания и никогда ни за какие деньги не оставит редакцию. Или: его так любили и уважали на прежней работе, что, когда уходил, все чуть ли не рыдали.

От его бывших коллег я, правда, наслышан об обратном. Там этот хвастун налаживал такие интриги, что многие и в самом деле рыдали — с той лишь разницей, что при его руководстве, а не уходе. Да что вспоминать о том, что говорят, когда в новом коллективе в этом убедились сами, ощутив все на собственной шкуре. Окружив себя подхалимами и непрофессионалами, он, пожалуй, всерьез думает, что возвышается на фоне подчиненных. А те, приближенные, за спиной зубоскалят, между прочим.

Мой знакомый редактор, исчезая после обеда из редакции (находиться там весь день он не привык), обычно заявляет сотрудникам, будто едет в Министерство информации или даже в Администрацию Президента, и при этом отработанным жестом указывает пальцем вверх. А в конце рабочего дня, лежа дома на диване, звонит в редакцию и проверяет, все ли сотрудники на месте.

Возможно, я зря уделил столько внимания этому болтуну-руководителю, но перед моими глазами контрастно возникает другой редактор — Алесь Письменков, с которым посчастливилось полтора года поработать в «Вожыке». Человек прежде всего в высшей степени порядочный, он был искренний и открытый, никогда не хвастался и не лгал. Хотя именно Алесь мог бы и похвалиться своими связями с «великими мира сего», так как его любили и уважали в самых высоких кабинетах, и поговорить с ним многие считали за честь. Да и Алесь, интеллигентный и высокообразованный, мог всегда найти тему для разговора с любым: министром, председателем исполкома, рабочим, колхозником и даже самым обычным бомжем. С ним и вправду интересно было каждому.

Многие знали, что Алесь поздно ложился спать и не любил приходить на работу с самого утра — подтягивался, как выражался сам, где-то около одиннадцати часов. Не требовал раннего прихода и от сотрудников: мол, чем я лучше? Главный принцип его руководства: не мешать. И он все делал, чтобы утвердить этот принцип на деле.

Не скрываю: у меня с Алесем были расхождения в методах руководства, временами, случалось, и всерьез ругались, хотя я при этом хорошо понимал, что иным мой друг-редактор ни за что не станет. Как и не обидится никогда, не затаит в душе зла.

Однажды в пылу очередного горячего спора, помню, сказал Алесю: «Может, мне уйти из редакции?» И услышал в ответ: «А может, мне? А ты поруководишь...» На мое «Я уже руководящего хлеба за свою жизнь вдоволь наелся» Алесь отпарировал: «А я, хочешь сказать, нет? Порой думаю: бросить бы работу, купить домик в деревне рядом с речкой или озером — и писать. Да вот журнал жалко. Хорошо, когда нормальный человек придет, а если — нет? И дело погубит, и колектив замордует. У нас же симпатичные люди работают: Валентина Михайловна, Иван фон Бок, Рита. Паша-художник талантливый как зверь, Пал Палыч, если упрется, библиотеки на уши может поставить. А Вера Сергеевна, вокруг которой ты вертишься, как кот возле банки со сметаной, с ее ямочками на щечках — кто так еще способен смеяться, как она?»

Впадал, случалось, в депрессию и Алесь, однако от нее скорее страдал он сам. Еще и шутил, чтобы, упаси Бог, его состояние не передалось окружающим.

Кстати, а зачем я вначале вспоминал того лживого интригана-редактора? Чтобы возвысить Алеся? Думаю, он бы вряд ли меня похвалил. Возвыситься над кем-то — это было не в его правилах. Как, кстати, и ни перед кем не опускаться на колени. Так что пусть простит друг. И за это, и за многое другое.

История одного снимка

Имея фотоаппарат, я не единожды пытался уговорить Алеся сделать хороший портретный снимок, который можно было бы давать к стихам в газете или в журнале. Он всегда отказывался.

Пожалуй, лишь один раз удалось сделать это. Помню, возвращались с Купаловского праздника в Левках. По дороге остановились на автобусной стоянке. Вышли перекурить. Алесь присел на скамейку.

— Давай вот так тебя сфотографирую, — загорелся я.

— Ты что, у меня лицо красное, — замахал руками Алесь.

— А кто там красноту увидит? В газете фото все равно будет черно-белое.

А потом Алесю очень понравился этот снимок, и он не единожды давал его в различные издания к своим стихам.

Начало и конец

Странно, но я совсем не помню, при каких обстоятельствах мы познакомились. Алесь тогда работал в аппарате Союза писателей, — и возможно, это случилось на каком-нибудь литературном вечере, где он был почти бессменным ведущим. Или, может, все произошло на презентации моей книги пародий и басен «Дуэль», которую мы там же проводили с частным издателем и первым главным редактором минской городской газеты «Добры вечар». А возможно, была и еще какая-то другая причина... Одним словом, не помню.

Зато последний день жизни Алеся — пятница, 23 апреля 2004 года, — и сегодня перед глазами. После обеда в редакцию журнала «Вожык» заглянула логойская поэтесса Ирина Григорьева. Мы оба познакомились с девушкой на семинаре молодых поэтов Минщины, которые раз в три года проводит под тем же Логойском областная библиотека имени А. Пушкина во главе с неутомимым директором Натальей Чуевой. Приглашенные туда в качестве литконсультантов, мы сразу выделили среди семинаристов наиболее талантливых. В их числе была и Ирина Григорьева.

Девушка писала на русском языке, и Алесь очень сожалел, что по этой причине ее стихи нельзя предложить «ЛіМу» или «Маладосці». Тем не менее порекомендовал обратиться в «Нёман», где Ирина и дебютировала вскоре с поэтической подборкой. Алесь же с того времени стал подбивать ее на издание книги. «Талантливая, но такая упрямая», — жаловался мне, рассказывая о своей литературной ученице.

Именно рукопись поэтического сборника Ирина Григорьева и привезла Алесю в ту пятницу. Некоторое время мы посидели втроем, потом я оставил их и пошел к себе в кабинет. Алесь еще несколько раз заглядывал ко мне: мол, послушай, как здорово! — и зачитывал отдельные строки, а то и полностью стихотворение Ирины. Он, пожалуй, как никто другой, умел радоваться удаче автора и всегда спешил поделиться этим с каждым, кого мог приобщить к своему открытию.

В тот день Алесь радовался в последний раз. А Ирина Григорьева оказалась последней, кто разговаривал с ним живым, и первой, кто увидел его мертвым. Она рассказывала потом, как все случилось, но это уже воспоминания...

А тогда мы втроем — Ирина, Павел Сакович и я — понесли самую ужасную весть в семью Алеся: жене Алене Григорьевне и сыновьям Максиму и Алексею. Те сотни метров, что пролегли между редакцией «Вожыка» и домом в Калининградском переулке, где жил его главный редактор, стали, пожалуй, самыми мучительными в моей жизни.

...Последнюю прижизненную дату из биографии Алеся Письменкова нельзя стереть, поэтому, видимо, память и не сохранила ту, первую. Чтобы хотя бы таким образом раздвинуть границы временного пространства, в котором мы были вместе.

Перевод с белорусского автора.





Наталья СОВЕТНАЯ

Горит зима!

* * *

Не принимаю! Нет, не принимаю
Девчонок вежливых услужливый порыв —
И снова в переполненном трамвае
Стою упрямо в стайке молодых.

Присесть бы мне — в ногах нет больше правды.
Она на шпильках рядом — «цок» да «цок».
И я за ней. Спешу не для бравады:
Психея мой обжаловала срок!

Не принимаю… Нет, не принимаю —
Пока души пылает уголек! —
Диванного запыленного рая,
Домашних тапок теплый шепоток.

* * *

Еще вчера снега лежали,
А ночью дождь прошел, и вот —
Пригорок обнажился ржавый
И почернел наш огород.

На голых ветках перекличка:
Звенит со всех сторон: «Фью-и-и!»
И лягушонок-невеличка
Глазенки выпучил свои.

Туман

Прожорливый туман снега жевал,
Прильнув к земле губами пухлыми,

С дождями вместе лед, как соль, лизал,
Дымил в проталинах с травой пожухлою.

Клубился в поле, вился над рекой,
Стелился-плыл дорогою пустынною…
— Горит зима! — решил сыночек мой. —
Пойду-ка за пожарною машиною!

Песнь царевны-лягушки

Ах, ждала, ждала царевича,
Заповедную стрелу!
Стосковалось сердце девичье
В чародеевом плену.

Ты приди, приди, мой суженый,
Ты услышь мою мольбу:
Я на кочке, возле лужины —
Разгляди же дар-судьбу!

Не чурайся жабьей кожицы,
До поры ее не тронь…
Строит нечисть козни, рожицы,
Разгорается огонь.

Где ж ты, друг любезный Ванечка?
Проглядела все глаза.
Не хочу медов и пряничков!
А вокруг — одна буза…





Виталий КИРПИЧЕНКО

Не за ордена и медали

27 апреля 1986 года было воскресенье. Я вернулся в субботу из командировки и решил позаниматься машиной. День выдался на славу. Таких мало бывает в Беларуси. Тепло, солнышко. Благодать! Я снял колесо, но тут меня позвала к телефону жена.

— Товарищ полковник, вам предстоит срочно убыть в командировку, — сказал мне дежурный по управлению. — Командировка может быть длительной. Захватите с собой средства индивидуальной защиты.

— Но средства в штабе! И что это за срочно-бессрочная командировка? Куда? Зачем?

— Украина. Район Чернобыля. Там что-то случилось на атомной электростанции. Не исключена диверсия.

«А я-то тут при чем? — хотел я возмутиться. — С каких это пор я стал специалистом по атомным станциям или диверсиям?» Но не возмутился. Видимо, какая-то связь, непонятная мне еще, есть.

— За вами уже идет вертолет Ми-26, будет через полчаса.

Быстро приладив колесо, я под зудение жены побросал в сумку свои привычные вещи, попросил соседа проехать со мной до аэродрома и загнать потом машину в гараж.

Мчался я по проспекту со скоростью, за которую бы меня примерно наказали гаишники, но их, на мое счастье, нигде не было. Так же лихо влетели на поле аэродрома, на котором приметно выделялся наш вертолет. Около вертолета прохаживался, поглядывая на часы, полковник Маслов.

— Запуск! — кивнул он экипажу и ко мне: — Средства защиты взял? Плохо. Принесите чей-нибудь противогаз! — Это уже к замполиту эскадрильи майору Мочанскому. Тут же мне принесли противогаз, и мы взяли курс на Чернигов.

Маслов тоже толком ничего не знал. Сообща прикинули, что вертолеты, а их готовится большая группа, понадобятся для работ на станции.

Пролетали над красивыми местами. Уже везде зелено, по-весеннему свежо. Реки и озера разлились широко и вольно. Вот прочертил гладь, как вспорол грудью, селезень. Пасутся стада. Идиллия, да и только!

В Чернигове мы узнали, что взорвался один из четырех реакторов, срочно надо его обезвредить, потому что выброс в атмосферу — охренеть можно! Как это сделать, никто пока не знает, но что без вертолетов тут не обойтись, всем понятно.

Стали прилетать наши вертолеты группами и в одиночку. Из прилетевших офицеров и прапорщиков я сколотил группы подготовки вертолетов, назначил старших, определил задачи. Пришли вертолеты из полков Украины, Закав-

казья, на пути из ЗабВО… Форма одежды самая разнообразная: кого в чем выловили, тот в том и прилетел — кто в спортивном костюме, кто в рыбацкой робе — воскресный, все же, день.

Около полуночи собрали в классе предполетных указаний начальников и старших от всех округов. За трибуной был начальник штаба Воздушной армии генерал Ивашкин, мне он знаком по Германии, там мы часто с ним встречались в одном из полков, который подчинялся ему как командующему авиацией общевойсковой армии, а я бывал там как направленец от Воздушной армии. Словоохотливый был мужик. Командир полка о нем тогда говорил:

— Ничего парень, но говорить мастер. — Однако вместо «говорить» командир употребил другое слово, покрепче, и оно хорошо вписывалось в эту краткую характеристику своего начальника.

— Товарищи офицеры! — начал свое выступление Ивашкин. — Положение очень критическое! Катастрофа мирового масштаба! Самое плохое, что никто не понимает, что делать. Вы знаете, как трудно работать с этими гражданскими; я уже не вытерпел, покрыл их матом, только тогда они зашевелились. Короче, ученые Европы и Америки, и наши тоже, говорят, что надо забрасывать реактор бором, песком и свинцом. Как это сделать, кроме нас с вами, никто не придумает. Времени на раздумье и раскачку у нас нет, завтра мы должны уже приступить к работе. Полигон определен в десяти километрах от АЭС, туда уже свозят песок, завтра же там будет свинец и бор. Кто надумает, немедленно ко мне, если я буду даже в туалете! Пока есть один вариант — сбрасывать груз, зависая над реактором.

— Но это же верная смерть! — высказался полковник из Киева. — Там же смертельная доза!

— Предложи лучший вариант, — повернулся в его сторону Ивашкин.

Обсуждение проблемы приняло хаотический характер, говорили все, не слушая друг друга.

— Надо бросать через люк. Загружать тележки и быстро опрокидывать…

— Кто их там катать будет, негры?

— Надо экипажи снабдить спецзащитными комбинезонами…

— Тут с обыкновенными не разберутся наши тылы, по два срока носим…

— Надо с внешней подвески бросать, с прохода…

— Опыта у нас такого нет, а горло реактора узкое, всего метров десять. Кругом линии электропередач и прочие коммуникации…

— На десять вертолетов дается заводом один крюк, после каждого сброса его искать в реакторе?

— Подначки оставим при себе; чем мы можем заменить этот злосчастный ваш крюк?

— Теперь он наш общий. Их надо тысячи. Сложная токарная работа.

— Не такая она и сложная, можно еще упростить, только кто будет делать? Наши полки и реморганы не потянут, и металла надо тонны.

— Дело государственное: подключат заводы. К утру мне на стол чертежи, схемы, рисунки, что угодно. Выберем вариант, — подвел итоги собрания Ивашкин.

Утром был представлен карандашный набросок цилиндрической болванки с приваренным кольцом, за которое должен крепиться парашют, заполненный песком, бором или свинцом. На заводах эту конструкцию еще упростили, но не намного, а через несколько часов на военный аэродром Чер-

нигова маленький грузовичок привез первую партию горячих еще крючьев. Примерили, испытали, годится.

Сел Ан-12, сполз с полосы и у одной из рулежек сгрузил гору парашютов. Затем заполз на полосу и улетел, натужно взвыв моторами, а у холма остался маленького росточка генерал из десантных войск. Он, как бессменный часовой, всегда оставался при своих парашютах. Посмотришь туда днем, вечером, в ясную погоду, в дождь — он всегда рядом с холмом из парашютов маленькой вешкой торчит. Подъезжают «Уралы», загружаются парашютами и уходят за границу аэродрома, а маленький генерал, отметив что-то в блокноте, остается на своем посту в ожидании нового рейса самолета и грузовиков. Чем он питается, где спит, когда отдыхает — никто не знал, — как ни посмотришь в ту сторону, то увидишь зеленый холм и рядом маленького стойкого солдатика-генерала.

Вокруг Чернобыля были разбросаны вертолеты, и я по долгу службы был в ответе за все, что связано с ними. Однажды недалеко от станции, где был какой-то временный штаб руководства, ко мне подошел командир вертолета Ми-24рхр (специальный вертолет радиационной и химической разведки) в весьма возбужденном состоянии и обратился как к последнему звену, которое может чем-то помочь.

— Товарищ полковник, скажите хоть вы им, что так нельзя работать! Мы только сегодня пять раз пролетали над реактором. Как такси нас используют! Мы понимаем, что нужны данные, но так определитесь, что нужно, и соберите их в одном вылете, передайте другим специалистам, соберите всех в одну кучу. А они, не успеешь сесть, как бегут уже и требуют лететь опять. Мы говорим, что были только что там, возьмите сведения у тех, что только прилетели, они и слушать не хотят. Мы за один день получили больше пятидесяти рентген каждый! А защиты экипажа никакой, он как сито!

— Боюсь, что ничем помочь вам не смогу, меня, как и вас, не поймут, сочтут за труса или еще что пришьют. Но я на совещании обязательно об этом скажу Ивашкину, пусть наведет порядок.

— Ивашкин? Да его там пинают как хотят! Мне один из тех, что мы возили, сказал, что Ивашкина отчитывал какой-то там член, как напроказившего двоечника, а он только мямлил что-то в ответ.

С защитой экипажей, действительно, был непорядок. Вертолет во время пролета над реактором прошивался лучами насквозь, и то снаряжение, что было у каждого члена экипажа, защищало их не больше, чем марлевая накидка от холода. А выброс был адский! Я несколько раз пролетал над реактором и видел, как стрелка бортового дозиметра ударялась об ограничитель справа на шкале, зашкаливала, как говорят авиаторы. Относительное спасение нашли сами экипажи, когда на полигон подвезли листовой свинец. Тут уж каждый бросил себе на сиденье лист да по бокам кое-где приспособили.

На полигоне было создано из «партизан» (призванных из запаса военнообязанных) несколько групп, они подсоединяли парашют к крюку на вертолете и загружали в него мешки с песком и бором, закидывали свинцовые бруски. С последними сразу дело не пошло: бруски прорывали полотно парашюта и шмякались в пыль среди человеческого муравейника. Бог милостив: никого не пришибли! Потом кто-то из «партизан» предложил обрезать купол, а на стропы привязывать слитки. Это снизило, но не исключило число падений увесистых болванок.

Дни стояли жаркие, пот заливал лицо, разъедал кожу, скапливался в респираторах, дышать было трудно, потому и висели они у многих под под-

бородком, как у лошади торба с овсом. И вообще, у многих было заметно пренебрежение элементарными способами защиты; люди не видели губительных лучей и не боялись их, тем более что на здоровье жаловаться было пока грех, оно, казалось, нисколько не ухудшилось. Чешется кожа, хрипит горло, побаливает голова — разве этого раньше не бывало? Ерунда все это!

Воздух на полигоне переполнен озоном, он ощущается не только легкими, но и ноздри чувствуют его жесткость. Пыль, поднятая винтами вертолетов, не оседает, она густым облаком окутывает землю, копошащихся на ней людей, закрывает солнце и небо.

Через несколько дней закончился свинец в слитках, потом листовой, появился в мешочках по 10 килограммов — это свозили со складов и охотничьих магазинов дробь. Мне, охотнику, больно было смотреть, как тоннами она исчезает в прожорливом жерле новоявленного Молоха, но ничего не поделаешь. Ради спасения человечества чем не пожертвуешь!

Работали с рассвета до темна. Спали по три-четыре часа. В густых сумерках заруливали вертолеты на стоянки, их слегка обмывали солдаты химрасчетов водой (называлось это дезактивацией), техники и механики заправляли и готовили их к следующему дню. Спать ложились за полночь, вставали в четыре, завтрак, аэродром, полигон, реактор, радиоактивная зараза — и так до бесконечности.

В комнате нас было четверо: трое из БВО и примкнувший к нам Чичков Олег, бывший наш белорус, но потом уехал в ЗакВО «за полковником», и вот, по-свойски, теперь живем вместе. Олег — шебутной парень, таких часто называют директорами паники или еще чем-то похожим, но он хороший парень. С ним там случился маленький конфуз: из вертолета, на котором должен был лететь Олег, выскочил борттехник-грузин (вертолет принадлежал ЗакВО), зашвырнул в поле свой шлемофон и с напором заявил:

— Нэ полэчу з вашим Чичиковым! Вклучи-выклучи! Сам нэ знаэт, чего хочэт!

Со смехом и прибаутками уладили этот инцидент, правда, за Олегом закрепилась после этого его новая историческая фамилия — Чичиков.

Нас всех одинаково ночью бил озноб, боролись с ним мы просто: полстакана спирта, чуть воды, пучок зеленого лука, обмакнутого в крупную соль, корка черного хлеба — и под одеяло. Озноб оставлял до следующей ночи.

Что ценно было — нам никто не мешал работать. Не было шифровок, запрещающих летать каждый день и помногу, мы могли снимать с одного вертолета агрегаты и ставить их на другой, вертолеты взлетали и садились в скопище народа, в облаке непроглядной пыли. К нам никто не прилетал и не приезжал не только из Москвы, но и из округов. Стали появляться позже, когда реактор пыхтел под коркой из свинца, песка и бора и не выбрасывал в воздух клубы заразы. Нужно отдать должное — вели себя приезжающие с опозданием начальники тактично, обходились скромными замечаниями, упрекали кое в чем, в силу привычки, и улетали с чувством выполненного долга. Однажды привезли нам чертежи на ватмане. Мой старый товарищ и сокурсник по Иркутскому и Киевскому училищам, теперь киевлянин, полковник Авенир Никонов, наморщив лоб, долго всматривался в чертежи, а потом изрек:

— Это вы привезли по ошибке выкройки какой-то швейной мастерской.

— Ошибки не может быть, — с гонором заявил курьер. — Да, это выкройки, но не для портных, а для вас. Вы должны по ним рассчитать количество листового свинца и срочно заказать его установленным порядком, а потом

раскроить и оборудовать вертолеты, принимающие участие в ликвидации последствий аварии на АЭС!

— Как длинно и бестолково, — закусил удила Авенир. — Можете повторить еще раз? Ни хрена не понял. Какие выкройки, если наши вертолеты уже в свинце, как ящерицы в панцире? Поздно там проснулись. Или это на будущее?

Хорошо запомнился день 9 мая. Решили чуть пораньше закончить работу, помыться в баньке да принять перед сном боевые сто граммов за Победу. В 10 часов вечера мы с Масловым были уже в комнате, копались в сумках, отыскивая что почище из белья, как вдруг влетел Олег, глаза выпучены, они и так у него не маленькие, а тут по плошке.

— Все! Конец! Реактор взорвался! Это конец!

Нас с Масловым как обухом огрели по голове. Мы застыли с ненужными нам уже тряпками в руках. Это сообщение не было для нас такой уж неожиданностью, и раньше ходили слухи, что бухтит и клокочет силушка под коркой и что должна когда-то вырваться она наружу. Но как-то все сходило, и мы успокаивались. И вот неожиданно пришло так долго нами ожидаемое. Не успели даже помыться, сменить белье, что было бы кстати, теперь-то маловероятно, что нам повезет и мы выкрутимся в очередной раз.

По тревоге уехали на аэродром, выпустили на разведку Ми-8. Ждем с физиономиями обреченных. Минуты кажутся вечностью, только надежд никаких. Из динамика слышится радиообмен. Пока ничего нельзя понять, все в оранжевом облаке. Оказалось — прорвались газы из реактора, подняли пыль, и в свете прожекторов это выглядит как взрыв. Все нормально! Ну что ж, поживем еще, потопчем матушку землицу! Баньку проехали, но от боевых ста не откажемся!

Работы с вылетами поубавилось, и мы стали думать, как избавить вертолеты от загрязнения. Большой фон давали двигатели, они засасывали радиоактивную пыль внутрь, забивали ею пористые вставки корпусов турбин и компрессоров, и «выманить» их оттуда ничем нельзя было. Впрыскивали при работающих двигателях в заборники воду, спирт. Результат нулевой. Попробовали заменить воду песком — получается что-то, но до допустимого уровня, даже для военного времени, далеко. Мы работаем вместе с группой инженеров НИИЭРАТ, они делают науку, мы им помогаем. Графики, таблицы, выводы и предложения нужны сейчас, могут пригодиться и в последующем — сохрани Бог!

Решили как-то во время таких исследований купить воды и еще чего-нибудь съестного в ближайшем селе — там был магазинчик. Поехали на уазике с открытым тентом. Никонов не стал снимать с себя чулки и прорезиненный плащ, под его подбородком болтается респиратор. Остановились у магазина, и тут же, как в сказке, около нас выросла толпа. Люди косо поглядывали на большеносого молчаливого Никонова, очевидно, принимая его за американского специалиста по атомной энергетике, а нас засыпали вопросами: что случилось, чего ждать еще, можно ли пить молоко, есть ягоды, косить траву, что будет с нами дальше? Мы в свою очередь поинтересовались, был ли у них в деревне кто-нибудь, из района хотя бы, может быть, по радио или телевизору сообщали что-либо нужное и полезное? Никого не было, никто ничего не слышал. Мы что знали из науки об оружии массового поражения, обо всем, что могло им пригодиться, поведали, посоветовали чаще мыть руки и тело, закрыть окна и форточки, отправить куда-нибудь подальше из этих мест женщин и детей…

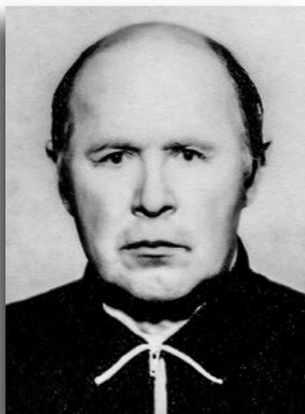
С питанием, организацией питания, и у нас не было порядка. Врач на совещании говорит: «Личный состав кормить на аэродроме нельзя, там кругом радиация! Надо возить всех в столовую». Тыловик: «Это же мне надо всех мыть, переодевать, потом уже кормить». Ивашкин: «На это уйдет уйма дорогого времени. Не годится!» И в течение дня каждый питался чем мог: кто-то грыз припасенные корку или пряник, кто-то пил молоко или кефир, у кого-то находился шматок сала.

Насколько много было проглочено нами заразы, узнали мы, когда через полгода хотели передать Ростовскому заводу для первого ремонта вертолет Ми-26. Его долго мыли и чистили всем полком, всеми имеющимися порошками и смесями, и тем не менее, завод не принял его, заставили перелететь на военный аэродром, чтобы не загрязнять заводской, и там группа специалистов под моим руководством терла и мыла его еще неделю. Приняли. Со скрипом, оговорками, но приняли. Только никто из рабочих завода не подошел к нему ближе чем на пушечный выстрел. Профсоюз поставил дирекции условия, по которым каждого рабочего, согласившегося поработать на этом вертолете, считать чуть ли не героем, осыпать деньгами и почестями соответственно. Дирекция не приняла этих условий, и вертолет, как и все остальные в полках, сгнил на отведенном могильнике.

В первый год, да и в последующие, многие участники этой эпопеи, их называют еще «ликвидаторами», ушли в мир иной или стали инвалидами. На примере одного полка, где больше всего молодых офицеров, было заметно, как подкосил людей Чернобыль. Из розовощеких крепышей они превратились в бледных, одутловатых, уставших людей. А нередко можно было увидеть, как крепкие, упитанные ребята выпихивают из троллейбусов и электричек бывших своих героев, спасших половину земного шара от гибели, за то, что они позволили себе не заплатить за проезд...

Мои личные заслуги оценены по достоинству, я награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» третьей степени. Если бы и обошли наградой, я бы и тогда не был в обиде, я ведь не за ордена и медали служил.





Евсей ЛОПУХИН

Стихами полнится душа

Шаги

Солнце где-то спряталось опять:
Знать, смотреть на землю надоело.
Где уж там загара благодать —
Чуточку тепла тебе бы, тело!
За окошком ветер всё сильней,
Тучи опускаются всё ниже.
…Слышится негромкий скрип дверей,
И шаги по комнате всё ближе.
Замерла в истоме сладкой грудь,
В ожиданьи ласки руки млеют.
Как шагов сегодня долог путь —
Будто торопиться не умеют!

* * *

Какие ничтожные цели
Ведут нас по жизни порой:
Блестели бы вещи на теле,
Чтоб все любовались тобой.
Чтоб в доме не просто достаток —
Излишком чтоб славился дом.
А то, что в душе беспорядок, —
Так он же сегодня кругом!

* * *

Песенки, летящие с эстрады,
Мнимой задушевности полны.
Ничего мне этого не надо —
Тишины хочу я, тишины…
Только где найдешь сегодня это? —
И в деревне уйма перемен:
Кажется, бежал бы на край света

От коварства, сплетен и измен.
Только там, за дальними морями,
Уж другая будет сторона:
С чуждыми полями и крестами —
Не она мне Господом дана.

Утро

Куда иду? И сам не знаю.
Зачем? Себе не говорю.
Весь неизвестностью страдаю,
Весь нетерпением горю.
Передо мной раскрыты дали,
Восходит солнце не спеша —
И отступают все печали,
Стихами полнится душа.

* * *

Мне надо для себя совсем немного,
Как говорится, минимум всего:
Нужна вперед зовущая дорога —
Надежный спутник сердца моего.
Мне надо, чтоб счастливейшие лица
Встречались бы почаще на пути,
С которыми боишься разлучиться —
Боишься, что подобных не найти.





Андрей НИКИТИН

Устрашающий вид сверху

Рассказ

25 декабря оказалось еще одним шумным, взъерошенным днем. Снег покрыл крыши зданий, забросал хлопьями автомобили. Идет троллейбус, он похож на огромное насекомое, которое вылезло из-под сугроба, не спеша следует вдоль улицы. Витрины вспыхнули разноцветными яркими огнями. В предпраздничном настроении ходят, шурша по снегу, родители с детьми — с коробками, обвязанными яркими лентами, с разноцветными пакетами.

За всем этим из окна десятого этажа наблюдает немолодой человек. На нем камуфляжные штаны, куртка с потертым воротником. Мужчина смотрит вниз и радуется за идущих людей. За родителей с детьми, за влюбленных, идущих под руку. Новый год — самое время сделать предложение! Он радуется за всех, сочувствуя лишь одиноко идущим медлительным пешеходам, подолгу стоящим у цветных витрин магазинов. Постояв немного, мужчина закрывает окно, выходит в узкий коридорчик. По обе стены коридора закрытые двери. Мужчину зовут Григорий Форс. Он работает охранником в здании универмага уже более пяти лет и перед ночной сменой проверяет помещения на наличие посторонних, а также на закрытие дверей. Свет должен быть выключен, и Гриша всегда носит при себе фонарик. Особенно пристально он всматривается в последнее помещение, в котором лежат и стоят лишние манекены, собранные со всего этажа. Они стоят, как толпа людей в вагоне метро, и если долго всматриваться, кажется, что двигаются. Гриша улыбается этому и продолжает обход, насвистывая под нос мелодию. Гриша спустился вниз, где стоял охранник, и собрался принять смену. Здание начало опустевать, работало только три этажа. Окна гасли, как звезды в небе под утро. Охранник Костя, должно быть, бредивший горячим кофе, вскоре получит его, подумал Гриша.

Посетители расходились по домам, и персонал тоже. Вот уже бежит к выходу молодая девушка, кассир с третьего этажа. Гриша мельком кивает ей, она быстро улыбается в ответ и сбегает вниз по лестнице, затем на улицу. Там ее уже ждет парень в пальто и серой шапке. Его руки в карманах, на ресницах снежинки. Он берет девушку под руку и уходит с ней вдоль сугробов. Последним покидает здание Костя.

— Давай, старик, — говорит Костя, которому под сорок. — Смотри, не храпи громко. — Он выходит из здания и на ходу надевает шапку. Гриша закрывает за ним стеклянную дверь и наблюдает за серым свечением, идущим от снега. Пока светит луна и горят фонари, на улице светло почти как днем. Гриша еще раз обходит здание, этаж за этажом, и осматривает все помещения. Он честно выполняет свою работу, как и всегда. Хорошо, когда ты нужен! Вот уже более пятидесяти лет Гриша живет на свете, но давно не помнит дня столь радостного, как сегодня. Сегодняшний день выбьет все плохие воспоминания

о лишениях, которые пришлись на долю Григория. Год назад умер его отец, мать умерла еще раньше, жены нет. И пока он обходит здание, мысленно возвращается к переломному моменту своей молодости.

Молодой студент двадцати двух лет, на последнем курсе технического факультета. И она, двадцатилетняя девушка, дочь генерала. Длинные волосы, красивые глаза, мягкая кожа. Свидания, заставляющие сердце стучать быстрее. Незабываемая улыбка Юли при лунном свете. Ее длинные волосы.

— Гриша, ты поедешь со мной? — спросила она в тот день. — Мы уезжаем в Ленинград. Папа едет по работе. Есть хорошее место, от таких мест не отказываются.

— А как же моя семья, учеба?

— Переходи на заочное. Тебе ведь всего год остался. Там доучишься. Я с отцом переговорила, он тебя устроит к себе и найдет хорошее место.

— Мне надо посоветоваться.

Короткое совещание с отцом, и Гриша принял решение. Отец его поддержал.

— Вы два года встречаетесь, Гриша, — говорил его отец. — Это твоя судьба. Запомни, шанс дают каждому, но всего один. Стоит его упустить, как твоя жизнь станет похожа на пустую тетрадь, которую некому будет заполнить. Поверь мне и моему опыту.

Два месяца подготовки, и Гриша был готов ехать. Сама судьба распорядилась так. Чемоданы в вагоне, родители обнимают сына. Любимая девушка машет им рукой, стоя в двери вагона. На ней шляпа, юбка и майка. Вот и гудок, поезд трогается, и Гриша запрыгивает в вагон, обрубив связь с прошлой жизнью.

— Теперь все будет хорошо, — шепнула ему Юля на ухо и наклонила голову для поцелуя. В этот момент ее шляпа слетела на перрон. — Гриша! Шляпа!

Парень спрыгивает на платформу, но не рассчитав скорость, падает и ушибает ногу. Вскакивает, но не успевает запрыгнуть обратно. Нога лишает его той ловкости, что была минуту назад. Гриша смотрит, как его девушка, держась за ручки двери и высунув голову, удаляется от него, а ветер развевает ее волосы.

Гриша не поехал и на следующий день. Неделю он пролежал дома из-за ушиба колена. Хотелось выть и кусать губы от обиды и досады, но увы! Гриша с болью в сердце решил остаться дома еще на год. Он доучился на стационаре, продолжая переписываться с Юлей каждую неделю. Год прошел, Гриша нашел хорошую работу и снова не поехал к девушке. Его отец лишь с досадой качал головой.

— Ты сам делаешь выбор, — говорил он, — но единственные варианты предоставляет судьба, так что не вини себя ни в чем.

Между тем время шло. Юля нашла мужа, а Гриша жену. В обеих семьях появились дети. Спустя время переписка прекратилась. Гриша писал часто, но Юля не отвечала на письма примерно год. Затем они вновь начали переписываться, делясь своими семейными тайнами. У них не было секретов. Так прошло тридцать лет. Григорий развелся, квартиру оставил дочери, а сам переехал в коммуналку. Его единственной радостью было общение с Юлей.

Григорий вспомнил все это с улыбкой. Он снова стоял на десятом этаже и подготавливал комнату. Сегодня Юля должна была приехать к нему на работу. Она сообщила в письме, что тоже развелась и в данный момент

разъезжает по городам, решая рабочие вопросы. Адрес работы, где дежурит Гриша, ей хорошо известен. Она изучила его по карте и может найти с закрытыми глазами.

Гриша ждал. Он спустился вниз и наблюдал за летящим мимо окон снегом, который все не собирался затихать. Вот из снежной мглы появляется женщина, которую Гриша не видел почти тридцать лет. Она очень изменилась. Лицо осунулось, взгляд не тот, что раньше, улыбка не сверкает, а лишь создает подобие, волосы неживого цвета. Гриша впустил ее вместе со снегом в помещение. Неловкое молчание и долгожданный поцелуй, но уже совсем не такой, как тридцать лет назад.

— Я приготовил нам столик, пойдем, — предложил Гриша.

— Да, — нежно сказала она.

Гриша поднялся с ней на десятый этаж и прошел в свою любимую комнату, где уже был накрыт стол, а из окна открывался чудесный вид на город. Лунный свет освещал бокалы и темную бутылку хорошего вина.

— Завтра мне нужно уезжать, Гриша, — сказала она немного грустно.

— Я знаю. Ты завтра уедешь, но сегодня эта ночь для нас, — ответил он и поцеловал ее в губы. Они вместе посмотрели из окна на ночной город. Затем присели за стол. Гриша открыл вино, и бокалы со звоном чокнулись, наполняя головы влюбленных шумом.

— Я очень ждал этой встречи, — сказал Гриша.

— Ты даже не представляешь, как я ее ждала, — ответила Юля. Гриша почувствовал головокружение. Возможно, от вина и вспыхнувших с новой силой чувств, которые он испытал в молодости.

— Юля, я перебрал с алкоголем, — сказал Гриша, держась за голову.

— Двадцать пять лет назад, ты помнишь перерыв в переписке?

— Да.

— Твоя Юля съехала с квартиры, и там поселился мой парень. Мы решили продолжать общение с тобой, и как видишь, это пригодилось. Когда ты проснешься, меня уже не будет в городе. Я кое-что тебе подмешала, не обижайся, — сказала женщина. Гриша поднял голову, все закружилось перед глазами, он попытался встать, но упал на пол и пролежал так до утра. Очнувшись, он понял, что ключи пропали. Бегом он спустился вниз и обнаружил пропажу большого количества ценностей. Все двери были открыты, на полу разбросанные вещи, входная дверь не заперта.

Нужно снять отпечатки пальцев! — догадался он и побежал наверх, к заветному бокалу, из которого пила его гостья. Он вбежал в помещение. На столе стояла лишь бутылка, бокалы пропали.

Даже если бы она не забрала их, она бы вытерла отпечатки, — подумал Гриша, и ему стало досадно. Гриша понял, что вчера был его последний день на рабочем месте, а возможно, и на свободе. Никогда не видать ему больше города из окна любимого помещения. Он вдруг решил выброситься из окна. Кто будет его оплакивать? Дочь? Конечно, больше некому. Но она сильная и переживет это. Уж это лучше, чем смотреть ей в глаза, когда его будут выводить из здания в наручниках.

Гриша встал на подоконник и замешкался. Стало обидно и стыдно. Обидно почему-то не за себя, а за дочь. Он закрыл глаза и отпустил руки. Глаза и виски пронзал ветер. Гриша ощутил, как падает, и на мгновение почувствовал облегчение. Удар, и он открыл глаза. Пустая комната. Он упал внутрь комнаты. Любимое помещение не отпускало его. Стало еще обидней, но делать нечего, Гриша посчитал, что так должно быть. Он в последний раз

взглянул из окна и спустился на первый этаж. Внизу ходили люди. Вот сменщик Костя, вот начальник. Боже мой! Вот его дочь, вся в слезах.

— Не плачь, Оля, — сказал он.

— Вам нужно пойти со мной и опознать тело, — сказал его дочери незнакомый человек, одетый в форму служителя правопорядка. Ольга кивнула и вышла из здания.

Значит, я упал, — решил Гриша. — *Я мертв, и она уходит опознать мое тело.*

От страха он не смог шелохнуться, в этот пугающий момент он увидел свет, льющийся сверху. Свет, мгновенно заполнивший помещение. Звуки отсутствовали, все замерло, и что-то теплое входило к нему в голову, будто мысли вливали через лейку. Одновременно со светом он понял, чего от него хотят.

— *Ты можешь уйти, а можешь остаться*, — говорил беззвучный голос. — *Но ты будешь в том месте, где был последний раз при жизни. И будешь до тех пор, пока человек, из-за которого ты умер, не покинет этот мир. Скажи свое решение*.

Гриша осознал все в одну секунду, но на обдумывание не было времени.

— *Твое решение,* — настойчиво повторял беззвучный голос.

— Я остаюсь! — сказал Гриша и сам не понял, чем он руководствовался. Скорее всего, в глубине его живет страх перед неведомым. Гриша вновь оказался в пустой комнате, на десятом этаже здания. Он подошел к окну и посмотрел вниз. Радость и уныние одновременно овладели им. Он тускло улыбнулся. Этот вид из окна станет его единственным развлечением на тридцать лет.

Примерно столько будет жить эта женщина.

Он прошелся вдоль стен и подошел к двери. Что будет, если он выйдет? Что может быть хуже, если он мертв? Ему стало страшно думать об этом, но любопытство подталкивало его к двери, как ветер толкает раскрытые ставни окон. Он открыл дверь, но ничего не произошло. Гриша сделал шаг в коридор, и в этот момент все изменилось. Все цвета, яркие и насыщенные, смешались и стали размытыми, будто он смотрел на них через матовое стекло. Оконные стекла стали пятном на сером фоне, будто на бумагу капнули разбавленной краской. Все стало размыто и мутно, как помехи в телевизоре. Григорий застыл и посмотрел на руку. Она еле виднелась на общем фоне. Напоминала черенок пожарной лопаты, который опустили на дно мутной реки. Гриша отступил в комнату, боясь, что все так и останется пугающе искаженным. Сделав шаг назад, Гриша вздохнул с облегчением: все вернулось в норму. Черты плитки на полу, грани дверных стекол, все снова четко и ясно. Гриша снова подошел к окну и смотрел вниз. Ему не хотелось ни есть, ни спать. Он не нуждался в тепле и мог просто смотреть вниз сутки напролет. Но иногда становилось печально, и он жалел о сделанном поспешном выборе. Кто знает, что за чудеса ждали его там, наверху? Но он еще успеет туда, а сейчас он мог наслаждаться без помех видом из окна. Красивым, пугающим и однообразным видом сверху.



Над вишней весенней розовый дым…

Борис ВОРОНИН
г. Могилев

Март

Синеет роща за бугром,
Поднялось солнце выше,
Но снег неровным лоскутом
Лежит еще на крыше.

Ночами замерзает шлях,
А днем повсюду влажно;
Грачи в коротеньких штанах
По лужам ходят важно.

Марина ШАПОВАЛОВА
г. п. Мачулищи

* * *

Зимушка прощаться не спешит…
И в преддверье праздника весеннего
Свищет и метет, и снег кружит:
— Я хозяйка! Здесь мои владения!

Крут свекрови норов: «Боже мой!
Нечего с невестками миндальничать!»
Помыкает юною снохой:
— Молода еще, чтоб здесь хозяйничать!

А невестка, умница весна,
Сквозь метель проглянет ясным солнышком.
Улыбнется ласково она
И растопит сердце злой свекровушки…

Михаил БУРАКОВ
г. п. Сенно

* * *

Как мастерски поет скворец:
Слышны причудливые флейты
И скрипок аккомпанементы.
Смычок на струнах, как резец,

Чеканит гроздья нот восьмых,
Бурлит, вступая, хор свирелей,
Здесь флейты дуют чуть смиренней…
Вдруг пауза: тишина — на миг.

Дыханье взяв, сыграв куплет,
Оркестрик робко продолжает,
И весь шедевр он повторяет
Уже под щебет кастаньет.

* * *

Я помню этот сладкий дым,
Мгновенно ветром уносимый.
Он еле-еле ощутим
Был на губах боготворимых,

Что с нежностью я целовал,
Закрыв глаза от умиленья.
Я с этим дымом улетал,
Совсем забыв о приземленье.

Владимир ОЛЕШКО
г. Минск

В майский полдень

Весна, к полудню жарковато.
Готовлю к лету «рай земной»,
Но сил, как вижу, маловато,
Чтоб все успеть за выходной.

Цветут нарциссы белой строчкой,
Трава обкошена «под бокс»,
Тюльпанов клумба рядом с бочкой,
И шапкой зеленеет флокс.

Уже посажена картошка,
Уж свекла кое-где взошла…
А на крылечке дремлет кошка,
Закрыв глаза на все дела.

Серафима БЕСТОВА
г. Орша

* * *

Над вишней весенней розовый дым,
Как будто корона венчальная.
Боже, наполни духом святым
Душу мою печальную.
Жизнь, ты вся суета сует,
Чем только не обожгло.
Мне б научиться глядеть на свет
Радужно и светло.

Не врала похоронка

В сорок пятом победном,
крылатом,
Похоронкам не верил никто.
Все глаза проглядели на запад,
Ожидая с войны бойцов.
И мы тоже отца ожидали,
Утешали себя тайком.
Может, жив? Ведь такое бывало,
Ошибался порой военком.
Я из школы бегу и взглядом —
Прямо в сени, мимо крыльца, —
С телогрейкой маминой рядом
Не висит ли шинелька отца?
Не врала похоронка-злодейка.
И сейчас часто видится мне:
Рядом с маминой телогрейкой
Гвоздь поникший торчит в стене.





Вита АНДЕРСЕН

*Начни сначала**

Главы из романа

Испытание детством

«Никто не научил меня быть счастливой», — думала обреченно Аманда, находясь с мужем, маленькой дочкой и падчерицей-подростком в квартире в г. Копенгаген. Кто же та змея в парадизе жизни: злобная, расчетливая падчерица Луисе с разъедающей сердце и душу ревностью, пытавшаяся утопить Аманду в ванне, может, бывшая жена мужа Мона или собственный неустойчивый внутренний мир?

Нет. В произведениях Виты Андерсен истинной и ядовитой змеей является детство.

Вита Андерсен (29.10.1942), датская писательница, дочь писателя Оге Неуцжски-Вульфа (1891—1967), с успехом дебютировала со сборником стихотворений «Наркоманы уверенности» в 1977 году. Стихотворения в прозе рисуют облик самовлюбленной до боли женщины, внесшей хаос в жизнь беззащитного ребенка и чувствующей себя никчемной без мужской любви.

Эта тема переходит в сборник рассказов «Заткнись и будь красивой» (1978), а также в романы «Следующая любовь, или Лайла и другие» (1978), «Просто жаль» (1981) и пьесу «Люби меня» (1980). В творчестве Андерсен красной нитью проходят две идеи-темы: первая — восприятие ребенка как сироты в буквальном и переносном смыслах; вторая — все герои находятся в неоднозначной социальной или нестабильной психологической ситуации. Персонаж, переходящий из произведения в произведение, — ребенок, оказавшийся помехой на пути у взрослых с их нарцистическими потребностями, у взрослых, которые сами когда-то были детьми.

В романе «Возьми меня за руку» (1987), в бесконечном желании и поиске материнской любви и заботы беспризорная дочь становится незаменимой сиделкой у пострадавшей от нервного срыва матери. Вновь тема детского одиночества всплывает в романе «Любовь Себастиана» (1992), где сложные взаимоотношения сын — мать прерываются несчастным случаем.

После издания «Любовь Себастиана» Вита Андерсен замолкает на одиннадцать лет.

Только в 2003 году выходит ее роман «Начни сначала», в котором с еще большей точностью, порой жесткостью, Андерсен изображает детские одиночество и страх.

Произведение построено на параллельности и в то же время на тесном взаимодействии детских воспоминаний главной героини Аманды о годах в

детском доме и в удочерившей ее сельской семье с нынешней взрослой жизнью с агентом по недвижимости Томасом. Аманде, чтобы выжить в элитных социальных кругах, приходится играть, как на подмостках. Ей необходимо сглаживать конфронтацию с матерью Томаса, считающей, что продавщица одежды — не самая лучшая партия для сына, и подозревающей, что мягкость и бесконфликтность Аманды фальшива и наигранна. Девушке приходится сталкиваться с проблемами, идущими от Моны, бывшей жены Томаса, нервной, истеричной актрисы, которая не в состоянии справиться с собственной дочерью Луисе.

Совсем маленькой Аманду забрали у психически больной матери и отправили в детский дом (вечно отсутствовавший отец — безответственный художник). Детский дом открыл ворота в жестокий детский мир со своими понятиями и правилами. Дети не воспринимаются взрослыми серьезно. Вита Андерсен с таким гротеском описывает ритуалы в детском доме, что это кажется неправдой. Например, знакомство девочки с гигиеной в детском доме: грубость, с которой Аманду постригли и вымыли в ванной, или бесцеремонность, с которой отобрали одежду. Даже когда девочка попала в приемную семью, ей выдали одежду, использованную одной из дочерей в семье, а ее собственная была послана родной матери.

После нескольких попыток выбраться из детского дома Аманду удочеряет сельская семья, не чтящая никого и без уважения относящаяся ко всем вокруг. Родители поколачивают сына, сын издевается над домашними животными, взрослые ради веселья вслух зачитывают письма матери Аманды, что, разумеется, откладывает отпечаток на израненной детской душе. Примитивизм, равнодушие, безразличие, эмоциональная глухота приводят к проблемам с питанием и непроходящему ощущению бездомности и неприкаянности. Где она может быть собой? Если копнуть глубже, то кто она и почему живет? Трагедия в том, что ответа героиня так и не находит до конца романа. Поэтому с первой и до последней страницы Вита Андерсен, говоря об Аманде, всегда использует местоимение «она», лишь изредка заменяя его именем. Она — никто, не знает себя, своих желаний, целей, потребностей; ее никто не учит чувствовать, любить. Никто не научит счастью.

В далеком детстве Аманда мечтала стать известной актрисой. Отец с матерью будут сидеть в театре на первом ряду и хлопать. Одноклассников она бы тоже пригласила. Взрослой Аманда играет роль на семейной сцене, где для окружающих у нее идеальная семья, а на поверку оказывается гнилой. Семейная идиллия превращается в ад.

Взрослый этап начинается со знакомства с Томасом, агентом по недвижимости и будущим мужем. Она не рассказывает ему, что живет на улице, а из приданого — два черных мешка вещей. Он, в свою очередь, тоже скрывает многое. Их совместная жизнь полна лжи.

Однако в глубине души живет надежда. Аманда верит: лучший способ спасти потерянного ребенка в себе — родить ребенка, которого она САМА будет любить. Рождается дочка Лаура, но ситуация лучше не становится. Томас полностью занят четырьмя наиболее значимыми для него женщинами: матерью, бывшей женой и двумя дочерьми. Аманде остаются крохи внимания. Лаура отдает предпочтение отцу и отказывает в нем матери. Аманда буквально крадет поцелуи и объятия дочери. Поведение Луисе, приемной дочери Аманды, переходит дозволенные границы. Девочка мечется между двумя незрелыми родителями, которые не в состоянии не только поделить дочь, но и взять ответственность за нее.

Изменились роли в семье. Теперь одной любви недостаточно. Наравне со взрослыми дети вовлечены в игру по распределению власти, с которой им не справиться. Аманда из наилучших побуждений, не зная иного способа

демонстрации любви, покупает сладости, плюшевых мишек и игрушки по первому требованию детей. На кону стоит не только одинокий, всего боящийся ребенок, но и не думающий о других, плетущий интриги эгоист, вовлекающий родителей в игру любовь — власть, где победителей нет.

Аманда не справляется, аплодисменты не звучат. Она продолжает метаться, пытаясь найти и понять себя. Результат не заставляет ждать — после измены Аманды следует развод, Лаура не хочет видеть мать.

Конец романа открыт. Какая жизнь ждет главную героиню? Станет она исчадием ада и окончательно собьется с пути; продолжит ли поиски «внутреннего я», или произойдет осознание происходящего, и Аманда будет ангелом-спасителем для собственной семьи?..

За романом «Начни сначала» последовали роман «Анна Зои» (2006) и роман «Никому не говори» (2012). Оба произведения повествуют о сложных семейных конфликтах поколений.

За творческие достижения Вита Андерсен неоднократно получала призы и награды: Золотую Лавровую Ветвь за книгу «Заткнись и будь красивой» (1979), Приз Критиков — за роман «Возьми меня за руку» (1987), Приз Серена Гюльдендаля (1991) и другие.

Моя жена бреется

— Моя жена бреется, — сказал папа. Сложный процесс, ежедневно происходящий в ванной и включающий в себя полотенце, перекинутое через плечо, пену для бритья и бритву.

— Как зубы почистить, — отвечает она.

Она выбрила лоб. Высокий лоб — признак творческой одаренности, ума, воображения и сильной личности.

Заколола длинные волосы заколкой. Иногда оставляла короткую треугольную челку, когда-то выстригала чубчик, в иные разы — просто выбривала лоб. Если выбривала слишком много, то лицо становилось похожим на луну.

Волосы росли не по дням, а по часам, отчего приходилось бриться чаще. Прекрасный овал лица, длинные черные волосы, алые губы.

Она откинула Аманде волосы со лба.

— Изумительный лоб, — сказал она. — Это у тебя от меня.

Мама бросила в папу белой пеной для бритья. На пене остались отпечатки ее пальцев, что напомнило лестницу из взбитых сливок.

Папа обхватил маму и закружил.

— Джек, я порежу тебя, — заливисто хохотала мама.

Он осторожно вытащил бритву зубами из маминой руки и швырнул на пол.

— Моя жена — опасная женщина, — сказал он.

Отросшие волосы были абсолютно другими, чем струившиеся по спине.

— Я же только вчера их брила, — вздохнула она. — Опять выросли.

Волосики навевали сравнение с шерстью обезьяны, торчащей в разные стороны.

— Ой! — вскрикнула мама, порезав палец. Три пальца на левой руке уже были залеплены пластырем.

— Попробуй пинцетом, — посоветовал папа. — Выдернешь их с корнем, расти будут не так быстро.

— Давай я, Джек?

Она приподняла его лицо и, зажав пальцами нос, стала медленно сбривать щетину и пену со щек.

— Джек, я нашла письмо в твоем кармане.

— Ты не имеешь права рыться в моих карманах, — ответил папа.

Раздался скрежет бритвы.

— Ты могла мне горло перерезать, — заметил папа.

— Хотелось бы, — отреагировала мама. — Но не сегодня.

Любовь

Внезапно они очутились на улице Линнесгаде. Мама громко разговаривала. Она говорила про обувь, которую хочет купить. О выставке, которую мечтает посетить.

— Шшш, — вдруг шикнула она. Поневоле мы обернулись.

По противоположной стороне улицы шла женщина в красном пальто, пышные рыжие волосы волнами лежали на плечах. На одном из очень высоких каблуков отвалилась набойка. Хотя она шла, держа спину по-королевски прямо, что-то в ее походке было неуверенное.

— Она не должна нас заметить, — прошептала мама. — Только посмотрите, как она идет! Она пьяна!

Женщина обернулась и послала маме уничтожающий взгляд. Ее лицо было коричневым от загара и напудренным; нос выглядел, словно его окунули в муку; большие глаза сузились до двух щелочек.

— Ой, как неприятно, — сказала мама. — Она меня ненавидит. Ну, а мне все равно.

— Кто это?

— Неважно, — ответила мама и вернулась к покупкам.

Но она отлично знала, что то была первая жена отца. Она узнала ее по фотографии, обнаруженной в его мастерской.

Самое счастливое время

Вечером они ужинали в ресторане при гостинице. Она ела любимый шпинат с яичницей, а отец пил красное вино, глоток которого ей разрешили попробовать. Позже он сидел на кровати и рисовал в большом белом альбоме. Он взглянул на нее.

— Это я? — поинтересовалась она.

Он кивнул. Она приподняла подбородок, чтобы эффектней выглядеть, и улыбнулась.

— Сиди спокойно! — рявкнул он. — Раньше лучше было.

Гостиничный номер оказался темным, чистым и с деревянной мебелью. Не успели они войти, как он кинулся сдвигать кровати.

— Так уютней, — сказал он. — Как одна большая кровать.

Он взял еще одну бутылку вина из ресторана.

— Ты будешь раздеваться? — спросила она.

— Как только закончу рисовать, разденусь и спать!

— Откуда ты знаешь, когда закончишь рисовать? — поинтересовалась она, представив, что он продолжит рисовать, пока она не уснет.

— Просто знаю.

— Когда начнет не получаться?

— Можно и так сказать, — улыбнулся он.

Отец рассказал о демоне по имени Ори. Он невидим, перевоплощается в кого угодно и крадет души. Отец встал, задернул занавески и зажег свечу.

— Свечка отгонит демонов. Ууу…

Она поежилась под одеялом.

Он стал рассказывать о китах, чьи языки имеют одинаковый вес со слоном. О китовых сосудах, которые настолько широки и объемны, что человек может спокойно плавать в них.

Зазвонил телефон.

— Нет, — ответил он. — Нет. Нет. Мы можем обсудить это в другой раз?

Он швырнул трубку.

— Мама? — спросила она.

— Нет, — ответил он.

Телефон зазвонил снова. Отец выдернул шнур из розетки.

— Ты ее любишь?

— Отныне и вовеки веков. И тебя люблю, бандитка.

Он пощекотал ее, и она рассмеялась. Внезапно он вырвал рисунок из альбома, скомкал в шарик и выбросил из номера.

Отец продолжил рисовать.

— Полезно для здоровья, богато железом, — констатировал он, пробуя новое вино.

Ей не понравился вкус, зато по душе пришелся бокал на длинной ножке с красной жидкостью и восхищенный взгляд отца. В номере витал сладковатый, теплый запах.

Она проснулась от жужжания электрической бритвы.

Он ходил кругами и брился.

«Скоро он переоденется в пижаму», — подумала она и заснула. Опять проснулась. На этот раз от храпа. Или кто-то шебаршился в шкафу?

— Пап, ты храпишь! — она протянула руку к другой кровати, но та оказалась пуста. Нащупала подушку. Зажгла ночник. Цветы на занавесках превратились в живые лица. Да еще и злобные. Она сразу же выключила лампу. Но лица полетели с занавесок на нее. Она слышала, как они шлепаются на одеяло. Вновь зажгла ночник, лица на занавесках корчили злые рожи.

— Папа, — прошептала она.

Она встала, раздвинула занавески и сложила лица на ткани, отчего те завыли и закричали. Одно лицо прыгнуло на руку. Тотчас она задвинула занавески, и лица вернулись назад. Но на руке осталось красное пятно.

Она заглянула в шкаф: пальто отца отсутствовало. Если зажжет свечу, то пламя испугает демонов. Она стала искать спички, но нигде не нашла.

Лифт был украшен решеткой с цветами из железа, и она решила спуститься по лестнице. Дрожа от холода в ночной рубашке, медленно шла по широкой витой лестнице, стараясь не наступать на желтые цветы на красном ковре. На стенах висели картины с цветами и корнями. Как же много цветов в гостинице!

— Зачем тебе спички, дружок? — поинтересовался мужчина за стойкой, одетый в синюю форму с позолоченным галуном.

— Мне надо зажечь свечку, — ответила она.

— Свечку, — повторил он и пошел в смежное с ресепшен помещение. Он вернулся с другим мужчиной в аналогичной форме.

— Ты уверена, что спички нужны только для свечки?

— Да, — подтвердила она. — Чтобы демонов отогнать.

Безусловно. Оба мужчины продолжали пристально смотреть на нее.

— У вас разве нет спичек? — повторила она.

— Давай лучше твоему папе позвоним?

— Хорошо, — согласилась она.

Ей дали стакан молока и кусочек шоколадного торта с розовыми марципановыми цветочками. Когда она соскребала их с торта, цветы кололи пальцы. Она сжала их в твердый шарик и съела.

Ей положили одеяло на ноги. На одеяле красовались цветы. Она позволила упасть ему на пол.

— Не мерзнешь? — спросил работник гостиницы.

— Нет, потею.

Периодически открывалась входная дверь, ее обдувало прохладным ветерком. Она ждала.

Наконец появился отец.

— Принцесса, ты спать должна. Почему проснулась?

— Ты храпел, — ответила она.

Позади отца стояла женщина в красном платье и с шикарной прической. Вокруг нее витал аромат дорогих духов.

— Моя чудесная дочка Аманда, — представил он девочку. — А это — Жозефина.

— Какая милая, — сказала дама, а в глазах мелькнула ненависть.

Отец поцеловал женщину в щеку.

— До завтра, дорогая, — попрощался он.

Цоканье высоких черных каблуков затихло, как только женщина скрылась за дверью-вертушкой.

— Ты любишь ее больше, чем маму? — спросила девочка, когда они поднимались в лифте.

— Я тебя люблю, — ответил он, улыбаясь и зевая одновременно.

Смотри, я умею плакать

— Смотри, я умею плакать в руку, — сказала мать.

Ее ладонь была влажной, полной слез. Мать держала ладони перед лицом, ловя крупные скатывающиеся слезы.

— Разве не красиво? Как стихотворение. Взгляни, какие у меня голубые слезы!

— Здорово, мам, — ответила Аманда, не отвлекаясь от игры.

Мать осторожно, стараясь не расплескать слезы, вышла в другую комнату. Прошло время. Внезапно с грохотом распахнулась дверь. В одной руке мать держала большой коричневый чемодан, вторую прятала за спину.

— Джек, — сказала она, обращаясь в пустоту. — Тебя не учили прощаться перед уходом? Ужасное воспитание. Никогда не задерживаешься на одном месте.

Мать уронила чемодан на пол. Ее глаза блестели, и казалось, не видели ничего вокруг.

— О чем вы секретничаете? — резким тоном спросила она.

— Папы здесь нет, — объяснила Аманда. — Он в Испании рисует.

Она встала, чтобы пойти к себе в комнату и спрятаться под кроватью.

— Куда вы? — задала очередной вопрос мать.

— Писать хочу, — прошептала девочка.

— Вы сговорились против меня, — заявила мать. — Думаете, не знаю, что вы устроили заговор. Против меня. Я не сумасшедшая.

Аманда стояла словно парализованная.

— Джек, — внезапно крикнула мать. — Ты позна́ешь мою любовь!

Мать вытянула руку: блеснул длинный тонкий шпатель. На рукоятке — голубой рисунок.

— Ты стоишь слишком близко, — заметила она и ударила Аманду по руке.

Тут же на коже проступило пятно в виде алых губ. Боли не чувствовалось.

— Я вас просчитала! — заорала мать. — Вон отсюда!

Аманда попятилась. Тогда мать ударила ее по шее. Теперь было больно. Девочка дотронулась до шеи, ладонь наполнилась кровью. Она заплакала. Губы на руке стали больше.

— Солнышко, — встрепенулась мать. — У тебя кровь.

Она отбросила шпатель.

— Что случилось?

— Мое солнышко, — Барбара повернулась, оказавшись лицом к лицу с Лаурой.

Лаура обожала тараторить — она была той еще болтушкой.

Девочка ухватилась за мясистый нос Барбары.

— Что это? Давай посигналим! Би-би!

Нос Барбары был такой же большой, как и у ее сына Томаса. Но если на Томасе он смотрелся шикарно, то Барбару он портил. Лаура унаследовала нос Аманды. «Какая удача!» — замечал всегда по этому поводу Томас.

— Это нос Барбары, золотце.

— Он слишком тяжелый, — заявила Лаура и, показав на грудь Барбары, продолжила: — Это тоже слишком тяжелое.

— Фу, какие вещи ты говоришь, — засмеялась Барбара.

— Ты слишком тяжелая для ботинок Томаса, кровати и собачки у магазина Нетто, — сказала Лаура. — Ручки!

Томас взял девочку на руки.

— Папа, я колдую! Можно подарок? — попросила она сверху.

— Нельзя поощрять плохое поведение, — укоризненно произнесла Барбара.

— Мам, прекрати, — отмахнулся Томас.

— Лаура несчастна: она не справляется с той властью, которой вы ее наделили.

В гостиной для Лауры открывались большие коробки.

Барбара купила одежду для Лауры и Луисе.

— Я знаю, что нравится абсолютно всем, — сказала она.

Для Луисе предназначались черные брюки и черная футболка.

— Черный — цвет настоящих панков! — объяснила Барбара.

— Не черный, а красный и розовый, — воспротивилась Луисе. — Почему удочерили Лауру? Она не похожа на тебя, пап... На нее тоже не похожа.

Луисе слегка мотнула головой в сторону Аманды.

— Ну почему же, похожа, — ответил Томас. — Аманда в детстве была точно такой... Прелестной, красивой и милой.

— У нее несветлые волосы, и корни темные, — настаивала Луисе.

Аманда не помнила себя в детстве.

— У Лауры моя голова, — сказал Уилльям.

— И мои глаза, — добавила Барбара.

— У тебя коричневые глаза, — упорствовала Луисе.

— Раньше были голубые, — нашлась Барбара.

— Ты забыла сегодня улыбку, Луисе, — сказал Уилльям. — У тебя очень очаровательная улыбка.

Луисе высунула язык до подбородка и закатила глаза.

— Люди слепы, когда дело касается их детей, — произнесла она.

— Послушай, Луисе, я давно тебе рассказывал о младшей сестренке, — обратился к девочке Томас. — Мы сто раз это обсуждали дома у твоей мамы.

— У моей мамы в кино всегда с собой фонарик и зеркальце, чтобы следить за макияжем, — заявила Луисе. — Ей нужно хорошо выглядеть, потому что на улице ее ждут фанаты.

— Интересная информация, — заметила Барбара. — Мона — сама себе злейший враг.

— Да, но она хорошо выглядит, — отреагировал Уилльям.

Луисе улыбнулась ему. Девочка делила людей на тех, с кем она хочет разговаривать, и на тех — с кем не хочет. К первой группе относились Томас, Барбара и Уилльям, а ко второй — Аманда и Лаура.

Правда, это не совсем так, потому что, когда вошла Аманда с блюдом закусок и поставила его на стол, Луисе сказала ей:

— Слушай, подвинься-ка!

— Надо что-то делать, — сказал Томас в телефонную трубку. — Лауре скоро четыре, и я хотел бы, чтобы Аманда и Лаура стали частью жизни Луисе.

— Мой терапевт говорит, что для Луисе вредно встречаться с твоей новой дамой, — ответила Мона.

Когда Луисе было пять, Мона сделала запись на желто-оранжевом магнитофоне с синими кнопками. «Остаться с мамой», — раздавался голос Луисе. Голос Моны: «Папа хороший...» — «Нет, нет, с мамой, моей мамой, моей!» — истерично кричала Луисе. Мона включала запись каждый раз при обсуждении Луисе. Томас швырял трубку, перезванивал позднее и сразу слышал запись с плачущей Луисе.

— Прекрасным оттенком серого «а ля Луи Сеж» выкрашены стены в столовой, — сказала Барбара. — Цвет скрадывает все шероховатости.

Они пили шампанское в окружении подарков и упаковочной бумаги.

— За тебя, Луисочка! — поднял бокал Уилльям. — Узнаешь свою квартиру?

— Нет, и не хочу. Мне надо позвонить маме, — поднялась Луисе.

Лауре Уилльям подарил набор для рисования, который девочка тут же принялась использовать по назначению. Длинная зеленая полоса заполнила лист.

— Только не по столу, солнышко, — попросила Барбара.

— Что это? — поинтересовался Уилльям.

— Нога, — с уверенностью ответила Лаура. — Слишком тяжелая.

— Пусть будет нога, — согласился Уилльям.

— Солнышко, а почему она зеленая? — спросила Барбара.

— Она лиловая, — сказала Лаура.

— Конечно, — произнесла Барбара. — Это для меня?

— Папе, — заявила Лаура.

— Можно папе поцелуй? — спросил Томас.

— Нет.

— Ты станешь такой же талантливой художницей, как твой дедушка, — похвалила девочку Барбара.

— Нет, — повторила Лаура.

— Я видела две его картины у Брууна Расмуссена. Они проходили оценку, — сказала Барбара.

— Должно быть, он — занятный человек, — заметил Уилльям.

— Можно купить его картину со скидкой для семьи? — Барбара улыбнулась Аманде.

— Не знаю, спрошу у него при следующем разговоре, — соврала Аманда.

— Тебе, наверное, было с ним очень интересно в детстве, — предположил Уилльям.

— Аманда никогда не рассказывает о детстве, — откликнулся Томас. — Сколько раз я предлагал навестить ее отца.

Луисе вернулась в гостиную с поднятыми вверх руками.

— Да, да, да! — кричала она. Зеленые мешковатые брюки сползли

вниз, оголяя живот и трусы с розовыми слониками. На короткой черной футболке красовалась надпись по-английски: «All These And Brain Too».

— Мама идет завтра на кастинг, режиссер от нее без ума. Она заберет меня через час.

— Мы договорились, ты сегодня ночуешь у нас, — возразил Томас.

— Не хочу, — ответила Луисе. — Все изменилось. Мама получила главную роль.

— Договор есть договор. Я позвоню Моне, — решил Томас.

— Мне еще сочинение писать на завтра, — добавила Луисе.

— Ну и о чем?

— «Когда я бываю ангелом, а когда — чертенком».

— Почему ты до сих пор его не написала?

— Это полицейский допрос? Мама обещала помочь.

— Почему она не помогла? — допытывался Томас.

— Да пойми ты, — заявила Луисе. — Я не хочу здесь находиться. А у мамы не было времени.

— Некоторые заводят ежедневник, — Томас встал. Аманда видела по его спине, как он зол. — Позвоню ей.

— Это — настоящая травля! — воспротивилась Луисе.

— Ты никогда не слышишь, что тебе говорят! — заорал Томас.

— Томас с детства идет по пути наименьшего сопротивления, — заметила Барбара.

Томас открыл бутылку вина.

— Мона, будь добра, посади Лауру на детский стул, — попросил он.

— Папа, как ты смеешь называть ее маминым именем! — закричала Луисе.

— Я не называю, — Томас склонился над штопором.

— Ты стоишь и...

— Продукты из моей фирмы, — громким голосом произнесла Барбара. — А Аманда их приготовила.

— Оп! — Аманда подняла Лауру на стул. Она посмотрела на маленькие ручки Лауры. Как же Аманда любила мягкие складочки на детском теле и сладковатый запах волос!

— Ой, мама, ты сломаешь мне руку! Прекрати, — захныкала Лаура.

— Ну-ну, солнышко, — попыталась успокоить девочку Аманда. Она почувствовала на себе пронзительный взгляд Барбары. Каждый раз, когда она обнимала или целовала Лауру, девочка сопротивлялась и кричала, что ей больно. Барбара перевела взгляд с рук Аманды на миску на столе.

— Могу я попросить тебя, Аманда, самой смолоть кокосовую муку; так вкуснее, — сказала Барбара.

Аманда подавила желание признаться, что она сама это сделала. Признание вызовет поток слов. Каждое произнесенное Барбарой слово провоцировало боль.

До знакомства с Томасом Аманда видела Мону с Луисе на улице. Тогда ей пришло в голову: «Так невозможно выглядеть». Супероблегающие розовые лосины обтягивали ее попку размером не больше кулака. Сверху — куртка из цветастого искусственного меха, длинные светлые волосы распущенны. На босых ногах туфли на высоченных каблуках. Она держала Луисе за руку. Внезапно Мона отпустила руку девочки, дала ей подзатыльник и сказала:

— Сними шапку, ты в ней как идиотка.

Ребенок снял шапку и заревел. Это произошло? Когда на обложке журнала «Смотри и слушай» появилась фотография Моны с заголовком «Супердива снята с главной роли».

— Вранье! — кричала она в трубку Томасу. — Режиссер хочет переспать со мной!

Томасу пришлось утешать ее весь вечер.

Мона — женщина, способная выглядеть очень по-разному. Аманда видела ее в офисе Томаса в разгар их романа. Мона настолько поражала красотой, что при ее появлении по офису разносился всеобщий вздох. «У меня нет шансов, — думала Аманда. — Я по сравнению с ней корова или доярка на крайний случай». Что-то хищное было в лице у Моны, кожа натянута на скулах, подбородке и лбу. Барбара еженедельно покупала три журнала желтой прессы посмотреть, есть ли там фотографии с Моной. В ее представлении Мона всегда красива, необыкновенна и неподражаема.

Секретарша протянула руку.

— Ключи, — произнесли ее губы.

Аманда положила три ключа от квартиры Томаса на открытую ладонь. Они звякнули.

— Вам письмо от Томаса, — сказала секретарша. — Ваши вещи упакованы.

Она показала за спину. В углу стояли большая сумка и четыре пластиковых пакета.

— Вам не обязательно все забирать за раз, — в голосе звучала насмешка, в глазах торжествовало злорадство.

В том углу — ее жизнь с Томасом. Еще накануне вечером они любили друг друга, а после он долго разговаривал по телефону.

Он стал другим, когда вернулся? Обычно они обнаженные засыпали в позе ложки.

Он надел пижаму: он почувствовал симптомы простуды во время разговора по телефону. Он поцеловал ее на ночь, чмокнув в лоб. Когда не можешь заснуть, мозг начинает делать ошибки. Утром разговоры по телефону возобновились. Он отвез ее на работу.

— Плохо спал ночью. Лягу пораньше, полечу простуду. Всего хорошего, — Томас отрешенно посмотрел на нее. — Всего хорошего.

Холодные и ничего не значащие слова.

— Можно поехать с тобой в карманчике?

Он поцеловал ее в лоб.

— Позвоню, — сказал он и завел мотор.

Аманда стояла на тротуаре напротив квартиры Томаса. Он сжег белье, на котором они спали?

Она увидела, как Томас, Мона и Луисе выходят из ворот. На улице стоял холодный, безоблачный день. Не прошло и часа, как они возвратились. Томас вел Луисе за руку, в другой руке он нес мешок с покупками. У Моны обе руки заняты мешками. Аманда никогда не замечала, какие красивые у Томаса губы. Эти красивые губы поцеловали Мону, когда он закрывал дверь. Кого угодно, только не Мону.

Аманда вернулась к себе в съемную комнату и нарисовала большую квартиру Томаса. Она нарисовала всю мебель, каждый ковер, каждую диванную подушку и даже кухонные принадлежности, висящие над электроплитой. Она попыталась изобразить самую мягкую подушку в спальне, из-за которой они в шутку дрались.

— Хорошо, — сдавался Томас. — Отдам за поцелуй.

Она больше никогда не увидит квартиру Томаса, не полежит на просторной кровати, не постоит на его стопах и не потанцует под его музыку. Мона присутствовала в их совместной жизни ежеминутно все три месяца. В постели, у кухонного стола, на диване. Как в кино. Сначала Аманда принимала участие в фильме, позже, при просмотре обнаружила, что эпизоды с ее участием вырезали.

Она начала разговаривать с ним, ругать его: «Так нормальные люди не поступают. Ты — ненормальный. Какое счастье, что мы расстались».

Разговоры происходили дурацкие, хотя это были не разговоры, а монологи. «Так не может быть!» Многого в ее жизни могло не быть.

Однажды вечером Аманда стояла перед домом Томаса, и кто-то окликнул ее по имени. На долю секунды ей показалось, что это Томас, и она побежала ему навстречу, как вдруг столкнулась с совсем незнакомым мужчиной.

Сначала боль приглушалась сделанными ею куклами вуду Томаса и Моны. Аманда втыкала иголки в сердца и головы кукол. Она не желала им смерти, просто хотела, чтобы они исчезли, а она заснула и время пролетело.

Но вот Мона вновь появилась на обложке «Смотри и слушай». В правом углу маленькая фотография мужчины и надпись: «Новый друг Моны».

Пришло письмо от Томаса: «Любимая Аманда. Это была ошибка. С Моной меня больше ничего не связывает».

Аманда переехала в его квартиру. Она прислушивалась к Томасу. Заботилась о нем, как никогда и никто раньше. Воровала деньги из бумажника. Забеременела, не спросив о его желании.

Испытательный срок

Она шла между мужчиной и женщиной. Они держали ее за руки и поднимали так, чтобы она могла кувыркаться. Она их не знала. Словно земля была сверху, небо — внизу, облака напоминали большие подушки, сшитые по углам.

— Еще, — потребовала она и кувыркнулась. Из-за всего этого кувыркания ладони вспотели и стали липкими.

— Посмотри на ее ресницы! Какие длинные и изогнутые! — Женщина погладила ее по голове. — Какой прелестный цвет волос!

Они прошли мимо крана, женщина остановилась и обрызгала мужчину водой. Они дурачились, как дети, и хохотали, промокнув насквозь. Она же была взрослым ребенком.

— Какая она милая! — сказала женщина. — Взгляни на ее ножки! Разве не хорошенькие?! Как она мило их ставит рядом!

Потом они готовили ужин. Женщина протянула ей зеленый сморщенный огурец и большой нож.

— Сможешь нарезать его квадратиками? Ты бы мне очень помогла.

Она резала и резала. Чик-чик-чик, весь огурец.

— Посмотри, какие у нее маленькие ручки по сравнению с большим ножом… какими милыми кусочками она нарезала огурец!

Они вымыли посуду, и ее похвалили за то, как она вытирала тарелки: сначала спереди, потом — сзади. Похвала была для нее необычна.

— Смотри, как бы мы тебя не оставили, — пригрозил мужчина.

Женщина подарила ей красную сумку, по форме напоминающую половинку дыни, с золотой молнией в виде головы женщины со змеями вместо волос.

— Это Медуза, — пояснил мужчина.

— Ты должна носить ее на руке, как благородная дама, — порекомендовала женщина. — Или через плечо. Так даже лучше.

— Эй, сумка без денег — так не пойдет. — Мужчина взял пятидесятикроновую купюру и положил в сумку. — Теперь твоя сумочка будет полна денег.

Они суетились вокруг нее, баловали, восхищались ею.

— Ты можешь обвести папу вокруг мизинца, — сказала мама.

Почему мизинца? Средний палец гораздо длиннее. Она представила себе маленьких, плоских человечков, обвитых вокруг всех пальцев.

В гостиной стояло огромное зеленое растение. Листья набухли и стали сочными, как зеленые помидоры. Она принесла вилку. Раздался хлопок, когда она проткнула лист вилкой. Сок закапал на пальцы и пол. Листья становились вялыми, но она не могла остановиться. Женщина вошла в гостиную. Из ее горла вырвался хрип.

— Боже, мой фикус! — закричала женщина.

— Я только хотела помочь растению дышать, — призналась она.

— Извини, что накричала, — женщина забрала вилку.

Она их презирала. Они даже не чувствовали, что она врала.

Ближе к вечеру они сидели в маленьком садике.

— Я умею крутить сигареты, — похвасталась она.

Она завернула сухие листья в трубочку из газеты.

— Посмотри на ее маленькие ручки, — умилилась женщина.

Мужчина зажег сигарету. Газета мгновенно загорелась, и он быстро отбросил ее от себя.

— Крепкий табак, — он протянул девочке двадцать крон.

«Как их легко обдурить», — подумала она.

Она сидела на маленьком диване и болтала ногами. Когда легла, то была вынуждена свернуться калачиком. Диван оказался жестким, как дерево.

— Она там не может спать, — заметил мужчина.

— А где мне спать? — спросила девочка.

Остались кухня и ванная.

— Придумаем, — пообещал он.

Внезапно она ощутила дикую усталость. Как будто ей пришлось побывать во многих местах за один день. Она не могла ни видеть, ни думать. Кости стали мягкими.

— У нас большая кровать в спальне, — сказал мужчина. — Ты писаешься по ночам?

Она покачала головой.

Места для трех человек в кровати оказалось мало. Они лежали, как приклеенные друг к другу.

— Я лягу на пол, — решил мужчина. — Не в первый раз.

Он сбросил подушки на пол и поправил их. Она лежала на кровати с женщиной и смотрела на него сверху вниз. Заметила складки на его шее и морщинки у рта. «Он же старый», — подумала она.

— Да, да, смейтесь, — сказал мужчина. Подушки разъехались, он лежал на голом полу. — Намного полезнее спать на жестком, чем на мягком матрасе.

Утром он лежал на кровати. Она подвинулась к самому краю, чтобы освободить больше места. Когда она спускалась по лестнице, услышала, как мужчина говорил на кухне:

— Оставь ребенка в покое!

Речь шла явно не о ней.

Вначале она боялась кухни Томаса. Это была не обычная кухня, где семья готовила еду, а самая настоящая лаборатория с аппаратами: комбайн для приготовления мороженого, кофеварка, два миксера, три различных соковыжималки, блендер, маленькая плита, плита с духовкой и неработающая хлебопечь. Над плитой фирмы «Smeg» на магнитах висели новейшие японские ножи, напоминающие ножи для метания. Казалось, если за ними не присматривать, они воспарят и будут летать по кухне. Огромная плита оснащена массой кнопок, штучек, несколькими крышками и с комбини-

рованной газовой и электрической панелью. Хорошо, что Томас научил ее готовить всевозможную еду в микроволновке. Блюда из яиц, вареный рис, шпинат, тушеный в сливках.

Она тщательно отмерила нужное количество воды и положила четыре яйца в стеклянную миску с крышкой. Ей хотелось именно яиц всмятку. Не успела она пойти в ванную почистить зубы, как раздался пистолетный выстрел. Четыре яйца взорвались. Дверца микроволновки отскочила и смела все со стола на пол: большую стеклянную миску и четыре антикварных стакана, подаренных Томасу его матерью. Поэтому сейчас она, сидя, вытаскивала осколки стекла из стопы и скручивала влажные бумажные полотенца, чтобы остановить кровь. Она наступила на стекло, когда подошла взглянуть на печь, заляпанную яйцами. Поставила в микроволновку пакет попкорна, чтобы убедиться в рабочем состоянии печки. Томас часто жаловался: «Почему ты такая непрактичная?»

Зерна попкорна раскрывались, но сама печь горела подозрительным огоньком. Может, дверца сместилась? Разве микороволновые лучи не опасные? Она посмотрела на дверцу, явно висевшую криво. Томас разозлится. Она начала ругаться, меняя на стопе повязку из бумажных полотенец.

— Ты со своей дурацкой кухней, ненавижу всю эту хрень в идиотской кухне! Я ничего здесь сделать не могу, Томас!

Она услышала по-военному четкие шаги позади себя. В дверях увидела черную туфлю и черный чулок с красным рисунком. По мере приближения обуви, ног и меха рисунок на чулках превратился в красные ножи и вилки на черном фоне.

— С кем ты разговариваешь? — поинтересовалась женщина.

— Готовлюсь к театральной постановке, — ответила Аманда.

Томас часто говорил, что она, погружаясь в собственные мысли, похрюкивает и стонет, как бродяжка.

— Ты — актриса, как Мона?

— Нет.

— Мне послышалось, ты сказала «Томас»?

Ключи звякнули между двумя длинными красными ногтями.

— Это из драмы Ларса Норена[1], — пояснила Аманда.

— А Моны разве нет дома?

Аманда поднялась с пола и одернула футболку.

— Ты — новая девушка у Томаса?

— Да, — по-дурацки ответила она.

— В прихожей полно пыли. И четыре пластиковых мешка со старой одеждой. Ты не могла бы выкинуть их?

— Это моя одежда, — пробормотала Аманда.

Женщина театральным жестом приложила руку к уху.

— Говори громко и четко, дружок. Иначе не слышно, что ты бубнишь.

Она провела пальцем по полке со специями.

— Здесь тоже пыль. Обещай все убрать к моему следующему визиту.

Женщина прошлась по кухне и принюхалась.

— Пахнет противно. — Она подошла к Аманде, осколки похрустывали под ее туфлями. — Не пойму, ты так пахнешь или кухня. Выпрями спину и оденься — Мона может прийти.

Аманда в оцепенении уставилась на женщину.

— Тебе надо к стоматологу, — продолжала женщина. — У тебя желтые зубы. Однозначно ты пьешь слишком много кофе. Да и кожа не очень хорошая.

[1] Ларс Норен — шведский поэт, драматург, сценарист и театральный режиссер. — *Прим. пер.*

Женщина поставила большую коричневую коробку на стол. Аманда обожала коробки: картонные, из-под апельсинов или вина. Она разрисовывала их и хранила там вещи. «Ты — моя находчивая девочка», — говорил Томас.

— Я — Барбара Берг, мать Томаса, — представилась женщина. На ее волосы падал красноватый свет.

— Аманда, — смущенно протянула руку девушка.

Барбара, не обращая на нее внимания, продолжала выкладывать вещи из коробки. Руки Барбары были загорелые и морщинистые. На левой руке — большой перстень с синим камнем, на правой — два белых кольца и золотое обручальное кольцо. На запястье — золотые часы на свободном ремешке. Манера ее разговора была с претензией на интеллигентность и сопровождалась чрезмерной жестикуляцией.

— У меня фирма «Здоровый образ жизни», к тому же, я занимаюсь сбором средств для Красного Креста.

Она открыла холодильник и принялась загружать в него продукты.

— Вот экологическая нарезка для Луисе в школу. Скорее всего, бутерброды ей делает Томас, верно?

Барбара начала вытаскивать продукты из холодильника и смотрела на них с отвращением.

— Что это за гадость? Чистейший яд!

Она швыряла содержимое холодильника в мусорное ведро под раковиной. Бочонок с крабовым салатом и печеночный паштет. Большая упаковка сыра Danbo. Банка маринованной свеклы.

— Фу, гадость! Надо обсудить ситуацию с Томасом.

Она открыла кран и сполоснула руки.

— Должна рассказать кое-что о Томасе. О его детстве. Он — единственный ребенок, отец — адвокат. Томас никогда не скучал. Он был маленьким и хилым, не умел играть в футбол. С тех пор так и не вырос. Каждый день мы ходили на детскую площадку в районе Лангелиние. Туда приходила женщина с тремя детьми. Она приносила упаковку коржей, нарезала их кусками и кормила детей. Томасу до смерти хотелось этих коржей, он приставал ко мне целый год. Дети не должны приставать. Они должны знать, что *нет* есть нет, что взрослые принимают решения. Женщина с детьми преподала хороший урок. Мы стали поборниками мегаздорового образа жизни, и Томас полностью изменился. Разве тебе не нравится работать в такой прекрасной кухне? Ежедневно радуешься, выдвигая ящики и чувствуя их скольжение. У меня идентичная кухня. Я наслаждаюсь уборкой в ней.

Барбара выплыла из кухни. Аманда нашла черные лосины и успела их надеть до того, как Барбара появилась вновь с корзиной картофеля. Картофель лежал не просто в плетеной корзине, а в трех полотняных мешках из бежевого материала в розовую клетку и полоску. Мешки напоминали поварские колпаки.

— Здесь три вида картофеля. Картошка для варки в мундире, не забывай хорошенько проваривать; картошка для запекания в кожуре целиком или ломтиками, или просто с экологическим сливочным маслом и щепоткой укропа. На бутерброд.

Покрытые красным лаком ногти Барбары протанцевали к картофелю для детей.

— Четыре-пять штук вареного картофеля достаточно, чтобы Луисе взяла с собой в школу завтра. Пойду проверю ванную. Будь добра, захвати мусор перед уходом.

Пока Барбара была в ванной, Аманда выуживала продукты из мусорного ведра и мыла их под краном. На бочонке с крабовым салатом и банке со свеклой остались кофейные песчинки и листики чая.

— Только не говори, что ты возвращаешь это в холодильник! — громкий голос Барбары эхом разнесся по кухне. — Язык не поворачивается это назвать *едой*!

Она вырвала крабовый салат из рук Аманды и швырнула его в ведро.

— Это недопустимо! Не подлежит дискуссии! Ты уволена.

Они обе крепко держали банку свеклы. Аманда разжала руки, банка упала на пол, не разбившись, покатилась между элегантными туфлями Барбары и замотанной бумажным полотенцем ногой Аманды.

— Ты не работаешь у Томаса, — тихо произнесла Барбара.

— Не работаю, — так же тихо ответила Аманда.

— Но ты ведь актриса?.. Как Мона. Да, Томаса всегда привлекали творческие люди.

— Я только что купила эту еду, — сказала Аманда. — Она мне нравится.

— Должна бежать, — заторопилась Барбара. — У меня встреча с парикмахером. Как думаешь, сколько мне лет?

«Восемьдесят, — подумала Аманда. — Морщинистая шея и руки со вздутыми венами, невзирая на здоровое питание. Надо обнаглеть и сказать: сорок пять».

— Пятьдесят шесть.

— Мило с твоей стороны. Тогда бы я родила Томаса совсем девочкой. Скоро вернусь, — сказала Барбара, лукаво погрозив Аманде пальцем. — Тогда ты все о себе расскажешь.

— Твоя мама приходила, — сообщила она вечером Томасу. — Кажется, мы не подружились.

— А, так ты познакомилась с Симпатяшкой, — улыбнулся Томас. «Симпатяшкой» ласково называли Барбару.

Детский дом

Они расчесывали девочке волосы маленькой черной расческой, предварительно обмакивая ее в какую-то едкую жидкость.

— Слишком длинные волосы, — сказала одна из женщин в белом халате.

Ее окружал белый кафель, множество белых раковин и белые шкафы со стеклянными дверцами, как в больнице.

— Займемся этим сейчас? — спросила женщина с черной расческой.

Она состригла волосы по уши.

Девочку вымыли теплой водой в большой белой ванне.

— Я мылась утром, — сказала она.

— Таковы правила, — объяснила женщина, постригавшая ее.

Они засунули ей ватную палочку между ног. Она вспотела.

Они искали вшей. Она подверглась обследованию, словно маленький зверек.

У нее забрали одежду и положили ее в мешок, приклеив белую бирку с именем.

«Я стану собой, когда получу назад свою одежду», — подумала она.

Так она исчезла с лица земли для всего мира.

Директриса отличалась от другого персонала наличием красной обуви. Взглянешь на ноги и поймешь, директор это или воспитательница. Красные сандалии были бесшумные. В них она ловила детей при попытках полакомиться ее крыжовником. Их наказывали. Запирали одних в медицинском кабинете без еды и занятий.

Воспитательницы носили белую обувь с каблуками, как у военных, которые стучали: «Ты виноват. Ты виноват. Ты виноват». У работников кухни синие сабо отстукивали: «Тупой. Тупой. Тупой». Кухонный персонал был толст, облачался в халаты в голубую клетку и напоминал монгольских детей по форме головы. Детям выдавали черные сабо с металлическими набойками, стучащими по асфальту и помогающими определить местонахождение ребенка.

Если взглянуть выше, то увидишь директрису в блузке цвета яичной скорлупы с короткими рукавами и золотым львом на кармане; нитка белого жемчуга на шее; коричневый пояс поддерживает голубые брюки практически под грудью. Возможно, она беременна, но ребенок не хочет рождаться. Он предпочитает оставаться внутри, хотя он будет лучше детей в детском доме. Ее седые волосы коротко подстрижены. Может, она стара для рождения детей. Летом — голые ноги с красным лаком на ногтях в красных сандалиях, зимой — красные носки в тех же сандалиях.

Ее кожа была красно-белой. Лицо с круглыми щеками и всевидящими глазами напоминало лицо праведника, но праведника злого, беспощадного и с болезненной тягой к чистоте.

— Гигиена, гигиена и еще раз гигиена, — ревела она, хлопая в ладоши в такт произнесенным словам. Кожа на руках колыхалась.

Аманда представляла, как каждую ночь директриса варит руки в хлорке.

Когда дети плакали, она говорила:

— Как омерзительны плаксы!

Они всегда мечтали о сладостях. Опустошались сахарницы, варенье мгновенно слизывалось с хлеба. Крыжовник оказался кислым. Тем не менее украсть и съесть ягоды — испытание. Так же как и лизнуть древесную жабу, съесть червяка или пожевать слишком короткий для раскуривания хабарик. Старшие мальчишки воровали последние у воспитательниц. Воспитательницы всегда носили сигареты и зажигалки в карманах халатов и мгновенно тушили сигареты при появлении директрисы.

— Лень, лень и еще раз лень, — ревела она. — Давайте работать!

В обязанности детей входило по очереди чистить картофель. Четверо-пятеро детей сидели на кухне вокруг огромного таза, где плавал картофель в черной воде. Оттуда запросто можно выудить лягушку, улитку или червяка. Мальчики издевались над девочками, бросая слизняков в таз с картофелем.

На тарелке директрисы три больших яйца. Как священнодействуя, она брала яйцо за яйцом и рассматривала их. Три четких удара по стеклянному краю тарелки, по одному удару на яйцо. Если скорлупа не трескалась после первого удара, она укоризненно смотрела на окружавших ее воспитательниц. Они сидели за длинным столом, стоящим поперек столовой. Свет из окна падал только на этот стол, словно он находился на своеобразном пьедестале. Седая женщина в центре, воспитательницы вокруг. Их взгляды полны страха и восхищения. Картина напоминала Тайную вечерю, несмотря на то, что Иисус — мужчина с длинными волосами.

Разбив три яйца в тарелку, она их перчила и взбивала вилкой. Затем директриса кивала, и все начинали есть. Бедный ребенок! В тебя вливают сырые яйца! Иногда мальчики издавали рвотные звуки, когда она заглатывала слизкую жидкость.

— Я все слышу! Флемминг, Уффе, Бьорн! Кто из вас? Ну-ка, пошли!

«Свежий ротик. Жемчужный зубик, — пел папа, когда она чистила зубы. — Вот зубик и вот этот… Нет, нет, он очень черный, хорошенько мы его почистим, наглый зубик».

Пены становилось больше и больше, мешал язык; обильная, чистая мятная пена стекала по подбородку.

— Сколько у тебя зубов шатается? — спросила она.

— Три-четыре… Хочешь посмотреть?

Она закрыла ротик и заглянула в его открытый большой рот.

— Свежий ротик — жемчужный зубик, — пропела она.

«Ты — ребенок, — сказала бы она. — Ешь сладости, и зубки твои черные». — «Это из-за лакрицы, — ответил бы папа. — Лучше лакрица между зубов, чем лакрица между пальцами ног».

«Свежий ротик. Жемчужный зубик», — пела она про себя, чистя зубы в детском доме. Вместо зубной пасты они использовали мыло. Старшие девочки помнили, когда-то была паста.

— Мыло Lux — самое вкусное! — говорили они.

— Я не буду пробовать, — отказывалась она.

— Прекрати вообще пробовать, — советовали они.

Она поднимала язык к нёбу и чистила передние зубы.

— А задние? — спрашивала она.

— Их никто не видит, — отвечала самая старшая из девочек с красивыми белыми зубами.

— Тогда не буду, — сплевывала она.

— Как считаешь, какими будут зубы, когда ты отсюда выйдешь? — задавала вопрос старшая девочка.

— Закажу вставную челюсть, — отвечала она.

— Кто платить будет?

— Отец, — резко бросала она. Но стала чистить мылом все зубы.

Утром на завтрак дали жареную печень, которую она не съела накануне. Другие дети получили по куску булки с вареньем, козий сыр, никому не понравившийся, и овсянку с молоком. Большой кусок печени, крошащийся по бокам.

— Любимчик, — шепнул мальчишка, когда дети стадом проносились мимо.

Стулья, вставленные в столы, дети выдернули, а стоявшие на полу задвинули. Она осталась одна.

На обед перед ней поставили ту же печень. Девочка опять была одна в большой столовой. Каждый откушенный кусок вызывал тошнотворный рефлекс. Она запивала его водой. Живот до боли наполнился водой.

— Съешь все и пойдешь в школу с остальными, — сказала воспитательница.

Девочка обдумывала идею спрятать печень в брюки, но кто-то всегда находился рядом.

Директриса села напротив.

— Все могут научиться есть, что им не нравится, — сказала она.

— Почему я живу? — спросила девочка.

— Здесь не задают подобных вопросов, — ответила директриса.

— А где задают?

— У Бога. Ты— очень упрямый ребенок, — директриса посмотрела на девочку, будто увидела только сейчас. — Жизнь на восемьдесят процентов состоит из черного хлеба и на двадцать — из торта. Подогреть печень?

— Нет, спасибо, — вежливо ответила она.

Директриса взяла тарелку и нарезала печень маленькими кусочками. Ее чистейшие руки колыхались над каждым отрезанным куском.

— Ешь.

Девочка взяла кусочек печени. Ощущение, будто животное во рту. Корова, свинья, кролик — не определить. Животное собиралось воедино во рту и оживало внутри нее. Где находится печень у свиньи? Девочка продолжала жевать и увидела маленького зверька на поле, залитом солнцем. Она выпила полстакана воды и, к счастью, проглотила кусок.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Директриса подцепила вилкой новый кусочек:

— Давай скорее, у меня нет целого дня.

Девочка увидела нож, режущий шерсть животного. Кровь струйкой потекла из раны.

— Каково это, быть зарезанным? — спросила она.

— Что за чушь ты говоришь, ребенок?

— Какое это было животное?

— В смысле?

— Большое или маленькое? Осел, кот или орел?

— Ребенок, ты драматизируешь! Ешь уже.

Девочка послушно открыла рот, и директриса вложила туда кусок мяса. Зверек наблюдал за девочкой изо рта. Он разглядывал язык, зубы, черную дыру, ведущую к желудку. Ее вырвало животным на тарелку. Продолжало тошнить до тех пор, пока не пошла желто-зеленая слизь.

Директриса три раза хлопнула в ладоши. Через секунду появилась девушка из кухни.

— Уберите все, — приказала директриса.

— Ты — очень непослушный ребенок, — обратилась она к девочке. — Очень, очень непослушный.

Вечером на кровати лежала чистая синяя пижама.

— Я не могу носить синее. Во мне возгорается лед, — она не могла толком объяснить. — Появляется экзема.

— Никогда о таком не слышала, — удивилась воспитательница.

Лежать на белых простынях в синей пижаме — все равно что лежать в гробу. Правда, девочка никогда не видела мертвых.

«Почему я живу, почему я живу», — раздавалась песня у нее в голове. Девочке не нравились слова. Она не понимала их, но песня отказывалась покидать ее. Тогда девочка встала и принялась считать аккуратно сложенную на стуле одежду. Колготки, юбка, майка. Где же блузка?

Дверь открылась, воспитательница схватила ее за руку.

— Ты ляжешь когда-нибудь?! Всех перебудишь, — зло прошипела воспитательница.

С кроватей раздался смешок:

— А мы и так не спим!

— Синяя пижама, — сказала девочка. — Я не могу спать в синем.

— Тебя отвести к директору?

— Не надо. Почему я живу?

Воспитательница влепила ей звонкую пощечину.

— Немедленно в кровать!

— Нельзя бить детей, — объявила одна из девочек. — Мы пожалуемся.

— Спокойной ночи, — попрощалась воспитательница. — Те, кто не спят, будут наказаны.

— Мы спим, — раздалось с кроватей, и кто-то нарочито громко захрапел.

Под одеялом она сняла синюю пижаму, сложила и положила ее в ноги. Девочка была голой, мерзла, но слова песни исчезли.

Она — прокаженная. Что бы она ни пихала в уши, они болели. Чувствовала, что они кровоточат, но боль отсутствовала. Она использовала карандаши, булавки, маникюрные ножницы. Девочка втыкала ножницы в пальцы на ногах, начиная с мизинца и заканчивая большим пальцем. В большом пальце ощущалась боль. Она знала, что в конце концов потеряет и его.

Мизинцы на ногах почти исчезли. Мизинцы на руках стали крючковатыми. Рана на локте чесалась и не проходила. Уши почти висели на коже.

В местах их плотного примыкания зияла громадная рана. Проблема появилась до детского дома. Дома ее лечили смолой и обвязывали голову бинтом.

— Мой маленький воин, моя героиня, дочь революции, — говорил отец.

А когда длинные светлые волосы были покрыты бинтом, он приговаривал:

— Рапунцель, спрячь косы, а то ведьма украдет и запрет тебя в башне…

— Мои раны не переносят воды, — объясняла она в детском доме. — Их надо лечить смолой.

— Мы такое здесь не используем, — говорили ей. — Все переносят воду.

В спальне царили особенные звуки. Тяжелые звуки: скрежет, скрип, крик, стон и скрежетание зубов. Дома звуки иные: мягкие ковры, занавески, диваны, обивка. Проказа — маленький червячок. Лежа под одеялом, она чувствовала, как он ползает под кожей на животе. Вот он спустился к бедру. Червяк пополз вглубь тела, стал поедать ее изнутри, уже прогрыз дырку на локте. Под подушкой девочка спрятала фотографии из «Семейного журнала». Они настолько износились, что разваливались.

В журнале напечатана статья о бактерии, годами живущей в человеческом теле. Статья сопровождалась фотографиями людей, съеденных заживо. Люди без носов, ушей или пальцев на руках и ногах. Отталкивающее зрелище!

Голова чесалась. Ночью червь выползал из уха и залезал в рану на локте. У мальчика, преследующего девочек с целью посмотреть на их трусы, была рана на щеке. Червяк, очевидно, переселился с его щеки в ее локоть. У мальчика рана пропала.

Всегда. Всегда может что-то произойти. Кровь, бурлящая в теле, может остановиться; мысли, витающие в черепе, могут из него выпасть; кости — сломаться; сердце — истечь кровью. У матери заболели кишки, и она умерла в машине «скорой помощи».

Она произнесла это вслух: «Я — прокаженная».

Ложку с рыбьим жиром воткнули ей в рот и вытерли губы туалетной бумагой, как другим детям.

— Чушь!

Ложка со звоном ударила по зубам так, что загудел череп. Что бы сделали воспитательницы, если бы узнали правду?

Детей, больных ветряной оспой, корью и свинкой, изолировали в белоснежном медицинском кабинете во избежание заражения окружающих. В кабинете ее нос, кисти и стопы отвалятся. Может, даже целиком руки. И она умрет.

Предисловие и перевод с датского Юлии БЕЛАВИНОЙ.



Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Пантеон женских сердец[*]

Найо МАРШ
(23 апреля 1895 года — 18 февраля 1982 года)

Хорошие книги, как и хорошие люди, не всегда переживают дурные.
Генри ФИЛДИНГ. «История Тома Джонса, найденыша»

Как же избирательно устроена наша память! Она упорно запоминает только то, что хочет сама. А вот и подходящий пример по теме, кстати, из собственного опыта. За свою долгую переводческую, да и просто человеческую жизнь я перевела множество самых разнообразных текстов. Пожалуй, при скрупулезном подсчете можно даже выйти на своеобразный рекорд: наверняка больше полутора сотен больших и малых произведений наберется. Вполне возможно, и до двухсот совсем не так уж и далеко. Да только кому они нужны, все эти подсчеты? Что-то забылось, ну и Бог с ним! Что-то давным-давно списалось в архив, что-то изредка всплывает в памяти лишь в конкретных обстоятельствах, связанных с той или иной работой. И лишь малая толика переведенных книг запомнилась навсегда.

В этом коротеньком списке те самые-самые, быть может, и не лучшие с точки зрения критериев высокой литературы, но так удачно совпавшие с твоим душевным настроем, с твоим мироощущением, с твоим собственным отношением к жизни, наконец. Словом, те немногие, которые легли тебе на душу и остались там навсегда. Иногда такая взаимная любовь с переводимым произведением случается буквально с первой фразы, с первой запятой в первом же абзаце (во всяком случае, так бывает у меня). И потом любовь эта, как и положено настоящей любви, длится вечно.

А иногда приходится вгрызаться в текст автора с упорством шахтера, орудующего отбойным молотком. Постепенно, пласт за пластом, отбивать драгоценную породу, чтобы уже потом, когда работа над переводом завершена, осознать, что только что из-под твоего пера (компьютера) вышел шедевр, пусть и в своем вторичном качестве, всего лишь как переводной материал.

Как бы то ни было, но в ряду этих «самых-самых», дорогих моему переводческому сердцу опусов на одном из первых и самых почетных мест значится работа над переводом романа Найо Марш «Убийство в Маунт-Мун». Работа, обогатившая меня не только драгоценным, поистине незабываемым опытом, но и одарившая нескончаемой радостью настоящего творческого горения (честно, без всяких дураков!), продлившегося целых два месяца. Ибо именно столько времени ушло у меня на очередной переводческий марафон. Минуло уже более шести лет с тех пор, как была поставлена финальная точка в тексте перевода, пока еще так

---

[*] Продолжение. Начало в № 3 за 2016 г.

и не увидевшего свет. Рукопись продолжает пылиться в письменном столе, ожидая своего звездного часа. Именно так! Звездного! Потому что стоит мне вспомнить промозглое слякотное начало 2010 года и ранние утренние часы ежедневного бдения над переводом книги, и ко мне тут же возвращается ощущение вечного праздника и нескончаемой радости, которыми обернулась рутинная переводческая работа. Это красноречивее всяких слов свидетельствует о том, что в руки мои сам собой приплыл очень и очень незаурядный литературный материал.

Иногда я пытаюсь разобраться в собственных, буквально зашкаливающих эмоциях. Ну подумаешь, Найо Марш! Ничего ведь особенного, уговариваю я себя, ни на первый, ни даже на второй взгляд. Добротный классический детектив в лучших традициях этого жанра, уходящих корнями в Золотой век детектива, каковыми были двадцатые — тридцатые годы прошлого века. Ну да! Я люблю, точнее, даже обожаю детективы. И регулярно перевожу их, если выпадает случай. Тем более что детективов вокруг пруд пруди, стоит лишь оглядеться по сторонам. Какие уж тут особые зацепки для творческого горения? Да никаких!

Тогда, быть может, место действия? Новая Зеландия. Страна, затерянная на другом конце света. Право дело, что мы о ней знаем, об этой самой Новой Зеландии? А тут такая отличная возможность совершить путешествие в эту *terra incognita,* не покидая собственной квартиры. Кстати, на языке племени Маори, аборигенов острова, их родная земля называется очень поэтично: Страна длинного белого облака. Красиво, правда? Да и сама страна, если судить о ней по тем описаниям природы, которые встречаются на страницах романов Найо Марш, тоже очень красива. Несомненно, в этих описаниях виден острый глаз художника-пейзажиста, привыкшего к постоянным пленэрам.

Все эти горные массивы, уходящие бесконечными цепями до самого горизонта, бурные реки, срывающиеся со скалистых утесов и стремительно несущие свои воды в низины, где на горных пастбищах пасутся бесчисленные стада овец. Наконец, живописные горные перевалы, цветущие альпийские луга с затерянными на необъятных просторах усадьбами местных фермеров и ранчо богатых землевладельцев, бескрайние плантации, утопающие в зарослях лаванды, — и над всем этим великолепием пейзажей Южного полушария огромный шатер ночного неба, на котором мерцают совсем иные созвездия и звезды, чем те, к которым привыкли мы, жители северных широт.

И вот все эти красоты обильным потоком хлынули на меня со страниц переводимого романа: и крупные яркие звезды, и ночное небо, и пьянящие ароматы зарослей лаванды, и затерянное в горах имение… И конечно, загадочное убийство! А как же без него в занимательном детективе?

И все же, думается мне, совсем не из-за южной экзотики прикипела я сердцем и душой к своему переводу. Не в ней одной заключается магия романа «Убийство в Маунт-Мун», да и многих других романов Эдит Найо Марш. Таково полное имя писательницы. Кстати, второе имя Найо, которое на языке все того же племени Маори означает «цветущее дерево», дал любимой племяннице ее родной дядя, занимавшийся в Новой Зеландии миссионерской деятельностью. Именно оно и стало визитной карточкой будущей королевы детективов. Впрочем, позднее сама Найо Марш внесла некоторые уточнения в толкование своего имени. В одном из автобиографических очерков она написала, что у Маори каждое слово имеет множество значений. Вот и слово «найо» означает не только цветущее дерево, но еще и солнечные блики, отражение света на воде, и даже маленькое насекомое типа такого неприметного крохотного жучка. Что ж, каждый из

читателей волен сам выбирать то значение, которое ему больше по вкусу. Но как справедливо заметил поэт, *«Что в имени тебе моем?»*. Нет, отнюдь не в красивом и запоминающемся имени скрывается магия притягательности поистине удивительной женщины по имени Найо.

Магия таланта — вот что покоряет сразу и безоговорочно, когда погружаешься в чтение романов Марш. Между прочим, их не так уж и много. За свою долгую жизнь Найо Марш написала всего лишь тридцать два романа: но каких, доложу я вам! Один лучше другого! Плюс множество сборников рассказов, пьес, эссе, воспоминаний и очерков по истории и культуре Новой Зеландии. Вот уж действительно — дерево, давшее такой обильный и плодоносный цвет! Что ж, самое время повести разговор о самой писательнице.

Эдит Найо Марш родилась 23 апреля 1895 года в городе Крайстчерче, Новая Зеландия. Там же, в родительском доме, она и скончалась 18 февраля 1982 года в возрасте без малого восьмидесяти семи лет, красиво закольцевав свое земное существование, сведя воедино начало и конец жизни. Что само по себе есть великое благо (во всяком случае, так считали античные мудрецы), свидетельствующее о несомненной гармонии, в которой была прожита столь долгая и насыщенная жизнь. Она была единственным ребенком в семье Розы и Генри Марша, мелкого банковского клерка. И мать, и отец происходили из семей первых переселенцев, и оба они были всесторонне образованными людьми.

Семья была небогатой, если не сказать откровенно бедной. Позднее в своих воспоминаниях, собранных в автобиографической книге «Нектар черного бука», опубликованной в 1965 году, Найо Марш охарактеризовала своих родителей хорошим английским фразеологизмом «*have-nots»,* что можно перевести и просто как «неимущие», а можно и усилить эмоциональную составляющую и перевести как «обездоленные». Судя по всему, второй вариант точнее отражает истинную картину существования семейства Маршей.

Косвенно на это указывает и еще один довольно курьезный факт. Отец удосужился зарегистрировать в муниципалитете свою единственную дочь лишь в 1900 году, что привело впоследствии к немалой путанице в биографических данных писательницы. Так, до сего дня во многих биографиях Найо Марш фигурируют две даты рождения: 23 апреля 1895 года и 23 апреля 1899 года, порождая немалые разночтения в интерпретации событий, относящихся к первой половине жизни писательницы.

Впрочем, подобная рассеянность может свидетельствовать и об обычной человеческой бесшабашности, столь свойственной артистическим натурам. А родители маленькой Найо, безусловно, тяготели к богемному образу жизни. Они были не только страстными книгочеями, но и сами баловались сочинительством, оба с упоением играли в любительском театре и были завзятыми туристами. Словом, жизнь в их семье била ключом, несмотря на предельно скромный материальный достаток.

Что не помешало девочке получить очень достойное образование, в полной мере поспособствовавшее раскрытию ее многочисленных и самых разносторонних дарований. Можно с полной уверенностью сказать, что в дочери Розы и Генри пышным цветом расцвели все те таланты, которые по ряду причин оказались невостребованными и пропали втуне у них самих. Найо закончила колледж Сент-Маргарет в своем родном городе, после которого в возрасте пятнадцати лет была принята в Школу искусств при Кентерберийском университете, где прилежно занималась изучением живописи. К моменту окончания Школы она числилась одной из лучших студенток университета, много и довольно успешно выставлялась, в основ-

ном с пейзажной живописью, запечатлевшей красоты родного края. Да и позднее, уже в двадцатые годы, Найо Марш плодотворно сотрудничала в качестве художника с известным в те годы объединением молодых новозеландских художников под названием «Груша». Казалось бы, будущее определено раз и навсегда. Живопись — вот ее призвание! Но!

Но дали знать о себе вездесущие гены. Родительская страсть к театру передалась по наследству и их дочери. Почти сразу же после окончания Школы искусств, в 1920 году, Найо пишет первую в своей жизни пьесу (первую, но далеко не единственную, как показало время) под названием «Медальон», с которой обращается к знаменитому новозеландскому театральному деятелю тех лет Алану Уилки. Его гастрольная труппа была известна далеко за пределами Новой Зеландии, прославившись многочисленными и, как правило, всегда очень успешными постановками практически всех шекспировских пьес. Пьесу дебютантки Алан Уилки отверг с ходу, зато пригласил молоденькую Марш к себе в труппу. Новоиспеченная актриса получила отличную возможность посмотреть мир, а заодно и окунуться с головой в творчество Шекспира. Несколько лет Найо Марш колесила вместе с театром Уилки по близлежащим странам региона, потом некоторое время работала в Театре комедии под руководством Розмари Риис, навсегда прикипев душой к запаху кулис и вспышкам софитов.

По словам самой Найо Марш, она до конца дней сохранила две поистине самые пламенные страсти своей жизни: любовь к Шекспиру и любовь к театру. Недаром действие многих романов Марш разворачивается именно «на театре», как говаривали в старину. Достаточно вспомнить хотя бы такие из них, как «Финальный занавес» (1947), «Премьера» (1951) или «Смерть в театре “Дельфин”» (1947). Собственно, саму писательницу можно с полным основанием называть родоначальницей так называемого «театрализованного детектива». Оказывается, есть и такой «подвид», если так можно выразиться, в достаточно подробной классификации жанров современных детективов, наряду, скажем, с историческими, политическими, шпионскими и прочими детективными романами. Включая и наилюбимейший жанр современных авторесс — иронический детектив.

Писательница, драматург, актриса, режиссер, продюсер, художница — именно эти ипостаси будут впоследствии постоянно перечислять все критики и биографы Найо Марш. И все в один голос станут твердить, что на каждом поприще Найо Марш добилась не просто заметных, а исключительных успехов и самого широкого признания у самой разной публики.

Наверное, такой разносторонней и всепоглощающей профессиональной занятости поспособствовали и некоторые весьма грустные факты личной жизни Найо Марш. Ее жених погиб на фронтах Первой мировой войны. Впоследствии она так и не вышла замуж, всецело сосредоточившись на работе, на самой разной, но всегда любимой работе, и везде, как уже говорилось выше, работа эта сопровождалась неизменным успехом. И поистине триумфальным признанием.

Между тем жизнь продолжалась, и в 1928 году Найо по приглашению своих друзей-земляков впервые отправляется в Англию. В дорожном саквояже она везет рукопись своего первого романа, и роман этот, как ни странно, не имеет ничего общего с детективами: стандартный классический сюжет в духе традиционных английских романов, написанных в реалистической манере.

Насыщенная бурная жизнь в метрополии заставляет молодую женщину на какое-то время забыть о литературном творчестве. В Лондоне Найо Марш вместе со своими друзьями открывает небольшой художественный салон. Казалось, и театр, и литература снова отодвинуты куда-то на задвор-

ки бытия, уступив место новому призванию: галерист, организатор выставок и прочее. Но как известно, человек предполагает, а Бог располагает.

В скором времени на туманный берег Альбиона высадилась мать Найо, лично приехавшая посмотреть, как обустроилась дочь на новом месте. Промозглый холодный климат явно не пошел Розе на пользу, и она серьезно заболевает. Именно ухаживая за больной матерью, Найо вспоминает о рукописи неоконченного романа, извлекает ее из небытия и начинает работать над текстом уже заново, трансформируя стандартный реалистический сюжет в захватывающую детективную историю. Работа над романом продолжается несколько лет. В 1932 году Найо Марш снова возвращается к себе на родину, а вскоре умирает ее мать. Проходит еще два года, и вот, наконец, в 1934 году первый роман будущей «королевы детектива» увидел свет. Он назывался интригующе просто: «Человек, который был найден мертвым».

Отныне и впредь, до самого конца своей жизни, то есть с 1934-го и по 1982 год (последний роман увидел свет уже посмертно), Найо Марш ежегодно издает по одному новому роману. Один детективный роман в год, ни больше ни меньше. Впрочем, не обязательно роман и не обязательно детектив. Это могут быть и сборники рассказов, и воспоминания, и пьесы. Так, к примеру, в 1968 году увидела свет обширная монография Найо Марш «Новая Зеландия», а в 1974 году появилась еще одна ее книга, посвященная родной стране, с красивым поэтическим названием «Поющая земля».

Но в любом случае такая, скажем, творческая неспешность — хороший пример для подражания некоторым нашим современным многостаночницам, выбрасывающим что ни месяц на книжные рынки по новой «нетленке». Да еще при этом с простодушием Лисы Алисы пытающимся убедить наивного читателя, что столь высокая производительность труда вполне возможна и без привлечения «литературных рабов», кропающих за умеренную плату сии непритязательные опусы, про которые едва ли станут вспоминать даже на следующий год, не говоря уже о следующем веке.

Иное дело новозеландка по имени «Цветущее дерево». Каждый ее новый роман — это новая ступенька к вершинам мирового признания и славы. Легко, как бы играючи, не прилагая никаких видимых усилий по части пиара, который, впрочем, в те годы еще пребывал в зачаточном состоянии, Найо Марш входит в квартет самых знаменитых детективщиц своего времени. Отныне прославленная четверка, которую сами англичане уважительно именуют не иначе как *«THE QUEENS of CRIME»* («Королевы детектива») выглядит (по алфавиту) следующим образом: Марджери Аллингем, Агата Кристи, Найо Марш и Дороти Сейерс. Правды ради стоит заметить, что очень скоро место первой скрипки в этом квартете заняла Марш, серьезно потеснив трех остальных англичанок. Впрочем, в 1938 году Найо Марш снова приехала в Великобританию и с тех пор попеременно жила то в Англии, то в Новой Зеландии.

О степени популярности новой королевы жанра свидетельствует хотя бы вот такой факт. В 1949 году в Лондоне в течение одного дня было отпечатано более одного миллиона экземпляров книг Найо Марш. Совершенно беспрецедентный случай в истории мирового книгоиздательства тех лет. Этот день вошел в историю английского книгопечатанья как «Marsh Million Day», что можно буквально перевести как «День миллиона книг Найо Марш». Однако мы немного забежали вперед. Ведь все эти триумфы еще в будущем. А пока на дворе тридцатые годы XX столетия.

Надо сказать, что литературный дебют Найо Марш удачно совпал с периодом высочайшего расцвета детективного жанра, который многие литературоведы именуют не иначе как «Золотой век детектива», при-

шедшийся на двадцатые — тридцатые годы прошлого века. Что ж, самое время вспомнить имя великого американского писателя и поэта Аллена Эдгара По (1809—1849), по сути, основоположника и создателя жанра классического детектива в современном понимании этого слова. Разумеется, элементы детектива, придающие развитию сюжета особую остроту и занимательность, усложняющие общую интригу повествования, заставляющие пристально следить не только за основными событиями, но и проявлять интерес к мелким деталям и подробностям, короче, все эти элементы широко представлены во многих признанных шедеврах мировой литературной классики. Достаточно назвать имя все того же Шекспира и его «Гамлета» с поистине виртуозно разыгранной сценой «Мышеловки», когда убийца сам выдает себя с головой. Или вспомнить «Преступление и наказание» Федора Михайловича Достоевского, или тот же «Черный замок Ольшанский» нашего соотечественника Владимира Короткевича. Отдельные составляющие детективных шарад можно, при желании, обнаружить даже в таких сугубо любовных романах, как «Опасные связи» Шодерло де Лакло или «Консуэло» Жорж Санд.

И все же именно Эдгар По впервые выявил, обобщил и систематизировал отличительные особенности классического детектива, а потом блистательно продемонстрировал на практике, в своих знаменитых логических новеллах, поистине безграничные возможности, которыми располагает придуманный им жанр в качестве самостоятельного литературного направления.

Эка ты хватила! — быть может, воскликнет кто-то, дочитав до этого места. В самом деле! Ведь Эдгар По жил и творил в первой половине аж позапрошлого века. Сколько воды утекло с тех пор. А как известно, все не только течет, но и меняется. Все так! Времени прошло немало. Но спешу успокоить поклонников жанра. Каноны классического детектива, сформулированные Эдгаром По, остались незыблемыми и по сию пору. Вкратце они таковы.

В центре повествования находится преступление, точнее, убийство. На первых же страницах романа или повести очерчивается круг подозреваемых и потенциальных участников преступления, а также сообщается первичный набор улик, прямых и косвенных. Некоторые из них уже с самого начала дают вдумчивому читателю верную подсказку, другие же, наоборот, уводят далеко в сторону и еще больше запутывают сюжет повествования.

Чтение хорошего детектива очень напоминает блуждание по лабиринту. Но если античному Тесею повезло и любящая его Ариадна заботливо снабдила своего возлюбленного путеводной нитью, то читателю предстоит опираться исключительно на собственное логическое мышление, те самые «серые клеточки», которые так высоко ценил знаменитый герой Агаты Кристи Эркюль Пуаро, а также быть предельно внимательным ко всякого рода мелочам, незначительным, на первый взгляд, деталям, которые могут оказаться на поверку ключом к разгадке всего преступления.

Вообще-то для азартного читателя чтение хорошего детектива — это такой своеобразный бег по пересеченной местности, а еще вернее, бег наперегонки с героем книги, который непосредственно занимается расследованием преступления. Кто придет к финишу первым? Кто раньше догадается и обнаружит кровавого убийцу? Профессиональный сыщик, рафинированный интеллектуал типа сибарита и гурмана, любителя орхидей Ниро Вульфа или рядовой читатель, заплативший, так сказать, свои кровные за новый роман, и все ради того, чтобы насладиться приятным и захватывающим времяпрепровождением за чашечкой хорошего чая? *That is the question,* как говаривал любимый шекспировский герой Найо Марш.

А вообще-то, время, прошедшее с тех далеких пор, когда жил и творил Эдгар По, действительно наложило свой отпечаток на развитие детективного жанра, и к своему пику, тем самым десятилетиям Золотого века, детектив подошел в самой наилучшей форме, обрушив на читателя колоссальное многообразие сюжетов и их интерпретаций. Трендов, выражаясь современным языком. В общем ряду оказались не только классические детективы, но и исторические, оккультные, психологические, шпионские детективы, так называемые детективы «нуар» или «черные детективы», которые наряду с «крутыми» детективами были особенно популярны в Соединенных Штатах и регулярно печатались там на страницах самого востребованного литературного журнала тех лет под названием «Черная Маска».

Однако если американцы тяготели к жестким сценам насилия, перестрелкам и погоням, то французы, к примеру, предпочитали неспешное развитие событий во всяких умных полицейских детективах, таких, как романы Жоржа Сименона, сотворившего своего бессмертного комиссара Мегрэ. А англичане (и особенно англичанки, задававшие тон в детективной литературе тех лет) оставались верны незыблемым традициям хорошего английского детектива. Раз Шерлок Холмс играл на скрипке, раз патер Браун вечно попадал во всякие нелепые ситуации со своим постоянно ломающимся зонтиком, значит, и в современных романах, здраво рассуждали они, должны присутствовать подобные чудаки или просто колоритные герои, привлекающие внимание своей человеческой неординарностью и способностью мыслить быстро и нестандартно. Причем очень часто эти персонажи становились сквозными, кочуя из книги в книгу.

И вот уже на страницах романов Дороти Сейерс блистает экстравагантный лорд Питер Уимзи, истинный денди, рафинированный герой-любовник, балующийся в свободное от светских развлечений время расследованием всяких преступлений и с виртуозностью искусного фокусника распутывающий самые сложные дела. Агата Кристи одарила поклонников детектива сразу несколькими полюбившимися всем героями: это и маленький бельгиец Эркюль Пуаро на пару со своим верным помощником капитаном Гастингсом, и предельно въедливая старушка мисс Марпл, которая, в случае чего, одна могла дать фору целому отделению Скотленд-Ярда.

Само собой, Найо Марш не посмела ломать традиции и тоже сотворила образ очень симпатичного героя, навсегда прикипев к нему всеми фибрами своей души. Речь, конечно же, о Родерике Аллейне (в некоторых переводах — Родерик Аллен). Аристократ, сын пэра, выпускник Оксфорда, элегантный, ироничный, импозантный, словом, джентльмен до самых кончиков ногтей. Как говорится, наш привет Дороти Сейерс из Новой Зеландии. Правда, Аллейн разительно отличается от ведущего подчеркнуто рассеянный образ жизни лорда Уимзи. Никаких экстравагантностей по части времяпрепровождения — ни тебе скачек, ни зажигательных вечеринок, раутов, приемов и прочее. Нет, перед нами самый настоящий трудяга-полицейский, сделавший карьеру не с помощью обширных связей, а постепенно поднимаясь по служебной лестнице, преодолевая ступеньку за ступенькой. Трудяга он, конечно, экстра-класса. К тому же, образован выше всякой меры. Страстный обожатель Шекспира, то и дело цитирующий великого барда (кстати, как и сама Найо Марш). И как следствие, завзятый театрал (Аллейн даже некоторые свои расследования ведет, опираясь на известный по классической драматургии принцип единства места и действия, укладываясь с поиском преступника в одни сутки, иногда и меньше). И вообще, перед нами эстет, знаток живописи, ценитель всего прекрасного.

В отличие от ветреного лорда Питера, Родерик Аллейн женат. Случилось сие счастливое событие в жизни старшего инспектора на страницах

седьмого романа Найо Марш под названием «Смерть в белом галстуке». Агата Трой, так зовут жену Аллейна, известная художница, умная, независимая, современно мыслящая женщина, имеющая собственное мнение и умеющая его отстоять. К тому же, красавица. Трой не раз и не два помогала мужу дельными советами в его расследованиях. Многие критики вообще склонны видеть в этой героине саму Найо Марш. Что ж, сходство очевидно. Наверняка писательница наделила художницу многими чертами собственного характера, заодно вложив в ее уста и свои мысли. И все же, главная ее любовь — это сам Аллейн.

Порой у меня даже возникает ощущение, что на страницах романов Найо Марш прямо на глазах у читателя происходит некая странная сублимация чувств, по своему накалу ничуть не уступающим переживаниям, воспетым в сонетах Петрарки, или страданиям молодого Данте вместе с юным Вертером в придачу. Видно, всю свою нерастраченную любовь (так уж, увы! — распорядилась сама жизнь) писательница щедрой рукой излила на вымышленного персонажа. Бог знает, кто стал прототипом для Родерика Аллейна. Вполне возможно, это собирательный образ, в котором запечатлены воспоминания о погибшем женихе, о других молодых людях, не вернувшихся с войны, вначале с одной, потом со второй. Да это и не столь важно. Важно, что из-под пера Найо Марш вышел не просто персонаж, а живой человек, в которого не грех и влюбиться.

А чувств своих сама Найо Марш и не прятала. В одном из интервью (весьма, кстати, редких, потому что всю свою жизнь Найо Марш категорически чуралась всяческой саморекламы) она, тем не менее, с присущей ей самоиронией заявила буквально следующее, имея в виду своего любимого героя.

«Было бы притворством сказать, что я больна им. Это не так. Просто я совершенно без ума от него».

Как говорят в таких случаях англичане, *no comments.* И в подтверждение вышесказанному еще одна подробность. В 1977 году Марш опубликовала эссе под названием «Рождение сыщика», в котором подробно описала историю создания образа Аллейна.

Но нам, читателям, Родерик Аллейн важен еще и вот в какой связи. Дело в том, что герой Найо Марш, как правило, строит все свои расследования по весьма изощренной схеме, с использованием так называемой «ложной версии». Она, эта версия, может с легкостью отправить неискушенного читателя по ложному следу и держать его в «приятном» заблуждении вплоть до самого конца книги. Ложная версия не только усложняет сюжет романов Найо Марш, но и придает им особую пикантность, подстегивая интерес к чтению буквально до последних страниц повествования.

Впрочем, порой мне кажется, что и свою собственную жизнь Найо Марш тоже построила, опираясь на некую своеобразную ложную версию. Судите сами! Бешеный успех каждого нового детективного романа, высокие награды (один Орден Британской империи чего стоит, дающий его обладательнице право именоваться Кавалерственной Дамой), регулярные аудиенции в Букингемском дворце, престижные литературные премии, членство в самых знаменитых литературных клубах и объединениях — все это воспринимается самой Марш на удивление спокойно, как бы между прочим. Ибо все ее литературное творчество — это всего лишь фон (да, эффектный фон, ничего не скажешь!), наподобие искусно расписанного театрального задника. И на этом фоне продолжается неустанная театральная деятельность, снискавшая Найо Марш не только огромный авторитет как у себя на родине, так и в Великобритании и других англоязычных странах, но и, по сути, ставшая основным делом ее жизни.

Вернувшись в конце тридцатых в Новую Зеландию, писательница активно занялась театральной режиссурой. В 1942 году на сцене театра при Кентерберийском университете она ставит «Гамлета». Постановка наделала много шума в тогдашнем театральном мире и обернулась настоящим триумфом, правда, с привкусом скандала, частично потому, что Марш впервые рискнула осовременить шекспировских героев. Артисты даже играли в современных костюмах. Так что, сегодняшняя Кармен, разгуливающая по сцене Метрополитен-опера в мини-юбке, или король Лир, читающий свои монологи в рваных джинсах, это, с точки зрения истории искусства, не такой уж и авангард: просто хорошо забытое старое.

Несмотря на то, что в годы Второй мировой войны Найо Марш пошла добровольцем на военную службу и трудилась водителем кареты скорой помощи на новозеландском транспортном узле Красного Креста, ее приверженность театру оставалась неизменной на протяжении всех лет войны. И новый триумф не заставил себя ждать. В 1944 году она вместе с труппой Университетского театра ставит очередную пьесу Шекспира. На сей раз выбор ее падает на «Отелло». С этой постановкой труппа объездила всю страну, и везде выступления сопровождались неизменными аншлагами и ворохом самых благожелательных и восторженных рецензий.

С 1944 по 1952 годы Найо Марш была продюсером театра Д. О'Коннора, а в 1949 году она основала в Англии Театр Британского содружества. Какое-то время Найо Марш вела театральную работу одновременно в двух странах, а свои знаменитые детективы писала урывками, главным образом, во время морских путешествий из Великобритании в Новую Зеландию и обратно.

Если присовокупить к режиссерским работам еще и активную антрепренерскую деятельность (Найо Марш лично поспособствовала раскрытию дарований многих и многих поколений молодых актеров, занимаясь самым активным поиском новых талантов по всей стране) плюс множество пьес, написанных ею для театра, радио и телевидения (причем в некоторых радиопостановках она сама принимала участие), то, похоже, ответ на вопрос, что же было главным в жизни Марш, напрашивается сам собой. И недаром в своей автобиографической книге «Нектар черного бука», второе издание которой увидело свет незадолго до смерти писательницы в 1981 году, она позиционирует себя исключительно как театрального деятеля, даже не упоминая о своих успехах на поприще литературы. И ни слова о детективах!

В 1967 году заслуги Найо Марш перед театром, и прежде всего перед новозеландским театром, были отмечены присвоением ее имени Театру Кентерберийского университета. Отныне и навсегда этот театр именуется как «Театр Найо Марш». Он и сегодня составляет славу и гордость новозеландской культуры. А для премьерного показа по столь торжественному поводу Найо Марш снова выбирает пьесу Шекспира, комедию «Двенадцатая ночь». На подмостках театра своего имени Марш поставила в 1972 году еще одну пьесу Шекспира — «Генрих V», а в 1976 году там же состоялась премьера спектакля по ее собственной пьесе с очень красивым и почти непереводимым названием: *«Sweet Mr. Shakespeare».* Рискну предложить такой вариант перевода, далеко не самый лучший, впрочем: «Мой дорогой Шекспир».

А ведь есть что-то глубоко символичное в том, что Найо Марш родилась в один день с Вильямом Шекспиром (23 апреля). Он действительно сопровождал нашу героиню на протяжении всей жизни, став ее своеобразным ангелом-хранителем: в пьесах Шекспира она еще совсем молоденькой девушкой дебютировала в качестве начинающей актрисы, она сама ставила

его пьесы, уже как театральный режиссер, наконец, Марш выступила продюсером многих шекспировских постановок. И еще раз она закольцевала свою жизнь, навеки соединив ее не только с родным городом и отчим домом, но и с обожаемым ею Шекспиром и, конечно, с театром. Я имею в виду последний детективный роман Найо Марш под названием «Сгущающийся свет», действие в котором снова разворачивается за театральными кулисами. Роман вышел уже после смерти писательницы, став прощальным аккордом в более чем полувековой симфонии, с таким мастерством исполненной этой поистине выдающейся женщиной. Что ж, как говаривал ее кумир, весь мир — театр, а люди в нем всего лишь актеры.

Прочитала написанное и задумалась. Вроде сказала все, что хотела. И все же, чего-то не хватает. А не хватает того, что лежит на поверхности. Останови на улице десять человек и спроси у них, кто такая Найо Марш, и все десять дружно ответят: «Не знаю!» Почему так вышло? Почему в сознании русскоязычного читателя эта прославленная новозеландская писательница не числится даже в самых дальних списках, безоговорочно уступив пальму первенства довольно скучной, если не сказать, откровенно нудной Агате Кристи?

Все просто! Агату Кристи у нас переводили, и много переводили, причем качественно, а Найо Марш практически нет. Переводы большинства ее книг сделались фактом массовой культуры лишь в начале девяностых годов прошлого века, когда книгоиздателей больше занимали тиражи книг (пресловутый вал), чем качество переводимого материала. Тогдашние тиражи действительно достигли астрономических высот, а во всем же остальном очень часто просматривалась откровенная халтура. И как следствие, переводы большинства романов Найо Марш весьма и весьма далеки от оригинальных текстов, уступая им во всем: и в образности, и в легкости повествования, и в изяществе стиля, и в тонком чувстве юмора, которым полнятся разговоры персонажей, и в захватывающе красивых описаниях природы (чувствуется не только острый глаз, но и рука живописца). Помнится, листала один такой перевод и вдруг наталкиваюсь на главу с вот таким названием «Съезд гостей», будто речь идет о каком-то партийном форуме. А на самом деле почти как у Пушкина Александра Сергеевича. Помните? *«Гости съезжались на дачу».*

Да, Найо Марш трудна для перевода, это правда. Не в последнюю очередь и потому, что она сумела поднять, по сути, массовую литературу, каковой являются в своем большинстве детективные романы, до уровня настоящей интеллектуальной прозы. Чего стоят хотя бы эти постоянные реминисценции, аллюзии и прямые цитаты из Шекспира? Которые, к слову говоря, очень трудны для перевода. Ведь многие шекспировские фразы и выражения разлетелись по всему свету и стали фактом обычного разговорного языка наряду с общеупотребительными словами, и далеко не все они имеют точные словарные эквиваленты.

Собственно, такая же картина наблюдается с комедией «Горе от ума», но уже в русском языке. *«Шел в комнату, попал в другую!»* Попробуй переведи сей перл на другой язык так, чтобы читатель догадался, что это не просто ироничная реплика, которую мы то и дело используем в своей речи, но и отсылка к грибоедовской пьесе. Трудная задача! Почти невыполнимая. Вот и с Найо Марш те же проблемы. Ну, еще «Быть или не быть» мы худо-бедно обыграем и в русском тексте. Но как вам такое шекспировское выражение: *'The dogs of war'* из его пьесы «Юлий Цезарь»? Буквальный перевод «псы войны» не имеет ничего общего с тем смыслом, которым наделил выражение сам Шекспир. Этой яркой метафорой он заклеймил все страдания и ужасы войны, всегда страшные, уродливые, безобразные, неза-

висимо от того, какое лицо у той или иной войны — мужское или женское. Французы, помнится, в таких случаях более сдержанны и ограничиваются простой констатацией: «На войне как на войне».

А ведь попадись эти «псы войны» молодому начинающему переводчику, да еще не очень обременяющему себя скрупулезными проверками и перепроверками собственной языковой догадки по всяким словарям и справочникам, то ведь может и оставить сей буквализм в русском тексте. И пойдут гулять по нашим страницам эти псы наподобие карательных отрядов гестапо.

Вторая проблема — это юмор романов Найо Марш. Очень часто откровенно черный, что тоже крайне сложно передать средствами другого языка. Да и вообще, всякий, кто берется за работу над переводами ее романов, должен быть готов к тому, что трудности будут его подстерегать буквально на каждом шагу. Даже при интерпретации имен собственных. Недаром в одном из интервью сама писательница с присущей ей иронией заявила следующее:

«Я всегда стараюсь подобрать для потенциального убийцы максимально приятное для слуха и красивое имя. В конце концов, это самое малое из того, что может сделать автор для своего героя (или героини), которые, в итоге, кончат плохо».

Что ж, как говаривал когда-то Бюффон, *«стиль — это человек»*. А наша героиня была очень незаурядным человеком с ярко выраженным индивидуальным стилем, а потому она вполне заслуживает почтительного внимания к себе и к своим трудам. Вот почему я искренне надеюсь на то, что состоится и второе, и даже третье пришествие Найо Марш к читающей русскоязычной публике. Появятся не просто хорошие переводы ее книг, а переводы, сопоставимые по качеству с оригиналом. Да, это трудно. Но кто сказал, что это невозможно?

И, наконец, последнее. Совсем последнее. Собственно, я о том, что английский язык ничуть не уступает по степени сложности и многозначности каждого слова языку племени Маори. Вот и слово *queen* означает не только королеву, но и даму из игральной колоды карт. Стоит только взглянуть на обширную иконографию портретов Найо Марш, представленную в интернете, чтобы понять, что перед нами типичная дама треф. А любая, даже совсем неопытная гадалка скажет вам, что дама треф — это очень влиятельная дама, обладающая целой кучей самых привлекательных качеств. Она — надежный друг и товарищ, она с легкостью покоряет сердца мужчин, хотя никто из них не способен понять ее до конца. К тому же, она чрезвычайно романтичная натура, восторженная, сердечная, добрая, всегда готовая прийти на помощь. Правда, немного склонная к позерству. Почти как героиня романа «Убийство в Маунт-Мун» по имени Флоренс Рубик, которую все домашние звали просто Флосси.

Вот я смотрю на фотографию Найо Марш, свою самую любимую, ту, где она в элегантной беретке стоит, небрежно прислонясь к стене. Без сомнения, дама треф! И возраст уже за сорок. Но лицо удивительно молодо, почти девичий овал, и только тихая грусть в глазах выдает, как много уже пережито и перечувствовано.

Разглядываю фотографию, и сами собой в памяти всплывают строки из переведенного мною романа. Они взяты из письма Родерика Аллейна к своей жене Агате Трой, которое венчает весь роман.

«Иногда мне кажется, что я почти воочию вижу, как Флосси идет по тропинке, теряясь в сгущающихся сумерках среди кустов лаванды. Маленькая некрасивая женщина, такая упрямая, такая самонадеянная! И такая благородная, умная, проницательная, жизнелюбивая, с бьющей

через край энергией и желанием творить добро всегда и всем. Она была уверена, что ей все по плечу, что она справится с любым делом. Увы! Последнее дело оказалось для нее действительно последним».

И далее:

«Боюсь сглазить, но, кажется, я скоро вернусь домой. Я только что снова взял в руки перо после короткого перерыва, который потратил на то, чтобы набить трубку и немного поразмыслить о том, что я увидел в Маунт-Мун. Когда остаешься в этом доме один на один с ночью, когда подходишь к окну и перед тобой открывается величественный в своей красоте ландшафт, то невольно чувствуешь, как холодок пробегает по спине. От такой красоты воистину захватывает дух! Бескрайнее плато в окаймлении горных вершин, а над всем этим великолепием бездонный купол звездного неба. А дальше, на север, тянется еще одна гряда, а за ней еще один остров, и еще один, и так целых тридцать тысяч миль водной глади и суши, а на другом конце — ты.

Дело можно считать закрытым. Я растираю озябшие руки, прежде чем снова взяться за перо, и смотрю на портрет Флоренс Рубик. И ты знаешь, мне искренне жаль, что в тот далекий день, когда нас представили друг другу, я, то ли в силу своей занятости, то ли по какой-то иной причине, не принял ее приглашения провести уикенд у них в имении Маунт-Мун».

Что ж, самое время и нам закольцевать повествование, следуя примеру самой Найо Марш, а потому закончу тем, с чего начала. Все же замечательное это было время, когда я трудилась над переводом романа «Убийство в Маунт-Мун». Незабываемое! Низкий поклон прекрасной новозеландской писательнице за ту радость, которой она меня одарила, и как переводчика, и как читателя.



Найо МАРШ

Рождение сыщика

Эссе



Эссе Найо Марш под названием «Рождение сыщика» ('Birth of a Sleuth') было опубликовано в 1977 году, а двумя годами позже, в 1979 году, появилось и второе эссе под названием «Портрет Трой» ('Portrait of Troy'), посвященное уже жене главного героя романов Марш. Кстати, сама писательница настаивает на том, что фамилию героя следует правильно читать как «Аллен», а не «Аллейн», вопреки тому, что сегодня фигурирует в большинстве русскоязычных переводов ее романов. Именно этой авторской версии мы и придерживаемся ниже.

От переводчика

Родерик Аллен появился на свет сразу же в ранге старшего инспектора Скотленд-Ярда, и случилось сие нетривиальное событие в один дождливый субботний вечер 1931 года, в квартире цокольного этажа в здании, расположенном на Слоун-сквер в Лондоне. Дождь лил весь день. Окна заливало потоками воды. Нескончаемые ручьи хлюпали под ногами прохожих, сновавших по тротуару как раз на уровне моих глаз, разбрызгивая вокруг себя фонтаны из дождевых струй. Машины неслись по проезжей части, тоже вздымая столпы воды. Вода рекой катилась по улице, устремляясь к ступенькам, ведущим вниз, прямо к моей квартире, грозя вот-вот безжалостно затопить ее целиком. Да, именно так! «Безжалостно» — пожалуй, самое точное слово для описания того, что творилось вокруг. И оно, это слово, звучало угрожающе, особенно с учетом грозящего потопа, который неминуемо должен был случиться. Итак, обстановка была самая подходящая для того, чтобы пережить момент самого настоящего страха. Как говорят в таких случаях, все было слишком хорошо для того, чтобы быть правдой.

Я коротала время за чтением детективного романа, который позаимствовала в крохотной библиотеке, похожей скорее на полутемный чулан, функционировавшей при магазине канцелярских товаров через дорогу напротив. Не помню точно, что это был за роман и кто его написал. Возможно, Агата Кристи или Дороти Сейерс. Скорее всего, кто-то из них. В пятом часу, когда уже стало смеркаться, я закончила чтение. Дождь шел не переставая. Я спохватилась, что уже растопила камин и положила в него уголь (самое распространенное топливо в Лондоне тех дней), и побежала посмотреть, как там дела. Подшевелила огонь и лениво подумала о том, а не взяться ли мне самой за перо. Рискнуть и попробовать написать что-нибудь этакое в детективном жанре. Тем более что в последнее время в Англии необычайную популярность приобрела игра под названием «Найти

убийцу», которой с удовольствием предавались и стар и млад на всех вечеринках, устраиваемых по выходным.

Суть игры заключалась в следующем. Один из игроков получал карточку (или сам вытаскивал ее), на которой было написано «Убийца». После чего игрок должен был выбрать себе «Жертву», а затем начинался «Суд» над преступником, ему предшествовало расследование, которое вели остальные игроки. А что, если попытаться сделать из этой игры настоящий детективный роман, подумала я. С настоящим преступником и с самым настоящим трупом. К счастью для себя, я совсем не подозревала, что аналогичная мысль (о чем я узнала много позже) пришла в голову и одному французу, кстати, практикующему врачу. Какое-то время я сосредоточенно обмозговывала саму идею, пробуя ее на вкус и разглядывая с самых разных сторон.

Шевелила кочергой уголь в камине и, тупо уставившись на огонь, пыталась представить себе, что за персонаж может выкристаллизоваться из мрачных глубин чадящего пламени. И не просто персонаж, а тот, кто с легкостью станет распутывать любые преступления в моих будущих книгах.

В комнате уже совсем стемнело, когда я, сдернув с вешалки плащ, взяла зонтик и поспешила на улицу. Поднялась по ступенькам наверх и в неярком свете залитых дождем уличных фонарей потащилась прямиком по лужам в магазин канцтоваров. В торговом зале пахло сыростью, свежей типографской краской, дешевыми иллюстрированными журналами и промокшими под дождем людьми. Я купила шесть общих тетрадей, карандаш, точилку для карандашей и поспешила обратно домой, не обращая внимания на полноводные ручьи под ногами.

Меня вдруг охватило чувство странной приподнятости, нечто отдаленно смахивающее на эйфорию, которая случается после пережитого наслаждения. И мысли мои снова завертелись вокруг будущего персонажа, который медленно, но неуклонно стал приобретать вполне осязаемые очертания и формы.

Как правило, в детективных романах тех лет расследованием убийств занимался человек, обязательно наделенный какими-то эксцентричными особенностями характера или внешности. То есть герой должен был в обязательном порядке обладать неким узнаваемым набором личных качеств. Разумеется, традиция эта уходит своими корнями еще во времена Шерлока Холмса. Но и несравненный месье Пуаро, придуманный Агатой Кристи, со своими великолепными усами, педантичной страстью к порядку во всем и вся, а также постоянными разговорами о «серых клеточках», ничуть не уступает в эксцентричности Шерлоку Холмсу. Любимый персонаж Дороти Сейерс лорд Питер Уимзи, как известно, славится своим остроумием, впрочем, порой, как мне кажется, его шуточки даже переходят грань дозволенного. Еще один персонаж, обаятельный чудак, врач по профессии, Регги Форчен то и дело, к месту и не к месту, повторяет любимое словечко «старина»: «Ну что, старина? Как дела, старина? Ах, не спрашивай, старина!» Наверняка этой своей привычкой он обязан автору, придумавшему его. Это Генри Кристофер Бейли.

По другую сторону океана тоже имеется не менее колоритный персонаж по имени Фило Ванс. Его придумал Стивен Ван Дайн, и его герой говорит на каком-то заумном языке, абсолютно непонятном всем остальным людям. Якобы на таком языке разговаривают выпускники престижнейшего «Баллиоля», одного из трех самых первых колледжей, положивших основание Оксфорду.

Короче говоря, количество прославленных сыщиков, известных в том числе и эксцентричностью своих манер, и оригинальностью поведения, просто зашкаливает. И вот коротая за размышлениями бесконечно долгий

дождливый вечер, я пришла к выводу, что мой единственный шанс чем-то отличиться — это придумать совершенно нормального героя. То есть этот человек должен быть вполне узнаваемым и даже в чем-то похожим на кого-то из моих многочисленных друзей, которыми я уже успела обзавестись в Англии. А потому — никакого маньеризма, никаких эксцентричных выходок и прочих штучек, которые будут болтаться у него на шее подобно опознавательным знакам или торговым биркам. (Впрочем, оглядываясь в прошлое, честно признаюсь, в своих самых первых романах мне не вполне удалось претворить это благое намерение в жизнь.)

Тогда же я решила, что мой детектив обязательно должен быть профессиональным полицейским, но при этом не совсем типичным полицейским. Он хорош собой, обходителен, образован, умен. С таким человеком приятно поговорить, но, право же, лучше ему не попадаться.

Словом, мой герой стал обрастать плотью и кровью. И оказалось, что я уже знаю про него целую кучу самых разных вещей. Порой я вообще думаю, что даже если бы я не стала писать детективные романы, а занялась более серьезным сочинительством, то все равно, рано или поздно, этот персонаж появился бы на страницах моих книг, пусть и в другом обрамлении, в ином обличье и при других обстоятельствах.

Высокий, худощавый, умеющий одеваться с той небрежной элегантностью, которая всегда привлекательна, в меру остроумный. Глядя на такого мужчину, трудно догадаться, кто он по профессии. И конечно, у него есть сердце и он умеет сострадать. Свое тонкое чувство юмора, которое базируется главным образом на ироничной недооценке или преуменьшении каких-то человеческих качеств, Аллен умеет продемонстрировать ненавязчиво, но к месту, и так, чтобы не задеть ничьего самолюбия. И при том всем с первого же взгляда ясно, что перед тобой человек, наделенный властью, причем немалой. Что касается его происхождения и некоторых биографических данных, то они изредка всплывают в моих романах сами собой. Младший сын аристократического семейства, родом из Бекингемшира, учился в Итоне. У него есть старший брат (и наследник титула), который подвизается на дипломатическом поприще. Сам герой характеризует своего брата как человека весьма недалекого, если не сказать глуповатого. Его матушка, которую он любит и искренне уважает, что говорится, дама с характером.

Помню, как мне было приятно, когда после появления моего героя в самых первых романах я прочитала, как кто-то из критиков назвал его так: «этот славный малый Аллен». Наверное, не в последнюю очередь потому, что я и сама думаю о нем точно так же. Действительно, славный малый, который совсем не так прост, как может показаться на первый взгляд. Он умеет быть твердым, непреклонным и даже жестким. Вполне возможно, в его характере есть и еще какие-то неизвестные мне грани, которые (я надеюсь!) рано или поздно проявятся в каком-нибудь одном из последующих моих романов. Помнится, в самом начале его полицейской карьеры многие репортеры из желтой прессы величали Аллена не иначе как «этот красавец инспектор», что ужасно его нервировало и даже приводило в смущение.

В тот самый день, когда я его придумала, у меня возникла еще одна идея: подробно описать где-нибудь по ходу повествования причины, по которым Аллен оставил дипломатическую службу и перешел работать в полицию. Но к сожалению, этот замысел так и остался нереализованным.

Его возраст? Вот здесь я вынуждена сделать вид, что не расслышала вопроса, и попросту решила отмолчаться. Скажу так: возраст Аллена полностью укладывается в знаменитую теорию Эйнштейна об относительности. Кстати, в этом он совсем не одинок! Не помню, кто сказал мне,

что если рассчитывать возраст Эркюля Пуаро по обычным человеческим меркам, то он должен был бы умереть в возрасте 122 лет. Все дело в том, что вымышленные герои живут в своем особом временном пространстве, не имеющем ничего общего с законами реального времени. Тот же инспектор полиции, мистер Баккет из романа Диккенса «Холодный дом», может позволить себе многолетнее расследование и при этом все время оставаться молодым. А потому скажу честно! В тот вечер, когда я придумала своего детектива, я даже не подумала о том, сколько ему лет. И сейчас его возраст меня по-прежнему ни капельки не интересует.

Аллен возник в моем сознании совершенно неожиданно и спонтанно. Можно сказать, он материализовался из ничего. Писателям часто задают один и тот же вопрос. Кто является прототипом того или иного героя, скрываются ли за вымышленными персонажами книг те, кого мы все называем «реальными людьми»? Некоторые из созданных мною образов действительно имеют своих прототипов, правда, все они претерпели существенную — как бы это выразиться! — мутацию, что ли, то есть удалились на значительное расстояние от живых людей во плоти. Но что касается мистера Аллена, то могу сказать одно: у этого героя нет реального прототипа. Его породила на свет фантазия автора, и только! Самое удивительное, что он возник в моем воображении сам собой, как говорится, вошел в мою жизнь безо всякого предупреждения. Возможно, частично поэтому в нем чувствуется некий элемент ирреальности. Хотя лично для меня он вполне реалистичный персонаж. Я бы даже сказала, больше, чем реалистичный. Во всяком случае, я его воспринимаю как живого человека.

Многие, и наверное, небезосновательно, порицают Дороти Сейерс за то, что она, сочиняя свои романы, постепенно влюблялась в главного героя лорда Уимзи (и ведь было за что!). Безусловно, с точки зрения литературного вкуса писательница допустила ошибку, хотя поклонники ее таланта никогда и ни за что не согласятся со мной. Что касается моего сыщика, то я никогда не прикипала к Аллену всем сердцем и душой, но, не скрою, мало-помалу привязалась к нему, как к старому и доброму другу. Рискну даже заявить, что именно в этом качестве он незримо стал моим неизменным компаньоном и товарищем в странствиях по всему миру.

Вместе мы коротали время за разговорами в ночном экспрессе, который мчал нас по острову Северный в Новой Зеландии, вместе бродили среди гейзеров и кипящей лавы в окружении заснеженных новозеландских гор, вместе пересекали Ла-Манш, путешествовали по английским каналам, гуляли по улицам Рима, любуясь его бесчисленными архитектурными памятниками. По долгу службы Аллен оказался на одном из островов вблизи Нормандии (и я вместе с ним!), потом профессиональное расследование привело его за кулисы нескольких театров, и я тоже была рядом. Вместе с психопатом-убийцей он отправился на яхте под парусом из порта Тилбери до мыса Доброй Надежды. Я была рядом с ним, когда он проводил задержание в трех загородных домах, в одной больнице, в церкви, на пароме, следующем через Ла-Манш, и в пабе. Так стоит ли удивляться тому, что наши совместные блуждания по свету существенно расширили кругозор каждого и обогатили нас духовно? Впрочем, в тот далекий дождливый вечер, когда в моем сознании возник феномен Аллена, ни о чем таком я и не помышляла.

Поначалу Аллен был холостяком, но разумеется, он не чурался слабого пола. Не то чтобы он с легкостью прыгал из одной постели в другую, что, впрочем, и немыслимо при его загруженности на работе, но и аскетом он тоже явно не был. Как и бабником! А если и был, то мне об этом ничего не известно. В любом случае, несмотря на все свои романы, если таковые

и были, и вопреки всем моим намерениям и задумкам, его сердце долго оставалось свободным.

Пока во время морского путешествия с заходом в столицу Фиджи город Сува он не познакомился с Агатой Трой. Собственно, сама встреча случилась на палубе роскошного лайнера, где Трой, художница по роду своих занятий, запечатлевала маслом на холсте какой-то морской пейзаж. Впрочем, до момента знакомства Аллена и Трой прошло еще немало лет, в течение которых на свет появилось по меньшей мере с полдюжины романов, в которых в качестве главного героя фигурировал мой старший инспектор. И редакторы, и издатели поначалу отнеслись к появлению женского персонажа крайне настороженно. Пришлось написать еще два романа, чтобы переубедить их. В конце концов, художница уступила ухаживаниям моего героя, и всем несогласным пришлось смириться с этим как со свершившимся фактом. И впредь я имела дело уже с женатым инспектором, его женой, известной художницей, а позднее и с его сыном.

Иногда случалось (некая непрогнозируемая цепь событий), причем чаще всего против воли моего героя, что его близкие оказывались втянутыми в то или иное расследование, которым он на тот момент занимался. Но в целом Аллен старался никогда не смешивать свою профессиональную деятельность и семейную жизнь. Как правило, все свои дела он привык обсуждать с ближайшим другом и своим постоянным советчиком, инспектором Фоксом. Инспектор Фокс — спокойный, уравновешенный увалень, ход его мыслей всегда прост и ясен, человек он степенный, неспешный в делах и речах, к тому же привык всегда держаться в тени. Вот так же степенно и незаметно он вошел и в жизнь моего героя. Из их разговоров мне стало понятно, что какое-то время они работали вместе, что позволило мне, как автору, сохранить их дружеские отношения и впредь. Но «в тот вечер, о котором идет речь», как любят выражаться наши дамы, занимающиеся написанием всяких детективных романов, «все это было еще делом далекого будущего».

Огонь в камине наконец разгорелся в полную силу. Причудливые блики скользили по стенам комнаты, отсветы пламени озаряли мою лондонскую квартирку. Я включила свет, открыла тетрадь, заточила карандаш и начала писать. Мой герой терпеливо дожидался того момента, когда в Главе IV на странице 58 (речь идет о самом первом издании романа) он, наконец, выйдет из тени и появится на авансцене разворачивающихся событий. Но вот он вышел, и отныне я уже была не одна. У меня появился постоянный собеседник и друг. Что ж, самое время было заняться придумыванием ему соответствующего имени.

Но с этим оказалось проще всего. Неделей ранее я посетила Далвич Колледж, закрытую частную школу, расположенную всего лишь в восьми милях от Лондона. Она была основана в 1619 году знаменитым британским актером времен королевы Елизаветы I Эдвардом Алленом, блиставшим когда-то в заглавных ролях в пьесах Марло и Шекспира. Человек состоятельный, Аллен щедрой рукой спонсировал созданную им школу. Ей он завещал свою великолепную коллекцию живописи (при школе имеется картинная галерея) и не менее легендарную коллекцию театральных атрибутов из реквизита времен театра Шекспира и Марло. Последняя меня особенно впечатлила, что и неудивительно, зная о моей всепоглощающей страсти к театру. Когда-то в этой школе учился и мой отец. Кстати, бывших выпускников Далвич Колледж принято называть «алленцами», в честь основателя школы.

Итак, старший инспектор Скотленд-Ярда Аллен. Как звучит? Отлично!

Вот с именем пришлось немного повозиться. Все время были какие-то сомнения. Помогла еще одна вылазка. На сей раз я отправилась к друзьям в

Шотландию в район Северного нагорья. Друзья познакомили меня с великим множеством людей, многие из которых являлись носителями весьма звучных и запоминающихся имен. Так, одного из моих новых знакомых звали Родерик (или Рори) Макдональд.

Старший инспектор Скотленд-Ярда Родерик Аллен? Да!!!

Кстати, обращаю ваше внимание! Фамилия моего героя читается именно так: Аллен.

Портрет Трой

Трой появилась на страницах моего шестого романа про Аллена. В те годы я и сама еще активно занималась живописью, много писала маслом, работала на пленэре и вообще воспринимала весь окружающий меня мир, в первую очередь, как потенциальный объект для живописного увековечивания.

Во время морского путешествия из Новой Зеландии в Англию мы ненадолго зашли в столицу Фиджи Суву. Помню, день был пасмурным, хмурым, на море полнейший штиль и очень душно. Словом, один из тех дней, когда особенно отчетливо слышен каждый звук, а все краски окружающих предметов воспринимаются особенно остро и ярко. В этом смысле пристань Сувы и прилегающая к ней набережная, когда лицезришь их с палубы проплывающего мимо судна, особенно впечатляли. Кипы ярко-зеленых тюков с бананами, вперемешку с собственной листвой, какой-то высокий абориген с неопрятными огненно-красными космами на голове, от одного цвета которых возникала резь в глазах. Этот же пронзительно-красный цвет повторялся и в сари, в которое была облачена какая-то индианка. Явственно слышалось, как шлепают десятки босых ног по влажному деревянному настилу, отчетливо доносились голоса всех этих людей, словно их усилили через громкоговоритель. Все эти разрозненные куски впечатлений странным образом складывались в единое целое, и мне вдруг страшно захотелось немедленно схватить кисть и начать запечатлевать на полотне все увиденное.

Но вот пароход поплыл дальше, пристань Сувы растаяла вдали, а мне на память осталась картина, которую я так и не нарисовала, и даже не попыталась впоследствии сделать это. И все же, набережная Сувы так ярко, так живо запечатлелась в моей памяти, словно все это было только вчера.

Как вы, наверное, уже догадались, когда я приступила к написанию романа «Маэстро, вы — убийца!», то нереализованные замыслы по части живописи снова вспомнились мне, и тогда я вплела в канву повествования художницу, которая, стоя на палубе парохода, любуется пристанью Сувы и одновременно делает эскизы, запечатлевая окружающие красоты на мольберте. Не сомневаюсь ни единой секунды: у нее это получилось намного лучше и достовернее, чем если бы за дело взялась я сама. Вот так появилась в моих романах Трой, и вот при таких обстоятельствах состоялось их знакомство с Алленом.

Я всегда старалась выстраивать сюжеты своих книг, особенно по части декораций, если так можно выразиться, максимально достоверно и с опорой на собственный опыт. Вот и в данном конкретном случае я рассудила так: коль скоро я обнаружила Трой на палубе судна, всецело поглощенной своей живописью, то, скорее всего, Аллен тоже обязательно должен будет натолкнуться на нее. И таким образом, их знакомство становится неминуемым. Дальнейшие события в романе разворачиваются уже в богемной среде, в обществе художников и артистов.

Роман писался в те годы, когда высшая мера наказания — смертная казнь еще не была отменена в британском правосудии. Но в обществе развернулась оживленная дискуссия по этому вопросу. Я всегда выступала как самый ярый противник смертной казни, и Трой была полностью солидарна со мной. Кстати, однажды мне довелось побеседовать с одним реальным инспектором полиции, и из разговора с ним я, к своему немалому удивлению, узнала, что среди работников правоохранительных органов довольно много тех, кто придерживается моей точки зрения и тоже выступает за отмену смертной казни. И таких людей гораздо больше, чем принято думать. Не сомневаюсь, Аллен — один из них. Само собой, он прекрасно понимал, что на тот момент тень возможного смертного приговора, витающая над главным злодеем романа, существенно осложнит его отношения с Трой. Так оно и случилось. Их совместное будущее определилось лишь в конце моего следующего романа «Смерть в белом галстуке». Отныне судьбы моих героев оказались связанными воедино, а в романе «Смерть и танцующий лакей» Аллен и Трой поженились.

Помнится, мой литературный агент в Лондоне весьма скептически отнесся к таким судьбоносным переменам в жизни Аллена. Тогда была распространенной точка зрения, согласно которой любовные увлечения героя, занимающегося расследованием преступлений, лишь утяжеляют сюжет. А поэтому надо всячески избегать подобного развития сюжета или действовать крайне осмотрительно и при первых же проявлениях чувств со стороны персонажа максимально быстро пресекать подобные эмоции еще в зародыше.

Именно так поступил Конан Дойл. Единственная женщина, возникшая в жизни его главного героя Шерлока Холмса, — это Ирен Адлер, которую сам Холмс величает не иначе как «эта женщина». Она появляется один-единственный раз в «Скандале в Богемии» и произносит одну-единственную фразу, проходя мимо Холмса: «Спокойной ночи, мистер Холмс». Едва зарождающиеся романтические отношения между героями были быстро свернуты, а сама идея привнести любовные чувства в жизнь знаменитого сыщика была отброшена в сторону как непродуктивная. Холмс был настолько поглощен своей работой, что, по словам Дойла, все эмоции и чувства (включая и сексуальное влечение) «были чужды его холодному и рациональному уму, привыкшему все взвешивать и сопоставлять. Более того, эти чувства вызывали в нем даже отвращение».

Вот и все, что можно сказать про бедняжку мисс Адлер.

Пожалуй, единственным исключением из общего правила стал роман Бентли «Последнее дело Трента», где одна из подозреваемых по ходу сюжета вызывает у сыщика чувства гораздо более теплые, чем просто симпатия. Что же до Дороти Сейерс, то она обратила все эмоции на саму себя, влюбившись в собственное создание. В результате — и сама оказалась в дурацком положении, и своего героя превратила почти в посмешище.

В те времена, когда появилась на свет моя Трой, приличных девушек из общества принято было называть Далси, Эдит, Мона, Сесиллия, даже Маделина. На худой конец, Глэдис. Мне же хотелось, чтобы у моей героини было простое, самое обычное женское имя. А почему бы не назвать ее Агатой, подумала я, совсем не имея в виду Агату Кристи. Во-первых, имя Агата как нельзя более удачно сочетается с ее довольно странной фамилией: Трой. Итак, Агата Трой! Все свои картины она подписывала только фамилией «Трой». Друзья и знакомые тоже звали ее, главным образом, по фамилии: Трой.

Кстати, роман «Смерть в белом галстуке» можно было бы с полным основанием назвать «Осада Трой». Получился бы неплохой каламбур.

Что же до живописных талантов Трой, то ее полотна далеки от академической манеры исполнения, но их нельзя целиком отнести и к абстрактной живописи. Пожалуй, первое, что бросается в глаза, когда смотришь на ее картины, — это некое неуловимое ощущение того, что все на полотне находится в движении. Словом, полное отсутствие статики, что достигается умелым сочетанием формы и линии.

Больше всего Трой сожалела о том, что так и не нарисовала портрет знаменитой оперной дивы Изабеллы Сомита, который был ей заказан по сюжету романа, над которым я сейчас работаю. (*Речь идет о романе «Фотофиниш», который был опубликован в 1982 году. — Прим. переводчика.*) Прославленная дива должна была быть запечатлена во время исполнения одной из своих арий. Рот открыт, и из горла льются восхитительные звуки лучшего в мире колоратурного сопрано с его несравненными верхними «до». Большой вопрос, понравилось ли бы самой диве быть запечатленной в таком виде, останься она жива! А ведь уже и название было придумано для будущего портрета. Предполагалось назвать его «Верхняя нота».

Трой и Аллен прекрасно дополняют друг друга. Никто из них не лезет в дела другого, если его (или ее) об этом не попросят. Что касается Трой, то она довольно часто просит Аллена помочь ей советом. Случается, они спорят, Трой возражает против рекомендаций мужа, выдвигает свои аргументы, но почти всегда дело кончается тем, что совет принимается к исполнению. Когда они вынуждены разлучиться на какое-то время, то Трой всегда очень скучает по мужу. А в силу профессиональных занятий моих героев разлучаться приходится довольно часто. Оба тоскуют в разлуке и, подобно любовникам былых времен, начинают строчить друг другу пространные письма.

Разумнее всего, прежде всего, с точки зрения достоверности повествования, не вмешивать Трой в те расследования, которыми занимается ее муж, или делать это крайне редко и осторожно. Аллен и сам в таких случаях испытывает смешанные чувства. Но Трой понимает мужа с полуслова. Человек она по натуре молчаливый, и даже немного скрытный, но чувствительность у нее, как у морского ежа. Она моментально улавливает настроение Аллена и его желание побыть одному или чтобы его просто не трогали какое-то время.

«Ну, и что ж такого! — успокаивает она себя в таких случаях. — Я ведь вышла за него замуж. Я — его жена. Но нельзя же превращаться в докучливую и даже занудливую жену, которая ловит буквально каждое слово своего дражайшего супруга, пытаясь всячески ему угодить».

Не скрою, мне нравится Трой. Когда я пишу о ней, то явственно вижу ее перед собой. Темноволосая, короткая стрижка, сухощавое лицо, тонкие руки. Она немного рассеянна, слегка застенчива. Порой производит впечатление довольно странной особы, как бы не от мира сего. А еще мне импонирует, что в своем творчестве она действует без оглядки на какие бы то ни было авторитеты, что в искусстве дорогого стоит. Я всегда рада, когда слышу, что моим читателям тоже нравится Трой.

Перевод с английского Зинаиды КРАСНЕВСКОЙ.



Адам МАЛЬДИС

У истоков белорусского народоведения

В редакции «Нёмана», читаемого мною со дня его рождения, предложили мне для ознакомления и оценки «общий (?!) очерк» Федота Кудринского «Белоруссы». Напечатан он был в «Виленском календаре на 1905 год» — значит, написан еще до Первой российской революции. После возвращения домой проверил по энциклопедическим и справочным изданиям, но этот текст там не назывался. Другие, более поздние того же автора, перечислялись, а этот — нет. Значит, передо мной забытый и тем более интересный очерк.

Что же касается автора, Федота Кудринского (1867—1933?), то его фамилия еще более подогрела интерес к тексту. Еще бы! Из книги документов «З жыццяпісу Якуба Коласа», составленного дотошным Геннадием Киселевым, помнилось, что в Несвижской учительской семинарии именно так именовался учитель будущего классика по русскому языку и литературе, что именно он первым заметил и подбодрил юного поэта.

Подойдя к книжной полке, проверил память: да, именно он принимал экзамены у незаурядного ученика, привлекал его к участию в юбилейных вечерах, посвященных памяти Гоголя и Жуковского. Более того, именно он в своей статье «Семинаристы из народа» (какое точное название!) под псевдонимом «Богдан Степанец» опубликовал первое известное белорусско-русско-украинское (учитель ведь родился на Волыни!) стихотворение Мицкевича-Коласа «Село». Быт и нравы белорусской деревни показаны там столь неприглядно, что, вычислив, кто скрылся под псевдонимом, власти уволили учителя с работы. С тех пор Кудринский жил и работал рядовым архивистом в Вильно, творил там этнографические статьи и художественные рассказы («Первый урок о любви». Вильно, 1915). Анализ их, установление возможных «мостков» с творчеством Коласа тянут на основу для дипломной работы, а (может) и для кандидатского исследования. К чему и призываю!

А что же рассматриваемый очерк «Белоруссы»? Конечно, его филологам и историкам придется анализировать, сравнивая, в первую очередь, с произведениями Коласа. Здесь самостоятельно — ссылка (на Карского) делается всего один раз — рассматриваются «физическая природа Белоруссии» (заметьте: уже не Северо-Западного края) в ее состоянии на начало XX века и в «историческом прошлом», тяжелый и даже непривлекательный повседневный быт крестьянства (здесь краски, по сравнению с другими авторами того времени, кажутся слишком мрачными), этнический тип жителя белорусских земель, определенных приблизительно и даже произвольно (в поле зрения включены берега Оби, и часто игнорируются жители Гродненской и Виленской губерний, может быть, потому, что среди них преобладали католики). Над автором довлеет традиционная, официальная терминология: ведь окончил он Московскую духовную академию.

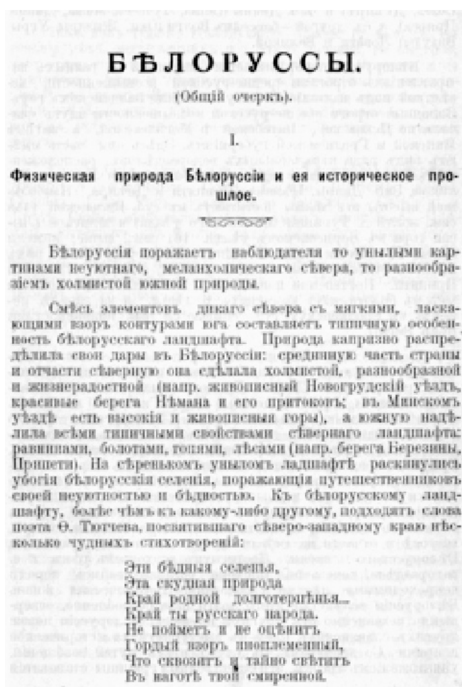
Но неизбежный в данном случае (календарь-то должен был выйти в типографии «Русский Почин») консерватизм достоин внимания сегодняшнего читателя очерка, а прежде всего, заинтересованное внимание, симпатия к этническому наследию обширного, «центрального» в Европе края, как раз вновь выступающего на историческую арену. Автор оперирует множеством фактов (кажется, только в двух местах он неточен: Свитязь была не в Полоцком, а в Новогрудском уезде, а в начале раздела «Быт Белоруссов» 12 % католиков приплюсовываются к православным), опирается на собственные наблюдения и выводы. Короче говоря, пытается подняться над любительством и описательством к научному краеведению. Вот почему мы должны быть благодарны зачинателям нашего краеведения и, шире, родиноведения. Конечно же, мы умнее их, пошли дальше. Но ведь именно благодаря таким людям, как они. И последнее. В очерке ничего не говорится о художественной культуре белорусов, литературе. Может быть, этой тематике посвящена вторая часть очерка, напечатанная в Виленском календаре на иной год? Молодые библиографы: проверьте!

Федот КУДРИНСКИЙ

Белоруссы

*(Общий очерк)**

Физическая природа Белоруссии и ее историческое прошлое



БѢЛОРУССЫ.

(Общій очеркъ).

I.

Физическая природа Бѣлоруссіи и ея историческое прошлое.

Бѣлоруссія поражаетъ наблюдателя то унылыми картинами неуютнаго, меланхолическаго сѣвера, то разнообразіемъ холмистой южной природы.

Смѣсь элементовъ дикаго сѣвера съ мягкими, ласкающими взоръ контурами юга составляетъ типичную особенность бѣлорусскаго ландшафта. Природа капризно распредѣлила свои дары въ Бѣлоруссіи: срединную часть страны и отчасти сѣверную она сдѣлала холмистой, разнообразной и жизнерадостной (напр. живописный Новогрудскій уѣздъ, красивые берега Нѣмана и его притоковъ; въ Минскомъ уѣздѣ есть высокія и живописныя горы), а южную надѣлила всѣми типичными свойствами сѣвернаго ландшафта: равнинами, болотами, топями, лѣсами (напр. берега Березины, Припети). На сѣренькомъ унылomъ ландшафтѣ раскинулись убогія бѣлорусскія селенія, поражающія путешественниковъ своей неуютностью и бѣдностью. Къ бѣлорусскому ландшафту, болѣе чѣмъ къ какому-либо другому, подходятъ слова поэта Ѳ. Тютчева, посвятившаго сѣверо-западному краю нѣсколько чудныхъ стихотвореній:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа
Край родной долготерпѣнья...
Край ты русскаго народа.
Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твой смиренной.

[...] Быть может, на всей площади центральной, южной и юго-западной России нет страны, где бы эти сказания носили такой отпечаток глубокой старины, как в Белоруссии. Мифологическим элементом проникнуты почти все сказания белоруссов. Этот же элемент вошел в праздники, народные обычаи и обряды белоруссов.

Чаровницы, водяные, ведьмы, лесовики, домовые, русалки наполняют природу белорусса и придают ей особый оттенок вместилища таинственных пантеистических сил. Природа, в миросозерцании народа, не только арена его земной жизни, но спутница его духа. С ней он живет заодно. Она наложила печать уныния на облик белорусса — создала его меланхолический тип.

Времена года у белоруссов имеют свои типичные названия: Ляля, Цёця, Жиценя, Зюзя. В этих оригинальных именах народ символизировал всю совокупность своих отношений к временам года. Это не простые названия, а живые, типичные, умопредставляемые существа. Каждое из них имеет свою особенную физиономию. Успех времени года зависит от благоволения этих существ, посылающих на белорусса несчастье или благословение. Отсюда — необходимость умилостивления их жертвами, указания на которые сохранились во многих белорусских народных песнях и обрядах.

Весь хозяйственный год в сознании белорусса до сих пор еще освещается сильным мифическим светом. Белорусс не просто обрабатывает землю, но почти священнодействует в каждом своем земледельческом акте. Весенняя обработка земли, очищение почвы от наносных элементов, начало севбы, посадка овощей в огородах, уборка хлеба с полей, травы с лугов, фруктов с садов, зимний обмолот зерна и прочее — все сопровождается соответствующими обрядами, песнями, присловьями, в которых на ряду с христианскими началами странным образом все еще звучат древнеязыческие предания. Христианство и язычество органически сплелись в сознании белорусса в оригинальное, очень своеобразное по своему характеру миросозерцание.

---

* Виленский календарь на 1905 простой год. Вильно: Типография «Русский Почин», 1904.

Текст печатается с сокращениями.

На космогонических сказаниях белорусса лежит сильный отпечаток дуализма. Противоположение доброго начала злому, света — тьме доведено здесь до сильных образов, напоминающих иранские космогонические легенды. Сативрат, Карачун, Зюзя занимают видное место в этих легендах. Вся жизнь мира и существ, его населяющих, представляет борьбу двух противоположных начал. Этой же борьбой освещены и сказания о конце мира. Сказания о козе, волке, свинье, медведе, пчеле тоже проникнуты мифическим элементом.

Христианские праздники стали в Белоруссии как бы центрами, около которых группируются языческие поверья и предрассудки. Коляда с ее приподнятым жизнерадостным настроением, Новый год, Пасха, дни Юрия, Ивана Купалы, Илии, Андрея и другие освящены традиционными торжествами, свято чтимыми в народе. Иван Купала до сих пор окружен в Белоруссии большим ореолом мифологии и древних сказаний. Одна из наиболее распространенных народных песен, сложенных на Ивановскую ночь, гласит:

Звала Купала Илью на игрища:
— Ходи, Ильища, ко мне на игрища.
— Не маю часу, Купаличка;
В эту ночку мне не спати,
Надо жита всего пильновати;
Каб змия заломов не ломала,
В жите коренья не копала,
У коров молока не отбирала.
Одбери, Боже, тому ручки, ножки,
Выдзери сова со лба очки, —
Каб не видел, не чаровал,
Каб не ходил, а пропал.

Почитание умерших в Белоруссии возведено в особенный культ. Об этом свидетельствует сохранившийся до сих пор оригинальный обычай угощать дедов. В Белоруссии существует вообще убеждение, что в так называемые родительские субботы необходимо накормить и угостить вином умерших родственников. Это — один из ярких белорусских обычаев.

Самые бедные мужики закладывают необходимые вещи, чтобы в субботу иметь на столе для умерших родственников не менее двенадцати перемен. Садясь ужинать, глава семьи отворяет окно и приглашает умерших к ужину, говоря при этом: «Дзеды, гей дзеды-дзедоньки, просимо на вечеру». Затем, положив крестное знамение на себя и на каждое из кушаньев, хозяин наливает рюмку водки и выливает ее на стол; потом он выливает на стол по ложке от каждого блюда, бросает небольшими кусками хлеб, сало, мясо и упрашивает «дзедов» кушать. Наш крестьянин верит, что души умерших родичей невидимым образом непременно присутствуют у стола и вместе с живыми ужинают. В продолжение ужина вся семья после каждого приема пищи, кладет на стол ложку, как бы предоставляя ее таким образом в распоряжение «дзедов».

При этом члены семьи наедаются «до отвалу» в честь дорогих гостей, а перед окончанием ужина глава семьи еще раз упрашивает «дедов» кушать: «Ешьце, дороженькие дзедоньки, ешьце на здравьечко, ешьце, а на рэшту (напоследок) выбачайце (извините)».

Ведьмаки, чаровники очень популярны в народе. Их практика очень разнообразна. Они и до сих пор еще умеют «уречь» глазами и словами; отнять молоко у коров; заколдовать след; пустить в глаза туман; ворожить о пропаже или о судьбе; сделать какие угодно навороты, например, или чтобы разлюбили до ненависти, или полюбили до неотвязчивости, или же приставали с преследованиями; надарить бедою, т. е. голодом, мором и пожаром; испортить физически и морально и, в свою очередь, — одробить чары, т. е. обходить скотину, или больных; отвести глаза начальствующих или глаза зависти, ревности, призор и т. п.

Быт Белоруссов

В состав Белоруссии в настоящее время входят полностью только три нынешние губернии: Минская, Могилевская, Витебская. Пространство белорусских губерний равняется 210 000 кв. верст, или около 41/2 тысяч кв. географических миль. Западная часть Смоленской губернии этнографически тоже примыкает к Белоруссии. Некоторые исследователи слишком расширяют этнографические пределы Белоруссии, включают в ее состав соответствующие части Черниговской, Псковской, Калужской, Орловской, Виленской и Гродненской губерний и доводят ее пространство до 170 402 кв. верст. В трех белорусских губерниях насчитывается 3 256 000 православных белоруссов. Если же принять во внимание и другие губернии, в которых живут белоруссы, а также и переселенцев, выселившихся в другие губернии, то число белоруссов в России дойдет до 8 1/2 миллионов. Таким образом, в Белоруссии решительно преобладает белорусское племя. Польский, или точнее сказать, ополячившийся элемент встречается лишь в Минской и некоторой части Витебской губ. По плотности населения Белоруссия уступает Литве. В последней население гуще (30—40 жителей на 1 кв. версту), а в Белоруссии — реже (20—30 на кв. версту).

По вероисповедному составу население Белоруссии представляет 80 % православных (64 % белоруссы, 16 великоруссы, 12 % католиков)[1], в том числе коренных поляков 5—7 %, 8 % евреев, около 14 000 протестантов и около 2000 магометан. Раскольники составляют значительный элемент населения. По данным 1881 года, в разных уездах Минской губернии их числилось 16 753 человека, в 1902 году 28 516 человек, а в прежнее время, например, в 1735 году, количество их доходило до 40 000. В Витебской губернии в 1894 году единоверцев было 5486 человек, старообрядцев 86 149 душ, всего 91 635 человек. Есть в незначительном количестве раскольники и в других местах Белоруссии: в Виленской губернии — 24 193, в Минской губернии — 16 825 и др. Раскольники преимущественно состоят из старообрядцев, переселившихся сюда в XVI и XVII веке из великорусских губерний, в особенности из Псковской, Тверской, Новгородской, Черниговской губерний. Раскольники всегда отличались от белоруссов большим материальным достатком. Но в нравственном отношении они ниже белоруссов. Раскольники чаще обвиняются в разного рода преступлениях, чем белоруссы.

Выход крестьян из помещичьей зависимости совершился в Белоруссии на выгодных началах. Крестьяне получили достаточные наделы земли (по 4, 8 дес. на ревизскую душу), выкупные платежи здесь были значительно уменьшены, что содействовало относительному материальному благополучию крестьян и естественному приросту населения. Статистические данные показывают, что до 1861 года население Белоруссии почти не увеличивалось[2]. Со времени освобождения крестьян и до 1877 года прирост населения Белоруссии выразился в 25 %.

Белорусские деревни невелики и большею частью имеют унылый вид. Избы стоят небеленные. Редко у какой-нибудь избы разбит палисадник. Особенно бедны села в Пинско-Березинской области. Все они представляют большею частью одну улицу деревянных строений. Хуторное хозяйство слабо развито в Белоруссии. На всю страну приходится около 3000 хуторов и 3700 разных помещичьих поселков, владельческих усадеб[3].

---

[1] Авторский вариант. См. предисловие А. Мальдиса.

[2] По 8-й ревизии в Белоруссии числилось 1 210 000 ревизских душ мужского пола, по 9-й — 1 171 000, по 10-й — 1 152 000. Таким образом, до освобождения крестьян количество ревизских душ в Белоруссии даже уменьшалось (*прим. автора*).

[3] Под хутором разумеется несколько строений, возведенных для хозяйственной эксплуатации того участка земли, на котором он построен, и отличающийся от владельческой усадьбы количеством и свойством строений. Владельческая усадьба богаче хутора.

Белоруссы не отличаются ростом. Средний рост белорусса колеблется между 2 арш. 3 верш. и 2 арш. 7 верш. Крестьянин в 2 аршина и 8—9 вершков представляет редкое явление. Волосы русые, лицо большею частью круглое. Белорусс не любит носить бороды и большею частью ее бреет. Впрочем, в Могилевской губернии крестьяне носят бороду и усы. Вообще население Белоруссии низкорослое, некрасивое, бедно одетое. Белокожие, бледноглазые, желтоволосые, редкобородые — явление нередкое среди жителей Минской губернии. Белорусские девушки бывают очень красивы, но быстро стареют. В 50 лет белорусс уже стар. Быстроте дряхлости его организма содействуют: тягость трудовой жизни, излишнее употребление вина, недостаток питания и плохие гигиенические условия домашнего быта.

Белорусские избы поражают своей нечистоплотностью. Помещения большею частью низки, темны, маловместительны. Окна маленькие. Полы большею частью земляные. Только более или менее зажиточные крестьяне устраивают полы из дерева. В белорусских деревнях не редкость встретить и в настоящее время еще курные избы. Ко всему этому следует еще прибавить близкое соседство животных: свиней, овец, коров, лошадей, кур, гусей, уток. В некоторых местах домашние животные живут под одной кровлей с людьми. Вообще белорусские жилища крайне негигиеничны. Люди здесь живут, как животные, а животные — как люди. Несмотря на обилие лесов в своем крае, белорусс в течение своего продолжительного исторического существования не выучился строить просторные и удобные помещения. Природа его страны щедрой рукой давала ему строительный материал, а он предпочитал жаться, жить в самом неудобном помещении. Белоруссы мало того, что дышат испорченным воздухом, они задыхаются от недостатка его, вследствие тесноты помещения. Для освещения жилищ употребляются «комын» (на Полесье), толстые льняные нитки, пропитанные коровьим или бараньим салом, сальные свечи и керосиновые лампочки из жести, часто без стекла. Попадаются, впрочем, и настоящие дешевые лампочки.

Влияние дурного воздуха белорусской избы несколько ослабляется тем, что в продолжение полугода крестьяне спят не в избе, а в «клуне» или на сене, где дышат незараженным воздухом, и большую часть дня проводят вне избы. Гораздо гибельнее действует на организм крестьянина плохая пища, которою он питается, особенно во время постов. По свидетельству врачей, преобладающие болезни в крестьянской среде обусловливаются не столько испорченным воздухом, сколько дурным и недостаточным питанием. Пища белорусского крестьянина преимущественно растительная. Он питается большею частью черным хлебом, картофелем, капустой, свеклой, бобами. Молоко и мясо составляют для белорусского люда большое лакомство. Обжорства, впрочем (как в Малороссии), нет. Обжоры встречаются как исключение. Над теми, кто много ест, смеются. Пьянство между мужчинами распространено. Женщины или не пьют вовсе, или пьют тайком.

Главным, преобладающим промыслом в крае является земледелие. С увеличением количества населения и с переделами крестьянских земель количество наделов стало в 90-х годах меньше — около 3 десятин на ревизскую душу (а в последнее время и того даже меньше). Земли крестьянских наделов составляют 35 %—40 % всех земель, земли помещичьи — 57 %—60 % (в том числе 50 % — дворянские имения), государственные владения — 7 %. Малоземелье особенно ощущается в Витебской и в северных уездах Минской губернии. Крупных землевладельцев в крае много, но в последнее время крупные имения, под давлением новых экономических условий, распадаются и переходят по частям в другие руки. Несмотря на то, что количество помещичьих земель значительно превосходит крестьянские, пахотная площадь у крестьян обширнее помещичьей. Помещики распахивают только 12 %—15 % своих земель, тогда как крестьяне — 57 %—60 %. Наиболее плодородна в крае северная часть Минской губернии (Слуцкий, Новогрудский уезды). Самые неудобные для земледелия земли падают на Пинское и Верхнедвинское Полесье.

Кроме хлебов Белоруссия дает в большом количестве лен и пеньку. Витебская губерния, три северные уезда Минской губернии и Вяземская область, по статистическим данным 70-х годов, доставляли ежегодно в один только рижский порт до 500 000 пудов льна на сумму до 1 миллиона рублей. Пенька преимущественно разводится в Могилевской и южной части Смоленской губернии. В настоящее время сумма оборота по этой статье торговли возросла до полутора миллионов. С увеличением сети железных дорог пенька вывозится не только в рижский, но и в другие прибалтийские порты (либавский, например).

Обилие сеножатей и пастбищ дало возможность развитию в крае скотоводства. В 70-х годах на каждый крестьянский двор средним числом приходилось более 2 лошадей на двор. В настоящее время, вследствие разных неблагоприятных обстоятельств в хозяйстве белоруса, количество лошадей в крае уменьшилось. В Витебской губернии в некоторых уездах появились уже безлошадные хозяйства. Белорусские лошади (а особенно полесские) хотя терпеливы и выносливы, но низкорослы и малосильны. Лучших пород лошадей в Белоруссии почти нет. Конских заводов очень мало.

Овцеводство слабо развито в Белоруссии. Болотно-лесистый характер местности не представляет хороших условий для развития этой отрасли промысла. На двор приходится не более 2—3 овец. О тонкорунных овцах белорусс и понятия не имеет. Сильнее развито свиноводство, особенно в Минской губернии. Свиньи откармливаются летом подножным кормом, зимой — хозяйственными отбросами и составляют видную статью хозяйственной промышленности в крае. У редкого хозяина в Минской губернии нет средним числом 2—3 свиней. В местечках и городах устраиваются регулярные свиные базары, на которые являются специальные агенты из либавского и рижского портов, скупающие по хорошей цене свиней. Белорусские свиньи очень крупны, но свиное сало не отличается хорошим вкусом, вследствие некоторых особенностей кормления животных.

Несмотря на благоприятные условия для развития пчеловодства в Белоруссии (обилие лугов, лесов) и исторические традиции (медоварением занимались все монастыри в Белоруссии и Литве), эта отрасль хозяйства стоит в крае сравнительно невысоко. Только в Минской и Смоленской губерниях пчеловодство более или менее развито как промысел. Здесь у многих крестьян можно встретить пасеки. Бортей в лесах встречается с каждым годом меньше и меньше. В остальных губерниях пчеловодством занимаются случайно, не систематически. Приохотить белоруса к пчеловодству не может даже бесспорная коммерческая выгода этого промысла: пуд меду оценивается на месте более 5 рублей, а цена воску за пуд превышает 20 рублей. Высокая цена меда и воска заставили белорусских евреев заняться медоварением в городах и местечках.

Огородничество и садоводство развито в скромных размерах, преимущественно для местных нужд. В некоторых уездах Смоленской губернии и Вяземском уезде крестьяне занимаются садоводством как промыслом. В недавнее еще время садоводством в значительных размерах занимались крестьяне Слуцкого уезда Минской губернии (Слуцкие бэры, «дули»), но в последнее время этот промысел и здесь затих. Белоруссы в общем не любят заниматься садоводством, хотя у крестьян не редкость встретить хоть небольшой садик. Фруктовый сад считается необходимой принадлежностью помещичьей усадьбы. Некоторые помещики, например, Любомирский в Оршанском уезде, почти силой принуждали, крестьян к садоводству.

Несмотря на идущее прогрессивно с каждым годом истребление лесов, вывозимых в безлесные южнорусские губернии и немилосердно поглощаемых железными дорогами, Белоруссию все еще можно причислить к лесистым местностям. В Минской губернии леса составляют в настоящее время до 40 % всей площади. В Могилевской — несколько меньше — 35 %. Более истреблены леса в Витебской губернии, где они составляют теперь не более 25—30 % площади всей губернии. Лесной промысел занимает в некоторых местах Белоруссии

(Пинско-Березинском и Северно-Двинском Полесье) первое после земледелия место. Он состоит в рубке и отделке леса, как в государственных, так и частных дачах, доставке дерева к сплавным пристаням, гонке смолы, дегтя, в изготовлении поташа, драни, досок, теса, гонты, мочал, лубья, деревянной посуды, кленовых гребней, в обжигании угля, судостроении (щеглы — род мачты). Некоторые лесные изделия отправляются за границу в Данциг, Кенигсберг и в безлесные южные губернии (Киев, Кременчуг, Екатеринослав). Преимущество лесного промысла перед другими заключается в том, что крестьянин может отдаться ему в зимнее время. До каких размеров доходит лесной промысел в указанных областях, об этом можно судить хотя бы по тому, что в одном Борисовском уезде, Минской губернии, в 1879 году рубкою леса было занято до 4000 человек, причем хорошие работники зарабатывали до 10 рублей в месяц, а работник с лошадью до 25 рублей. В настоящее время эта цена повысилась. Невыгодная сторона развития лесного промысла заключается в том, что он постепенно ведет к лесоистреблению, чему в последнее время много содействует довольно обширная сеть сплавных и судоходных рек и железных дорог. Только государственные лесные дачи и дачи крупных помещиков (например, князей Радзивиллов в Несвиже и Слуцке) гарантированы от уничтожения вследствие более или менее правильного лесного хозяйства.

Охота (в лесах Пинского Полесья) и рыболовство (как промысел существующий лишь в Витебской губернии, где озера отдаются в арендное содержание) в большей части Белоруссии существуют лишь для удовлетворения местных нужд. Жители деревень и сел, расположенных на Жид-озере Мозырского уезда, занимаются более или менее систематично рыболовством и ведут торговлю рыбою с г. Слуцком, Минском. Из рыбных пород встречаются: щуки, лещи, караси, окуни, карпы (в озерах), налимы, угри, судаки, сомы, форель, падуста, селява. Ловят рыбу бреднями, неводами, бучами, сетями. Распространен обычай отравления рыбы ядом, против чего бессильно борется сельская администрация. Южная часть Белоруссии пока еще богата зверем и рыбой. Здесь водятся еще медведи, лоси, дикие козы, черные росомахи и др. Звери живут привольно, на свободе, не боятся людей, и только стихийные опустошения в виде бури или лесного пожара серьезно нарушают их покой. В Минской губернии, как рассказывают, не так давно водились зубры и бобры. Из дичи водятся: глухари, тетерева, рябчики, куропатки, бекасы, дрозды, дупеля. Пинские болота и в настоящее время представляют очень благоприятные условия для охоты. Некоторые из пинских озер почти никогда не замерзают. Стаи диких гусей и уток водятся в них целый год, питаясь мелкой рыбой и вьюнами. Рассказывают, что пинские утки жиреют до такой степени, что почти теряют способность летать. Местные охотники без труда убивают их целыми сотнями. В последнее время на Полесье стали появляться (особенно в суровые зимы) скупщики дичи, дающие крестьянам хорошую цену за птицу и поощряющие их к занятию этим промыслом. Ловля бобров и выдр почти прекратилась в Белоруссии. Эта порода зверей сохранилась еще в немногих местах. Доходность бобрового промысла (за бобра платят теперь 30—35 руб., за выдру до 10 руб.) привела к уничтожению бобров и выдр. Бобрами особенно славилась р. Случь, до сих пор сохраняющая следы замысловатых построек этих зверей.

Минеральные богатства края мало исследованы и лежат еще нетронутыми в земле. Железная руда разрабатывается в некоторых уездах Могилевской губернии (в Могилевском, Быховском, Рогачевском уездах) и в Минской губернии (Новогрудский уезд). Железо, вырабатываемое из белорусской руды, низшего качества, идет на грубые изделия. В Горецком уезде добывается красная земля, употребляемая для окраски кровель. На высоких берегах Западной Двины попадаются в большом изобилии разные минеральные окаменелости, свидетельствующие о больших внутренних богатствах земли. В Могилевской и Смоленской губерниях добываются и обрабатываются минеральные краски, глина кирпичная, горшечная, фаянсовая, известь. Последняя добывается в Оршанском уезде. Оршанская

известь считается лучшей. Спрос на нее очень велик. Железистыми рудниками славятся Горки, г. Сенно, солеными ключами г. Могилев. В юго-восточной Белоруссии находятся огромные залежи торфа, который, впрочем, при сравнительном лесном богатстве, остается без обработки.

Кустарные промыслы совершенно неразвиты в Белоруссии. Белоруссы понятия не имеют о широких отраслях промышленности, разрабатываемых домашним способом в крестьянских избах. Встречаются лишь самые элементарные виды кустарной промышленности в виде трепания пеньки, выделки грубых деревянных изделий, глиняной посуды и пр.

Белорусс по натуре своей домосед. Этим объясняется отсутствие отхожих промыслов в Белоруссии. Но при всем своем домоседстве белорусс все-таки вынуждается иногда оставлять родное место и искать заработка на стороне, так как земледельческий труд далеко не обеспечивает его существования. Смоленская, Витебская губернии дают множество каменотесов, плотников, штукатуров, отправляющихся на работы в столицы и крупные русские города. Смолятичи-юхновцы, как работники, приобрели очень почетную в России популярность. Работники из Смоленской губернии особенно тяготеют к Москве. Привычка к ежегодным поискам работы на чужой стороне наложила особый этнографический отпечаток на северянина белорусса. Смолятич — подвижен, предприимчив и любит похвастать своей бывалостью. Могилевцы идут на работы преимущественно на юг, в Киев. Но минчуки совершенно почти не знакомы с промыслами, если не иметь в виду пинчуков, занимающихся сплавом леса по реке Припяти. Домоседством минчан объясняется их убожество и неприглядность хозяйственного быта. Впрочем, крестьяне тех уездов Минской губернии, которые прилегают к большим рекам (Березине, Днепру, Припяти), идут «на плис», т. е. на сплав леса, подымают по реке барки, байдаки с высокими «щеглами» и гонят «пасы» (плоты строевого дерева) в южные губернии. Сплавщики леса, «плисаки», иногда организуются в своеобразные артели, но чаще всего их труд арендует еврей, нанимающий их или поденно, или поработно.

По фабрично-заводской промышленности белорусская область занимает очень скромное место среди центральных губерний. На фабриках и заводах, по статистическим данным 1880 года, работал только всего 1 % взрослого населения страны (до 15 000 голов). Фабрики и заводы, по официальным сведениям 1880 года, вырабатывали на 18—19 миллионов рублей. В недавнее время первое место среди заводов занимали винокуренные, водочные и пивоваренные заводы, производившие в 80-х годах вина и водки почти на 8 миллионов рублей. Теперь, ввиду сосредоточения водочного дела в руках казны, частное винокурение значительно сокращено в своих размерах. Из других отраслей фабрично-заводской промышленности можно еще указать на прядильное дело (фабрики в Духовщинском уезде Смоленской губернии), кожевенное производство (в губерниях Витебской и Смоленской), писчебумажное (фабрика Паскевича в Гомеле, Могилевской губернии), салотопенные, мыловаренные, маслобойные, стеклянные, хрустальные заводы, суконные фабрики (в Минской губернии).

Характеристика белорусса

Положительные черты белорусса, составляющие фундаментальную основу его этнографического типа, общи всем племенам славянской расы. Такими чертами являются: сильная религиозность (с большой наклонностью к обрядности), любовь к родине (патриотизм), семейственность, природное добродушие, сердечность. Говорить об этих сторонах типа белорусса значит характеризовать одновременно и великорусса, и малоросса. Не касаясь этих сторон, скажем о том, что исключительно характеризует белорусса со стороны его племенного типа, как этнографическую разновидность славянской расы.

В этнографическом типе белорусса много расплывчатости, неопределенности. Эта неопределенность объясняется не молодостью белорусского племени, как думают некоторые исследователи (тысячелетие исторического существования не есть молодость), а отсутствием интенсивной духовной жизни, недостатком средств проявления внутренних сторон духа народа. Неясность духовных сторон духа народа, неясность духовных запросов белорусса до сих еще пор поддерживает в его душе род сумерек, которые кладут на весь его нравственный облик отпечаток психической неопределенности.

Разница природных географических и исторических условий Белоруссии (севера и юга) создала разницу в этнографическом типе белорусса и в характере всего его хозяйства. Белорусс Смоленской и отчасти Витебской губернии несколько определеннее в своих чертах. Он более предприимчив, находчив, жизнерадостен. На этнографический склад белорусса-северянина сильно влияли великоруссы, более подвижные и жизнерадостные по своему характеру. Белорусс-северянин больше надеется на свои силы. Южанин более фаталист и равнодушен к грядущим обстоятельствам жизни. Полешук, живущий весь свой век в лесах и почти не выходящий из них, по природе своей благодушен и сердечен. Но тяжелые условия жизни, вечная борьба за существование с неуютною, дикою природою сделали его угрюмым, молчаливым, неразговорчивым. Он трудится, не тратя лишних слов: безмолвно обрабатывает свою неблагодарную почву, гонит смолу, деготь, приготовляет клепку и изредка облегчает тяжесть своего душевного настроения в песне. Песня белорусса-северянина — веселье. В ней больше мажорных тонов. В песне белорусса-южанина много грусти и печали. Даже веселое настроение души полешук привык выражать меланхолическими мотивами.

От рождения и до смерти белорусс несет на себе тяжелый крест существования. Он не живет, а можно сказать, отбывает жизнь как поденщину, как нечто неизбежное. Рок жизни, фатализм обстоятельств сквозит в его безыскусственном творчестве и, в частности, в монотонных унылых песнях, в которых он жалуется на свою судьбу и на мачеху природу. Нет, кажется, в России более заунывных песен, как в Белоруссии. Все обстоятельства своей жизни, не исключая и жизнерадостных, даже свадьбы, белорусс привык провожать воплем наболевшего горя. Белорусская народная свадьба и в настоящее время сопровождается причитаниями и жалобными песнями. Только водка («запоины», «пропоины», «пошлюбины» и пр.) искусственно подогревает настроение белорусса и вводит в него жизнерадостные моменты.

Свадебные обряды и обычаи белорусса не имеют той яркости и эффекта, как в Малороссии. Посещение сватов и предварительные переговоры с шуточками и выпивкой, печение каравая с песнями, испрошение благословения у родителей, поезд в церковь (во время которого жених и невеста *кланяются* всем встречным), церковное благословение брака и выпивка после возвращенья из церкви — вот общая программа брачного ритуала. Танцы, песни, угощение вином длятся иногда три-четыре дня. Приветствия молодых (свадебные спичи) большею частью общи по содержанию и однообразны по форме («Дай, Боже, счастья»... «Чаво себе мыслю, таво и табе» и т. п.). Для напоминания тяжелой хозяйственной доли женщины ей кладут на голову после венца пряди льна. От хозяйственных тягостей не освобождают женщину никакие обстоятельства. Только роды отнимают у нее пять-шесть дней, после которых она опять принимается за работу.

Рождение ребенка (мальчика или девочки) не создает особенной радости в крестьянской семье. Появление на свет себе подобного существа белорусс скорее встречает воплем скорби, чем радостью. На ребенка не надевают рубашки в течение первого года и часто оставляют на произвол судьбы. Процент смертности детей в Белоруссии очень значителен. В особенно нездоровых в климатическом отношении местах вымирают от невозможных гигиенических условий и болезней почти половина детей до пятилетнего возраста. Церковного крещения ребенка недостаточно, и его еще «святят через порог».

Равнодушно встречая появление человека на свет, белорусс не особенно горюет при последнем расставании с ним. Кончина пожилых людей не вызывает особого сожаления и горести среди родных. Белоруссы оплакивают смерть скорее по обычаю, для вида, чем по требованию настроения. «Голошение» по покойнику, как остаток язычества, упорно до сих пор сохраняется в народе. Если в семье некому голосить, то нанимают голосильщиков. Смерть женщины (особенно пожилой) встречается совсем равнодушно. В некоторых местах Белоруссии кресты ставят только над мужчинами. Над женщиной насыпают лишь курган и кладут доску.

Но чтобы белорусс ни делал в важные моменты своей жизни, как бы он ни праздновал то или другое событие в своей жизни, празднество будет неполным, если оно не сопровождается выпивкой. Белорусс прямо, не стесняясь, заявляет на торжествах, чтобы подали выпивку. Первый плач ребенка, крестины, венец и последний стук молотка по гробу — постановка креста, могильной плиты («прикладины») сопровождаются в Белоруссии выпивкой, которая, смотря по обстоятельствам и щедрости виновника торжества, принимает различные размеры. Вино, как символ и источник веселья, белорусс опоэтизировал во многих своих песнях, прибаутках, застольных присловьях.

Пляски и танцы белоруссов неграциозны. Они состоят большею частью из кривляний, вывертываний плечами, руками и приседаний. Женский танец совсем лишен грациозности и похож на торопливую походку с поворотами головы, рук. Но зато они очень суетливы и шумны. Белорусс не любит глядеть, как один танцует, и все принимают участие в танцах. Из популярных в Белоруссии игр особенного внимания заслуживают «Женитьба Цярешки» и «Мяцелица».

Белоруссы более индивидуальны по своей природе, чем соседние с ними великоруссы, живущие общественною жизнью. Отсюда гостеприимство хотя и развито в Белоруссии, но не носит тех сердечных форм общительности и радушия, как в Малороссии или Великороссии. Белорусс интереснее как особь. Общество белоруссов — самое скучное общество. Они не умеют найтись, занять друг друга. Их угощение не имеет той шири, которая составляет типичную особенность великорусса. Белорусс Минской губернии не приглашает даже гостя садиться, и пришедший стоит у него у порога. Бедные дары природы не позволяют ему разойтись. Масленница, например, являющаяся завершением святочных празднеств, празднуется в Белоруссии очень скромно.

Одной из общих психических черт белорусса должно признать его недоверие к окружающим людям, кто бы они ни были. Эта слишком заметная черта в белоруссе, можно сказать, лежит в основе всех его житейских отношений и составляет естественную форму его личного настроения. Недоверие не позволяет белоруссу проявиться всесторонне, с разных сторон, как в сфере общественной, так и личной жизни. Оно сковывает свободу его духа. В окружающих людях белорусс издавна привык видеть скорее недоброжелателей, врагов, чем друзей. Степень недоверия, конечно, бывает различна, смотря по тому, к кому она относится. По отношению к людям, занимающим, например, высшее начальственное положение, она выражается в сильной степени. В своих отношениях к панам белорусс до сих пор сохраняет черты недружелюбия, воспитанного в нем условиями крепостного быта. Он охотно уступает пану «розум», а себе оставляет «хитрость»: «Каб не панский розум та не наша хитрость — пропало б усё»... «Пана слухай, а свой разум май», — говорит он, ограждая себя от всякого влияния пана на свой быт. Взаимное недоверие «панского» и «мужицкого» сословия создало в Белоруссии полную разобщенность между этими сословиями.

Исторические обстоятельства, двусмысленное положение белорусса между Польшей и Россией воспитали в белоруссе привычку постоянно оглядываться, вечно подозревать даже и в том случае, когда, по-видимому, нет никаких оснований для подозрения.

Не доверяя другим людям, белорусс перенес эту привычку недоверия и к своим силам. Он не верит самому себе не потому, чтобы у него не хватило энергии на то или другое предприятие, а потому, что это недоверие воспиталось в нем стихийной атмосферой его племени, привилось с молоком матери, которая, качая колыбель, напевала ему о недоверии к пану, к еврею, своим ворогам соседям и ко всем, с кем ни приходится сталкиваться белоруссу. Замечательно, что в белорусской народной поэзии почти совершенно отсутствуют мотивы доброжелательства к чужим людям, гостям, посетителям (эти мотивы более заметны в малорусской поэзии).

Недоверие к себе и другим людям сковало в белоруссе проявление чувства. Он не привык ни говорить много о своих чувствах, ни выражать их в сильной, выразительной форме. Он словно боится сильно чувствовать. А когда обстоятельства заставляют его проявиться со стороны своих чувств (например, на свадьбе), — ему словно совестно своей эмоции. Ему неловко от обнаружения лучших сторон своего характера. Он стесняется своих добрых порывов. Но зато в открытом проявлении своих непривлекательных сторон белорусс свободен... Это ему привычнее. Скандалы, брань, перебранки в селах и деревнях происходят открыто, при всех. И это нисколько не компрометирует белорусса. Это считается самой естественной атмосферой житейских отношений.

Из того же недоверия к своим силам и лучшим качествам вытекает непредприимчивость белорусса. Для предприимчивости нужна вера в себя. Белорусс не воспитал в себе этой веры. Предприимчивый минчук или могилевец — явление редкое, возможное скорее как исключение из этнографического типа, чем как признак народного характера. Слишком оборотливого белорусса засмеют соседи. О нем говорят, что он отбился от роду, захотел чужого хлеба. Только крайняя нужда заставляет белорусса предпринять поиски работы на стороне. О предприимчивом белоруссе юмористически замечают: «ён прыткий (швыткий) — як свиня в хату влизе, вин перш подумае, а после почне кия шукаць».

Будучи мягким, податливым от природы, белорусс умеет приспособиться к самым разнообразным условиям жизни. Белоруссы очень уживчивы. История не знает белорусских бунтов. А если и были в Белоруссии бунты, они никогда не принимали здесь широких размеров. Белоруссы умеют угождать людям самых разнообразных положений. Батюшку, пана и еврея они уважают каждого соответственно его положению и до сих пор воздают каждому должное. Одна из очень популярных пословиц в Белоруссии гласит: «Треба Бога любиць и д'ябла не гневиць, бо може и д'ябел пригодицца». В этой пословице белорусс типично выразил одну из основных сторон своего духа — умение нейтрализовать крайности, считаться в своих интересах с самыми противоположными явлениями. Замечено, что еврей Северо-Западного края, именно вследствие податливости белорусса, ведет себя с большим достоинством, чем где-либо. В Белоруссии еврей — пан. Масса белорусских пословиц и песен обрисовывает его именно с этой стороны. Такой тип еврея мог выработаться в стране только на почве пассивности коренного класса населения. В Малороссии еврей не «дере головы» так, как в Белоруссии.

Привычка вечно считаться с однообразием своей душевной жизни, жить одним настроением сделала белорусса скучным, как ландшафт его унылой, серенькой природы, и малотребовательным. Кажется, трудно найти на свете человека менее требовательного, чем белорусс. Он не только нетребователен, но как бы назло всем стремлениям к лучшему, любит самые неудобные положения, свыкается с ними и, можно сказать, влюбляется в них. Даже наружный вид многих белорусских сел подчеркивает эту типичную черту белорусса. Если около многих белорусских сел есть места возвышенные, красивые, удобные, то белорусс ни за что не пожелает их сделать местом своего жилища. Он войдет в трущобу, трясину, в болото, в сырое место... и там обживется. Он словно боится удобств. Красота места, удобства созданы как будто не для него. Трясина, болото — сродни его

подавленному духу. Односелки среди дремучих лесов и топких болот, застенки, усадьбы поражают своим неудобством для существования, и, однако, белорусс, как бы наперекор стихиям, основался здесь. Живет и немец в болотистых местах Минской и особенно Волынской губернии, но он поселился здесь с твердой верой в силу своих рук, которыми постепенно преобразовывает свой неуютный угол, осушает болота, «выкорчевывает» леса, устраивает луга. И через 10—15 лет местность в руках предприимчивого немца становится неузнаваемой. Белорусс совершенно чужд каких-либо реформаторских замыслов по отношению к окружающим его условиям. Последние он считает неизбежными и в природе видит не материал для своего культурного устройства, который нужно брать усилиями и трудом, а владычицу, грозную, неумолимую, которой нужно повиноваться. Какой-то особенный оттенок фаталистического подчинения природе лежит на внешнем виде белорусских сел и деревень, желания как бы уединиться, скрыться из глаз... «Оставьте нас в покое», — как бы говорят это ряды черных, съежившихся, приплюснутых избушек, вытянутых в неровную линию, называемых белорусскими селами. Больших, размашистых сел, как в Великороссии, в Белоруссии нет. Кругом белорусса — масса леса, дерева. Однако посмотрите, как экономно составлен его воз, телега. Она так маловместительна, что в ней едва могут вместиться два-три человека. Белорусс словно жалеет лишнего куска дерева, чтобы устроить свою телегу пошире, поудобнее... Попробуйте доказывать ему, что телега, сбитая прочнее и несколько пошире, принесет ему больше пользы. И вы встретите улыбку недоверия.... Пожалуй, он не будет спорить против удобства и согласится с вами, но он озадачит вас вопросом: зачем ему *поудобнее*? Разве для него недостаточна и маленькая телега, чтобы ездить по кочкам и ухабам лесных дорог? *Разве ему не все равно*? Вот возражение, о которое разбиваются все лучшие прогрессивные течения в белорусской деревне. Рассказывают, что когда около глухого белорусского села проложат шоссе, то крестьяне некоторое время совершенно не ездят по нему, называют его «панской дорогой» и предпочитают передвигаться по самым неудобным глубоко колейным дорогам, к которым привыкли и на которых знают всякую кочку, всякий ухаб. Последнее хотя неудобное (он это знает), но сроднее его духу. Вообще, белорусс — это человек minimum’а комфорта. Даже имея кой-какой материальный достаток, белорусс примет все меры, чтобы скрыть его, показаться нищим, разыграть Лазаря. В такой обстановке ему удобнее, сподручнее отстаивать свои интересы от претензии волостного писаря, батюшки, станового, податного инспектора.

Постоянное «себе не уме», обдумывание своего положения, вечные счеты с обстоятельствами данной минуты сделали его чувствительным ко всяким неожиданностям. Белорусс сильно принимает к сердцу неприятности, которые ставят его в тупик. Выход из затруднительного положения требует у него большого напряжения. Он не знает русского «авось», которое составляет исходный пункт практической философии великоруса, а если и знает, то не может отдаться этой философии с той жизнерадостностью, с какой отдается великорусс, не загадывающий обыкновенно далеко вперед. Белорусс не способен переходить от одной крайности к другой, как великорусс, он не настолько «эластичен», чтобы падать, легко вскакивать, снова становиться на ноги, работать вовсю, без устали.

При увеличенной чувствительности и большой экспансивности воля белорусса слаба, плохо управляет поступками. Усилие великорусса может быть огромным, но очень недолгим, неравномерным. Великорусс может оставаться целые недели без дела, а потом станет работать по 24 часа в сутки. Белорусс не знает такой напряженности в работе. Его энергия тратится более или менее равномерно. Он заботлив, вечно поет о завтрашнем дне, но мало делает для того, чтобы ввести в свои заботы правильный распорядок, чтобы скрасить свою будничную обстановку каким-либо жизнерадостным элементом. У белорусса не хватает смелости идти наперекор обстоятельствам. Он смел только тогда, когда выпьет... «Як пьян — так и капитан, а проспыця — то и свиньи боиця». Его активность

опирается не на потребности духа, а на опыт предшествующих поколений, на правила отцов и дедов. Самой естественной атмосферой белорусса является его пассивная подчиненность. Отсюда — полное незнание той цены, которую имеет время. Белорусс всю свою жизнь повторяет: «а-зараз» (т. е. сейчас) и никогда не торопится. Он более всего любит покой и обожает праздники, которые называет по-своему и которым ведет верный счет, боясь дотронуться до какой-либо работы в праздник, чтобы этим не прогневить небо. Несчастным днем он считает понедельник, в который совершенно не работает.

Белорусс необыкновенно терпелив. Но его терпение является не добродетелью, а естественным результатом его пассивности. Деспотизм, во власти которого он находился в течение нескольких веков исторического существования, приучил его выносить разные патологические состояния. Одна из типичных белорусских пословиц, созданных под гнетом крепостного права, гласит: «Коли бьюць, не просися» (как дополнение к ней: «Коли не веришь — не божися»).

Преклоняясь пред ударами судьбы, он принимает смерть пассивно, твердо веруя, что она «написана на его роду» и приходит в неизвестное, но заранее предопределенное время. Впрочем, белорус бывает и активен. Но активность его имеет неблагодарные формы. Чаще всего она выражается в противодействии, упрямстве, желании настоять на своем. На сопротивление у него иногда уходит больше силы, чем на предприятия. Он чаще бывает упрям, чем действительно силен.

Как человек, для которого пассивность сделалась законом психики, он более уважает властную силу, чем душевные добродетели. Становой, исправник, а в настоящее время земский начальник окружаются в сознании белорусса ореолом сильной власти, перед которой почти бессильно сопротивление. Привыкнув почитать власть вообще, белорусс и в настоящее время гнет спину перед всякой форменной фуражкой (питая в то же время к ней самое глубокое недоверие). Говорят, что даже крестьянские лошади в Белоруссии, заслышав колокольчик, по привычке, без принуждения сходят с пути и покорно дают дорогу начальству. Неумение, или лучше сказать, нежелание устроить свою жизнь на определенных устойчивых началах равномерного распределения труда нередко бывает причиною совершения геройских поступков. Но эти поступки являются результатом возбуждения, вызванного крайними обстоятельствами. В таких случаях белорусс выходит из себя, идет напролом, как медведь его глухих лесов, и в запальчивости способен на всякие преступления. Криминальная хроника белорусской жизни хранит на своих страницах факты ужасных преступлений, поражающих своим зверством, совершенных, к общему удивлению, людьми, по-видимому, совершенно тихими и корректными.

Ум белорусса — все еще загадочный ум. Несмотря на давнишнее свое существование, он не успел еще проявиться и не дал результатов, которые говорили бы о его гении. Характерной чертой ума белорусса следует признать его уменье сосредоточиться, подолгу останавливаться на наблюдаемом явлении. Порою это ум очень широкий по захватам и шири мысли. Далекий горизонт белорусской равнины, усеянной то болотами, то лесами, то небольшими холмиками, приглашает этот ум развернуться, безостановочно идти дальше, хотя бы и в область нелепостей... Но природная боязнь ко всему широкому заставляет ум белорусса съежиться, обузить самого себя. В уме белорусса наряду с широкими обобщениями, фантастическими гипотезами и самыми неестественными предположениями укладываются самые узкие ограниченные представления и понятия. Апокрифические, космогонические, например, сказания белорусса поражают вначале широтой захвата мысли и воображения... и нередко оканчиваются эпизодом совершенно мелкого, частного характера. Будучи чисто славянским по своему характеру, ум белорусса склонен к метафизике и абсолютизму. Белорусс задумывается над вопросами бытия и требует ясного и окончательного их решения. Не умея, однако, здраво решить их, белорусс предпочитает остановиться на

разных предрассудках и несообразностях, которые обильно сохранились издавна в его памяти.

Нежная сердечность, готовность отдать все свое существо чередуются в нем с черствостью и ненавистью. Он более сочувствует, чем сорадуется и более злорадствует, чем принимает участие. Обидеть пана, обсчитать, нанести ему незаметный, но верный вред — до сих пор считается среди белоруссов самым естественным явлением, чуть ли не добродетелью. Правдивость — монета, очень невысокая в обиходе белорусса. «Правда для пана, а кривда для хама», — говорят в Белоруссии.

Контраст, соединение крайностей, противоположностей — вот закон, который приходится констатировать, говоря о характере белорусса: в нем соединяются сила и слабость, упрямство и мягкость, жесткость и кротость, бесчувственность и доброта, жестокость и великодушие... Все эти противоречивые свойства уживаются в его типе и проявляются смотря по обстоятельствам, предъявляемым борьбой за существование.

Судьба поставила белорусса в ближайшее общение с западом, географическое положение страны благоприятствовало приобщению белоруссов к благам западной культуры; но белорусс, верный предчувствию славянской крови, как-то инстинктивно отворачивался от западных благ и предпочитал особенности своего бедного быта благам европейской цивилизации. В этом отношении он остался верен основному типу славянской расы, медленно, недоверчиво усвоявшей блага запада. Жизнь много ушла вперед... Многое изгладилось в типе белорусса. Но устои консервативного основного настроения сильны в белоруссе и в настоящее время. И теперь внимательный наблюдатель проявлений умственного склада белорусса отметит в его умственном облике это коренное противоречие между «очень современными» идеями и «очень древними» инстинктами.

Ни в одной области предрассудки и суеверия не пустили так глубоко корни, как в области народной медицины. Белоруссия, где докторов все еще приходится очень немного на деревенское население, является типичным царством знахарей, колдунов, ведьмаков. От всяких болезней здесь имеются самые разнообразные заговоры, в которых на помощь больному призываются языческие боги, христианские святые и таинственные силы природы. Знахарь лечит все болезни, но особенно кровотечения, останавливая их посредством затычек из земли, хлебного жеваного мякиша, гнилушками от деревьев или порошком грибов. Раны, образовавшиеся от порезов и ушибов, заливаются лаком, канифолью, березовкой из настоя водки и березовых почек, квасцами; прикладывают к больным местам листья многих трав. К нарывам и воспаленным частям прикладывают печеный лук, помет животных, творог, сметану, сырое мясо и т. п. При рожистом воспалении обсыпают больное место мелом и глиной. Обжоги мажут кислым молоком, постным маслом, чернилами, прикладывают тертый картофель, присыпают золой; лишаи и сыпи мажут соком из курительной трубки. В случаях выпадения прямой кишки больных сажают в жаркую печь. Опухоли и нарывы раздавливают пальцами. Глазные болезни лечатся грязью, в которой валялись свиньи; глаза смачиваются водкой. Обыкновенным средством считается вылизывание больного глаза языком. При зубных болях кладут ладан и другие специи, а также «заговаривают зубы», давая носить на шее различные симпатические средства. Все желудочные болезни лечат цитварным семенем с прибавлением мяты, чая и даже водки; то же самое практикуют и во время кровавых поносов. При хронических болезнях дыхательных органов дают перец, нашатырь с водкой или царскую водку. Ревматизм и сифилис лечат «декохтом» из сулемы и ревеня. Знахари не лечат только острых сыпных болезней — кори, оспы, тифа, — говоря: «Оны сами проходят». При вывихах, ушибах и растяжениях сухожилий костоправ-знахарь имеет обыкновение тянуть, например, руку, перебросив ее через перекладину, — операция, нередко кончающаяся переломом или вывихом в других суставах и разрывом связок.

Сломать самый упорный консерватизм, адамантовую скалу вековых преданий и привычек — значит, вывести белорусса на путь прогресса. Понятно, почему этот прогресс пока так незначителен, хотя нельзя отрицать, что некоторые прогрессивные явления уже явственно замечаются и в Белоруссии. С освобождением крестьян от крепостной зависимости, с изменившимся гражданским положением крестьян, а в связи с этим с некоторым улучшением их экономического быта, в последнее время в жизни белорусса произошли перемены к лучшему. Замечено, что в некоторых местах крестьянин стал строить избы просторнее и светлее. На наружных сторонах изб появляются разные украшения: на окнах делаются резные и раскрашенные наличники, навешиваются цветные ставни, на крышах иногда ставятся коньки, ворота тоже украшаются примитивной резьбой, ограда около дома имеет форму затейливых «штахет». Давнишний «комин» (светец) отходит в область преданий. Выводятся также курные избы, устраиваются трубы. Традиционная форма одежды (сермяга, жупан) тоже постепенно подверглась культурной эволюции. Белорусс носит теперь свитку покороче и на голову надевает картуз. В больших местечках и городах крестьяне по форме одежды совершенно сближаются с мещанами.

Не сломлена еще окончательно скала предрассудков, но есть признаки, что некоторые устои прежнего миросозерцания белорусса нарушены. И нарушены они, главным образом, постепенно все более и более просачивающейся сквозь тину невежества струей народного образования. Школа завоевала уже в Белоруссии доверие населения и заняла прочное место. По статистическим данным, демонстрированным на Нижегородской выставке в 1896 году, на 1 633 000 сельского населения Минской губернии приходилось 296 начальных министерских училищ, в которых обучалось 18 075 человек (в том числе 16 137 мальчиков и 1 938 девочек). В Витебской губернии на 1 164 000 человек сельского населения приходилась двести одна школа, 10 001 учащийся (9 223 мальчиков, 778 девочек). В Могилевской губернии на 1 483 000 человек сельского населения — 205 училищ, 12 177 учащихся (10 874 мальчика, 1 303 девочки). Образование народа ввело в его понятия много здравых представлений и идей. Не редкость уже встретить в белорусской крестьянской избе книжку. Правда, эта книжка, которую он большею частью покупает на базаре, не отвечает пока еще духовным запросам, грамотный белорусс все еще читает лишь то, что попадается ему под руку, и то, что, главным образом, подешевле. Но важно, что в нем понемногу уже пробуждается потребность к чтению, что книга его интересует. Под влиянием школы смягчаются нравы, в жизнь народа постепенно вводятся новые идеалы. Пьянство в последнее время значительно уменьшилось в Белоруссии. На уменьшение этого очень распространенного в народе порока повлияло введение в крае казенной монополии и попечительств народной трезвости. Устраиваемые последними чайные, библиотеки, залы для чтения, народные хоры, представления, чтения с туманными картинами содействуют облагораживанию народного вкуса и привитию склонности к лучшим развлечениям. Отчеты попечительств о народной трезвости свидетельствуют, как успешно прививается деятельность этого рода учреждений в Белоруссии. Некоторые шероховатости, которые встречаются при организации этих учреждений на практике, имеют случайный характер и существа дела не касаются. Но попечительствам и школе много придется еще работать, прежде чем белорусс освободится от все еще тяготеющего над ним ига невежества и выйдет на дорогу правильного, всестороннего, культурного развития.



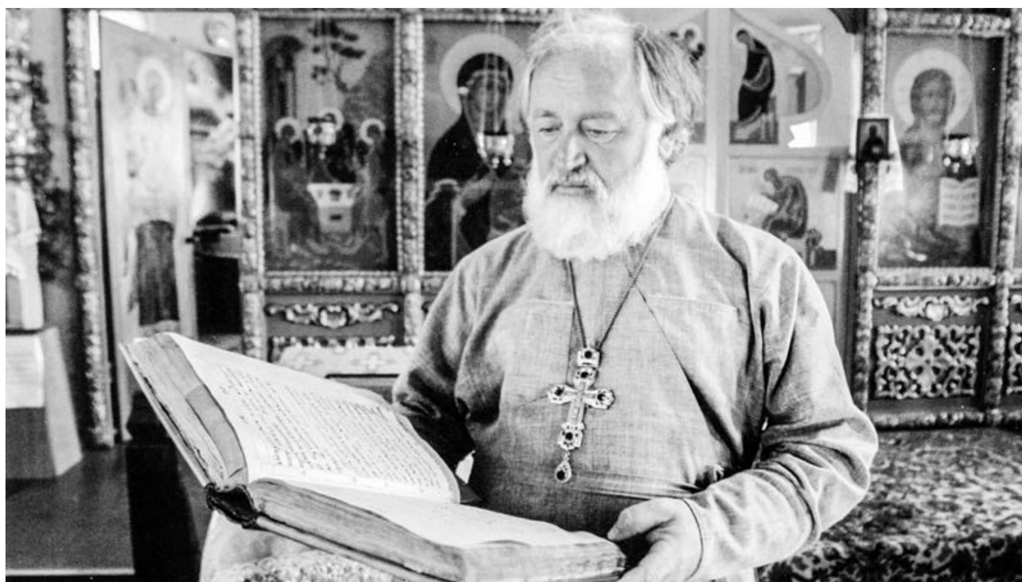
К 30-летию аварии на ЧАЭС

Раиса ДЕЙКУН

Земляк

Не торопи пережитого,
Утаивай его от глаз,
Для посторонних глухо слово
И утомителен рассказ.
А ежели назреет очень
И сдерживаться тяжело,
Скажи, как будто между прочим,
Всё, что с тобой произошло.
А ночью, слушай, дождь лопочет
Под водосточною трубой,
И как безумная хохочет
И плачет память над тобой.

Владимир КОЗАК



Протоиерей Владимир Иванович Козак, родился 2 октября 1956 года в Западной Украине. После прохождения действительной воинской службы поступил в Варшавскую Православную Духовную Семинарию. Рукоположен в сан священника Архиепископом Черниговским и Нежинским Антонием. В 1986 году, после трагического события на Чернобыльской АЭС, назначен ответственным за оздоровление детей чернобыльской зоны в пределах православной церкви зарубежных государств. Основатель и строитель Покровского женского монастыря в г. Хойники, в котором на протяжении 25 лет был его духовником. Награжден многими церковными и государственными наградами Республики Польша и Республики Беларусь. Активно участвует в литературной жизни многих периодических изданий, автор поэтических сборников.

(Из официальных источников)

Звонок

Звонок домашнего телефона раздался как всегда неожиданно. На мое выжидательное «алло» в трубке послышался мужской голос, обладателя которого я никак не могла припомнить.

— Привет, землячка!

— Привет! А вы кто?

— Что, не узнала?

— По правде говоря — нет… — неуверенно и озабоченно пробормотала я, усиленно напрягая память, чтобы вспомнить, чей же это голос.

— Значит, богатым буду, — послышался жизнерадостный смешок, а после него: — Это отец Владимир, помнишь такого?

Я облегченно и радостно вздохнула: о Боже! Как же мне не помнить отца Владимира! Я заохала, залепетала, что по телефону его слышу впервые, потому и не признала сразу.

— Я возвращаюсь в Чернигов. Звоню попрощаться, — коротко и, как мне показалось, грустно заявил мой собеседник в трубке.

— Как в Чернигов? Что случилось? А Хойники? На кого вы их оставляете? — машинально закидала я его вопросами.

— Так на другого слугу Божьего. Теперь настоятелем будет отец Анатолий.

— А кто он, откуда?

— Ваш он, ваш! Родом из Брестской области.

— Почему вы так говорите, отец Владимир, ведь и вы наш!

— А я и не отрицаю. Но родился-то я на Украине. Пора возвращаться на малую Родину. Я думаю, что свою главную миссию на хойникской земле я выполнил! Во всяком случае, я делал все, чтобы помочь людям в эти непростые годы. Ты двадцать годочков прожила в Украине, а я в Хойниках — двадцать пять!

Позже в интернете я нашла подтверждение словам своего собеседника: *«После 25-летнего безупречного служения церкви основателя и настоятеля Покровской церкви протоиерея Владимира Козака, сменившего место жительства, преемником Преосвященнейшим Стефаном, епископом Туровским и Мозырским, настоятелем Покровской церкви назначен 21 октября отец Анатолий, в миру Анатолий Иванович Кисель».* С ним беседовал корреспондент «Хойникских новостей»…

А в тот день мы еще долго говорили по телефону. Впервые. Потому-то я и голос батюшки не признала сразу.

Первая наша встреча с этим необычным человеком произошла в девяностые, когда я после перевода из Калининграда в 1986-м, «чернобыльском» году, попала служить в Чернигов. После случившейся беды в Чернобыле я не могла оставаться так далеко от родных. А они никуда и не думали уезжать-отселяться. Правда, перевод я просила в Гомель, но по семейным обстоятельствам (мужу не нашлось работы по специальности) пришлось согласиться на этот древний и прекрасный украинский город, который за два десятка лет жизни в нем стал мне очень близким. По сравнению с расстоянием, которое было между родным домом и самой западной областью тогдашнего Союза, он был совсем недалеко от моих родных Гомеля, Хойников и найроднейшей станции Авраамовской. В них оставались мои родители и братья с семьями. Напрямую через Комарин, Брагин мы только так успевали за пару выходных обернуться туда и обратно на автомобиле. Вместе с сыном-подростком. Тогда еще был Советский Союз, и для меня и моей семьи не было разницы в национальной принадлежности каждого из нас: муж — русский, я — белоруска, место жительства — Украина. Мои корни в Беларуси, его — в Украине. Встретились мы в России и из нее переехали-перевелись в Украину. Мы были — советские!

Итак, после службы в России я продолжила ее в органах внутренних дел Украины. Там меня застал развал Союза.

В один из тех (уже довольно далеких) дней меня вызвали по внутренней связи к заместителю начальника областного управления милиции по кадрам. Зайдя в кабинет, я увидела человека в рясе и несколько озадачилась.

— Вот, знакомься — твой земляк, — улыбаясь, полковник Матвиенко повел рукой в сторону священника.

Тот встал из-за приставного столика и шагнул мне навстречу, протянув для приветствия руку. Я знала, что руку священника надо целовать, но в кабинете *такого* учреждения это будет как-то неправильно, рассудила я, и в ответ протянула свою.

Священник задержал ее в своей руке, прикрыв другой, и, глядя в глаза, представился:

— Отец Владимир, настоятель Покровской церкви города Хойники.

— Какого города? — вскинулась я, во все глаза глядя на мужчину в рясе. Очевидно, он уже знал, откуда я родом, и ожидал увидеть подобную реакцию.

— Мне Николай Михайлович сказал, что вы родом из Хойников, вернее, из района, а я там служу. Значит, мы с вами — земляки! — приветливо и благожелательно улыбаясь в аккуратную округлую бороду, заключил он, все еще не выпуская моей руки из своей.

— Так вот вы какой, отец Владимир? А я ведь вас заочно знаю от ваших прихожан, моих родственников и земляков, — вырвалось у меня. И надо же было провидению нас свести здесь!

— Не провидению, а Богу так было угодно, — уверенно заявил священник и отпустил, наконец, мою руку.

— Ну, вы, отец Владимир, попали — придется идти за ней в ее келью, просто так она вас уже не выпустит, — рассмеялся полковник и разрешающе кивнул головой в ответ на мой немой вопрос: «Можно, я его заберу с собой?»

Распрощавшись на пятом этаже с хозяином кабинета, мы спустились с его, а теперь уже моим гостем, на второй — пол-этажа которого занимал Центр связей с общественностью, который я в то время возглавляла. По дороге в «келью» я с удивлением узнала, что в одном из подразделений управления служит дочь отца Владимира, что дом его в Чернигове и что он время от времени приезжает проведать семью, в которой четверо детей. Сегодня вот он, приехав из Хойников, зашел узнать, как дочь несет службу.

Ну и дела!

— А ведь мы не один раз могли пересечься в дороге: вы ехали к своим родным в Чернигов, а я — к своим на Хойникщину по одной и той же дороге — через «зону»!

— А мы и пересекались, у меня глаз на новых людей наметан, — как бы между прочим заявил идущий за мной священник.

— Ничего себе келья! — зайдя вслед за мной в кабинет и оглядевшись, удивленно произнес мой гость. Моя «келья» представляла собой огромный кабинет на несколько окон. Но, конечно же, не ее размеры вызвали удивление отца Владимира, а ее убранство: на стене напротив входных дверей висел ковер-герб Беларуси, рядом, в обрамлении вырезанных из дерева двуглавых орлов, часы-герб России. На длинном черном столе под ними стояли флажки Беларуси, России, Украины, а вокруг них все пространство заложено и заставлено фотоальбомами, книгами, буклетами, сувенирами трех братских республик. Торцевая стена кабинета от пола до потолка была затянута льняным светло-серым полотном, на котором гирляндами свисали черно-белые и цветные фото. По ним можно было без особого труда проследить историю сотрудничества органов внутренних дел братских республик после того, как они с развалом Советского Союза отправились в свободное плавание. Фотогирлянды отображали встречи делегаций на уровне министерств внутренних дел, а также областных управлений и районных отделов приграничных областей: Гомельской, Брянской и Черниговской. Пробежав глазами фотопанно, отец Владимир удивленно взглянул на меня.



Покровская церковь. Хойники.

— Над Днепром, Десной и Сожем
Братья наши, сестры тоже, — непроизвольно вырвалось у меня в рифму.

— Истину глаголешь, сестра! — удовлетворенно произнес священник и, продолжая осмотр стены с сотнями фотографий и в ответ на мое двустишие, тоже заговорил стихами:

— Меня не пугали днепровские волны,
Ни пляска деревьев. К лужайке пристав,
Я вытащил лодку из огненных лилий,
Из сетки речных перепутанных трав.
Я в дружбе навеки с лужайкой, березкой,
Всем сердцем я дружен с полночной рекой.
Стою на лужайке, и месяц чуть розов
Приветственно пляшет под правой рукой…

Что, удивлена? Да, я пишу стихи, а лучшими годами жизни считаю время нахождения в армии. Я в Воронеже служил. И знаешь, кем был? — Он, смеясь, тут же поведал: — Инспектором по учету личного состава. Мне прочили школу прапорщиков — они тогда входили в моду и в жизнь. Ты меня представляешь в форме с портупеей и в хромовых сапогах? (Переход его ко мне на «ты» был незаметным и естественным.)

Поглядев на жизнерадостного человека с бородой в черном одеянии до пят, я ну никак не смогла представить его в военной форме, да еще в хромовиках.

Разглядывая фото, отец Владимир попутно рассказал, что, вернувшись домой из армии, поехал в Варшаву и, успешно сдав экзамены, поступил в Православную Духовную Семинарию. Я внимательно слушала.

— Я окончил Варшавскую духовную семинарию. Знаю польский: читаю, пишу, разговариваю. Знаю чешский, греческий, на греческом служу. Могу полностью служить литургию на греческом. Самый тяжелый язык, считаю,

греческий. При произношении нужно держать язык меж зубов и все время говорить в нос…

Помимо так называемых «переговорных», на панно были размещены и другие фотоотчеты взаимодействия правоохранителей области: с населением по месту жительства, с трудовыми коллективами, работниками культуры, прессы. В общую картину вписывалась и подборка фото, на которой отец Владимир узрел Митрополита Черниговского и Нежинского Антония (ныне покойного), а также знакомого ему священника из Бобровицы.

— А святейший Антоний как тут оказался, а мой коллега бобровицкий что делает на фото с работниками ГАИ? — живо повернулся гость в мою сторону.

— Так мы сотрудничаем с Православной церковью, отец Владимир. Причем плотно. Например, ваш коллега из Бобровицы принимает участие в рейдах на дорогах района, призывает участников дорожного движения уважать друг друга, ценить жизнь каждого. Владыка Антоний поспособствовал нам в том, чтобы во всех приходах во время отправления священниками проповедей прихожане призывались чтить законы не только Божьи, но и светские.

— Хорошее дело, богоугодное! — удивленно и снова удовлетворенно произнес тогда мой гость. — Надо и нам перенять.

После той первой встречи мы встречались еще не один раз и при разных обстоятельствах. Так что вскоре и его фото стало красоваться на том памятном панно. При каждой новой встрече отец Владимир читал свои новые стихи, рассказывал новости о жизни моих земляков (от которых я в силу жизненных обстоятельств была оторвана не один десяток лет), поведал мне историю строительства в Хойниках Свято-Покровской церкви и… появления в ней животворящей иконы Божьей Матери «Благодатное Небо».

Легенда, ставшая былью

Я хорошо помнила еще со школьных лет, что церкви в Хойниках не было. Что редкие богомолки и богомольцы района ездили в Василевичи, а верующие южной его стороны — в Чернигов. Слышала от своей родственницы тетки Меланьи (в нашей родне все звали ее Маланкой, а еще богомолкой), что когда-то в Хойниках была церковь, куда ее еще маленькую водила мать, как вскоре после революции церковь разрушили, а иконы выбросили. Еще Маланка рассказывала историю (скорее легенду) про какую-то таинственную икону, которую верующие люди спасли и надеялись передать ее в будущую церковь. Они верили, что когда-нибудь она снова будет в Хойниках.

За годы жизни вдалеке от родного дома я совершенно позабыла все теткины рассказы. Не до них было комсомолке, коммунистке, офицеру милиции — атеистке.

И вот от батюшки Владимира я вновь, уже в подробностях, услышала историю и бывшей церкви, и нынешней, и … возвращения в ее лоно таинственной иконы.

В далеком 1922 году в Хойниках не стало церкви: сначала она была закрыта властями, а в 1928 году разрушена совсем, даже фундамента не осталось. Тогда все церковные ценности были конфискованы в фонд «голодающих и бедных», иконы разграблены, а некоторые просто выкинуты на мусорники. Церковный прислужник Тарасий Дашук подобрал одну из них. Это была необычная икона — хойникские верующие хорошо знали, откуда она взялась на их земле, и были уверены в ее чудодейственной силе.

Еще в 1700 году хойникская княжна Агафья, дочь удельного князя Игнатия Шуйского, вышла замуж за представителя известнейшего рода Трубецких и поехала в Брянскую губернию, в город Трубчевск. А в Хойниках ее муж, князь

М. М. Трубецкой, в 1705 году построил церковь в честь иконы Покрова Божьей Матери и подарил храму богатейший иконостас. Найденная Тарасием икона была одного письма с теми, что входили в состав иконостаса, и называлась «Благодатное Небо». Слуга Божий спрятал икону у себя дома в деревне Губоревичи. Позже икона переходила из семьи в семью, из дома в дом, из деревни в деревню. Где только не прятали свою святыню люди: на чердаках, в земле, в лесах. После Губоревичей она побывала в Велетине, Стреличево, снова в Хойниках. Последние 15 лет хранительницей иконы была жительница Хойников Александра Николаева (в будущем монахиня София).

Потом грянул Чернобыль.

В тот страшный год отец Владимир получил приглашение Митрополита Минского и Слуцкого Филарета и приехал в Хойники из Чернигова — Православная церковь призвала его сначала помогать эвакуировать детей, а позже (в тот же год) взяться за возведение здесь храма, чтобы 25 лет спустя «милостию Божией в нем настоятельствовать». Место под строительство новой церкви было отведено в районе старого городского кладбища, где раскинулась чаща из груш-дичек и шиповника, а рядом «благоухала» живодерня. Прямо тут он проводил свои первые богослужения. Летом было проще, а зимой он натягивал клеенку «на стовпчики», свечки люди ставили в снег. Рядом с такой импровизацией в честь иконы Покрова Божьей Матери строилась церковь. Всем миром. И он, «наш батюшка», как стали его звать-величать хойникчане, вместе с бабушками-богомолками (в их числе была и наша Маланка) очищал сначала саму территорию под то многострадальное строительство. Хойникчане-добровольцы, которые не покинули город, местные предприятия, колхозы содействовали и помогали молодому священнику во всем: с едой, приютом и самим строительством.

Ему удалось построить церковь за полгода! А еще через три месяца было проведено отопление, дорога к храму заасфальтирована и все семь его куполов позолочены.

Когда церковь была возведена, из Санкт-Петербургской духовной академии и Киева приехали художники-оформители: петербуржцы колдовали над росписью внутреннего убранства храма, а киевляне трудились над иконостасом. Он писался в древнерусском стиле. Так писали еще в далеком XII столетии. Когда строительство Покровской церкви было завершено, в святую обитель, как преемнице старого храма, построенного князем Трубецким, была передана и стала ее главной святыней икона Божией Матери «Благодатное Небо», история которой насчитывала на тот момент почти 300 лет.

Как радовались хойникчане *такой* новостройке! Она давала надежду на будущее! И мало кто из них знал, с чем столкнулся их «батюшка» при осуществлении своего проекта. Чиновники-атеисты (вроде меня на то время) стремились подогнать его под свой копыл: чтобы никаких куполов в золоте, никаких крестов над церковью, а крыша чтобы рубероидом (!) была покрыта, — такой приговор получил он, когда впервые представил свой личный проект церкви тем, кто давал «добро» на ее возведение. Вот тогда он помчал в Минск, к тому, кто пригласил его на Божью службу в «зону». Митрополит Филарет, выслушав хойникского настоятеля, наложил резолюцию на его проект: «Как на райисполкоме должен быть флаг, так на церкви должен быть крест!»

Вот так и не иначе! Коротко и ясно!

Главным, в чем был уверен, он тогда не поступился. Разве что главный купол, который по проекту должен был быть выше еще на четыре метра, присадил-опустил. Чтобы не выбивался сильно, чтобы не так мозолил глаза тому чиновничьему люду. Он их (чиновников тех) не осуждал: они выполняли свою работу, они верили в свои идеалы, в научный атеизм, который изучали в университетах, а сейчас проводили его в жизнь. Вольному воля, как говорят. Для него же главным был тот факт, что в тот черный час Божий храм открыл двери своим верующим,

которым так нужна была вера и надежда на добро, на то, что благодать вернется на их родную землю и что отчаиваться христианам никак невозможно, потому что это один из наибольших грехов.

В 1989 году Свято-Покровская церковь была освящена Митрополитом Минским и Слуцким Филаретом.



Икона «Благодатное Небо».

Где-то через год, после освящения церкви митрополитом Филаретом, при ней был образован женский монашеский скит. Еще через несколько — построен небольшой домовой храм в честь равноапостольного князя Владимира. Решением Синода Белорусской Православной церкви скит был преобразован в женский монастырь, в котором у образа Пресвятой Богородицы «Благодатное Небо» (возле которой непрерывно горит лампадка) начал совершаться круглосуточный круг богослужений. Здесь же была открыта детская церковно-приходская Чернобыльская воскресная школа, образовалось братство во имя святителя Феодосия. Монастырь стал служить духовным центром в «зоне», духовно окормляя жителей города и района, паломников практически со всей Беларуси. Специально для них недалеко от церкви, чтобы людям было где переночевать, построили два домика.

А потом был пастырский визит в Беларусь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия. Он был приурочен к двум трагическим датам в истории страны: 60-летию начала Великой Отечественной войны и 15-летию со дня аварии на Чернобыльской АЭС. Святейший патриарх не миновал хойникскую церковь и ее прихожан. Монастырю, как наибольшее признание его заслуг перед Богом и людьми, была преподнесена в дар Казанская икона Божией Матери с патриаршим благословением. Хойникчане вместе со своим батюшкой навсегда запомнили его слова, которые так необходимы были для них и тогда, и сейчас: *«Несмотря на то, что ваша обитель находится в опасной зоне, — сказал инокиням Святейший Патриарх, — несмотря на то, что многих жителей этих мест отселяли, вновь построенный Покровский храм уже в течение многих лет после Чернобыльской аварии вселяет в людей мужество, дает им духовную поддержку. Молитвенный подвиг насельниц обители помогает верующим преодолевать обрушившиеся на них трудности. Верю, что Покров Царицы Небесной простирается над этим местом, над этим храмом, над всеми, кто приходит сюда на общую церковную молитву»*.

Из рассказов отца Владимира я знала и о его попытке из пустующего дома в одной из отселенных деревень — Тульговичах (деревня находится в более чем 50 километрах от АЭС и была отселена в 1991 году) сделать филиал церкви. В деревне восемь, в основном пожилых, жителей отказались тогда покидать родные места. Власти не стали настаивать и оставили работающую ЛЭП, проводную телефонную связь, раз в неделю сюда приезжала автолавка, почтовая

машина, привозящая пенсии, регулярно посещал их врач. Вот для них священник и организовал что-то подобное на церковь. Вместо подсвечника у него был тазик с песком, а на месте иконостаса типографские иконы, которые опоясывали местные рушники.

Для тех, кто там оставался, это была такая отдушина…

Со временем его «филиал» опустел...

Дело его жизни

Так получилось, что после двадцати пяти лет молчания про чернобыльские события в моем родном районе, о них в подробностях поведал младший из братьев, который был непосредственным их участником. Будучи на момент катастрофы заведующим сельскохозяйственным отделом Хойникского райкома партии, он участвовал в отселении людей из зараженной зоны. Из его рассказа получилась книга-исповедь: «Мой Чарнобыль, або Я боль людскі кранаў рукамі». В ее подготовке к печати и издании активное участие принял Хойникский райисполком: рассказ брата был дополнен материалами о состоянии дел на Хойникщине на то время и целой «гирляндой» фотоснимков — «чернобыльских» и современных. Как же я была рада увидеть среди них своего «земляка» — отца Владимира. Книга вышла из печати в канун 25-летия со дня Чернобыльской катастрофы, и я с братом была приглашена на официальные мероприятия в родные мне Хойники.

Мы увиделись с отцом Владимиром у его церкви и памятника-мемориала Скорби, посвященного похороненным деревням, куда нас привели сажать деревья. 25 — по числу минувших со дня трагедии лет.

Как добрые старые знакомые мы обнялись уже на моей родной земле. Он был совсем седой, но такой же, как и раньше, — жизнерадостный, словоохотливый и излучающий добро и милосердие. Мы вместе посадили с ним свое дерево памяти, постояли, помолчали …

— Смотри, дорогая, вот оно — дело моей жизни! — отец Владимир указал рукой на высившийся рядом сияющий семью золотыми куполами храм. Передо мной была Свято-Покровская церковь.

— А почему семь? — спросила я, имея в виду количество куполов.

— Семь куполов символизируют семь таинств Святой Православной церкви. Ты их должна знать! Запоминай: крещение, миропомазание, евхаристия (причащение), покаяние, таинство священства, таинство брака и елеосвящение. Само слово «таинство» обозначает по-иному тайну. Таинства составляют Церковь, — отец Владимир продолжал учить-просвещать меня церковным премудростям. Я охотно и благодарно слушала.

— В нашем монастыре молитва идет непрерывно, не прекращается ни на минуту. День и ночь читается Неусыпаемая псалтирь. Нам надо исправлять мир, вымолить людям счастье: чтобы была хорошая работа, чтобы никто не обижал, чтобы была крыша над головой, чтобы были хорошие соседи, чтобы было мирно, спокойно, тихо, чтоб счастливыми были детки…

После той встречи в Хойниках прошло немного времени. И вот раздался звонок.

Мы попрощались, обещая увидеться уже на земле черниговской. Не довелось. Пока. Там случился «майдан»… и пошли гонения на Русскую православную церковь…

Я заглянула в Сеть и набрала искомые слова: отец Владимир Козак, Свято-Покровская церковь. Компьютер выдал искомую информацию:

«За Черниговским городским роддомом появились четыре совершенно новые (непереименованные) улицы: Лазаря Барановича, Героев Крут, Федора Короткова, Николая Галанова. В этом микрорайоне, ближе к ветлечебнице, строится новый храм — Свято-Покровский. Пока он в небольшом одноэтажном здании.

— Община и я купили землю, — говорит настоятель Свято-Покровского храма отец Владимир (Козак). — Один участок — 15 соток. Два участка еще будем покупать. Пока нет денег. Земля очень дорогая, 2700—3000 долларов за сотку. Нам надо 15 соток с одной стороны от купленного участка и 15 — с другой. За 30 соток нужно отдать 90 тысяч долларов. На трех участках будет три храма. Главный — Покровы. Рядом — церковь святой праведной Анны и церковь князя Владимира. Планируются трапезная, келии, гостиница…»

Он снова строит, он снова дает православным надежду на мир, добро, спасение — теперь уже от братоубийственной войны. А еще… продолжает писать стихи…

Все, что жизнью отпущено, сбудется
В быстром беге окликнутых лет,
Пациент от нервозности мечется,
Робко смотрит на солнечный свет.
Что-то нежное в нем и печальное,
Я коснусь его рук в тишине
И почувствую: дрожью нечаянной
Тонкий нерв отзывается мне.
Пациент тот с судьбою надломленной.
Я, не веря, прикрою глаза.
На мохнатых ресницах почудилась
То ли звездочка, то ли слеза.
Мы с ним в этом пространстве затеряны,
Жизнь, как степь, широка, велика,
Пережитыми бедами мерялись
Параллели ее за века.
Взглядом скорбным все дали охвачены
От вершин до былинок внизу,
Но какою ценою заплачено
Пациенту за эту слезу.
Чтоб однажды случайной наградою
Переполнить судьбу через край.
Той слезою, что, медленно падая,
По щеке проползет невзначай,
Той звездой, что однажды почудится
В полуночном ночном забытьи,
Тем страдальцем, болезнью измученным,
Что уткнулся в ладони мои.



Алеаторика лет


1968 г.

Музыка в чем-то схожа с человеческой судьбой. Ведь пути творчества неисповедимы, как сама жизнь. Есть в ней, безусловно, и предопределенность, незыблемые законы. Но сколько непредсказуемой для нас игры случайностей, которые, вмешиваясь в организованный уклад, способны изменить ход событий! И хотя слово «алеаторика» (от латинского alea — игральная кость, случайность) обозначает некоторые особенности авангардного течения, возникшего в творчестве композиторов середины XX века, нетрудно увидеть в музыкальном термине философский смысл, соотносимый с человеческой жизнью, в которой тоже есть все это: и брошенный жребий, и правила игры, и случай, и нерушимые устои…

Как бы то ни было, а на такие рассуждения настраивают меня мысли про уникальный жизненный и творческий опыт нашего старейшего композитора, заслуженного деятеля искусств Беларуси Кима Тесакова.

Былое — и встречи

С давних времен здешний быт окружала атмосфера, пронизанная гармоничными звуками природы, колоритной поэтикой народных преданий и легенд, интонациями белорусского инструментального и песенного фольклора. Не потому ли в богатой истории города Червеня, некогда носившего летописное название Игумен, столь выразителен музыкальный след? Неподалеку, в бывшем здании школы поселка Озерный, находится единственный в мире (!) музей нашего выдающегося земляка Станислава Монюшко. В живописных окрестностях можно отыскать уцелевший фундамент его родового гнезда — усадьбы Убель, известной по рисунку Наполеона Орды. На этом месте установлен памятный знак, и гости, посещающие родину классика белорусской и польской музыки, композитора, музыканта-педагога, дирижера и просветителя, всегда оставляют здесь цветы. Дом, где Станислав Монюшко появился на свет, сгинул в огне минувшей войны.

Но все, кто дорожит культурным наследием, лелеют мечту о реконструкции исторической достопримечательности, достойной, к тому же, привлечь внимание зарубежных туристов, стать серьезным центром концертной жизни, украсить перспективную зону отдыха.

Еще одно примечательное имя в истории белорусской музыки — Микола Равенский, уроженец деревни Капланцы Игуменского уезда (нынче исполнилось 130 лет со дня его рождения). Современные музыкологи пишут о нем как об одном из композиторов, несправедливо забытых на своей родине. Он получил блестящее образование в Москве: окончил Синодальное училище церковного пения, в котором готовили профессиональных регентов, и консерваторию по классу композиции профессора Михаила Ипполитова-Иванова. По возвращении в Беларусь успешно работал в разных жанрах музыкального творчества, поспособствовал развитию национальной оперы и оперетты, сотрудничал с белорусскими деятелями театра, литературного объединения «Узвышша», написал ряд произведений в соавторстве с Владимиром Дубовкой, на стихи Констанции Буйло создал песню «Люблю наш край», не забытую и до сих пор. В годы гитлеровской оккупации Равенский покинул Минск, стал регентом в православной церкви Червеня. Попав в лагерь для перемещенных лиц, по окончании войны оказался за рубежом. Организовал в Бельгии получивший известность хор белорусских студентов, занимался частичным восстановлением своих сочинений, ноты которых пропали в Минске в начале войны…

Однако вернемся к личности Станислава Монюшко и вспомним известное предание, а возможно, и реальный факт из жизни хозяев усадьбы Убель. Был погожий майский день. На веранду их дома, где спал новорожденный сын, прилетела ласточка и стала прямо над его колыбелью устраивать гнездо. Люди увидели в этом знак милости Божьей: младенцу дарован талант и предначертана творческая судьба… Романтичная история вдохновила наших современников на организацию теперь уже традиционного Открытого конкурса вокалистов «Убельская ластаўка» имени Станислава Монюшко. Финал турнира молодых голосов проводится в районном Центре культуры и досуга, привлекая и неискушенных любителей искусства, и компетентных гостей. Доводилось встречать здесь и особого зрителя, уроженца и почетного гражданина города Червеня — Кима Тесакова.

С теплотой и уважением относятся здесь к талантливому земляку, который всегда серьезно и трепетно готовится к поездкам в Червень, где взял под творческую опеку местную детскую музыкальную школу искусств. Он привязан к родимому уголку «і сэрцам, і думамі», хотя волею судьбы раннее детство превратилось в годы странствий, разлучивших Кима Дмитриевича с тихим городком, где 80 лет назад ему суждено было появиться на свет.

«Я родился в 1936 году. Отец мой служил в то время в Червене в воинской части. То, что он искренне был предан идеалам коммунизма, отразилось и в моем имени: «Ким» — это аббревиатура, которая расшифровывается как «коммунистический интернационал молодежи». Тогда считались модными и другие «революционные» имена: например, Владлен. Мама училась в университете на филфаке, ездила на занятия, а меня брала с собой в Минск — отвозила в детский садик.

В начале войны мне было почти пять с половиной лет, и о тяготах того страшного времени я знаю не только по рассказам: какие-то детали остались в памяти на всю жизнь. Помню, как беспокойно стало в детском саду, когда начались бомбежки и немцы подступили к Минску. Знаю, что мама помчалась туда, хотела меня забрать, но во всеобщей суматохе потеряла. Нас тем временем разместили на двух грузовых машинах, чтобы срочно вывезти из города. Я видел разрушенные и обгоревшие стены домов… Наши грузовики двигались по центральной улице под рев немецкого самолета, нацеленного, видимо, на главный мост через Свислочь (тогда он был деревянный). Не успела машина, которая следовала первой, переехать мост, как в нее попала бомба. Вторая машина, где

находился и я, не пострадала, остановилась в метрах, наверное, пятидесяти. Мы, малыши, в замешательстве разбежались, воспитателя своего потеряли. Но вскоре я вместе с другими детьми оказался в приюте: немцы, войдя в Минск, собирали маленьких беспризорников в такие «учреждения», где было голодно, холодно и к тому же приходилось отдавать свою кровь. У меня в немецком приюте кровь брали дважды… Почему-то вспоминаю, что немцы в Минске, как мне тогда показалось, понаделали множество грядок и повсюду стали выращивать шпинат для своей солдатской кухни.

Мама, узнав о неудавшейся попытке эвакуировать садик, продолжала меня искать. Каким-то чудом ей удалось выкрасть меня из приюта, и мы пешком добрались до Червеня. Там войну и пережили. Мама была партизанской связной. И хотя ребенка от подобных дел ограждали, я не мог не замечать, как среди ночи в доме появлялись незнакомые дяди, брали оружие, спрятанное за косяком.

*В 1944-м Беларусь освободили, домой возвратился отец — заместитель командира дивизии по политчасти полковник Дмитрий Семенович Тесаков. Он получил направление на ответственную службу в западной части республики, так что нашей семье сразу пришлось собираться в дорогу. Отцу было поручено прибыть на Гродненщину, в город Желуд**о**к (теперь он в составе Щучинского района) и в должности первого секретаря райкома партии восстанавливать советскую власть там, где еще со времен войны орудовали вооруженные банды, держали в страхе местных жителей.*

*Приехали мы в Желуд**о**к и поселились в бывшем особняке пани Повьяновой. Там было достаточно места как для проживания семьи, так и для обустройства, как теперь говорят, «офиса». В этом городке произошло мое первое столкновение с музыкой. Да-да, именно «столкновение» — никакое другое слово точнее не выразит мое состояние в ту пору, когда я, восьмилетний мальчик, оказавшись в незнакомом доме, впервые увидел черный ящик пианино — и буквально прилип к нему, впервые прикоснувшись к чудо-клавишам, которые отозвались музыкальными голосами. Другие дети резвились, играли. А меня постоянно притягивало пианино. Я подолгу не отходил от инструмента, что-то подбирал, вслушивался в звуки».*

Ада Казимировна, мама Кима Тесакова, заметив, насколько увлечен ее сын такой необычной «игрой в музыку», почувствовала в этом не просто любопытство и детскую блажь, а настоящий творческий дар. Католичка, она исправно посещала костел (невзирая на статус мужа). Богослужебные ритуалы проходили там под сопровождение фисгармонии. К музыканту, игравшему на этом инструменте, родственном органу, Ада Казимировна обратилась с необычной просьбой: позаниматься с ее сыном.

«Маме удалось уговорить пана Юзефа стать моим учителем музыки, хотя это был человек довольно закрытый в общении. Наверное, какие-то пережитые события сделали его таким, научили держаться настороже, избегать воспоминаний. Тем не менее, мы прекрасно поладили, можно даже сказать — подружились. Мне повезло с первым наставником. Это был очень одаренный музыкант и образованный профессионал, искренний и добросовестный учитель. Оказалось, он закончил три курса Варшавской консерватории. Но что стало причиной его бегства из Польши, не говорил. Почему-то никогда не называл свою фамилию. Ее не знал никто. Само имя, которым представлялся музыкант, — «просто пан Юзеф» — очень распространенное, такое популярное… Не псевдоним ли?

Часто задумываюсь: может, и не существовало никаких особых тайн вокруг этой загадочной личности, а был просто скромный и застенчивый, глубоко верующий человек, душа которого распахивалась в музыке? Но всякий раз я с благодарностью вспоминаю своего преподавателя, у которого занимался два года по фортепиано, параллельно осваивая теорию музыки, сольфеджио. Он хорошо знал классику и выразительно ее исполнял, играл мне Шопена, Чайковского, Рахманинова. Показывал много различных произведений, сравнивая,



С лауреатами конкурса юных композиторов. 1974 год.

анализируя, обращая мое внимание на особенности стиля каждого из выдающихся композиторов. Меня настолько захватило разнообразие звучащего мира, что я даже стал бегать на желудковскую гору — в костел, чтобы послушать музыку, которую играл там пан Юзеф. Спустя два года мне исполнилось 10, и я уже уверенно играл фортепианный репертуар музыкальной школы-семилетки. Но благодаря учителю я достиг определенных успехов не только как пианист и показал ему тогда первые свои творческие опыты: совсем еще детские полонезики, прелюдийки… Пан Юзеф был в восторге! Ведь именно он стимулировал во мне интерес к сочинению собственных пьес, объясняя, что значит в музыке драматургическое развитие: посмотри, мол, как это сделано у Шопена…

*Весной 1946 года отец поехал за семь километров от Желудк**а** — организовывать новый колхоз, но в начале июня был замучен и убит бандитами. Они расправились тогда и с председателем колхоза, с его семьей, и с молоденькой девушкой-землемером. Изуверов, привыкших чувствовать себя безнаказанными, поймали. Состоялся суд. На его заседании, которое проходило открыто и при большом стечении народа, выступил 14-летний сельчанин, оказавшийся случайным свидетелем той страшной трагедии. Он рассказал, каким изощренным издевательствам подвергли садисты своих пленников, как глумились над женщинами. Как в свои последние минуты Дмитрий Тесаков отчаянно пытался противостоять банде. Привязанный к дереву, мой отец воспользовался тем, что руки его были свободны, вытащил полагавшийся ему по службе пистолет, спрятанный под обычной крестьянской одеждой, и направил несколько своих метких выстрелов прямо в толпу вооруженных бандитов. Так они поняли, что захватили руководителя района, и в бешенстве изрешетили его пулями, целясь в лицо...»*

В тот трагический для семьи 1946 год жизнь круто изменилась. Овдовевшая Ада Казимировна стала хлопотать о смене места жительства, и это понятно: в незнакомой обстановке было бы легче справляться с психологическими последствиями случившегося и думать о будущем подраставших детей.

«Мама тогда была директором и учителем по совместительству единственной на весь городок школы-семилетки. (К слову сказать, она после войны завершила образование в университете — разумеется, заочно. На протяжении тридцати восьми лет учительствовала, преподавала предмет, очень близкий и моему сердцу: «беларуская мова і літаратура».) Но желудокские власти с пониманием отнеслись к ее просьбе, и к осени мы получили возможность переехать. Нам даже помогли обосноваться на новом месте. Вот так мы оказались в Гомеле. У нас был домик в Новобелице, три сотки земли, корова, пара свинок, своя картошка...

В 1950 году после школы-семилетки я поступил в Гомельское музыкальное училище на дирижерско-хоровое отделение. Но поскольку хорошо владел инструментом, то решил поступить еще и на фортепианное. Учился шесть лет. Абсолютный слух помогал мне во всех музыкальных занятиях. Как дирижер хора сдавал выпускной государственный экзамен, дирижируя своей же кантатой. А как пианист — исполнив Третий фортепианный концерт Грига. (Кстати, в классе фортепиано от своего замечательного педагога Елены Петровны Володько, окончившей Белорусскую консерваторию, я получил много знаний по истории музыки, познакомился с творчеством некоторых современных композиторов.)»

В качестве председателя государственной комиссии на выпускные экзамены приехал из Минска знаменитый композитор и очень строгий, беспощадно требовательный педагог Владимир Владимирович Оловников. Когда он послушал сочинения Тесакова, посоветовал немедленно подавать документы в консерваторию и поступать в класс композиции Анатолия Богатырева.

Сибириада

Он поступил, но учиться в Белорусской государственной консерватории довелось недолго.

«На втором курсе (мне было тогда 20 лет) я тяжело заболел. Произошел разрыв сосуда в верхней части легкого, врачи поставили диагноз «открытая форма туберкулеза». Предстояло длительное лечение, очень тяжелые процедуры. Я часто лежал в больнице. Доктора настоятельно рекомендовали сменить климат на резко континентальный. Как раз тогда, находясь в больнице, прочитал газетную заметку об открытии Новосибирской консерватории имени Глинки. Вот и поехал в Сибирь — это был 1957 год. Нашел работу, продолжил лечение. В условиях благоприятного климата, под воздействием пневмоторакса разрушительный процесс в легких был остановлен и, как показывал рентген, болезнь удалось победить, а через два года меня сняли с учета».

Словно открылось второе дыхание, с новыми силами он был готов учиться, обратился в Новосибирскую консерваторию с намерением «восстановиться» в рядах студентов и продолжить образование на третьем курсе — ведь два уже было пройдено в Минске. К ситуации отнеслись с пониманием, но зачислить Кима Тесакова в другой вуз на основании старых документов не имели права, поскольку в его учебе произошел значительный перерыв: целых четыре года. Ничего не оставалось, как поступать в Новосибирскую консерваторию на общих основаниях, снова почувствовав себя абитуриентом. А здесь конкурс на теоретико-композиторский факультет был весьма велик: 17 человек на место!

«Когда вывесили списки поступивших и я прочитал там свою фамилию, то в буквальном смысле не поверил собственным глазам. Попросил секретаря перепроверить. Она заглянула в документы. Действительно, на факультет было принято четыре человека, из них трое на музыковедческую специальность, один на композицию: «Тесаков К. Д.». Я с восторгом воспринял эту новость. Стал студентом класса Георгия Николаевича Иванова (в ту пору начинающий педагог, он стал впоследствии видным творческим деятелем, автором ряда музыкально-сценических, симфонических произведений, профессором, возглавлял Сибирское

отделение Союза композиторов РСФСР и кафедру композиции Новосибирской консерватории. — ***С. Б.****). Поскольку я был уже не птенец в композиции, занятия мы начали не с написания прелюдий для фортепиано, а с освоения более крупных оркестровых форм. За время учебы в Минске я оркестровкой не овладел, так как Богатырев не требовал от студентов приносить партитуру сочинения. Мы показывали в классе клавир, и уже там работу по инструментовке вместе с нами, а точнее сказать, вместо нас педагог делал сам. И вот в Новосибирске я начал писать симфоническую поэму «Ангара». Пришел на урок с подготовленным материалом, стал играть. А Георгий Николаевич, увидев, что играю я по клавиру, остановил меня, взял мои ноты и очень деликатно, обращаясь на «вы» (он вообще никогда не «тыкал» ученикам), сказал: "Если бы я не уважал своего студента, то сейчас же выкинул бы это в мусор. Но лучше по дорогое домой вы сами выбросите. Что вы пишете: симфоническую поэму? Я хочу видеть* **партитуру**!"

Разумеется, педагог был прав: не для рояля же я писал симфоническое сочинение… С того дня стал усиленно заниматься оркестром. Не только теоретически. Тогда студенты консерватории могли свободно посещать все филармонические концерты, и я слушал много разной музыки в живом исполнении, а это помогает чувствовать и понимать природу инструментов, законы оркестрового письма. Через месяц я показал одну страницу самостоятельно написанной партитуры.

С тех пор многое написал в разных жанрах, но всегда «грыз» оркестр — значительную часть музыкальной науки, состоящую из элементарной теории, гармонии, анализа формы. А гармонию у нас вел молодой преподаватель, приехавший из Ленинграда. На первое занятие к нему пришли вчетвером — студенты-музыковеды и я. Достали учебники. Преподаватель посмотрел и говорит: «Соберите учебники и выбросьте. Они вам не нужны. Мы начнем заниматься современным отношением к гармонии, рассмотрим, какая она у Бетховена, Гершвина, Берга…» Все было так необычно и так творчески!

За восемь лет Сибирь дала мне столько полезного, уникального, необходимого, неповторимого, незабываемого! Как говорится, не было бы счастья…

В Новосибирске работал дирижер с мировым именем — Арнольд Кац, при нем оркестр звучал блестяще и оперный театр был на высшем уровне. По студенческому билету я посещал все репетиции в оркестре, в театре. Там, например, шла опера «Порги и Бесс» Гершвина, ставилось интересное произведение Меликова «Легенда о любви». Кац играл много новой современной музыки. Я постарался изучить его понимание произведений Шостаковича, в частности, партитуру оперы «Катерина Измайлова». Хорошо знаю все его симфонии…

В войну в Новосибирск была перевезена из Ленинграда богатейшая библиотека. И по студенческому билету я имел право постоянно ее посещать, причем получать доступ к литературе, которая в массовых советских библиотеках не выдавалась или просто отсутствовала как идеологически вредная, запрещенная. А студент, изучавший в вузе философию, был даже обязан ознакомиться с первоисточниками — работами Кропоткина, Бердяева, Соловьева. И когда я, например, читал в оригинале изложенную анархистскую теорию, то понимал, как вульгарно искажалась она в реальной практике, превращаясь в оправдание вседозволенности, как был далек от нее тот примитивный и варварский образ анархиста, который мы знали из учебников по истории и фильмов о революции. Много читал, размышляя над строками того же Бердяева, и понимал, что в его трудах вовсе не было каких-то выпадов против советской власти, а были рассуждения философа о власти вообще, — а это же совсем разные вещи…

Я побывал в отдаленном от Новосибирска городе Тобольске, видел старинное трехэтажное здание каменного кремля, откуда царя Николая II отправили в Свердловск. (В Тобольск меня направили проверять работу музыкальной школы, когда учился на старших курсах консерватории.)



Композитор Ким Тесаков и поэт Валентин Лукша.

В составе студенческой фольклорно-этнографической экспедиции ездил в тайгу. В нашей группе помимо меня было трое музыковедов и два представителя исполнительских специальностей. Познакомился с некоторыми коренными народами Сибири, открыл для себя особенности их древних самобытных культур, ощутил, как отличаются между собой ненцы, эвенки, чукчи. Там я узнал о тюркском происхождении эвенков. Они впечатлили своими красивыми песнями, национальным достоинством. Их мужчины с гордостью говорили: «Я — эвенк!» Чукчи остались для меня народом непознанным, загадочным, странноватым. Довелось побывать и в Якутии.

Самое главное, в Сибири я вернул и укрепил здоровье. Даже стал моржом: в 40-градусный мороз на Оби опускался в прорубь. В Новосибирске морозы достигали от 25 градусов и вдвое выше. Помнится, шел я в 52-градусный мороз в консерваторию, как всегда через парк. Вдруг рядом что-то свалилось. Замечаю, какая-то кочка в снегу, подошел — а это воробышек. Обессилевший, но живой. Я его поднял, упрятал под шубу. Так он и прожил у нас в консерватории до весны, пока не потеплело. Кормили хлебом…

Впечатлила природа этого края. Резко континентальный климат: чудесная зима, 50-градусные морозы, при этом ветра не было, снег до двух метров выпадал, и держалась эта красота до апреля. Потом — стремительное потепление. Бурная весна в течение месяца сменялась жарой: 1 мая — сразу до 30 градусов, снег молниеносно превращался в лужи. Май, июнь, июль, начало августа — очень жаркое лето. В сентябре приходили устойчивые холода.

И, конечно, незабываема Сибирь своей шикарной рыбалкой: сиг, красная рыба. В Новосибирске я купил свой первый мотоцикл (вообще за время пребывания там у меня их было три), ездил на природу. В лесу собирал огромные, невиданные для наших мест грузди: они оказались хороши, очень вкусны, не требовали продолжительной засолки, сразу шли в пищу — с солью, разумеется. А ягоды? Уму непостижимо, какое количество их там было!

Вспоминаю щедрые берега Оби. Обское море — огромный водоем протяженностью 132 километра и 18 километров шириной, на котором располагалась плотина. Там, прямо в тайге, был построен Академгородок, в котором трудились и проживали именитые люди страны. Удивительный край, удивительные люди… Однажды я на своей «Яве» проехал 200 километров к давно облюбованному месту на Оби, где привык рыбачить. Забрасываю удочки — и вдруг слышу отдаленное звучание знаменитой 1-й части Первого фортепианного концерта Чайковского: вряд ли здесь магнитофон, очевидно — радиоприемник. Я не мог удержаться от любопытства, пошел на звуки музыки. Оказался на поляне, где паслось стадо коров. А неподалеку сидел на складном стульчике человек лет семидесяти, с внушительной бородищей, и просто «балдел», слушая транс-

ляцию. Я заговорил с дедом, и он восторженно пояснил: «Да это же Концерт Чайковского! Это же не музыка, это Божество! А еще я знаю и мне нравятся 5-я симфония Бетховена и «Алеко» Рахманинова». Познакомились. Человек, восхищенный классикой, оказался деревенским пастухом, окончившим один класс церковно-приходской школы. Он с искренним уважением отнесся к тому, что я учусь в консерватории, был признателен за информацию о том, что у Чайковского кроме самого популярного 1-го есть еще два фортепианных концерта, что у Бетховена всего девять симфоний, что и он писал концерты для фортепиано, и у Рахманинова тоже есть такие произведения.

Я благодарен Сибири за фундаментальное образование, многочисленные встречи, впечатления, и не только музыкальные».

Из круга незаменимых. Шостакович

«В 1963 году наш директор (именно директор, а не ректор тогда руководил Новосибирской консерваторией), в недавнем прошлом львовянин Арсений Николаевич Котляревский пришел на прием к первому секретарю обкома партии Горячеву и посоветовал, как надо поступить, чтобы и консерватория, и вообще музыкально-театральная жизнь города вышли на мировой уровень. Для этого он предложил пригласить в гости замечательного человека, обеспечить ему трехкомнатную квартиру, нанять повариху, дать зарплату побольше, чем платят, например, в Ленинграде. Речь шла о Шостаковиче. А почему с Горячевым такие разговоры можно было вести запросто, причем рассчитывая на понимание, поддержку? Потому что для советского времени это был уникальный чиновник, знавший искусство изнутри, понимавший суть творчества, ценивший талант, — единственный первый секретарь обкома партии с музыкальным образованием: окончил Ленинградское музыкальное училище, затем Высшую партийную школу. И Шостаковича пригласили к нам куратором. Он периодически приезжал в Новосибирск, прослушивал и консультировал студентов, особое внимание обращал на композиторов. А таковых, насколько помню, в консерватории было пятеро: по одному на каждом курсе».

(К слову, во время войны сюда была эвакуирована Ленинградская филармония, состоялась премьера легендарной Седьмой симфонии Шостаковича — второе исполнение после премьеры оркестра Большого театра СССР в Куйбышеве, куда коллектив был вывезен из Москвы. Композитор приехал в Новосибирск, присутствовал в зале. Со вступительным комментарием выступил друг Шостаковича, выдающийся музыковед-просветитель, публицист, литературный критик, уроженец Витебска — Иван Соллертинский. Это было в 1942 году. В 1944-м Иван Иванович скончался от инфаркта и там же, в Новосибирске, был похоронен. Лишь спустя два десятка лет Дмитрий Шостакович смог посетить могилу самого дорогого своего друга. — ***С. Б.***)

Гений мировой музыки, по словам нашего героя, оказался удивительно приятным человеком в повседневном общении. Дмитрий Дмитриевич никогда не говорил громко, это было выразительное mezzo piano. Под влиянием его творчества, где традиционные струнные квартеты по силе драматургического развития достигали уровня камерной симфонии, увлекся этим жанром и Тесаков. Материал своего первого квартета показывал в классе Георгия Николаевича Иванова в присутствии Шостаковича. Мнение было такое: это и хорошо, и плохо. Мол, материал сам по себе очень хорош, но не для такого инструментального состава. Наш герой выслушал и учел мудрый профессиональный совет: избавиться от партии 2-й скрипки, переделать квартет в трио. За это сочинение Шостакович поставил ему «пятерку». Консерваторию Тесаков заканчивал, представив 40-минутное оперное действие «Два капитана» на собственное либретто по одноименной книге Вениамина Каверина. Экзаменационную работу Шостако-

вич отметил также оценкой «пять». Подпись выдающегося композитора есть в дипломе Кима Дмитриевича об окончании консерватории — больше никому из белорусских коллег так не повезло. Единственное, о чем сожалеет, — поспешил отдать этот раритет вместе с некоторыми другими уникальными документами и фотографиями в Государственный музей истории театральной и музыкальной культуры Беларуси, не отставив себе даже копий.

«С Шостаковичем часто беседовал. Обо всем. О природе — природу он очень любил. О людях, о творчестве. Он рассказывал про советского композитора-авангардиста, написавшего симфонию «Завод», во время исполнения которой на сцене за оркестром располагалась группа неких «рабочих», которые изо всех сил лупили молотками по металлу, надо полагать, создавая «образ» производства. Мне запомнилась истина, высказанная Шостаковичем по поводу расхожей фразы о том, что, мол, незаменимых людей нет. Он сказал коротко и просто: «На незаменимых держится мир».

Дмитрий Дмитриевич очень искренне говорил о том, чтобы я подумал о возвращении на родину: «Вы же белорус, ваши корни, как и мои, — там...» И тогда, и в последующие годы, когда доводилось общаться с Шостаковичем, я чувствовал его совсем особенное, по-родственному теплое отношение к белорусам, к Беларуси. Его постоянно тянуло сюда, но огорчало то, что постоянная занятость не позволяла распоряжаться временем, как хотелось бы.

Задолго до окончания консерватории все студенты практически уже были трудоустроены. Я занимался репетиторством, вел школьные уроки музыки... В общем, зарабатывал до 300 рублей (плюс 20 рублей стипендия), для сравнения — рядовой советский инженер получал 90. Так что мы, выпускники 1965-го, смогли позволить себе хороший банкет, пригласить дорогих гостей... Тогда я еще раз подумал над мудрым советом Шостаковича — и поехал в Минск».

От замысла до звукового образа

Те, кто помнил Кима Тесакова уезжавшим из Беларуси, приветствовали его возвращение удивленно-радостным возгласом: «Живой?!» Профессор Оловников, к тому времени ставший ректором Белорусской государственной консерватории, пригласил Кима Дмитриевича на работу — преподавать анализ музыкальной формы, фугу, композицию. Было трудно. Пришлось расстаться с уже налаженным, благополучным сибирским бытом, привыкать к переменам. Фактически наново обустраивать жизнь, заботиться о семье.

«В Белорусской консерватории моя зарплата была 132 рубля, и руководство кафедры уговаривало «немного потерпеть», дождаться звания доцента, за которое полагалась прибавка. Но на фоне бытовых неурядиц, с которыми в конце концов удавалось справляться, происходило главное: здесь, на родине, развернулась моя разносторонняя творческая, общественная и педагогическая деятельность. Из консерватории я все-таки ушел. В последующие годы в основном преподавал. Более 20 лет вел класс композиции у теоретиков в Республиканском колледже при Белорусской академии музыки. Отрадно, что в нынешнем Союзе композиторов — 17 моих учеников.

Сам состою в нем с 1967 года. На протяжении десяти лет волею коллег я возглавлял парторганизацию Союза композиторов БССР. И говорю об этом вслух безо всякого стеснения. А лицемерные и циничные люди стали огулом хаять то, что по собственной же воле воспевали в своем творчестве, на чем, в общем-то, и держалась их успешная карьера, благополучная жизнь. Я считаю так: любая власть в любое время имеет и свои положительные, и отрицательные явления. Благодаря тому, что меня избирали секретарем парторганизации, руководство Союза композиторов СССР включало меня, наряду с представителями других союзных республик, в творческие группы, посещавшие зарубежные страны с

целью налаживания культурных связей. Среди нас обязательно находилось пару человек — «функционеров» определенного рода деятельности, это понятно. Тем не менее, я бесплатно объездил 22 страны. Кажется невероятным, но в странах Бенилюкс наша группа во главе с крупнейшим советским композитором Арамом Хачатуряном находилась в течение 38 дней! Мы слушали музыку своих зарубежных коллег, показывали свои произведения, в основном в записи. Никогда и нигде не чувствовал никаких проявлений враждебности, общение было искреннее, дружественное».

А еще Ким Дмитриевич вспоминает фестивали, творческие конкурсы, которые организовывал Союз композиторов СССР и где он становился лауреатом. Охотно рассказывает о том, какими престижными всесоюзными профессиональными премиями были в разные годы отмечены его оратория «Хатынь» (слова Хведара Жычки), радиоопера «Барвовы золак» (либретто Валентина Лукши по мотивам романов Ивана Мележа «Людзі на балоце» и «Подых навальніцы»), кантата-действо «Купалле» (тексты народные), Струнный квартет № 4. Нетрудно заметить, что в первую очередь успех сопутствовал оригинальным по замыслу программным произведениям, связанным с национальной белорусской тематикой.

«Возвратившись из Новосибирска на родину, я обрел немало друзей среди литераторов. Был очень дружен с Быковым, Бородулиным. Писал песни на стихи Нила Гилевича, Сергея Граховского, Петра Приходько, Веры Вярбы, Антона Белевича, Иосифа Скурко, Степана Гаврусева, Валентина Лукши, других поэтов, хотя песня для меня — не главный жанр. Когда ко мне приходили не знавшие даже нот сочинители песен и настойчиво просили поддержать, «продвинуть» их творчество, я им говорил: «Меня учили профессии 18 лет, вы же элементарной музыкальной грамоты не знаете — получите для начала специальное образование. И еще: жанр песни прекрасен, но самый лучший жанр — это народная песня. А если все-таки окажется, что песня — ваше призвание, обращайтесь за консультацией к Игорю Михайловичу Лученку». Очень люблю творчество Лученка: до него ничего подобного не было и не будет. Это песни-поэмы, в них есть глубина, которую я очень ценю… Однако по своей природе, по складу мышления я склонен к воплощению в музыке масштабных тем, идей глобального уровня. Но и работая над крупными произведениями в разных жанрах, я часто обращался к творчеству белорусских мастеров слова: нашего классика Янки Купалы, Максима Танка, Пимена Панченко, Геннадия Буравкина…»

Родная литература становилась для него постоянным источником вдохновения, «подсказывая» темы программных сочинений. Из прочитанного рождается замысел, который чудесным способом превращается в звуки, создающие некий музыкальный образ… Одно из первых таких произведений, написанных композитором по возвращении в Минск, — симфоническая картина «Тарас на Парнасе» (1967 год), инспирированная образами одноименной поэмы.

«Партитуру «Тарас на Парнасе» играл наш главный оркестр под управлением Юрия Ефимова. Я часто думаю о том, как много было сделано им для современной белорусской музыкальной культуры, с благодарностью вспоминаю маэстро Ефимова как первого и очень чуткого, неравнодушного исполнителя моих произведений, вдумчивого интерпретатора творчества моих коллег. А это дорогого стоит: ведь, как известно, воспитан он был в совсем другой музыкальной среде, в Минск приехал работать из Ленинграда, где родился и получил образование в консерватории. С нашим Государственным симфоническим оркестром он в качестве главного дирижера воплощал самые разные программы, пропагандировал классику, мировую современную музыку, сыграл множество симфонических и вокально-симфонических премьер белорусских композиторов. Очень жаль, когда в нашей нынешней музыкальной жизни появляются дирижеры-манкурты, которые обустраиваются в Беларуси, получают от этого государства всё: и квартиры, и приличные зарплаты, и возможность проводить свою репертуар-

ную политику, и почетные звания, и Госпремии, а взамен... Белорусская музыка для них словно не существует, а если и вспоминают кого-то из композиторов, то ради того, чтобы «засветиться» в проекте, на торжественном концерте «помахать руками», покрасоваться. К счастью, у нас много прекрасных исполнителей разных поколений, которые с открытой душой относятся к национальной музыке. И с их стороны я всегда чувствовал внимание к своему творчеству».

Ким Дмитриевич шутя причисляет себя к «пионерской организации». С чего бы? Есть повод. По некоторым творческим позициям композитора Тесакова действительно можно считать пионером. Его струнное трио, написанное в студенческую пору и благословленное самим Шостаковичем, стало своего рода первым образцом в современной белорусской профессиональной музыке. Спустя несколько лет, в 1978-м, он стал автором первой белорусской радиооперы.

«Известный журналист, в ту пору один из видных руководителей Госкомитета по телевидению и радиовещанию БССР Михаил Суша вызвал меня к себе на беседу и предложил взяться за работу над новым для белорусской музыки жанром: радиооперой. В качестве либреттиста был рекомендован поэт Валентин Лукша. Приступили к работе. Я говорю: «Валя, что мы будем выдумывать? Есть прекрасные «Палескія хронікі» Ивана Мележа, по-своему подойдем, с точки зрения особенностей оперы». Вскоре показали Мележу либретто, он был в восторге. А что делать дальше, когда нет ни собственного опыта, ни похожих примеров рядом? Я начал штудировать творчество знаменитого французского композитора нового времени Франсиса Пуленка, написавшего, в частности, монооперу «Человеческий голос», пересмотрел драматургию «Алеко» Рахманинова, что-то для себя отметил... Но главное было — учесть специфику жанра, радиосцены, чтобы слушатель, не имея возможности наблюдать за театральным действием, через выразительную музыку — вокально-симфоническую, как в сочетании с текстом, так и чисто оркестровую, — мог представлять себе это условное сценическое действие, понимать ход невидимых событий, чувствовать состояние героев. И премьера в эфире успешно состоялась!

Написанная мною вторая радиоопера, «Палын — трава горкая» (по прозе Алеся Осипенко, либретто Артура Вольского) поставлена в студии не была, но ее озвучили и записали в фонд радио.

Вообще же я некоторое время писал музыку для театра, особенно активно — для кукольного. В Белорусском государственном театре кукол (на протяжении 1972—78 годов) была работа над сказками «Огниво», «Золушка», постановками по пьесам Анатоля Вертинского «Дзякуй, вялікі дзякуй!» и «Скажы сваё імя, салдат», над спектаклем «До третьих петухов» по Василию Шукшину. В этом театре мне посчастливилось сотрудничать с его легендарным главным режиссером, прекрасным человеком, народным артистом БССР, талантливейшим Анатолием Александровичем Лелявским. Он пригласил меня на свой спектакль. Сама постановка вызвала у меня восторг, там были великолепные актеры, живое зрелище. А вот музыка, звучавшая во время действия, как-то не впечатлила. Достаточно было короткой беседы с Лелявским, чтобы мы «увидели» друг друга, нашли взаимопонимание во взглядах на искусство. Подружились. Анатолий Александрович предложил мне написать музыку к его следующей премьере. Так сложилось наше долговременное и успешное сотрудничество. Я получал экземпляр пьесы, несколько раз ее читал, вникал в драматургию, приходил к Лелявскому и садился за рояль. Играл ему тематический материал, который предлагал в качестве музыкальной основы спектакля, показывал, как, по моим представлениям, основные темы будут преобразовываться в связи с развитием действия, соответственно драматургии образов. Этот режиссер был удивительно чутким слушателем, проявлял такт и уважение к профессии композитора, доверял мнению автора музыки, никогда не диктовал, не вмешивался, не навязывал собственное видение, не пытался «подстроить под себя», а возможно, в каких-то решениях даже исходил из музыкального материала.

Пока у Анатолия Лелявского хватало здоровья и сил, чтобы работать в театре, этот контакт был нерушим. С его уходом закончилось мое творческое общение с прекрасным коллективом кукольников. К великому сожалению».

Да, это повод для сожаления. Но сколько найдется поводов для радости! Ким Тесаков — автор десяти струнных квартетов (у Шостаковича — 15). И здесь наш герой — снова пионер среди белорусских коллег: ни у кого ничего подобного нет. А Седьмая симфония? Ее Тесаков создал по заказу для оркестра «Немига», к 10-летию коллектива, которое отмечалось в 2000 году. Главным дирижером был тогда Петр Вандиловский. Это большое красочное полотно для духового оркестра, партитура сделана в расчете на все 120 инструментов. Для Беларуси такое произведение первое и пока единственное в своем роде. И еще. Ким Тесаков, разумеется, — не единственный среди белорусских коллег, обогативших репертуар для детей и юношества множеством интересных и востребованных произведений в разных жанрах. Но именно он стал и первым, и пока единственным среди композиторов обладателем премии имени Василя Витки!

«В возрасте 80 лет я позволяю себе отбросить ложную скромность и говорить вслух о том, сколько сделано. Я успел написать произведений… почти на три жизни! Причем написано не «в стол». Все это игралось или играется. Инструментальные концерты — для гобоя, для цимбал, для трех труб и большой литавры. Множество ансамблевых сочинений, оркестровых пьес. Мой 1-й квартет издан в Ленинграде и в Вашингтоне, 3-й, 4-й и 5-й — в издательстве «Советский композитор», остальные существуют и распространяются в нотных рукописях. Все 10 квартетов востребованы исполнителями, вошли в репертуар концертирующих ансамблей: имени Дмитрия Шостаковича (Москва), имени Николая Лысенко (Киев), Каунасского квартета, белорусских музыкантов.

*Квартет для меня — это камерная симфония для струнных инструментов с использованием современных технологий. Такому подходу я учился у Шостаковича. Что касается именно жанра симфонии — их написал семь. Я знаю оркестр, даже, бывало, подсказывал скрипачам во время репетиций более удобную аппликатуру (*позицию пальцев при игре. — ***С. Б.****). Все технологические средства, найденные и предложенные, введенные в практику XX века, для меня не закрыты. И алеаторика, даже если ее воспринимать как некий организованный развал, мне понятна. Я ознакомлен с методами работы Шенберга, Берга, Пендерецкого… Пишу музыку очень быстро, без черновиков, но обдумываю долго. Всегда с трудом ищу драматургический фактор. Это для меня и очень мучительно, и очень важно — поиск организующего, связующего фактора в музыкальной драматургии. Результаты поиска влияют на отличительные особенности каждой партитуры. Например, 2-я симфония имеющая программное название «Памяти Веры Хоружей», написана для оркестра и певца, 3-я — камерная, для струнного оркестра. Объединяющий фактор 5-й симфонии, звучащей более сорока минут, заложен в ее эпиграфе. Дело в том, что в юности я увлекался древнегреческой философией, а спустя годы, когда в группе советских композиторов путешествовал по Греции, пережил потрясающее впечатление от этой страны. Так вот, я пять раз прочитал «Илиаду», и там нашел эпиграф для своего произведения: “От любви богов рождаются миры, от любви людей рождается человек”».*

Свою самую известную, 4-ю симфонию Ким Тесаков назвал «Куропаты». Написал ее в 1990 году. Этой симфонией дирижер Юрий Ефимов открыл тогда новый концертный сезон в столичной филармонии. Огромный оркестр, около 40 минут потрясающего звучания…

«Открывшаяся тема белорусских Куропат, связанная с ней тема сталинизма — я был буквально захвачен размышлениями над этим сложным и страшным материалом, целых два года работая над симфонией. Все, о чем поведала история, для меня словно происходило рядом: я ведь живу неподалеку от места тех расстрелов, там, где теперь проходит Минская кольцевая дорога. Был в Куропатах 12 раз, приходил утром, вечером, даже ночью. Мемориал в урочище



Заслуженный деятель искусств Беларуси Ким Тесаков в Союзе музыкальных деятелей. Февраль 2016 года.

появился позднее. А когда я начинал работать, там все было в ямах. И как только перед глазами возникала эта картина, я словно слышал отдаленные голоса. Женские голоса. Они то ли переговаривались между собой, то ли рассказывали о чем-то, или роптали, жаловались друг другу... Я вспоминал строчки гимна, известного людям моего поколения: «О Сталине мудром...» — строчки, наполненные для нас, сегодняшних, зловещей иронией. И во второй части симфонии появился этот сложный образ — зазвучал в голосах гобоя, валторны... На партитуре написано, что произведение посвящено памяти жертв сталинских репрессий.

В 1991 году меня за создание симфонии «Куропаты» отметили премией профсоюзов Беларуси. Ее играли в Москве, Ленинграде, Киеве, Днепропетровске, Нижнем Новгороде — благодаря все тому же искреннему пропагандисту творчества белорусских композиторов Юрию Ефимову. Но сыграл ее и всемирно знаменитый Евгений Светланов. Это отдельная история!»

В распоряжении Союза композиторов СССР было более двух десятков Домов творчества в разных уголках Советского Союза. Самый северный — в Карелии, на Ладожском озере, близ городка Сортавала. Ким Дмитриевич, как говорит он сам, — «страшно заядлый рыбак». Потому-то всем курортам предпочитал Сортавалу.

«Заядлые рыбаки в июне съезжались именно туда! Улов был всегда отличный: щука, окунь, плотва... До сих пор помню, как поймал плотву, которая весила целый килограмм и шестьсот граммов. У этой рыбы там удивительное розовое мясо... В Сортавале я познакомился с великим рыбаком — Евгением Федоровичем Светлановым (народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, дирижер, композитор, пианист. — ***С. Б.***). *В Доме творчества, даже посвящая время отдыху, профессиональных разговоров не избежать. Ему кто-то подсказал, что, мол, композитор Тесаков работал вот над такой сложной и актуальной темой. Светланов о Куропатах слышал, знал и заинтересовался моей симфонией. Уточнил, что запись произведения ему показывать не надо, хотел бы полистать ноты. Ознакомившись с тремя-четырьмя страницами партитуры, сказал: «Подходит. Но я в СССР практически не живу, поэтому ваша музыка будет исполнена в другой стране...» Я счел за честь уже то, что мои ноты держит в руках такой дирижер! Получив партитуру в 1991 году, Светланов исполнил симфонию «Куропаты» в 1992-м, и через некоторое время я получил афишу с его автографом: «Уважаемый маэстро, Вы написали сочинение мирового уровня».*

Казалось бы, годы активного творчества уже позади, да и филармонические дирижеры практически не интересуются нотами отечественных авторов, тем более — композиторов старшего поколения, если, конечно, нет особого повода.

Но время от времени — Ким Дмитриевич не делает из этого секрета — он получает неожиданный гонорар за исполнение своих произведений. Посетив учреждение, занимающееся охраной авторских прав, наш герой с удивлением узнал, что сегодня его музыку играют в 34 странах. Фортепианные пьесы, например, часто звучат в Польше. Кстати, в Польше не так и давно — в 2013 году — состоялся авторский концерт Кима Тесакова. В Краковской филармонии!

«Предыстория такая. После авторского концерта, который прошел в Минске, ко мне подошла дама, представилась директором филармонического оркестра из Кракова и предложила организовать там аналогичный вечер. А на тот минский концерт она попала благодаря случаю: приехала погостить к своей родной сестре, которая живет в Беларуси, работает в нашей столичной ДМШИ № 10 (где, кстати, мое творчество хорошо знают и популяризируют), и вот они решили вместе сходить в филармонию. В результате я через какое-то время поехал на пару дней в Краков. Польский оркестр подготовил два моих произведения: Цимбальный концерт и Концерт для гобоя, а в качестве солистов выступили белорусские музыканты. Даже не верил, что такое возможно: все расходы, связанные с нашим пребыванием, оплатили поляки, нас принимали как дорогих друзей, не скупились на комплименты, после концерта устроили банкет.

Вообще-то, начиная с 50-летнего юбилея, каждые пять лет проходит мой авторский концерт в Белгосфилармонии. В 2011 году, когда мне исполнилось 75, мы вместе с дирижером Андреем Галановым обсуждали юбилейную концертную программу, и он попросил для исполнения «Эпиталаму». Очень значимая для меня пьеса! Она написана для струнного состава, который дополняют колокола, арфа и фортепиано. Эпиталама, как известно, — это свадебная песнь, гимн любви. И обратился я к этому жанру не случайно. Был 1995 год. Приближался день рождения жены. Времени для выбора подарка было достаточно, а я начинал беспокоиться: никак не мог придумать, что же ей купить. Хотелось, чтобы поздравление получилось оригинальным, чтобы подарок ее и порадовал, и удивил. Почему-то вспомнился танец Майи Плисецкой, ее «Лебедь»... И решил я написать и подарить жене эпиталаму. Писал без клавира, без черновиков, отнес партитуру в оркестр. Через два месяца подарил, пригласив жену на премьеру в филармонию. «Эпиталама» исполнялась в концертах неоднократно, ее ноты у меня просили такие замечательные дирижеры, как Геннадий Проваторов, Анатолий Лапунов».

«Эпиталама» недавно вновь прозвучала в зале Белорусской государственной филармонии. Ей предшествовало исполнение симфонии № 4 «Куропаты». Оба произведения, таких разных, но равнозначных и знаковых для композитора, составили яркое авторское отделение концерта. Программу подготовил наш Академический симфонический оркестр, выступавший под управлением самоотверженного, сгорающего в музыке маэстро Анатолия Лапунова. Это была искренняя творческая дань 80-летию Кима Тесакова и первая часть большого симфонического вечера, приуроченного к XVI съезду Белорусского союза композиторов.

«Я многократно избирался в правление союза композиторов, а теперь вхожу в правление БСМД. Вступить в это объединение меня сагитировали коллеги, убедив, что поскольку в нем собралась наша музыкальная элита и активно занимается важными проблемами культуры, не следует оставаться в стороне. К сегодняшнему дню Союз композиторов, в котором я по-прежнему состою, перестал, по моему мнению, отвечать самому главному требованию. Главное — забота о молодежи. Молодых коллегах. Их не надо здесь учить музыке, им надо помогать, чем как раз и занимается Белорусский союз музыкальных деятелей. Сегодня это крупная общественная организация, почти две тысячи человек. Ее отделение есть и в моем родном Червене. Много музыки написано мною для детей и юношества, и почти вся она издана. «Белорусские сувениры» для фортепиано, «Акварели» для голоса и фортепиано, «Альбом юного пианиста», «Поющий рожок», «Дударыкі» для деревянных духовых инструментов, «Уроки

музыки» для виолончели и фортепиано... Конечно же, я курирую музыкальную школу в своем Червене, дружу с этим коллективом, поэтому все мои нотные издания там есть.

К 80-летию композитора земляки организовали его торжественную поездку на родину. В Центральной районной библиотеке прошла трогательная, по словам Кима Дмитриевича — очень теплая и содержательная творческая встреча; коллектив ДМШИ подготовил авторскую концертную программу. Юбилей Кима Тесакова отметила Национальная библиотека Беларуси: почти на протяжении месяца здесь экспонировалась выставка, давшая возможность не только познакомиться с изданиями произведений композитора, но и послушать некоторые из них в записи (более полутора десятков избранных крупных сочинений Тесакова представлено на компакт-дисках). Порадовало Кима Дмитриевича и официальное внимание: Министерство культуры отметило заслуги юбиляра своей высшей наградой — знаком за большой вклад в белорусскую культуру.

* * *

«У меня было много встреч с самой разной аудиторией, особенно в советское время. И очень часто слушатели задавали такой вопрос: «Ким Дмитриевич, а как вы пишете музыку? Понятно, что на бумаге и карандашом, но как это все получается, откуда берется?» В таких случаях я говорил, что не могу ответить. И действительно, что и как тут можно объяснить, если даже тебе самому непонятно? Пожалуй, единственное, что я заметил, садясь за инструмент и опуская руки на клавиатуру: когда мои пальцы идут туда, куда я не желаю, словно начинают вдруг играть вопреки моей воле и замыслу, — это и есть музыка, которая просится, чтобы ее записали. Невольно приходишь к выводу о том, что мы все — люди космоса, и космосом этим управляет Боженька... Хотя время меняет все, эти две сущности — вера во всевышнюю силу и музыка — в целом остаются неизменными.

Теперь живу в однокомнатной квартире рядом с лесом и озером. Встаю в шесть часов. Гимнастика, чашка кофе — и к письменному столу. За столом фиксирую то, что с вечера задумано или додумано за инструментом...

У меня нет сотового телефона. Зато есть три хобби, без которых не мыслю свою жизнь. Это рыбалка, сбор грибов и готовка — жене заниматься кухней не даю. Она врач-гинеколог высшей категории — можно считать, профессор. Трудится на полную силу, ее очень ценят на работе, не отпускают на отдых. И когда Тамара Ивановна, моя Тамарочка, собирается на работу, я готовлю завтрак и приглашаю ее к столу. Моя задача, чтобы это было вкусно, питательно и немного. Как известно, итальянский композитор Джоаккино Россини был выдающимся кулинаром. Еще не была написана его знаменитая опера «Севильский цирюльник», а уже считалось великой честью попасть к Россини на обед. Удивительное явление — кулинария. Это, несомненно, искусство!

Записывать музыку в последнее время тяжело: из-за проблем со зрением стал с трудом различать нотные строчки. На чьи-то услуги рассчитывать не приходится: 5—6 тысяч долларов стоит расписать оркестровое сочинение по партиям. Дорого стоит и сама партитурная бумага, которой нет, надо «доставать»... Но что бы ни случилось, музыка всегда со мной: люблю проводить время за инструментом, импровизировать».

Наш герой уверен: великая музыка переживет все. А как же иначе! Вопреки общепринятым суждениям, Ким Дмитриевич убежден, что время все-таки на стороне красоты. И все станет на свои места в нужное время.

Светлана БЕРЕСТЕНЬ

Фото автора и из архива Кима ТЕСАКОВА.

Искусство суждения

Анатолий Андреев

Вы все еще хотите стать писателем?

Эссе

1

Иногда меня приглашают выступить перед молодыми писателями (которых я упорно называю литераторами).

Не часто, но достаточно регулярно для того, чтобы однажды возник соблазн изложить свое видение писательства как культурного феномена, как тип жизнетворчества — изложить и оформить как «послание молодым», внятно и системно.

А зачем, собственно? Поделиться опытом? Всучить нечто сакральное? Секрет мастерства, например, который тут же научит их «писать»?

Нет занятия более бессмысленного, чем делиться тем, что у тебя взять не смогут, даже если очень захотят. Опыт — сын ошибок трудных, как известно, поэтому учиться лучше всего на собственном опыте. Однако есть еще *опыт познания*, «просвещенья дух», которым делиться необходимо. Дело в том, что опыт познания существует в форме писаных (или пока еще не писаных) законов. Опыт усвоения законов (по крайней мере, ориентация на законы) поможет оптимизировать собственный опыт, предвидеть «трудности», настраиваться на них. Попытка написать такого рода свод законов и мне не зазорна, и жаждущим познания полезна.

С молодыми, по моему глубокому убеждению, не стоит разговаривать на их языке — не стоит подстраиваться под них в надежде стать «своим парнем», то есть таким же амбициозным, легкомысленным и безответственным. Но вот градус искренности, честности и открытости должен быть созвучен их мироощущению — должен быть молодым, и не потому, что ты разговариваешь с молодыми, а потому, что этот градус всегда должен быть таким: с молодости и до самой смерти.

Итак, нет ничего честнее, беспощаднее и полезнее, чем *язык законов*. На этом языке и поговорим.

Вы хотите стать писателем?

Я не знаю, *как* стать писателем; но я знаю, *что такое* писатель и *что* надо сделать, чтобы стать писателем. Мне уже пора это знать, иначе зачем было писать, набираться опыта?

Что такое писатель?

Мой ответ таков: быть писателем — значит владеть умением создавать особого рода *текст* (пункт первый), который обладает *личностным* измерением (пункт второй). Два в одном. Тот, кто страстно желает быть писателем, вначале находится в статусе литератора — проходит испытательный срок в качестве ученика. Что значит быть учеником?

Это значит учиться точно и выразительно передавать свои чувства и мысли. Если чувства (мироощущение) и мысли (мировоззрение) достигнут когда-нибудь зрелости, то они станут достойны личности, и тогда у нас появляются основания говорить о рождении писателя.

Писатель — это литератор плюс личность.

Вот почему молодых да ранних «писателей» я называю литераторами. Исключения бывают и здесь, где их не бывает; только в этой сфере, в области «духа», бывают редчайшие исключения, по пальцам перечесть: сколько гениев — столько и исключений. Гений, как известно, парадоксов друг, поэтому закон литератора гласит: не торопись, а то успеешь.

Первый соблазн, который подстерегает литератора: текст, оказывается, можно представить как набор *техник*. То есть ученика можно научить пользоваться *приемами,* с помощью которых можно создавать текст.

Это если не шок, то колоссальное открытие для начинающих.

Да, это так: текст и техника исполнения — две вещи вполне совместные. Не станем скрывать или, хуже того, лицемерить. Оказывается, можно технично обозначить завязку, можно технично подвести к «ударной концовке»; можно овладеть портретной техникой персонажа; можно научиться технике диалога; можно повысить «культуру работы с деталью»; можно научиться приемам, с помощью которых выразительно описывать тишину, ночь, одиночество, любовь, даже смерть. Почему нет?

Можно научиться технике уклоняться от таких пугающих читателя категорий, как истина, личность, мышление и прочей никому не интересной зауми. Можно писать одними глаголами, можно избавиться от эпитетов, можно достичь искусства (путем упорного тренинга) обходиться во фразе количеством слов не более семи (видите ли, Его Величество Читатель изволит нервничать, ежели более семи); ну, семь так семь; можно заставить себя ужаться до шести. А до пяти?

Ну, если Читателю будет угодно… А то ведь, не дай бог, обидится: дескать, за кого вы меня принимаете, за дурака, что ли? В диапазоне от пяти до семи — в самый раз.

Можно, все это можно. Не стоит относиться к технике свысока.

Рано или поздно у искушенного литератора возникает ощущение, что техника может все. Да и не техника это вовсе, как выясняется, а креативное письмо (creativewriting). Посвящение в тайны ремесла. Весь цивилизованный мир давно этому обучается. К услугам жаждущих сотни учебных пособий. Таких «школ волшебства» в одной только Москве счет идет на десятки. Хотя обучение дорого. Но престижно — следовательно, дорогого стоит. В иные школы очередь желающих такова, что чуть ли не за год вперед записываться нужно. Искусство требует расторопности. И некоторых инвестиций, само собой.

В общем, постичь «стихов российских механизм», и даже «механизм прозы», оказывается, не так уж сложно. Во всяком случае, по силам даже тем, у кого и таланта никакого нет. Были бы деньги и желание стать писателем.

При этом корпоративная этика предписывает: надо делать вид, что «все эти штучки и разоблачения» должны остаться за кулисами, за кадром, читатель должен видеть только результат — сверкающий и переливающийся игрой смыслов текст.

Его Величество Текст. Ибо литература — это текст. Нет?

2

Нет. Литература — это текст, написанный личностью. Два в одном.

«Техника» и «механизм», как вскоре убедится прогрессирующий литератор, — это, в свою очередь, механизмы десакрализации текста, та самая «алгебра», аргументы которой бессильны против «гармонии». А где же божественный замес «гармонии», где «не трожьте музыку руками»? Где чудо и непостижимость таланта? Астральные улеты гения? Где непредсказуемость вдохновения? Мисти-

ка красоты? Где сакральное величие текста, униженного всякими там «техниками» и «механизмами»?

Сакральность и *непостижимость* творчества — это второй соблазн литератора. Такой подход поощряет пренебрежительное отношение к «ремесленной стороне дела», даже отрицание такой стороны по принципу «само все устроится, коли ты талантлив». Ежели бог поцеловал в лобик — пиши; если нет — то никакая техника не поможет. «Отделано четко и строго, по чувству — цыганская грусть», — вот завет бесконечно от природы одаренного Есенина.

К черту «отделанность», само «отделается», по щучьему велению, были бы «чувства»?

В даре Есенину никто не отказывает, а вот установку на его огранку предпочитают в упор не замечать — по крайней мере те, кто полагает, будто ученичество на пути к писательству — это лишнее.

Дар, конечно, важен, дар важнее техники — только что такое дар?

Вообще с этой «священной коровой» — сакральной стороной творчества — пора бы разобраться. Внести ясность в эту мутную водичку. Что выражает писатель с помощью техники?

Себя выражает. «Чувства». Самовыражается. Но что является содержанием самовыражения? Содержанием «чувств»?

Либо законы (результат самопознания) — либо забавное их отрицание (это когда самовыражение как таковое становится содержанием). Чтобы познать законы жизни и человека, надо научиться ответственно мыслить, то есть постоянно соотносить свои мысли с жизнью (объективной реальностью).

Но уже первые результаты самопознания обескураживают. Вот, пожалуйста: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Перед нами целых два закона. 1) Чувства (любые) рождаются в результате мышления. 2) Трезвый и беспощадный взгляд на человека («ума холодных наблюдений») неизбежно рождает «презрение».

Однако «Евгений Онегин» написан ради третьего закона, который отрицает (вбирает в себя) второй: если ты не обнаружил, за что следует уважать людей, зря ты их презирал.

А за что следует уважать человека?

Только за то, что он способен стать *личностью,* способен честно ответить себе на честно поставленные до тебя мировой культурой вопросы:

— что есть свобода?

— что есть счастье?

— что есть мера всех вещей?

— что есть истина?

Личность отдает себе отчет: ограничивает свободу то же, что делает ее безмерной — законы.

Личность никогда не спутает счастье с «покоем и волей».

Если мера всех вещей деньги, а не личность, зачем вообще писать? Есть бизнес и поприбыльнее.

Что есть истина? Неизвестно. Известно, однако, что истина реализует себя через законы. Через самопознание. Через личность.

Получается: если за словами писателя не стоит закон — грош цена словам. Кто жил и мыслил — только тот способен уважать человека.

Получается: способность стать *личностью* входит в понятие *одаренность писателя*.

Более того: личность становится *инструментом* писателя.

Я бы выразился еще более определенно: опыт стать личностью, стать умным, счастливым, свободным и при этом уцелеть — такой экзистенциальный опыт вменяется в обязанность писателя. Писатель обязан прожить содержательную жизнь, ибо романы пишутся экзистенциальными чернилами. Написал — и выдохся, если не сдох. Не страшно?

А ведь это самый распространенный нелитературный сюжет в жизни (про написал и сдулся).

И все же… Можно ли научить литератора быть писателем?

А можно научить тому, что материалом писателя, о чем бы он ни писал, становятся вечные ценности? Можно ли сделать человека умным?

Это редкий дар, между прочим. Именно так: жить, чутко откликаясь на присутствие рядом с тобой вечных ценностей, — это редчайшее явление. Пожалуй, можно развить врожденный дар тянуться к вечному с помощью мышления. В известном смысле — этому можно научиться. А вот научить…

Да и научиться можно только при определенных условиях — в школе жизни (применительно к нашему разговору). Для этого надо сменить лозунги. Реющий перед «школой волшебства» кумачовый плакат «Добро пожаловать в мир, где мифы важнее реальности!» придется снять и водрузить новый: «Добро пожаловать в чудесный мир (не путать со сказкой!) для того, чтобы сделать быль правдивой сказкой!»

Вы все еще хотите стать писателем?

В таком случае следует осознать масштаб вызова этого уникального призвания — быть писателем.

Не страшно?

3

Как все это соотносится с «техникой» и «механизмами»?

Дело вовсе не в технике как таковой, а в умении с помощью техники выражать личностное измерение (на литературном языке — в умении создавать стиль). Что это означает?

Это значит, что звездное небо над головой, например, увиденное глазами личности, будет выглядеть совсем не как небо, увиденное глазами ребенка или забитой старухи. Читателю будут представлены, по сути, три разных объекта, три неба, — три разных внутренних мира, соотнесенных с миром внешним. Иными словами, технику невозможно применить как хорошо закрепленный навык; писатель всегда сам изобретает необходимые ему технические приемы под конкретную задачу.

Чародеи-наставники школ литературного волшебства (в миру — успешные кудесники прозы и маги поэзии) как-то странно упускают из виду одно обстоятельство: если «креативное письмо» не превращается в искусство создавать стиль, то грош цена такой технике.

Возможно, они ничего не упускают из виду, поэтому сознательно опускают одну деталь: в своих учениках они видят не писателей, которые романы собираются писать, а литераторов, которые готовятся осуществлять «литературные проекты». Стряпать тексты. Много текстов. Писатель отличается от литератора-проектировщика (текстовика) так же, как барс от барсука. Писатель пишет всем своим существом — личностью; проектировщики имитируют то, чего у них нет, — мироощущение и мировоззрение личности. В проектах техника действительно заменяет стиль — имитирует стиль, я бы сказал. Вообще вся эта «как бы писательская» суррогатная деятельность носит сугубо имитационный характер: имитируется жизнь, личность, поиски истины, счастье — все на свете. Это лучший в мире способ убить литературу и заменить (подменить) ее чтивом, массовой литературой. Созданием и потреблением текстов.

Зачем, спрашивается?

Чтиво продается, а литература, увы, не очень. Маги и кудесники, мастера нюансов, в правилах литературы изменили всего один пунктик, а именно: мерой всех вещей они сделали деньги, а личность как вещество эфемерное, плохо поддающееся материализации, оставили не у дел.

Да-да, главный мотив, как всегда у людей, — деньги. Не личность, нет.

Мне могут возразить: литературе и личности следует искать свою нишу на рынке, коли все на свете продается. Что нельзя продать — того просто не существует. Закон рынка, нет?

В конце концов, есть еще один завет: не продается вдохновенье — но можно рукопись продать!

Можно. А можно ведь и не продать — так и остаться со вдохновеньем и рукописью, но без денег. У разбитого корыта, согласно еще одному актуальному завету. Нет-нет, уж лучше проект: так надежнее. Чтобы продать рукопись, сначала, что ни говори, надо «перепрофилировать» вдохновение. Опустить его с небес на почву «техники». Заставить его служить не искусству, а деньгам.

Продать вдохновение, если называть вещи своими именами.

Закон рынка убивает закон литературы: вот закон законов.

Вы все еще хотите стать писателем?

Запасайтесь иммунитетом к абсурду.

Ах, да: и мужеством.

4

Что прикажете делать в ситуации, если мужества хоть отбавляй и ничего не страшно?

Я давно уже не даю советов (давать совет — это ведь делиться опытом), но в данном случае рискну и все же отступлю от своего правила — так сказать, исключением закреплю правило.

Дам три совета.

Сначала я дам хороший, но опасный совет: читайте «Евгения Онегина», эту книгу книг, до тех пор, пока не поймете в ней главного. Если постичь главное, связанное с личностью, так и не удается, — значит, не судьба. Меняйте призвание, отрекайтесь от мечты — переходите в касту литераторов-проектировщиков. Честно служите маммоне, если слово «честно» в данном случае уместно.

Может случиться и такое: «Евгений Онегин» станет вашей главной книгой — и вследствие этого вы перестанете писать. Роман в стихах может не взрастить, а убить в вас писателя — если талант не слишком могуч.

Расстраиваться не стоит. Вы прожили жизнь не зря. Вы стали полноправным участником литературы как способа реализации личности. Актом отречения от литературы вы служите литературе, а не маммоне. Удачи.

Лучше не писать, нежели делать вид, что пишешь.

Писателя «Евгений Онегин» обогатит, графомана поставит на место, умного восхитит, глупца потешит. Каждый получит свое.

Теперь я дам плохой, но действенный совет: попробуйте написать всем своим существом (если есть чем писать) и спрячьте эту рукопись в стол. Если у вас получилось и вы удивили самого себя, вашу вещь все равно не напечатают. А для печати, для продажи (жить-то надо и репутацию писателя зарабатывать тоже надо) технично уберите все «лишнее», выпирающее из вашей личности. Одно дело, если точкой отсчета в творчестве становится рукопись в столе, и совсем иное — читательский спрос. Есть разница. В первом случае вы себя не предаете, хотя идете на компромисс; во втором вы предаете себя, продаете с потрохами свой талант и литературу. Ради денег, разумеется. Прикрываться читательским интересом для писателя — последнее дело.

Даже самые независимые писатели в конечном счете фатально зависимы. Весь вопрос в том, от чего они зависят.

«Зависеть от царя? Зависеть от народа?» Зависеть от истины?

Первые два пункта вуалируют зависимость от денег. Пункт третий делает вас свободным (именно так: зависеть от истины означает быть свободным, «незави-

симым») — и потому обрекает вас на служение таланту и литературе. Закабаляет раз и навсегда.

Вы все еще хотите стать писателем?

Тогда добро пожаловать в мир, где пишут, как живут, и живут, как пишут.

Здесь цена и мера всех вещей — личность.

5

И все-таки самый *чувствительный* пункт зависимости — «зависеть от народа». Народ, родина, патриотизм. Все меркнет перед патриотизмом: и счастье, и свобода. Разве патриотизм не есть сама истина?

Или нам уже патриотизм — не закон?

Что есть личность в сравнении с родиной?

Звук пустой. Вздор. Ноль.

Кстати, именно писатели-патриоты более других до боли ненавидят-презирают «технику» и всякие прочие «механизмы», которые, как им кажется, коварно отвлекают от главного — от служения отчизне. Идеологически индифферентная «техника» в этом контексте воспринимается — ни больше ни меньше — как происки врагов, как проявление информационной войны. Они (враги) хотят унизить нас до приема. Следовательно, с ними и с их «техникой» надо сражаться. Биться. Любовь к родине все спишет — в смысле, все напишет сама. Остальное приложится, образуется, отделается.

Патриоты не любят мелочей и нюансов. Они сразу очерчивают главное: литература — это и не тексты вовсе, а способ служить родине. Все прочее — от лукавого.

Поскольку с патриотами спорить очень трудно, постараемся вступить в диалог. Прежде всего, согласимся: литература действительно может быть способом служения; например, родине. А может — красоте (тому самому дьявольскому культу стиля). А может — народу. Богу. Себе любимому.

Да чему угодно. Способ — он и есть способ. Средство. Не цель и не содержание.

Вы как бы служите литературе, а литература без всяких как бы — стране (и миру, если от державы что-нибудь останется). Литература — служанка. Красоты, добра, народа — неважно; важно — что служанка.

Как ни прискорбно слышать это патриотам, готовым бросить в топку патриотизма не только литературу, но и саму жизнь (в том числе свою, отдадим им должное), литература может быть *способом познания* и в качестве такового превращается из средства — в цель.

Литература может быть и не служанкой. И, что еще хуже, — без претензий стать Госпожой.

Служить истине — нельзя. Тип отношения с истиной — не служба (преданное служение становится главным достоинством при вассальной зависимости; ах, это сладкое слово — зависимость!). И не дружба. Тип отношения с истиной — ничего личного: не плакать, не смеяться, не ненавидеть — а понимать.

Литература может быть высшей культурной ценностью, связанной более с личностью и истиной, нежели с патриотизмом (частным моментом реализации личности).

Думаю, именно это раздражает патриотов всех мастей — не «техника», не враги, а то, что литература им неподвластна, что она не способ служить, а способ прикоснуться к сути вещей.

Если кому-то покажется, что я здесь выступаю против патриотизма, вынужден разочаровать: это не так. Более того, я недвусмысленно за патриотизм.

Только патриотизм патриотизму рознь. Литература, подлинная литература экстра-класса, культивирует патриотизм особого рода: «Люблю отчизну я, но странною любовью!»

Странною — с точки зрения простых (далеких от культуры) патриотов, которые исповедуют немудреную формулу «патриотизм минус мышление». В сухом остатке — примитивный патриотизм, местный (чем меньше родина, в идеале сводимая к привязке к местности, к родимому пятачку, — тем больше патриотизм). Иррациональный, природно-зоологический. Из такого низкопробного «пятачкового» патриотизма получается фашизм высшей пробы.

А теперь оценим такую странность: самые частные истории (Онегин, Печорин, Обломов) стали «энциклопедиями русской жизни», вполне себе патриотичными. Почему?

«Евгений Онегин» стал величайшим образцом патриотизма потому, что это патриотизм сквозь призму личности: любовь к истине порождает любовь к миру, которая рождает любовь к родине, которая питает личность, стремящуюся к познанию. Это странно, но это правильно.

В романе в стихах патриотизм конкретно выражается в том, что весь строй мышления романа (и самого Онегина, и личности автора) направлен на утверждение европейских ценностей. Умом человека (Россию, мир — кого угодно и что угодно) не понять — это не про Онегина, который исповедует культ мышления в противовес иррациональному «в Россию можно только верить». Если развернуть и совместить логические цепочки, пронизывающие роман, окажется именно так: Россия — это Европа. Чем не формула патриотизма?

Способ постижения истины становится способом воспитания патриота.

Следовательно, такой русский Онегин одновременно проявляет себя и как всечеловек (и это прежде всего). «Узким», узкомыслящим борцам за родные осины (болота, березы и т. д.) патриотизм личности кажется предательством.

Тип мышления, строй мысли, тип духовности, характер цивилизации, наконец, — все это становится формой проявления патриотизма. Именно качество мышления определяет качество патриотизма. «Кто жил и мыслил», тот не станет зацикливаться на местечково-пятачковом патриотизме (хотя и не станет отрицать его как составляющую многомерного чувства любви к родине).

Умный, следовательно, критический патриотизм — это многослойное чувство, умное, опять же («странное»); оно направлено на укрепление страны, а не разрушение ее под сладкие байки о лучшем на свете нашем только на том основании, что оно наше. Патриотизм — это любовь ко всему лучшему на свете, которое необходимо привить своей родной стране. Сначала добыть (познать) — а потом привить. Патриотизм — это вселенская история, и только потом (вследствие этого) местная. Никак не наоборот.

Вот почему носителем высшего типа патриотизма выступает личность, но уж никак не человек в шкуре патриота. Самопознание — это еще не патриотизм как таковой, однако это самая надежная основа патриотизма. Что же касается не рассуждающей простоты патриотов, то она, выражаясь народным русским, хуже воровства. Эта простота губительна для страны.

Кого люблю — того гублю?

Лихо, но глупо.

Отдельные личности и родина — это как деревья и лес. Можно за деревьями не видеть леса, а можно в лесу не различать деревья. А надо бы за деревьями видеть лес.

Ergo: если ты писатель-личность, тебя могут вообще не заметить. Слишком это все масштабно. И заметят ли, оценят ли когда-нибудь — большой вопрос. Писатель — это очень высокая культурная ставка. Выше не бывает. И риск так и не пополнить собственной персоной недлинные и нестройные ряды писателей, соответственно, колоссальный. Писал, писал — а все без толку. Писал — но не вписался. Как вам такой поворот сюжета?

А теперь последний совет, возможно, самый безответственный.

Посмотрите себе в глаза и ответственно спросите: «Я все еще хочу стать писателем?»

Искусство суждения

Георгий КИСЕЛЕВ

«Есть странные люди — поэты...»

Всегда с надеждой на открытие переворачиваешь страницы новой поэтической книги. С надеждой и невольным опасением, даже страхом, ну а если красивая обложка и прекрасно выполненная полиграфия — это и есть самое лучшее в книге?

И как же легко становится на сердце, когда видишь, что надежда твоя не беспочвенна и первые же строчки заставляют или задуматься, или удивиться, или активно приглашают тебя в мир, сотворенный и обжитый автором книги.

Сколько читателей, столько и разных предпочтений при знакомстве с новой книгой. Одни любят раскрыть книгу наугад и прочитать несколько строк, другие выбирают стихи для первого знакомства по оглавлению, третьи, наиболее усердные, начинают чтение с первой страницы. Попробую сегодня уподобиться третьим, тем, которые любят во всем быть обстоятельными и последовательными.

«Ты знайдзі мяне»

Начну знакомство с неизвестным мне ранее автором Ольгой Гронской именно с первых страниц ее книги «АдВольная міфалогія», изданной в 2013 году «Беларускім Домам друку». Более того — с первого стихотворения.

Добрай раніцы Вам, Васпане! Вялікі Ра
ўжо прачнуўся і варыць каву сярод аблокаў.
Ці Вы чулі? Дзясяты месяц календара
з намі хоча сыграць навыпярэдкі ў судоку:
вымалёўвае колькасць ростаняў і сустрэч
каляровым алоўкам у тонкім вучнёўскім сшытку.

Вы не верыце мне? Дарэмна, бо насамрэч
гэта так, і мы зноў губляемся між адбіткаў,
мільгаценняў, хаценняў, ценяў, адценняў, ад
шапацення сухога лісця губляем розум…
Гэты месяц, гаркава-крохкі, як шакалад,
абуджае ад летаргіі нас, ад наркозу,
расфарбоўвае манахромныя клеткі дзён
(Вы не ў чорным ужо, а я не ў цнатліва белым),
І мы з Вамі сам-насам, ды толькі не побач — ён,
гэты дзіўны кастрычнік, між намі стаіць прабелам.
І мы можам імкнуцца ўверх, у агні згараць,
у далоні лавіць спатканняў нячастых кроплі…
Ды з аблокаў за намі сочыць Вялікі Ра,
расстаўляючы паўзы і шматкроп'і.

Первое место в сборнике и почетное, и ответственное. Очевидно, что автор ставит сюда стихотворение не лишь бы какое, а несущее особую смысловую нагрузку, своего рода сжатую, как пружина, программу всей книги. Это сродни первой фразе, которую произносит человек, входя в круг незнакомых людей. Уже исходя из нее зачастую можно сделать предположение о степени его общей культуры, о его эмоциональной отзывчивости или сдержанности, о свойствах его характера в целом.

Здесь же перед нами словесная ткань, составленная из множества фраз, скрепленных и единым ритмом, и созвучиями.

По первому впечатлению, это довольно непростое стихотворение, даже более того, замысловатое, в котором автор предпочел зашифровать свои отношения с неким господином, названным по-шляхетски, на манер XIX века, Васпане. Это обращение к современному человеку уже сообщает стихотворению как бы патину старинности, переводит его содержание в прошедшее, длящееся до сего времени. И почему бы тогда не стать реальностью и древнему египетскому богу солнца Ра? Только вопрос: он здесь упомянут для антуража или его появление в этом стихотворении глубоко осмысленно?

И для чего здесь упомянута полонившая весь мир японская игра в судоку, популярная головоломка с числами, которая значительно потеснила все прочие игры одиноких людей, в том числе и кроссворды? Во свидетельство предельного одиночества лирической героини стихотворения?

Эти вопросы сразу же встали передо мной и остались без ответа. Вероятно, Ольга Гронская дает на них ответ всей своей книгой. Пока же отметим, что между героями стоит пробелом горьковатый, хрупкий, как шоколад, месяц октябрь.

Мы гуляем у хованкі. Сёння шукаць табе.
Палічы ўслых да сотні — і можаш ісці наперад.
Ты з заплечнікам гэтым вялікім, як карабель,
замест стрэлкі ад компаса — пасмачка на ілбе.

Я магу быць далёка, блізка, і там, і тут,
сыпаць кроп і чабор у страву
з прыгожай назвай,
шыць пунсовыя ветразі, марыць пра Галівуд,
ратаваць ад тугі, выносіць камусь прысуд,
усміхацца спляценнем літар, радкоў і сказаў.

Я магу ваяваць. Або вальсаваць. Дальбог,
часам розніцы мала. Бо так ці інакш, палонны,
калі скончыцца ўсё, ты моўчкі ўпадзеш ля ног—
быццам нейкі міфічна-велічны аднарог
перад поўнай пяшчоты постаццю Абелоны.

Ты знайдзі мяне. Па сівым ланцужку слядоў,
па працягласці ценяў, па рэху забытых песняў,
што гучыць увушшу ледзь гучным бясконцым «до».
Я схавалася і чакаю цябе, Гадо.
І я веру — ты прыйдзеш. Сёння. Ці напрадвесні.

Опять повествование, перегруженное аллюзиями из литературы. Кто такие Годо или Абелона — знают только люди с филологическим образованием. Сначала — о Годо. Герои этой невероятно модернистской пьесы ирландского драматурга Сэмюэла Беккета (кстати, Нобелевского лауреата) «В ожидании Годо» ждут этого неведомого персонажа на протяжении всей пьесы как избавителя от пошлости и унижений убогого существования, где даже старые поношенные ботинки воспринимаются как атрибут человеческого достоинства.

Весь фокус в том, что ожидание оканчивается ничем: Годо так и не появляется. И перетаскивая это болезненное и несбыточное ожидание в свое сти-

хотворение, поэтесса как бы ставит окончательный диагноз отношениям со своим лирическим антиподом: вера безмерна, надежда хрупка — Годо вряд ли придет — ни на исходе зимы, ни — тем более — сегодня.

Имя Абелона отсылает нас к роману великого немецкого поэта Райнера Мария Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге». Абелона — это третьестепенный персонаж этого многопланового произведения. Абелона была бедной и непривлекательной девушкой, ютившейся на правах приживалки в доме своих аристократических родственников Бригге. И ненадолго расцвела, когда на нее обратил внимание взрослеющий сын хозяйки дома Мальте. Но этот короткий расцвет, вспышка чувства кончаются ничем. Она возвращается в свое привычное жалкое состояние всеми помыкаемой служанки.

Но может быть, Ольга Гронская имеет в виду не этот литературный персонаж, а героиню песни об Абелоне, кстати, написанной бардом Ю. Вайханским на слова все того же Райнера Рильке. А может быть, у этого образа другой литературный источник. Во всяком случае, мифа об Абелоне и единороге мне пока найти не удалось.

Прибавим к этим филологическим отсылкам еще и «Алые паруса» А. Грина, Медею с Ясоном и семитско-финикийско-греческую богиню любви и плодородия Астарту. Короче, демонстративно выпирающая начитанность. Похоже, что литература настолько пропитывает жизнь автора, что жизнь уже, и творческая, и личная, становится без литературы невозможной. И углубленность жизни в литературу дает первой возможность быть более интенсивной в чувствах и мыслях, иметь опыт, лично не пережитый.

Литературные аллюзии оберегают повествование от дотошной описательности. Упоминание того или иного литературного героя порой заменяет описание целого букета переживаний героини. Но, конечно, все хорошо в меру…

А теперь процитирую, пожалуй, самое литературное стихотворение Ольги Чеславовны:

Штодня — уверсе. Там, дзе небасхіл
намаляваны промнем лазурыта
і белай штучнай парай. Я — Рахіль,
Ліліт, Касандра, Ева, Маргарыта,
я — Федра, закаханая ў таго,
хто быць маім не зможа апрыёры,
спяваю Ларалеяй з берагоў,
вандроўнікаў сірэнай клічу ў мора…
Мая душа — вянок жаночых душ,
акрэсленых на аркушы алоўкам.
Я, раўнавагу страціўшы, иду
пад столлю. Па канаце. Без страхоўкі.
А ты стаіш унізе, як маяк:
руды парык і вопратка паяца.
І ўсмешка блазнаватая твая
мне ў бездань не дае ізноў сарвацца.

Каково это — чувствовать воплощенными в своей душе целую галерею столь пленительных и столь разных женских образов, от библейских до национально-мифологических, за каждым из которых устоявшееся веками представление о типах женских характеров. Как это можно вместить в себя и совместить в себе, в женщине первой трети XXI века! Но поэзии все под силу. И Ольга Гронская, избегая развернутой многословной характеристики образа своей лирической героини, дает только ее координаты в литературном пространстве. Стало быть, красива лицом и станом, как Рахиль, пламенна любовью, как Федра, прозорлива, словно Кассандра, чиста душой, как Маргарита (очевидно, из «Фауста» Гёте), пленительна и коварна, как Лорелея. Относительно Лилит и Евы, библейских красавиц, я не могу назвать определяющих их качеств характера. Попробуйте сами!

И вот само воплощение Красоты и Духа идет по канату своего чувства над бездной непонимания и неприятия лирическим героем в образе рыжеволосого паяца. Что и говорить, красивый и эпатажный эпизод во взаимоотношениях героев. И само чувство поднято на эту страшную высоту, с которой так легко упасть.

Впрочем, что это я взялся пересказывать стихи! Ведь настоящие стихи, которые мы называем поэзией, пересказать невозможно.

Я уже писал в предыдущих статьях о женской лирике, что наши поэтессы изобретательны в изображении любви, уже прошедшей или невзаимной, когда остывшим от чувства разумом разбирают по косточкам историю своей любви и выносят безжалостный приговор своим лирическим героям. В том же примерно аспекте пишет о любви и Ольга Гронская. Можно только сожалеть, что судьба не предоставила ей возможности писать внутри самого чувства.

Но исследует она незавидное прошлое любви с честностью естествоиспытателя, ничего не утаивая ни от читателя, ни тем более от себя, и нисколько не жалеет свою лирическую героиню.

Намалюй мяне крэйдай
або васковым алоўкам
на кавалку старых шпалераў,
на знойдзенай абгортцы,
сярод формул, радкоў рэферату,
спісу патрэбных прадуктаў,
накідаў нейкіх вершаў,
выпісак з вартых кніжак.

Намалюй пэрарывістай лініяй,
кропкамі, ценем ад ценю.

Бо я — чарнавы варыянт
той, што табе сапраўды патрэбны.

Кто бы это из нынешних девушек и женщин согласился считать себя черновиком той неизвестной красавицы, которая небходима их любимому?! Более чем трезвый взгляд на свою особу, более того — самоуничижение вплоть до жертвенности. Редкое качество для современной женщины.

Не могу я пройти мимо образа птицы-птушки. Непременно залетающей в стихи наших современниц. Может быть, с легкой руки нашей полесской ласточки Евгении Янищиц.

Глушь темных пущ
            и рощ светлицы
Мне по душе. Их облетев,
Я неприрученною птицей
Живу меж молний и дерев.

Примеряет на себя крылья свободы, как оказывается, призрачной, и Ольга Гронская:

…І я стану птушкай.
Пасадзі мяне ў човен сваіх далоняў,
закалыхвай і гушкай.
Дакрануся крылом да заўчасна
ссівелае скроні —
следу бескампраміснай вайны.
Шматгадовай. З самой сабой.
У якой кожны бой
пераходзіў штоночы ў жахлівыя сны…

…Ты перамог, мой мілы. Канец. І сёння
знішчыла ўсе сляды таго ліхалецця.
Мы з табой засталіся адныя
на ўсёй планеце

Пасадзі мяне ў човен сваіх далоняў…

Невольно посочувствуешь героине, проигравшей войну гордынь, сражение неприступных характеров, но проигравшей с достоинством и с просьбой о пощаде. Однако же горькая это была война, если ее можно назвать лихолетьем.

Всегда ищу, даже в книжках сугубо лирических, строчки о родовых корнях поэта, о его большой и малой родине. Потому что как бы ни образован был поэт, как бы ни начитан, какими бы высокими идеями он ни вдохновлялся, но если в его книжке нет ни одной строчки о Радзіме-Родине, пусть даже с маленькой буквы, то у него нет опоры не только географической, но и нравственной.

Книжка Ольги Гронской «АдВольная міфалогія» построена очень замысловато: тридцать страниц занимают стихи на белорусском языке и ровно столько же — на русском. На все вкусы. И что любопытно: русские стихи столь же интересны, что и белорусские. И они продолжают ту же тему, так выпукло заявленную в первой половине книги, — тему фатального, чем-то или кем-то предопределенного отчуждения одного участника любовного поединка от другого. Вчитаемся же в первое стихотворение, открывающее русскоязычную часть книги.

Время чая и близости незакавыченной.
Вечер гасит в глазах твоих
звезды и прошлое.
Можно выйти в октябрь
прогуляться по площади,
Можно выйти за рамки зеркал и привычного.

Посидим, глядя в ночь, не смущаясь молчания.
Надоест — пересядем в трамвай заблудившийся.
В темноте за окном, паутиной сгустившейся,
Эхо чьих-то шагов прозвучит обещанием.

Где-то я растеряла запас своей прочности:
Чай согреет ладони, но дождь под ресницами,
Может быть, это нежность
мне попросту снится, и
мы — две чуждые вселенные
на краешке пропасти.

Как видим, смены настроения или даже больше — мироощущения не произошло. От печальной сентенции: «Мы з табой засталіся адныя на ўсёй планеце» до констатации: «Мы — две чуждые вселенные на краешке пропасти» расстояние не больше, чем от дома, в котором ты живешь, до угла улицы. Уже и так сочувствуешь лирической героине, судя по характеристике ее, женщине ранимой, наделенной тонким восприятием не только всего прекрасного, но и чуткой ко всем “изгибам” психологии, так переживаешь вместе с ней, что этот «дождь под ресницами», кажется, уже ощущаешь у себя на щеках.

А лирического визави этой героини, честное слово, хочется назвать самыми мерзкими словами, если бы… если бы мы сами, читатель, были безупречны в подобных ситуациях в нашу прошлую молодую пору. Как говорится, увы и ах! Так что кто из нас может бросить камень в этого молодого человека, который, видимо, не оценил по совести этой «незакавыченной близости» своей девушки и позволил ей встать без страховки и на канат отчаяния, и даже на краешек пропасти. И где найти альтернативу этой патовой ситуации, не изменяя правил игры? И Ольга Гронская, и ее героиня, кажется, догадываются, но эта догадка ведь стоит жизни, по крайне мере, для героини.

Альтернатива звучит альтом
в хоре возможных судеб.
Есть только шаг, а за ним — ничто.
И ни один из судей
Не рассмеется тебе в лицо,
приговорив к расстрелу,
Так замыкается жизнь в кольцо,
сжатое до предела.

Стен органиченность, как тюрьма
или как будто кокон.
Смотрят морщинистые дома,
щуря глазницы окон,
Как ты по зеркалу луж идешь,
небо дробя на части,
А на губах твоих — спирт и дождь,
и невозможность счастья.

Лестниц эшеровские миры
гонят тебя все выше.
Полностью правила той игры
ведомы только крышам.
Но оставляя одну из вех
(книжный формат, в офсете),
Можно ведь прыгнуть не вниз, а вверх.
И превратиться в ветер.

«Эшеровские миры» требуют пояснения для не слишком проникнутого в мировую культуру читателя.

Мауриц Корнелис Эшер (1898—1972) — знаменитый нидерландский художник-график. Известен, прежде всего, своими концептуальными литографиями, гравюрами на дереве и металле, в которых он мастерски исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии, а также особенности психологического восприятия сложных трехмерных объектов, самый яркий представитель имп-арта.

Красиво это сказано — превратиться в ветер. Ах, если бы это было возможно реально, сколько горячих голов, испытавших в любви фиаско, было бы спасено! Лирической героине стихов Ольги Гронской и самой уже надоела эта «бескомпромиссная война с самой собой» и любовь по правилам интеллектуальной игры, типа игры в судоку, в которой герои прячутся за интернетные псевдонимы, называемые никами. Хочется чего-то попроще и пореальней.

Я знаю тебя по нику,
по запаху — не найду.
А хочется земляникой
расти у тебя в саду,
стать тонкой цветущей вишней,
росою на стебельке,
жуком, что почти неслышно
ползет по твоей руке.
Так хочется нараспашку,
наотмашь, навзрыд, насквозь,
чтоб греться в твоей рубашке,
вдыхать аромат волос…

Но мы в паутине таем
тенями пустых лексем.
Тебя я по нику знаю,
не зная тебя совсем.

Мне вместе с читателями поэзии Ольги Гронской хочется надеяться, что взамен таинственного «ника» в жизни ее лирической героини появится все же некий взаправдашний «Николай» или реальный достойный человек под другим именем, который оценит и будет любить всю ее «нараспашку, наотмашь, навзрыд и насквозь». Ольга Чеславовна, видимо, решила именно в этом стихотворении поразить читателей знанием всех наречий русского языка, начинающихся со слога «на». Но мне, сермяжному, почему-то кажется, что слово «наотмашь» в этом ряду не на месте, так как применяется чаще всего с глаголом «бить». Впрочем, кто его знает, может, оно как раз в ходу у нынешней молодежи: сначала нараспашку, а потом наотмашь, а дальше в сцене бурных объяснений навзрыд, а потом заявление, что некая «она» видит некоего «его» насквозь.

И все же, выйдя за рамки привычного вместе с лирической героиней и пройдя мимо морщинистых домов с темными глазницами окон, и накатавшись в гумилевском заблудившемся трамвае, и постояв с ней без страховки и на канате, и на краю пропасти, остережем ее превращаться в ветер методом прыжка с крыши вверх. С ветром надо быть осторожнее и ласковее…

Расплету русые косы,
заплету в волосы ветер.
Задавать буду вопросы,
но на них мне не ответят
ни рассвет, ярок и светел,
ни закат, нежен и ласков.
Лишь весь день петь будет ветер,
заплетать жизнь мою в сказку.

Вот и пожелаем в конце той рецензии автору книги «АдВольная міфалогія» написать следующую книгу не в обнимку с филологией, а дуэтом на два голоса с ветром, который, очевидно, знает ответы на все ее смятенные вопросы. Может быть, и действительно из этого двухголосия и родится сказка со счастливым концом. А почему бы и нет?

«Счастье — это вера в Бога»

С усталостью от интеллектуальных сложностей и незакавыченных чувств к книжке Елены Михаленко приникаешь с надеждой оттаять душой и отведать чистоты и гармонии, не словесной только, а жизненной. И книга называется многообещающе «Я — не чужая». Вероятно, чему и кому не чужая, мы узнаем, перевернув последнюю страницу. Поскольку дал себе правило в этой статье — начинать чтение с первого стихотворения, познакомлю Вас, читатель, именно с ним. Кстати, первый раздел книги, словно в перекличку с Ольгой Гронской, называется «Я могу разговаривать с ветром». У первого стихотворения Елены Михаленко очень обязывающий заголовок — «Размышления о смерти в двадцать лет»:

Ни вопросов, ни усмешек.
Груз не давит плечи мне:
Годы мчатся безуспешно,
Но осознанно вполне.

Мне доподлинно известно,
Что настанет день такой —
Жизнь закружится невестой
И смахнет меня фатой.

Я тогда рюкзак возьму,
Выйду из дому во тьму,

В никуда я зашагаю,
Никогда туда приду.

В этом самом никуда
Будет чистая вода,
Сяду я перед ключом,
Буду думать ни о чем…

Когда перед глазами возникает такая родниковая поэзия, такой взаимопроникающей простоты и сложности, то сразу и не знаешь, что сказать и что написать. Главное, никакой трагедии в разрешении главного вопроса жизни, философия жизнерадостного принятия ее конца, народная прибаутка, за которой столько жизнестойкости. Стихотворение запоминается с первого прочтения и заряжает оптимизмом. А что еще нужно от поэзии?

Словно вдохнул свежего воздуха, выйдя из душного помещения. Хотя у предыдущего автора хватало и улиц, и прогулок, и ветра, а вот поди ж ты — впечатление духоты осталось.

Елена Михаленко с первых страниц не играет в сложность, а старается полностью раскрыться перед читателем, вероятно, для того, чтобы вызвать его ответное доверие.

— Ты узнать меня хочешь, какая?
Ну смелее, дружок, узнавай!
Я обычная, я городская,
Я люблю дребезжащий трамвай,
Блеск таинственно-пышных залов,
Шелест листьев в машинном плену,
Суету всевозможных вокзалов,
Телефонных звонков кутерьму,
Пестроту и круженье столицы,
Тишину уцелевших церквей
И космический отблеск на лицах
В дивном свете ночных фонарей.

…Я могу разговаривать с ветром
И часами шептаться с травой,
И с колючей еловою веткой
Взяться за руки, словно с сестрой.
Твердо веря в удачу и случай,
Я не плачу почти ни о чем —
Я печаль раздаю серым тучам,
Пусть прольется негромким дождем.

Далее поэтесса пишет, что она старается каждый год побывать в горах, куда уходит, «как в святую обитель, как на исповедь перед собой». Ну что ж, портрет нарисован симпатичный, трудно им не залюбоваться. Правда, некоторые строчки автопортрета говорят скорее о недостатке, чем о достоинстве: «Я не плачу почти ни о чем». Это свидетельство бедности эмоциональной жизни. Но, наверное, стихотворение родилось в том благословенном возрасте автора, когда еще плакать было особо не о чем: родители живы, любимый человек в наличии, работа интересная и т. д.

Имея в собеседниках ветер, трудно не заразиться ветренностью. Или стать таким, о котором говорят: у него ветер в голове. Но обе эти крайности не для Елены Михаленко. Ветер для нее — это голос далеких просторов, зов романтики, признак превознесения души над земной суетой:

Хватает ветер всех тревожно за подол.
Его ругают: мол, и холоден, и зол…
А он не зол, он просто хочет всем сказать:
— Ну поднимите же, пожалуйста, глаза!
Там сейчас зажигаются звезды…

Правда, это выражено несколько по-детски, но детскость восприятия и выражения жизни в творчестве Елены Михаленко — это такое бесценное качество ее манеры жить и писать, которое, мне кажется, позволяет понимать ее стихи в равной степени и взрослым, и детям.

Счастье

Не боюсь быть непутевой,
Неудачливой и странной,
На дороге к жизни новой
Не бывает слишком рано.

Счастье — это очень просто.
Счастье — это очень много.
Счастье — это солнце, звезды,
Счастье — это вера в Бога…

Жить на свете так занятно,
Птицею душа летает.
Хочется весь мир обнять мне,
Только силы не хватает.

Подойду к кроватке детской
И поправлю одеяло.
И такая радость в сердце…
Разве этого мне мало?

Такой простой рецепт счастья: вера в Бога и собственное дитя. Здесь даже совсем не упоминается мужчина в роли любимого человека и отца ребенка. Конечно, если этот неназванный субъект в наличии, то это замечательно. Но и без него, утверждает автор, женщина может быть счастливой. Поскольку есть и солнце, и звезды, и душа, стремящаяся обнять весь мир.

И ее совершенно не заботит, кем ее считают окружающие — непутевой, неудачливой или успешной, фартовой.

Ощущение счастья к лирической героине Елены Михаленко не пришло само собой. Жизнь ведь не из одних восторгов и праздников состоит.

Зачем себя мучить воспоминаньями?
Зачем испытывать память на верность?
Зачем это вечное узнавание,
Что все ушедшее еще есть в нас?

Воспоминания облегчают.
Так письмо, разгораясь,
Невесомым становится пеплом.
Воспоминания очищают.
Так сталь, раскаляясь.
Из серой становится белой…

…И от подлости охранит — память.
И любви каждый миг сохранит память.
Друг надежный в тяжелой беде — память.
И судья в самом страшном суде — Память.

Нет, покоя, забвенья не жди.
Копоть, грязь не смывают дожди.
Только лужи просохнут — опять.
Грязь всегда тяжело оттирать…

«Грязь всегда тяжело оттирать», — повторим мы вместе с автором эту вроде бы простую истину. С души, с сердца — особенно трудно. И в этом, как полагает

Елена Иосифовна, человеку может помочь память и с маленькой, и с большой буквы. Только память честная перед самим собой, не оправдывающая прошлые проступки и грехи и не извиняющая их, а Память как «судья в самом страшном суде». Такую память пробуждает в человеке христианская вера. И даже когда Господь через исповедь перед священником прощает тебе твое грешное прошлое, память остается на службе у совести. И Елена Михаленко в стихотворении «Исповедь» показывает как бы образец такого обнажения души кающегося человека.

Господи, прости меня
Грешную, заблудшую.
Господи, прости меня,
Слабую, тщедушную.

Господи, прости меня.
Гневную, спесивую.
Господи, прости меня,
Сонную, ленивую.

Господи, прости меня,
Гордую, тщеславную.
Господи, прости меня,
Злую, своенравную.

Господи, прости меня,
Корыстолюбивую.
Господи, прости меня,
Столь нетерпеливую.

Господи, прости меня,
Блудную, болтливую.
Господи, спаси мою
Душу нерадивую.

В общем-то, это, конечно, поэтический вариант исповеди слишком общий. В реальности человек кается в конкретных своих проступках, и во вчерашних, и в сегодняшних. Но признать себя тщеславной, злой и корыстолюбивой, да еще и привести конкретные примеры своих прегрешений, дано не каждой христианке. И тут необходимы и страх Господень, и совесть превыше стыда. Знаю это по себе. А если зашла речь о жизни по совести, то ведь примеры ее нам оставили в Священном Писании и Предании люди, достигшие святости уже на земле.

Над обителью твоей небо синее,
Самый чудный рассветный час.
— Преподобная мати Евфросиния,
Моли Бога о нас!..

Поднимаюсь в убогую келию,
Сколько видели камни сии!
Как ходить здесь, грешная, смею я,
Где ступали ноги твои?

Просияла ты, преподобная,
Силой веры и святостью дел.
Жизнь отвергнув земную, удобную,
И небесный избрав удел...

Здесь, в обители, тишина, покой,
Несказанная благодать.
Богомольцы сюда текут рекой,
Чтоб с молитвой к тебе припасть.

Раскачают монахини колокол,
И из тонких девичьих рук
Над святою землею Полоцкой
Благовест поплывёт вокруг.

Утешенье нашла отныне я
И в скорбях твержу всякий раз:
— Преподобная мати Евфросиния,
Моли Бога о нас!..

Вроде бы неплохое стихотворение и все в контексте христианской молитвы, но третья строфа об образе жизни преподобной, где упоминается святость ее дел, дальше требовала конкретики в четвертой и последующих строфах. Вместо этого автор перешла на описание жизни обители. Стихотворение явно разламывается на две части.

Мне особенно импонирует стихотворение Елены о моем небесном заступнике — святом великомученике Георгии.

Мчится, мчится белый конь,
На коне — святой Георгий.
Плащ багряный, как огонь.
Взгляд очей чудесных строгий.

Острое копье вонзив,
Он недрогнувшей рукою
Змея злобного разит,
Возмутителя покоя.

Злое чудище лежит
При последнем издыханье.
Преисподняя дрожит.
Мчится, мчится светлый всадник.

Собственно говоря, здесь очень точно описана икона святого воина. Единственный недостаток — небольшое неуважение к грамматике: «Острое копье вонзив». А куда — не сказано. Ясно, что в змея, но фраза должна быть завершена по законам русского языка.

Заслуживает похвалы стремление поэта к немногословию и краткости. Уметь сказать главное, раскрыть тему в трех-четырех строфах — это тоже Божий дар. Вот стихотворение «В белорусском лесу»:

Я люблю вечерний лес
Под закатными лучами.
В нем стоишь, как будто в храме
Средь невиданных чудес.

К небесам возносят кроны
Сосен медные стволы.
Из немыслимой дали
Вдруг послышатся мне звоны.

И прекрасный фимиам
Из смолы, грибов и ягод,
Что так мил душе и сладок,
Наполняет этот храм.

Хотя и в этом милом стихотворении не все меня устраивает. Это «фимиам из смолы, грибов и ягод». Здесь пропущено одно слово. Фимиам из **запахов** смолы, грибов и ягод. Правда, это упущение можно легко поправить: фимиам от смолы, грибов и ягод.

Не могу пройти мимо стихотворения «Детская молитва», потому что напомнило о моем детстве военной поры.

Мальчик стоит пред иконой,
Смиренно молитву шепча.
В доме тепло и спокойно,
Ярко сияет свеча.

Мальчик беседует с Богом,
Тихо, почти не дыша,
В этой молитве так много
Детская просит душа.

Просит за бедных, за сирых,
О каждом страдальце скорбя.
Просит любви всему миру.
И ничего — для себя.

Потому что сам я молился в глубоком дошкольном детстве, поэтому стихотворение мне кажется надуманным. Нет, я не о многом молился. В первую очередь просил Боженьку, чтобы вернулись с войны папа, дядя Саша и дядя Ёра (так я произносил имя Георгий). Потом молился о здоровье бабушки, мамы и брата. Это был круг самых близких мне людей. Вряд ли я просил Бога за всех парней и мужиков моей деревни, а уж тем более за всех бедных и сирых, за всех земных страдальцев. До такой глубины понимания жизни и возможностей молитвы я просто еще не дорос. Нет, я молился именно для себя за тех людей, которые мне были дороги. Потому я этому стихотворению не верю.

Интересным мне показалось стихотворение о цветовой гамме восприятия автором жизни.

Серый день, серый снег, серый дым
От всего, что казалось цветным.
Серый шепот твоих серых фраз,
Серость чувств, что остались у нас.

Синий вечер и синий мороз,
Синий цвет замерзающих звезд,
Синий отблеск холодного льда.
Уходить. Уходить навсегда…

Белый свет, белый стол, белый лист.
Лист невинен и девственно чист.
Нарисую я мир без тоски,
Белой краской закрашу грехи.

И когда-нибудь солнечный луч
Этот мир озарит из-за туч,
Станет все разноцветно-родным,
Даже свет, даже снег, даже дым.

От «серого» через «синий» к «белому» и от «белого» к «разноцветному». От «серости чувств» через синеву льда и мороза к невинному белому, и от него уже к «разноцветно-родному». Все цвета психологически привязаны к определенному состоянию души. Поэзия — это ведь «разноцветно-родное» отношение к жизни. И более всего способны его выразить эти «странные люди», к которым обращается со словами сочувствия Елена Михаленко.

Есть странные люди — поэты.
Играют они со словами.
Сплетают из них букеты,
Не раз уколовшись шипами.

Слова так хрупки и тонки…
Стихи — это буквы и строчки,
Обрывки, осколки, обломки.
Стихи — это точки, точки…

Их пишут нервами, кожей,
Их чувствуют, видят, слышат,
Стихи в карман не положишь.
И все же их пишут, пишут…

Они не писать не могут —
О, странные люди поэты!
Для них я прошу у Бога
Мелодии, красок и света…

Как видим, никакой ревности к чужой славе, никакой зависти к чьему-то успеху. А молитва за всех «странных людей», кто не может не писать. Но что-то меня в этом стихотворении не устраивает, попробую разобраться.

«Играют они со словами». Поэты не могут играть со словами, потому что это вещи неодушевленные. Поэты могут играть только с людьми, в данном случае с читателями в слова (во что?) или словами (чем?).

Далее. Букеты не сплетают, их собирают из цветов. А сплетают венки. Следующая строфа тоже некорректна. Непонятно к чему относятся «обрывки, осколки, обломки». Судя по логике, к словам? Но из столь макулатурной и бросовой материи полноценного стихотворения не создашь. Почему у автора столь нетрепетное отношение к словам, что она их приравнивает к отбросам, мне трудно понять. И думаю, читатель тоже будет озадачен.

Ну а что же такое стихи по уверению автора? «Это буквы и строчки», это «точки, точки». И на этом все? А где мысли, чувства, мечты, желания? Все, что эти строчки должно наполнять? Да и сама ведь Елена Михаленко в большинстве своих стихов ни на буквах, ни на точках не останавливается, а складывает из них слова и строчки, наполненные смыслом. Думается, в этом противоречии ее уловил в свои тенета лукавый, а он такой хитрюга…

Ну и что-то пока не видел я людей, которые бы писали свои вирши нервами и кожей. Как-то принято считать, что настоящие поэты пишут их сердцем и душой, ну на крайний случай нервами — это у особо продвинутых (В. Высоцкий, «Нерв»). Но чтобы кожей писать — что-то не припомню.

Ну почему же «стихи в карман не положишь»? Очень даже и положишь, и на свернутом листе, и в форме книжицы такого типа, какую выпустила уважаемый автор. И в записной книжке. Догадываюсь, что Елена Иосифовна хотела сказать что-то иное о силе и степени воздействия поэзии на души людей, а получилось «как всегда» неточно.

Да и просить у Бога для этих странных людей надо тоже что-то иное. Ибо мелодии годятся для музыкантов, краски для художников, а свет, конечно, всем нужен, кто живет на земле, в том числе и поэтам. Так что стихотворение это я, один из этих странных людей, не могу признать вразумительным и не могу быть за него благодарным автору. Видимо, писалось на скорую руку.

И вот с точки зрения «странного человека» мне хотелось бы пожелать Елене Иосифовне большей ответственности за написанное и опубликованное слово. Я полностью солидарен с ее христианским взглядом на жизнь и ее проблемы, с душевной чистотой ее лирической героини, мне нравится доступность ее лирики для понимания самым простым и неискушенным в поэзии человеком. Это громадный плюс ее поэзии, чего так не хватает многим стихотворцам с уже солидной литературной репутацией. Но иногда встречаются в ее стихах примеры недомолвок или неточно поставленного слова, из-за чего получается не тот смысл, который задумывала автор.

Не хотелось бы упоминать о рифме, но в стилистике автора это одно из наиболее уязвимых мест. Выберу такие слабые созвучия из процитированных мной стихов: плену — кутерьму, веткой — ветром, пеплом — белой, благодать — припасть, дыханье — всадник и т. д. Конечно, простой читатель, согласный с автором в добром христианском настрое, может не заметить этих маленьких огрехов, но ведь среди «странных читателей» ее поэзии могут встретиться и буквоеды, подобные мне, для которых радость встречи с новым интересным автором может быть омрачена звуковой разноголосицей на концах строк.

И закончу я свое повествование о стихах Елены Михаленко, пожалуй, самым знаковым стихотворением в ее сборнике, чья строка дала название всей книжке.

Вечер свернулся серым котенком
На печке заката.
Месяц прошел, словно путник с котомкой,
Бредущий куда-то.

Вслед за тугой вереницею дней
Закончится лето
Скоро уже. Но не хочется мне
Думать про это.

Хочется просто смотреть и молчать,
День провожая.
Жить на земле и любить ее. Знать:
Я — не чужая.

Да, именно так и есть. В этом нас, читателей, убеждает все содержание книги, христианское и гуманистическое. Автор книги «Я — не чужая» Елена Иосифовна Михаленко и ее лирическая героиня — свои всему видимому и ощущаемому миру, всем живым существам на планете, а не только людям. И верится, что в следующей книге автор выйдет к читателю в более отточенной поэтической форме, которая только поможет последнему полней ответить своими размышлениями мыслям и чувствам автора, запечатленным в Слове.

«Вся обласкана, вся зацелована»

Первое стихотворение книги Жанны Завацкой «Аккорды» (Брест, «Альтернатива», 2014) посвящено людям, для которых любовь к книге обернулась и работой, и призванием.

Бегут года за вехой веха.
И каждый день в который раз
Спешит на службу библиотекарь,
Чтоб с книгой познакомить нас.
Войдем в распахнутые двери,
Вдохнем знакомый аромат,
Здесь царство грез и суеверий,
Легенд, преданий и баллад.
Здесь в золоченых переплетах
Сокрыты тайны бытия.
Здесь нам нашептывают что-то
Вожди, пророки и князья.
Листаем книжные страницы —
Писателей, ученых ряд.
Овеянные славой лица
С портретов пристально глядят.
Мы, благородные потомки,

Впитаем мудрость ваших строк,
Пройдя невежества потемки,
Воздвигнем разума чертог.
И для грядущих поколений,
Как ни безумен этот век,
Во имя будущих свершений
Восславит книгу человек.

Ну, что скажете, «благородные потомки» «вождей, пророков, князей», писателей и ученых? «Впитаем мудрость» их строк? А может, лучше «воздвигнем разума чертог»? Я думаю, что среди сотен и тысяч этих «благородных потомков» найдется хотя бы один, который озадаченно спросит: а вы, собственно, о чем говорите? Мудрость каких строк? Прямо-таки все они были образцами мудрости и никто не родил ни одной устной или печатной глупости? А что такое «разума чертог»? Музей, библиотека, Академия наук, выставка технических достижений? Громкое и напыщенное понятие, которое невозможно представить зримо. А вернее всего, литературный штамп, откуда-то, из нелучших авторов XIX, (а то и старше) века позаимствованный. В этой связи мне вспоминаются только две строки Н. А. Некрасова из стихотворения, посвященного памяти Добролюбова:

Какой светильник разума угас,
Какое сердце биться перестало!

Но «светильник разума» — эта метафора абслютно понятна, она характеризует человека, который светил всем окружающим своей мудростью. Хотя доселе в ходу фраза «свет разума», но уже никто из современных сочинителей не рискнет выдать чужую метафору за свою.

Стихотворение явно относится к категории «датских», т. е. написанных к определеной дате или к конкретному событию. Может быть, ко дню библиотекаря или к читательской конференции (если эта форма работы еще не исчезла). Так вот, таких стихотворений в книге пусть немного, но они есть. Это «Мой город», «Ветеранам», «Первый учитель», «С наступающим!». Их можно назвать рифмованной публицистикой. С одной стороны, это неплохо, если поэт владеет словом, способным выразить всеобщие гражданские мысли и чувства. А с другой стороны, не очень хорошо, когда в стиле публицистики выражается твое сокровенное, личное.

Когда-то, много лет тому назад,
Мы были и счастливей, и моложе,
С фигурой стройною, с упругой нежной кожей
И с молодецкой удалью в глазах.

Мы думали, что это навсегда.
Для нас одних Земля по кругу мчится,
Цветут сады, поют на ветках птицы
И в океанах плещется вода.
О, как мы заблуждались, господа!

А годы шли, и оказалось вдруг,
Что нам уже не в радость птичьи трели,
И что комфортней нежиться в постели,
Чем слушать птичье пенье поутру.

Но как же так, когда еще вчера
Сгорали мы от страсти безответной,
Когда единственно приоритетной
Казалась нам любовная игра.
Увы, все это было, но вчера.

Вдобавок мы, к несчастью своему,
На удивленье сделались занудны.
И нам самим себе признаться трудно,
Что опыт наш не нужен никому.

Не лучше ль нам остаться в стороне?
Пусть наши неразумные детишки
Знай набивают синяки и шишки,
Но только лишь по собственной вине.
Нет-нет, все это как-то не по мне.

Не может быть, чтобы в конце концов
Ни в чьей душе не отворилась дверца
И никакое б любящее сердце
Не пожалело собственных птенцов.

Давайте вспомним золотые дни!
Услышим юных чад своих и даже
Всему научим, объясним, подскажем,
Вот только б нас услышали они.

И сразу жизнь покажется иной,
Разгладятся суровые морщины.
И станут незаметнее седины,
И крылья затрепещут за спиной.

Стихотворение кажется мне выступлением автора на женсовете или на родительском собрании, поскольку и написано от имени всеобщего «мы» и адресовано «нам». Здесь достигнут тот уровень типизации, когда каждый слушающий эту речь воспринимает ее как свою собственную. То есть автор средствами поэзии решает тут воспитательную задачу, причем решает в лоб, без обиняков, и выдает рекомендации, подлежащие всеобщему и безропотному исполнению.

С точки зрения этого «мы» написано большинство стихов сборника и даже там, где стоит «я», не нужно обольщаться, что это примета сугубой лирики, что сейчас прозвучит единичное откровение, может быть, не согласное с мнением большинства, не рассчитанное на тиражирование в других умах и сердцах.

То ли чье-то мрачное пророчество,
То ли наваждение мое,
Но за мною ходит одиночество
И нигде покоя не дает.
Наступает на ногу в автобусе,
Шелестит газеткою в метро,
А по выходным коктейли пробует
За соседним столиком в бистро.
…Мне его порой окликнуть хочется
И спросить, смиренно поклонясь:
«Ваше одинокое высочество,
Что же Вы хотите от меня?
Может, не по той иду тропиночке,
Может, ближе через косогор?
Но свою родную половиночку
Так и не нашла я до сих пор.
Я ведь далеко еще не старая,
Подскажите, в чем моя вина?
Все подруги, словно в песне, парами,
Только я по-прежнему одна».
Повздыхаю, погрущу, пожалуюсь
На судьбу, на жизнь, на белый свет.
И, всплакнув, смахну слезинку малую,
Вовсе не надеясь на ответ.

Поверну домой, к родимой пристани,
Долгожданный обрести покой.
Вдруг замечу, незнакомец издали,
Улыбаясь, машет мне рукой.

Так что видите, читатель, и личное местомение «я» здесь подчинено типизации. Автор вроде бы пишет о своей личной проблеме, но пишет с той долей обобщения, что многие сотни и тысячи женщин могут поставить себя в героини этого стихотворения, а значит, проблема становится уже социальной: об одиночестве уже не молодых, но еще не старых женщин.

Теперь обратим внимание на стиль выше процитированных стихов. Не напоминают ли они Вам, читатель, статьи из газет или женских журналов? Общепринятая лексика, ни одного слова, за уяснением которого надо было бы лезть в словари. Стихи намеренно рассчитаны на некий средний культурный уровень читательниц. На женщин, или вообще не читающих поэзии, либо читающих нечто доступное их уму — типа стихов Ларисы Рубальской, книжка которой уже предлагается одним московсим издательством в одной серии с книгами Пушкина, Есенина и Арсения Тарковского. Хотя ничего серьезного и классически совершенного в ней нет, а есть стихи типа песенных текстов.

Гораздо интереснее читать в книге «Аккорды» баллады на некие романтические или сказочные темы, такие как «В одной провинции испанской», «Что ты шепчешь слова виноватые», «Баллада о летучем голландце», «Елена», «Маэстро». Не все из них отличаются полной самостоятельностью. Иные уж очень напоминают прочитанное. Вот как начинается одна из них:

Что ты шепчешь слова виноватые,
Будишь в жилах застывшую кровь?
Говорят, что другую просватали
За тебя старики на Покров.

О бесстыжих губах зацелованных
Не узнает суровый отец.
Сманишь из дому девку бедовую
И тайком поведешь под венец…

Согласитесь, читатель, чистый Николай Алексеевич Некрасов, автор «Коробейников» и «Что ты жадно глядишь на дорогу?». А следующие строки вам что-нибудь напоминают?

Вся обласкана, вся зацелована,
От макушки до самых ступней,
Я любовью твоей избалована,
Я пресыщена страстью твоей!

А мне напоминают песню, которая еще вчера назойливо лезла в уши с экранов телевизоров. Только мало кто знает, что автор текста этой песни — замечательный русский поэт Николай Заболоцкий.

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная ты моя женщина!

О чем говорят эти заимствования или перепевы, осознанные или бессознательные? О хорошем слухе автора, но не о тонком вкусе. Это значит — идти по легкому пути, по проторенной кем-то дороге. В поэзии это не поощряется. Так можно дойти до полного безвольного подражания. А ведь все вторичное — это все равно как вторсырье. Цена — копейки. Думаю, что Жанне Евгеньевне никто этого не сказал вовремя.

Ну и вторая половина книги под названием «Две половинки счастья» полностью отдана ее песенному творчеству. Здесь такие песни, как «Провинциальный вальс», «Старый город», «Кентавры», «Золушка», «Деревенские страдания» и т. д., общим числом тридцать. Наверно, они хорошо звучат в исполнении автора. И музыка, и хороший голос, вероятно, придают особый шарм исполнительнице. Тем более что Жанна Евгеньевна окончила в детстве музыкальную школу по классу «фортепиано». Но посмотрим, что же там поется.

Вот припев к песне «Библиотека моя»:

Вечная, мудрая,
Светлая, юная,
Библиотека моя!
В зрелости, в старости,
В горести, в радости
Вместе с тобой буду я!

Узнаете — откуда? На мотив песни «Белая Русь».

Ясная, светлая,
чистая, нежная
белая-Белая Русь,
засветло, затемно,
буднично, празднично
лишь за тебя я молюсь.

Но вообще-то придумывать новые тексты на известные мотивы не возбраняется, если песня не претендует на лавры, в узком кругу вполне хороша. А вот начало другой песни:

За окном притаились тени,
И луна не отводит взгляд.
Ты целуешь мои колени
Ровно тысячу раз подряд.
Повинуясь своим капризам,
Как художники на холсте,
Мы рисуем любви эскизы
В обжигающей темноте.

Припев:
И снова ночь уносит нас
на влажных крыльях,
и снова взлет и яркий стон:
«Еще, еще!»
И так уютно, так надежно,
так стабильно
Под головой твое упругое плечо.

Я думаю, здесь можно обойтись без комментария. Умному читателю и так все понятно. То, что в разговоре с подругами выдается за поэзию жизни, в самих стихах часто переходит за грань вкуса. Жаль, что среди друзей Жанны Евгеньевны не нашлось библиотекарей с более развитым настоящей поэзией вкусом.

«Я еще не рассталась с мечтою»

И, наконец, обратимся к четвертому персонажу этой статьи, Елизавете Полеес, имя которой хорошо известно любителям поэзии. В прошлом году в частном предприятии «Минар» вышла очередная ее книга «Свет несказанный». Около 150 стихов на 110 страницах. Стихи в три-четыре строфы, редко пять или боль-

ше. Девять разделов, и, судя по их названиям, стихи скомпонованы тематически согласно творческим периодам в жизни поэта.

Не будем изменять заданному в начале статьи правилу — начать чтение книги с первого стихотворения, которое всегда как бы задает тон в книге, намечает темы, которые будут потом развернуты в отдельных стихах. Вот первое стихотворение в книге «Свет несказанный»:

Рождение

Задыхаюсь без музыки снова,
Без волнующей магии слов…
Значит, правда, что слово — основа
И что звуки вливаются в кровь.

Значит, правда, душа не хотела
Ни предать, ни солгать, ни пропасть?
Значит, правда, душа, а не тело
Сохраняет над музыкой власть?

Бьется сердце в истоме зачатья —
Сквозь запреты, замки, рубежи.
Значит, так зарождается счастье?
Значит, так зарождается жизнь?

Льется музыка — нет ей предела,
Хоть никто не воротится вспять.
Как болела душа, как болела!
Как она еще будет летать!

Опять я задумался, что можно сказать про это хорошо инструментованное, гладкое, без сучка и задоринки, стихотворение. Ну да, музыка в стихотворении есть. К примеру, аллитерация на «з»: без музыки — без магии — значит — звуки — в первой строфе. Зачатья — запреты — замки — значит (дважды) — зарождается (дважды) — жизнь. Во второй строфе аллитерация на «пр»: правда — предать — пропасть — правда. В четвертой строфе — на «л»: льется — предела — болела (дважды) — летать.

Но что передает эта музыка, какой смысл? Я так понимаю, что речь идет о рождениии «чарующей магии слов». И это равносильно для автора зарождению счастья, зарождению самой жизни. Тогда при чем тут «истома зачатья»? Истома зачатья — это несколько иное состояние тела или души, чем рождение дитяти или музыки слов. Значит, автору надо было как-то определиться в чем-то одном. И потом, если в первой строфе говорится все же о музыке слова, то во всех остальных строфах упоминается только музыка. Ну что ж, музыка Елизавете Давыдовне здесь действительно удалась.

А вот мысль? Она как-то не прослушивается.

Пять строк начинаются со слова — значит. Но это «значит» хорошо для автора, который что-то хорошо обдумал за пределами стихотворения, а в него вынес только итоги своих раздумий. А для читателя все, что перечисляется автором следом, это вовсе не само собой разумеется. Для него эти «значит» надо еще доказать. Поэт же не пригласил читателя в соавторы своих раздумий, и выводы поэта не приобрели убедительности. Они просто голословны. Вот так я считаю, и все тут. А вы — как хотите.

Есть у меня внутреннее неприятие еще четырех строк, но и того, что я написал о первом стихотворении сборника, уже достаточно, чтобы критически настроиться на чтение всей книги. А мне бы не хотелось менять своего мнения относительно значимости и ценности поэзии Елизаветы Полеес в глазах белорусского читателя, о чем я утверждал пару лет назад в статье «И божество, и вдохновенье», опубликованной в журнале «Нёман».

Но как, по какому принципу читать дальше? В книге девять разделов. Прочитаю-ка выборочно по одному стихотворению из каждого. Ну как миновать стихотворение, давшее название всему сборнику?

Свет несказанный, свет безутешный.
Там вдалеке и надежда, и нежность,
Там вдалеке и любовь, и разлука,
Но замело все метелью и вьюгой.

Свет безутешный, свет несказанный —
Время прозрений и время обмана,
Время промашек и время награды,
Там я бывала и малому рада.

Воля чужая ли руки связала?
Сделано так до обидного мало.
Преодолеть суету не посмела,
Свете мой ласковый, свете мой белый.

Молча у Храма стою я с повинной —
Жизнь перелистана до половины.

А мне вспоминается Сергей Есенин, у которого когда-то шестьдесят лет назад я впервые встретил это выражение:

Ты одна мне — радость и отрада,
Ты одна мне — несказанный свет.

И еще:

Несказанное, тихое, нежное…
Тих мой край после бурь, после гроз.

Есть в этом выражении что-то волшебное, необъяснимое нашим языком, как бы от неземной жизни исходящее. Да, приоритет, может быть, даже не за Есениным, а за Блоком или иными великими русскими поэтами XX века. Но не возбраняется применять это сочетание и нам, грешным, лишь бы к месту было. Да, вот встретилось мне слово «несказанный» у Блока вот в таком контексте:

Пусть несказАнной мукой мучая,
Здесь бьется страсть, змеится грусть.
(«Валерию Брюсову»)

Но тут же вспомнились строки, принадлежащие перу прекрасной советской поэтессы Новеллы Матвеевой:

Все сказано на свете,
НескАзанного нет,
Но вечно людям светит
Несказанного свет.

Всего лишь перенос ударения с третьего на второй слог сразу осовременивает слово и лишает его благородной временной патины и волшебства.

Тут, у Елизаветы Полеес, эпитет «несказАнный», кажется, к месту. Это как бы иносказание света юности и молодости. Но, правда, прошлое, освещенное этим светом, обозначено пунктирно с помощью назывных предложений (без сказуемых): там вдалеке и надежда, и нежность; время прозрений и обмана и т. д. Ну а почему же лирическая героиня стоит у Храма с повинной? Только потому, что сделано до обидного мало? Только из-за промашек? А разве не было в ее жизни такого, за что до сих пор стыдно перед собой и Богом? Разве такая уж она была

безупречная, что никого не обидела? То есть, причина обращения к Господу должна быть более основательная, чем сознание своей малопродуктивности в делах. И еще маленькое дополнение. С повинной лучше все-таки стоять не у Храма, а в Храме.

Мне кажется, дальнейшее уточнение «света безутешного, света несказанного» как «свете мой ласковый, свете мой белый» (церковнославянизмы) лишает первое выражение высокого небесного смысла. Несказанный свет может быть белым, но может быть и совсем иного цвета. Очень сомнительно, что безутешный свет может быть ласковым.

Но в сборнике «Свет несказанный» должны же быть стихи, которые вызовут во мне сочувствие и согласие с автором? И они, конечно, есть. Вот какое стихотворение венчает раздел «Детство»:

Я брожу по полям и по долам,
От столичного шума вдали…
Мне бы стать хоть на час новоселом
Молодой, обновленной земли.

Чтобы вновь окрыленное слово
Начинало свой яркий рассказ,
Чтобы мир удивил меня, словно
В первый день,
в первый миг,
в первый раз.

Хорошее стихотворение не менее трудно объяснять, чем не совсем удачное. Мне оно кажется напоенным брызжущей энергией молодости и жаждой больших дел, что характерно для всякого человека на рассвете его жизни. А вот еще одно — замечательное:

Может, время нехорошее
Для души и для стиха?
Как же жить мне с этой ношею,
Если тяжесть велика?

Как же справиться мне с песнею,
Если рвется из груди?
Стали все просторы тесными,
Стали узкими пути.

Как же мне поладить с крыльями,
Если взмах души широк?
Как же мне остаться сильною
Там, где каждый одинок?

Как же мне сродниться с верою,
Слиться с тайною небес?
Как же мне остаться верною
Сердцу, родине, себе?

Стихи того же оптимизма юности, что и предыдущие. Так и видишь перед глазами полную сил и задора школьницу, которая впервые делится своими сомнениями с закадычной подругой. Здесь автор только задает вопросы, на них не отвечая и не получая ответа. Но словно бы обращается за ответами к читателям. Помогите, посоветуйте, как мне быть? И вот это полное доверие к читателю оборачивается таким же безоговорочным доверием к автору. Окончательный смысл всему стихотворению, конечно же, придает концовка, упоминание в одном равнозначном ряду с сердцем и собой — родины. Значит, все у этой девочки в жизни будет в порядке, если она думает о верности родине.

Стихотворение явно хрестоматийное. Конечно, рифмы могли бы быть более точными (стиха — велика, груди — пути), но их неточность как бы запрограммирована юным возрастом лирической героини. Но скажите мне, кто в молодости умеет рифмовать более точно и оригинально?

Разумеется, женщина более всего реализуется в любви, это ее родная стихия. И стихи о любви в сборнике Елизаветы Полеес — это, пожалуй, главный нерв книги, главный поток жизненной реки, в которой она часто омывала свое безутешное сердце.

Все б отдала — и было б мало! —
Любви взамен.
Спасибо ей за все б сказала:
За вечный плен.

За терпкий привкус ожиданья,
За сладость грез,
За миг свиданья, грусть прощанья,
За горечь слез.

За поцелуи на рассвете,
За радость встреч,
За то, что нежность, словно ветер,
Не уберечь.

За все б любовь благодарила —
С ней боль светла! —
Лишь захватила б, закружила,
С ума свела!

Кажется, слова самые заурядные, которые у всех на слуху, но вот их сочетанье, и этот двустопный ямб четных строчек заряжают стихотворение каким-то колдовством, энергией, вырывающейся из души страсти. Но гораздо больше стихов о любви посткриптум, о прошедшей. Их горько читать, и жалеешь от души эту бедолагу, которой досталось на свете так мало счастья.

Уже потерям нет числа.
Подсчитывать — пустое дело.
Как в голубые зеркала
В печаль бездонных глаз смотрела.

Копить обиды? Бог простит!
В короткий миг вливалась вечность.
Живительных надежд в горсти —
На память о недолгой встрече —

Дарил глоток…
                    И пусть свела
Уста отчаянная жажда,
Но все равно — любовь была!
А остальное все — неважно.

Вот так немногими, но самыми необходимыми словами можно рассказать о такой заурядной житейской драме прощания с любимым, которая ведь для героини является истинной трагедией, а мужчиной вряд ли осознается.

Вот мы оставили позади два раздела книги «Две страсти» и «Знак любви». В разделе «Земная ноша» — размышления о смысле жизни и месте поэта на земле, об истории и будущем. Здесь много умных и замечательных по мироощущению стихов, с которыми иногда трудно согласиться, но в логике мысли автору не откажешь.

От выдоха, от вылета, от вздоха,
От вдоха — полной грудью — бытия
Твоим была певцом и скоморохом,
Неласковая родина моя.

Твои я пела старые кварталы,
И плач дождя, и тихий шум берез,
Ночные переулки и вокзалы,
В воде остывшей отраженья звезд.

В виденьях опрокинутого мира
Я так искала давней сказки тень!..
Но в западне неведомого тира
Была игрушкой для твоих затей.

Игр и забав оценивая шутку,
Тебя любила и еще люблю…
Верни же мне, страна, хоть на минутку
Несбывшуюся молодость мою.

Любовь к родине — одно из самых святых чувств на земле, но ведь и оно не бывает однородным, без сомнений и разочарований, без примеси горечи и боли, если на твоей родине не все хорошо, если ты сам живешь на ней и мучишься ее несовершенствами. Видимо, у Елизаеты Полеес есть причина назвать родину «неласковой». Но это не умаляет любви к ней. К земле, давшей тебе свои просторы и небо над головой, свои города и веси, своих птиц и зверей, свою историю и современный облик.

Видимо, какие-то нехорошие или жуткие события на земле родины очернили самое светлое время в жизни лирической героини (равнозначно самому поэту), ее молодость, что она называет ее «несбывшейся». Все может быть, ибо жизнь нашего поколения, тем, кому ныне за шестьдесят и за семьдесят, выпала на годы, порой не только равнодушные к судьбам людей, но и откровенно жестокие.

Каждый, кто прочитает эти стихи, вспомнит десятки и сотни, а то и больше примеров из своей личной жизни, из жизни своих дедов, родителей, когда на родине жилось несладко и даже голодно, в то время как другие земли и страны процветали и ломились от богатства. Но родину ведь тоже не выбирают, как отца и мать. Правда, в наше время есть уже десятки и сотни тысяч таких людей, для которых родина там, где живется сытно и уютно. Среди таких уже встречаются и поэты.

Что и говорить, стихотворение многомерное, непростое. Не со всем я в нем согласен. Я, к примеру, не уверен, что к родине можно предъявлять претензии за «несбывшуюся молодость», поскольку ведь она все равно сбылась, может быть, только не так, как грезилось в детстве. Очень трудна для понимания третья строфа. Здесь Елизавета Давыдовна так зашифровала свои упреки родине, что их вообще невозможно представить ни образно, ни фактически.

И еще одно стихотворение повергло меня в раздумье, из которого трудно выбраться без поражения в чувствах христианина и без возражения автору.

Мне все равно. Оторвалась
От площадей, домов и скверов.
Еще сильна привычки власть,
Но в сердце умирает вера.

Мне все равно. Я с ветром врозь,
С полетом, страстным и беспечным.
Крыло, пронзенное насквозь,
Уже посеребрила вечность.

Мне все — равно. Я вне обид,
Вне торжества дворцов и башен.
Возможно, Бог меня простит,
За то, что падать мне не страшно.

Это надо иметь недюжинное мужество, чтобы признаться читателю, как на исповеди: «в сердце умирает вера». Может быть, это вера в человека вообще, в жизнь, в какие-то ценности высшего порядка — как знать? Но упоминание Бога в третьей строфе слово «вера» наполняет жутким смыслом. Лирическая героиня теряет веру в Бога, теряет нравственную и духовную опору в суете и сумятице жизни. На чем теперь стоять, за что держаться, кого просить о помощи в критической ситуации?

Детально эти потери выражаются в перечислении объектов внешнего мира. Сначала лирической героине становятся безразличны «площади, дома и скверы», что отражает как бы социальный срез жизни. Потом она отторгает от себя дворцы и башни, а это уже символы власти, культуры и веры, потому что Храмы — ведь это тоже дворцы, но Божьи. Так с чем же остается лирическая героиня?

Только с одним, пронзенным насквозь, крылом поэтического вымысла и воображения, на котором уже не взлетишь широко и уверенно, а попробуешь взлететь — непременно сверзишься на грешную землю. И за что может простить Господь такую бесшабашную сорви-голову с посеребренными висками и одним крылом? Только за одну смелость? Или за это предельное бесстрашие, которое ведь может быть равносильно гордыне? Вопросы, вопросы и вопросы. Другой вдумчивый читатель, может быть, поймет это стихотворение иначе. Но уже одно то хорошо, что оно дает возможность для такого или иного понимания.

Особое место в сборнике занимает память об ушедших друзьях и учителях, этот раздел назван очень поэтично: «Лебеди мои, лебеди!..». Стихи в них посвящены двум дорогим сердцу автора людям — Анатолию Моисееву и Вениамину Блаженному, стихи последнего я с удивлением читал впервые лет пятнадцать назад. Думается, наиболее проникновенно написала о нем Елизавета Полеес в следующем стихотворении:

Хватило предательств поэту,
Но мужества тоже хватило.
И вынесли к вечному свету
Любви необъятные крылья.

Хватило поэту отваги —
И мир поместился бездонный
В скитальческой сумке бродяги
И в старческой доброй ладони.

Уже немало я стихов процитировал из новой книги Елизаветы Полеес, чтобы немножко выпуклее показать вам, читатели, своеобразие творческой манеры этой поэтессы, которая с каждой выпущенной книгой как бы раскрывается перед нами все больше и больше как автор, который в немногих строках умеет сказать о многом. Ее излюбленная форма — от двух до пяти-шести четверостиший, на этой короткой площадке она успевает и заявить тему, и разработать ее, и выдать завершающую концовку с итогом мысли.

Но вот что мне пришло на ум. Выйди эта книжка из печати сто лет назад, была бы она понятна современникам Блока, Гумилева, Зинаиды Гиппиус, ранней Ахматовой? Наверняка. Перечитайте все процитированные мной стихи! Найдете ли вы в них хоть одну примету нашего времени? Уверяю вас, если вы даже пролистаете всю книгу, вы нигде не встретите слов — «троллейбус», «мобильник», «телевизор», «интернет», «такси», «самолет» и т. д. и т. п. Да дело даже не в этих

словах. Очень редко пробивает эту вневременную стихию уличное просторечие или обиходный оборот речи. Почти совсем нет пословиц. Чисто книжный язык, вобравший в себя слова и речения давно минувшего века — века «шляп с траурными перьями», тросточек и кринолинов.

Может, мало меня вы любили?
Может, мало дарили участья?
Но еще я не горсточка пыли
И еще я надеюсь на счастье.

Я еще уповаю на Бога
И бреду по дорогам и весям.
Оглянитесь: вот я, у порога,
Вот я, мира юдольного вестник.

Протяните мне корочку хлеба.
Подарите руно золотое.
Я еще не рассорилась с небом.
Я еще не рассталась с мечтою.

Ну чем не Ахматова? Типичная ахматовская не только лексика, но и стилистика. Но если отвлечься от этих соображений, то в целом это светлое, оптимистическое стихотворение. Я нашел его в последнем разделе сборника, названном столь необычно — «И много еще впереди многоточий…». Заголовок этот как нельзя лучше говорит, что автор и его лирическая героиня по-прежнему воспринимают жизнь в лоне веры, и эта вера питает их надеждой, что их жизнь имеет высший смысл в Боге.

Простое лучше сложного?

А теперь мне хочется порассуждать. Ну вот четыре автора прошло перед нашим взором. Четыре поэта или, если угодно, поэтессы. В последнем слове мне всегда слышится что-то жеманное, капризное, позерское. В литературном обиходе когда-нибудь называли Анну Ахматову или Марину Цветаеву поэтессами? Никогда. Поэзия — дело терпения и мужества, дело поэтов.

Так кто же из фигурантов этой статьи более всего заслуживает звания — поэт? То есть человек, не просто умеющий выражать какие-то мысли в рифму, а выражающий мысли важные, которые обязательно найдут отклик в читателе. В этом плане мысли всех наших поэтов будут интересны читателям. Весь вопрос — каким читателям? А читатель у нас разный.

Тот, кому понравятся стихи Елизаветы Полеес, сморщит нос, читая Жанну Завацкую. Тот, кто будет в восторге от стихов Жанны, пожмет плечами, читая Ольгу Гронскую. Слишком для него это сложно. Но может быть, все они будут единодушны, сойдясь вкусами на поэзии Елены Михаленко? Все у нее просто, доступно для понимания, все на самую важную для человека тему. Если Елизавета Давыдовна обращается к Богу как к символу веры, как к знаку верности своего пути, то для Елены Иосифовны Бог достоверен, как живой человек, он всегда рядом.

Я бы сказал, что каждый из затронутых мной поэтов обладает одной сильной (либо двумя) чертой. Ольга Гронская начитанна и филологична в хорошем значении этого слова, Елизавета Полеес — представитель культурного русла современной поэзии, наследница традиций так называемого «серебряного века», Жанна Евгеньевна хороша для тех, кто стихи читает только на страницах районных газет или «Друга пенсионера». Ее стихи, уступая в мастерстве, набирают очки, затрагивая вопросы женской психологии и социальной жизни. Читатели Елены Иосифовны тоже из этого ряда, но уже те, кто не гонится за благами жизни, кто не мыслит своей жизни без Храма.

Кстати, в последнее десятилетие на поэтическую арену в нашей республике выступили люди, не только прекрасно пищущие по-белорусски, но и хорошо литературно образованные. В 2014 году в статье «Эстетика золотого слова» я называл имена двоих из этого филологического поколения: Оксана Данильчик (книга стихов «Сон, які немагчыма забараніць») и автор сборника «Эстэтыка маўчання» Алесь Дубровский-Сороченков. И вот теперь в моем сознании к ним присоединилась Ольга Гронская. Возможно, это только первые ласточки того направления в современной белорусской поэзии, на знаменах которого будут обозначены слова «культура» и «традиция». Ибо только наследование традиций не узкой национальной школы, а всей мировой литературы в высших ее достижениях, способно вывести нашу поэзию из состояния самоуспокоенности и самолюбования на тот уровень открытости, который сделает поэзию востребованной читателем с высокими мыслями и запросами.

Так вот, сведя все вышеперечисленные характеристики наших поэтесс воедино, мы и получим собирательный образ поэта, творчество которого, наверное, было бы по нраву всем читателям. Это человек образованный, начитанный, культурный, социально ориентированный, нравственно чистый и верующий, и разумеется, наделенный Божьим даром, как Пушкин, как Есенин, как Янка Купала.

Вот с последним-то всего сложнее. Нет такого сочинителя, пусть самого слабого или вовсе никудышного, который бы считал себя этим даром обделенным. Большинство людей, пишущих стихи и даже печатающих их в журналах или книжками, заблуждаются на свой счет, считая себя поэтами. Они не поэты, а стихотворцы, рифмачи, сочинители текстов, которые по внешним признакам похожи на поэзию, но ею не являются, так как: 1) не содержат открытия, свежего взгляда на жизнь, 2) не волнуют, не заставляют задуматься, 3) копируют созданное до них, создают суррогаты (заменители) поэзии. То, что они пишут, можно назвать еще и плохими стихами.

Вот как отзывается о таковых один из авторов сайта *стихи.ру* Вита Савицкая.

Читать стихи плохие — то же самое,
Что потреблять паленый алкоголь.
Способна стать опасной строчка малая
И увести в безумье за собой.

А там, в безумьи, — сумрачно и холодно,
И длится нескончаемый хай-тек.
Там нет любви, там для любви нет повода,
А похоти достаточно для всех.

Там все дороги в лабиринты скручены
Иль в Ленты Мебиуса вплетены.
И там пройдут впустую годы лучшие
Под тусклый свет искусственной луны.

И будет маяться душа усталая.
Обидами — за что ей этот ад?
Писать стихи плохие — то же самое,
А может, даже хуже во сто крат.

Стихи не безупречные по рифмовке (алкоголь — собой, хай-тек — всех), но симпатичные по обнаженности нашей темы. Действительно, это один и тот же узел: чтение плохих стихов неизбежно оборачивается писанием плохих стихов, если читатель наделен амбициями поэта. Гораздо трудней, но почетней унять в себе зуд сочинительства, осознав свою творческую немощь, и навсегда остаться читателем подлинной поэзии, открывающей тебе свой неповторимый мир в мире, где все повторяется: времена года, природа и человек как вид постоянно повторяют циклы рождения, расцвета и увядания. Здесь надо проявить незауряд-

ное самообладание, чтобы запретить себе баловство со словом, потерю времени и энергии на совершенно проигрышном занятии.

Дорогой читатель, я иногда и сам жалею, что дал себя увлечь поэзии до той степени, что она превратилась, нет, не в страсть даже, а в какой-то бесконечный и изматывающий поиск средствами поэзии смысла собственного существования. Не смог остановиться на благородной позиции Читателя. Сколько бы я всего ценного прочитал из сокровищницы мировой литературы, как бы обогатился умом и опытом предыдущих поколений, если бы не тратил время на собственное сочинительство, — даже трудно представить!

Впрочем, извне запретить человеку творить — это все равно что удалить из него душу и выпотрошить голову. Да и кто возьмет на себя роль эксперта творчества того или иного сочинителя, чье мнение было бы безошибочным и было бы равно непогрешимому вердикту: продолжать писать или бросить за неимением таланта? Пусть расцветают все цветы, как говорят китайцы. Пусть пишут все, кому это интересно и помогает жить.

Наверно, именно этот принцип исповедуют организаторы сайта *стихи.ру*, предоставившие в интернете площадку для всех стихотворцев без исключения. Такой массовый повальный поток стихов на все вкусы и уровни еще двадцать лет назад трудно было представить.

И ведь встречаются в этом потоке жемчужины и вполне приемлемые для печати стихи. Или, по крайней мере, стихи, которые хочется перечитать еще раз. Хотя девять десятых этого потока — то, что называется дилетантством или графоманией. Причем некоторые сочинители не только не стесняются причислять себя к этим одержимым сихотворным зудом людям, но и бравируют этой принадлежностью. Честное слово, я крепко зауважал человека, который написал о себе: «Игорь Гамин, графоман в 13-м поколении, кропаю временами». Прочитал я с десяток его стихотворений и среди беспомощных строк увидел такие:

Был ли день прошедший сердцу дорог?
Был ли полон света, каплей счастья?
Или полонило мир опять ненастье?
Ведь кружили облака, играли с ветром.
Я все мучаюсь и мучаюсь ответом,
Что я дал тебе сегодня, небо?
Подарил ли часть себя и света?

Вот тебе и «графоман в тринадцатом поколении»! Дай Бог иному именитому поэту написать такие нетривиальные строки. Даже приблизительные рифмы не портят этого откровения. Поэтому честь и слава всякому, кто заболел стихотворством. Бог и судьба разберутся с каждым, кто ступил на узкую тропку или порядком исхоженную и утоптанную дорогу поэзии. Пишите, милые, пишите! Пусть эта сладкая и одновременно горчащая отрава закроет собой все иные, от которых человек теряет образ Божий и человеческий. Лучше писать стихи, чем пить или колоться...

Но вернемся к персонажам нашей статьи, к авторам четырех сборников стихов, к Ольге Гронской, Елене Михаленко, Жанне Завацкой и Елизавете Полеес. Из них только Елизавета Давыдовна однажды в апреле 2009 года отважилась постучаться в двери интернет-портала *стихи.ру* с тремя профессионально выточенными стихами и чего-то испугалась. Неведомо, что помешало ей стать популярной и читаемой посетителями этого ресурса. Не захотела оказаться в сообществе дилетантов, уронить свое авторское достоинство? Остальные три даже не пытались, не активизировали потенциальную возможность обрести читателей во всех концах земли, а может быть, виртуальных друзей и союзников. Признаюсь, я ведь тоже отдал дань этому интернет-общению и могу сказать, что оно незаметно

затягивает в свои сети в ущерб общению с теми, кто живет рядом. Однако часто рядом невозможно найти единомышленников, а в интернете — вот они, сотни и тысячи, только кликни мышкой…

Ну так все же, чьи стихи лучше, искреннее, интересней, душевней? Кто из четырех поэтесс более всего выражает сложный духовный мир современника, а точнее — нынешних женщин и девушек? Кто более всего претендует на успех у читательниц? Пару месяцев назад я провел вагонную читательскую конференцию со своими случайными попутчицами. Одна была ИП со средним специальным образованием, а вторая юрист — с высшим. Фаворитом у обеих оказалась Жанна Завацкая. Почему? — удивился я. Обе были очарованы простотой и полной понятностью женских стихов Жанны Евгеньевны, написанных на русском языке. Принять и понять поэзию остальных авторов женщинам помешал профессионализм, высокое литературное мастерство Елизаветы Полеес, христианская нравственность стихов Елены Михаленко и несколько манерный и перенасыщенный аллюзиями стих Ольги Гронской. В последнем случае препоном также оказался белорусский язык, хотя обе женщины были белоруски.

Но неужели каждой из поэтесс стоит уповать на достигнутое и продолжать свое творчество в том же стиле и духе? Ведь духовная глубина нашей жизни, включая сюда измерения личности, социальной среды, культуры, — это глубина неизмеримая. По всем этим измерениям можно расти и вглубь, и ввысь, но не забывать при этом еще и движение вперед, к читателю. Надо соблюдать ту меру сложности и простоты, которая бы не мешала почувствовать и понять стихи и высокому интеллектуалу, и читателю, который читал Пушкина и Купалу только в школе.

Но та ли это простота, к которой надо стремиться, которая вся разжевана до однородной массы тривиальной мысли и выигрышно поданного, словно на подиум, чувства? И та ли это сложность, которая заставляет немного потрудиться ленивым и не развитым чтением литературы умом, которая толкает предпочесть умной поэзии жвачку примитива?



С точки зрения рецензента

Свет поэзии Таисы Бондарь



В «Издательском доме «Звязда» вышел поэтический сборник Т. Бондарь «Спрадвечныя сцежкі», подготовленный Е. Толкач и приуроченный к 70-летнему юбилею Т. Бондарь, чье многогранное творческое наследие навсегда вписано в историю белорусской литературы. В книгу вошли поэтические произведения разных лет, отражающие тематическое, стилевое и жанровое разнообразие: поэмы, стихотворения, короткие поэмы-песни (Бондар, Т. М. Спрадвечныя сцежкі: зб. паэзіі / Т. Бондар; уклад. А. Толкач. — Мінск: Звязда, 2015. — 304 с.).

Стремление осмыслить историческое прошлое Беларуси, используя мотивы народных легенд и преданий, находит выражение в авторской интерпретации событий древней старины (не лишенной некоторой доли субъективизма), свидетельствующей о великолепном знании отечественной истории, воссозданной в границах эмоциональной насыщенности. Автор подчеркивает значимость исторической памяти для нынешних поколений, для реализации социальных перспектив («Сонтрава»):

З крыніцы высахлай — ваду не піць.
Гукаю продкаў. Блізкіх і далёкіх.
Гукаю песняй: песня — тая ніць,
што дні, гады, вякі нітуе лёгка.
Ёй дагукацца, ёй знайсці ў былым
разгадку нашай згоды — і нязгоды —
жыць толькі тым, што дадзена, —
сваім,
адзіна, як здаецца, мэтазгодным.
Не права — абавязак: не забыць,
адкуль, чые мы, чым мы часу плацім…
З крыніцы высыхлай ваду не піць,
гады мінуць — капаць не дакапацца.
Адно: не памянуўшы час былы —
аплакаць свой,
шчаслівы тым, што сыты…

В поле зрения Т. Бондарь попадает и фигура Ф. М. Достоевского; как известно, его предки жили с XVI века на землях Пинского повета (село Достоево). Автора волнует именно драматический момент в жизни русского писателя, когда в возрасте 28 лет он стоял зимой 1849 года на Семеновском плацу вместе с другими участниками кружка Петрашевского в ожидании казни, в последние минуты замененной каторжными

работами в Омском остроге. Ф. М. Достоевский пережил ужасные мгновения, как он сам зафиксировал позже: «...вот сейчас душа из тебя вылетит, и что человеком уже больше не будешь... и сильнее этой муки нет на свете...». Осознавая эти душевные мучения, воспринимая чужую боль, как свою, Т. Бондарь создает поэтическую ситуацию глубокого драматического звучания («Ноч пасля смерці»):

Ноч пасля смерці, адмененай раптам.
Схоў ад натоўпу. Вялізнае заўтра —
звонку, над шпілем сталічнай турмы.
Жах пералжытага. Згадкі — як краты.
Хворыя радасцю словы да брата.
Згадкі. Забытыя гукі сурмы…
Што не дае мне заснуць, хоць прылегчы?
Што перакладвае ноч мне на плечы,
зноў падштурхнуўшы руку да пяра?
Вечную муку душы? Саму вечнасць?
Страх перад ёю, цяпер — недарэчны?
Ноч пасля смерці…

Поэтесса всегда осознавала глубокую экзистенциальную связь с Беларусью, с родиной, со своим народом, в ее поэтической реальности явственно звучат гражданские мотивы:

Так часта сэрцу — песні не стае,
Так часта неба ў чорным павуцінні…
І мне балюча, бо баліць Айчыне,
Бо мне не жыць, калі распнуць яе.

Мы з ёй адно: адной крыві і плоці,
Адной духоўнай сутнаці здаўна.
Што мой пасад, калі яна ў гароце?
Што мой адчай, як мучыцца яна?

* * *

О мой народзе! Я, твая дачка,
Прашу за новы дзень, што на парозе:
І ён — міне, згубіўшыся ў вяках,
Ты ж будзеш жыць,
Знайшоўшы сілу ў Бозе.

Усякі камень, кінуты ў цябе,
Прыступкай стане для твайго пад`ёму.
Твой выбар зроблены. І час праб`е
Для мужнасці, дагэтуль невядомай.

Авторское художественное сознание отражает эстетическое неприятие духовной деградации, девальвации общечеловеческих ценностей, губительных антигуманных цивилизационных процессов. Все настойчивее звучит упрек и вызов современной действительности рубежа веков, характеризующейся глубокими экзистенциальными противоречиями и пессимистическими настроениями, тревожностью и осознанием личной ответственности за происходящее:

Усё — навідавоку, на бягу:
Вяселлі, бойні, здрадніцтва, загулы…
Няўжо ніхто не чуе грозны гул
Вякоў, тысячагоддзяў прамінулых?

Цяжкая хваля іх усё расце,
Люструючы не нас, а нашы цені
У акружэнні спарахнелых сцен,
Здзічэлыя ў духоўным запусценні.

Які прагрэс? Куды нас завялі
Гардыня і распуста?
Скрозь — кладзішчы,
Скрозь — разбурэнні й смерць,
па ўсёй зямлі,
А розум спіць, і чорны вецер свішча.

* * *

Мы — на зломе эпох. І — зламаны.
І старызнаю звыклай хлусні
Прыкрываем балючыя раны,
Занавешваем чорныя сны.

. . . .

Век пражыты — і век распачаты…
Два разломы — адзін над адным!
Хто калі памяне іх як страту,
Узгадаўшы жыццё маладым?

В поэтической системе Т. Бондарь доминирует стремление приобщиться к внеличным ценностям — вере в Бога, несущей гармонию в душевное состояние человека. Духовно-нравственная проблематика, актуализированная автором, реализуется в границах христианской метафизики и мистического мироощущения:

Гасподзь — са мной.
Са мной — цяпер і тут.
Чуваць, як дыхаюць прасторы Неба,
Як тчэцца вера ў нясканчоны цуд
Уваскрасення, як бруіцца срэбра
Бяссонных слёз
Між камянёў пакут.

* * *

І ў імгненні — бязмежнасць эпох,
І ў душы, ў яе сонечным свеце —
Шчасцю моліцца ўсё чалавецтва,
І ў малітве, ў святле яе — Бог.

Следует отметить, что авторское стремление снять с Бога вину за существующее зло на земле, в человеке, свидетельствует о реализации теодицеи (богооправдания), поэзия Т. Бондарь, отражающая религиозные искания, носит характер теоцентричности, что, в свою очередь, усиливает обостренное восприятие внешнего мира:

Калі прыйшлі мы, калі мы ўжо тут
Па волі лёсу і жыцця, то трэба
Згадаць, што ні адной з зямных пакут
Не апраўдацца за грахі прад Небам.

Нас клікала любоў, а значыць — Бог,
І гэты кліч таўром гарыць на сэрцах,
І скардзіцца, што Бог не дапамог, —
Заведама хлусіць
Жыццю і Смерці.

Обостренность восприятия трагизма человеческого бытия достигает своего апогея в поэме «Мы родам з вайны», отражающей драматические судьбы детей и матерей в жестоких условиях Великой Отечественной. Смерть, страдания, холод и голод, экзистенциальная обреченность, эмпатически преломляясь в авторском сознании, логически и закономерно облекаются в форму поэтической антивоенной декларации:

Трэба ж іншае — свет
без вайны, без трывожнага
калыхання ракет,
неба, сонцам высокае,
каб сцяной — каласы,
галасы нашы звонкія.
Мір патрэбен. Усім!

Гэта ж слова балючае —
Слёзы згадак маіх.
Ад імя ўсіх замучаных.
У імя ўсіх жывых.

Поэзия Т. Бондарь, представляющая собой достаточно сложную эстетическую систему, предназначенную для активно воспринимающего читательского сознания, содержит в себе не только обостренное восприятие внешнего мира и трагическое мироощущение, острую социально-нравственную проблематику, но и позитивную интенциональную окрашенность и жизнеутверждающие мотивы, необходимые для гармоничного существования человека в мире:

Трэба жыць, проста жыць,
не чакаючы смерці.
Мець, каму пакланіцца, —
адна з прывілей
Незалежнага, вернага, вольнага
сэрца.
Незалежнага, вернага, вольнага
ў тым,
Што спрадвек вызначае
ахоўную сутнасць
Тут, пад небам, у промні святла
залатым.

Инесса МОРОЗОВА



С точки зрения рецензента

Знаменитые американцы с белорусскими корнями



Белорусская земля дала миру множество талантливых людей, которые прославились не только в родной Беларуси, но и во всем мире. Среди них — сотни знаменитых американцев. Усилиями наших соотечественников США обогатились экономически, интеллектуально и духовно.

Гордостью Соединенных Штатов Америки стали лауреаты Нобелевской премии Саймон Смит (Семен Кузнец), Шелдон Глэшоу, Алан Хигер, Мартин Льюис Перл, создатель современной кибернетики Норман Винер, один из основоположников современного Интернета Пол Бэрэн, выдающийся вирусолог и иммунолог Саймон Сэбин, отец американского телевидения и радио Давид Сарнов, глава корпорации Microsoft Стив Баллмер, писатель-фантаст с мировым именем Айзек Азимов, создатели кинематографической индустрии в Голливуде Луис Майер и братья Уоррен, король тележурналистики Ларри Кинг, автор неофициального гимна США «Боже, благослови Америку!» Ирвинг Берлин, главный редактор газеты «Нью-Йорк Таймс» Авраам Розенталь, выдающийся кинорежиссер Стивен Спилберг, звезды Голливуда — династия Дугласов, Харрисон Форд, Уолтер Маттау, Скарлетт Йохансон, гениальные музыканты — композитор Джордж Гершвин и скрипач Иегуди Менухин, легенда моды Ральф Лорен, видные государственные и общественные деятели: Генеральный прокурор США и министр юстиции Майкл Бернард Мьюкейси, министр национальной безопасности США Майкл Чертофф, заместитель министра финансов США Стюарт Айзенштат, лидер американских профсоюзов Давид Дубинский, кандидат в президенты США в 2004 году, Верховный Главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе Уэсли Кларк и многие другие евреи, имеющие белорусские корни.

Белорусские евреи, их дети, внуки и правнуки внесли столь огромный вклад в могущество и процветание США, что его трудно переоценить. Они дали Америке немало талантливых специалистов, реализовавших себя в различных сферах деятельности. Наверное, нет ни одной области человеческого творчества, в которой бы не прославились своими успехами белорусские евреи.

Именно этой проблеме посвящена книга бывшего профессора Белорусского государственного университета, доктора исторических наук Давида Мельцера «Белорусские евреи в Америке», вышедшая в Нью-Йорке в 2014 году.

Несколько слов об авторе этой книги.

Давид Борисович Мельцер родился в 1925 году в Мозыре. Он был участником Великой Отечественной войны. В октябре 1943-го Давид становится студентом исторического факультета Белорусского государственного университета, который находился тогда под Москвой — на станции Сходня (ныне это район Москвы). Вскоре 18-летнего юношу избрали секретарем комитета комсомола БГУ. Важно отметить, что он работал под руководством 22-летнего секретаря партийной организации университета, будущего классика белорусской литературы Ивана Мележа. Почти полвека (1943—1992) жизнь Мельцера была связана с историческим факультетом БГУ, где он работал профессором кафедр истории южных и западных славян и истории Беларуси. Студенты называли его «живой историей университета». В Советском Союзе Давид Борисович был одним из самых талантливых и авторитетных ученых-болгаристов. За успехи в области исторической болгаристики Д. Б. Мельцер был награжден орденом Кирилла и Мефодия первой степени.

В 1993—2010 годах Давид Мельцер был политическим обозревателем на американском телеканале RTN. В настоящее время он является вице-президентом Белорусского землячества Ассоциации восточноевропейских евреев, членом правления нью-йоркского отделения Американской ассоциации евреев из бывшего Советского Союза.

Отрадно, что отдельные очерки рецензируемого издания помещены в Интернете.

Цель рецензируемой книги — дать представление о разностороннем вкладе белорусских евреев в экономику, науку и культуру Соединенных Штатов Америки. Издание состоит из очерков о знаменитых американцах еврейского происхождения, имеющих белорусские корни, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю Америки.

Эта книга — плод 20-летней работы, можно сказать, титанического труда и ежедневных поисков Давида Мельцера по исследуемой проблеме. Автор прочитал и проанализировал огромное количество источников, в том числе сотни книг, журналов и газет, энциклопедий, энциклопедических словарей и различных справочников, материалов, имеющихся в Интернете, на русском, белорусском и английском языках.

Первый очерк «Евреи на белорусской земле» — это краткая история белорусских евреев, начиная с XII и кончая XXI веком.

Волнам эмиграции белорусских евреев — с конца XIX по начало XXI века посвящен второй очерк рецензируемого издания.

Характеризуя деятельность Давида Сарнова, президент США Линдон Джонсон отметил: «Его рост от мальчика-иммигранта до руководителя государственного масштаба — это исключительный и одновременно вдохновляющий рекорд».

Жизнь Давида Сарнова, создавшего широкую систему радиовещания и телевидения в Соединенных Штатах Америки, стала классическим примером американского чуда. Один из самых популярных журналов в США и за рубежом еще при его жизни назвал Сарнова гениальным менеджером XX века. Авторитетный журнал «Фортуна» в январе 1975 года включил его в число двадцати самых знаменитых американцев, внесших наиболее существенный вклад в деловую и общественную жизнь страны, наряду с Джорджем Вашингтоном, Генри Фордом, Джоном Рокфеллером, Томасом Эдисоном.

Давид Сарнов родился в местечке Узляны Игуменского уезда Минской губернии в небогатой семье маляра Абрама Сарнова и швеи Леи Сарновой. Когда маленький Давид в 1900 году вместе с матерью приехал на постоянное место жительства в Нью-Йорк к отцу, жившему в США с 1896 года, ему было только девять лет.

Свой трудовой путь на американской земле Давид Сарнов начал с 15 лет

в качестве младшего радиооператора в компании беспроволочного телеграфа, основанной великим изобретателем Гульельмо Маркони. Через некоторое время Маркони, видя его ответственное отношение к делу, назначил Сарнова старшим оператором мощной радиостанции, расположенной на крыше универмага «Ванамайкер» в Манхэттене. Именно здесь случай дал возможность Давиду прославиться и войти в историю. За короткий срок его имя стало известно всему миру.

Дело в том, что 14 апреля 1912 крупнейший в мире океанский лайнер «Титаник» столкнулся с айсбергом в Северной Атлантике. Молодой телеграфист Давид Сарнов во время дежурства первым уловил радиосигналы бедствия с тонущего корабля. В течение 72 часов он, не снимая наушники, непрерывно поддерживал радиосвязь с моряками судов, поспешивших к месту бедствия, которое находилось в 2500 километрах от Нью-Йорка. Из 2223 пассажиров «Титаника» в живых осталось только 706 человек. Все эти трое суток Сарнов передавал прессе информацию о результатах спасательных работ, а его портрет не сходил с первых полос американских и зарубежных газет. Давид стал национальным героем США.

Эти дни стали поворотными в судьбе компании «Маркони», которая набрала обороты. Отныне отношение к радио заметно изменилось.

...1 декабря 1919 года президент США Вудро Вильсон подписал закон о создании единой радиовещательной корпорации — Radio Corporation of America (RCA). Сарнов, сохранивший прежнюю должность коммерческого директора, был уверен в великом будущем радио. 1 мая 1921 года его назначили генеральным менеджером RCA.

Удивительный талант Давида Сарнова, его организаторские и креативные способности были столь бесспорны, а успехи столь ощутимы, что в 1929 году его назначают вице-президентом, а через четыре года — президентом Радиовещательной корпорации Америки. Став во главе одной из крупнейших в мире электронных компаний, он много энергии уделяет внедрению в стране системы телевидения, сначала черно-белого, а затем и цветного.

Когда талантливый инженер-эмигрант из России Владимир Зворыкин, который занимался созданием электронной телевизионной аппаратуры, в 1929 году запатентовал кинескоп, Сарнов сразу же оценил перспективность изобретения и уговорил его возглавить исследовательскую лабораторию.

Первая прямая телепередача черно-белого изображения, приуроченная к открытию Всемирной выставки в Нью-Йорке, состоялась 30 апреля 1939 года. На ней присутствовал президент США Франклин Рузвельт.

Давида Сарнова вместе с Владимиром Зворыкиным, создавшим чудо XX века, назовут «Отцами американского телевидения».

Летом 1942 года Сарнов в звании бригадного генерала был назначен главным советником корпуса связи Армии США. Его блестящая деятельность во время Второй мировой войны была достойно оценена президентом США. За боевые заслуги и успешное руководство связью Сарнов был награжден высшим военным орденом Доблестного легиона. После войны до конца жизни за ним закрепилось прозвище «генерал».

В 1954 году Давид Сарнов стал председателем Совета директоров корпорации RCA.

Он был членом Национального института социальных наук, Британского королевского общества, почетным доктором 26 американских и европейских университетов и институтов. Именем Давида Сарнова назван научно-исследовательский центр RCA в Принстоне.

Среди его многочисленных наград есть американская медаль «За заслуги» и французский орден Почетного легиона.

Легенда американского делового мира Давид Сарнов скончался на 81-м году жизни. В своем выступлении на панихиде, собравшей много людей, губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер подчеркнул: «Кем был этот человек? Прежде всего, это был гений. И не только гений, а гений созидания.

Его гений заключался в его способности смотреть на те же вещи, на которые смотрят другие, но видеть больше. Слово «мечтатель» для многих означает «человек, витающий в облаках».

Мечтатель Сарнов обладал способностью видеть будущее и претворять его в жизнь».

Жизни и деятельности Давида Сарнова в рецензируемой книге посвящен очерк Давида Мельцера «Гений бизнеса из белорусского местечка Узляны».

Одним из героев этой книги стал уроженец Пинска, выпускник Пинского реального училища Саймон Смит (Семен Кузнец), внесший весомый вклад в американскую и мировую экономическую науку.

В 1922 году 21-летний Семен Кузнец вместе с младшим братом Соломоном прибыли в США, где их ждал отец. Здесь он сменил имя и фамилию на американский манер: стал Саймоном Смитом.

Получив хорошее образование в Нью-Йоркском и Колумбийском университетах, Саймон Смит уже через пять лет — в 1927 году — возглавил Национальное бюро экономических исследований.

Когда разгорелась Вторая мировая война, американское правительство назначило его председателем Бюро планирования и статистики Комитета военной промышленности.

В послевоенные годы Саймон Смит возглавил комитет по экономическому росту при правительстве США, где проработал до 1968 года. Одновременно он являлся советником и консультантом правительств Китая, Тайваня, Индии, инициатором создания Института экономического поиска в Тель-Авиве.

В 1971 году Нобелевский комитет удостоил Саймона Смита высокого звания лауреата Нобелевской премии по экономике. В своих исследованиях ученый сумел объяснить, как влияют неумолимые законы экономики на технический прогресс и развитие общества, и что самое ценное — это человеческий капитал. Первым в мире из ученых-экономистов он определил роль капиталовложений в человеческий фактор как основу экономического роста. Смит подчеркнул, что для страны «самым большим капиталом являются ее люди с их мастерством, опытом и побуждением к полезной экономической деятельности».

Один из самых талантливых и влиятельных экономистов XX века Саймон Смит умер 10 июля 1985 года — на 85-м году жизни в Кембридже (штат Массачусетс).

Среди многочисленных ученых-экономистов, его учеников, есть и два лауреата Нобелевской премии. Это Милтон Фридман и Роберт Фогель.

Известный американский композитор Джером Керн заметил: «Говорить о месте Берлина в истории американской музыки невозможно — он и есть американская музыка, ибо он сам эта история».

Боже, благослови Америку!
Мою любимую страну.
Стой на ее стороне, и укажи ей путь
Сквозь ночь (исходящим) свыше светом.

Эти слова из знаменитой песни «God Bless America!», ставшей поистине неофициальным гимном США, обессмертили иммигранта из Беларуси Ирвинга Берлина.

Он родился 11 мая 1888 года в еврейской религиозной семье Моисея и Леи Бейлиных в местечке Толочин Могилевской губернии (теперь город Толочин Витебской области). Мальчика назвали Изей (в дальнейшем — Израилем).

Когда Бейлины 13 октября 1893 года приехали в США, Изе было пять лет.

В 1907 году он написал песню «Мэри из солнечной Италии». На титульном листе издатель указал, что автор — Ирвинг Берлин. Ошибка понравилась юноше, и с этого времени его звали не Израиль Бейлин, а Ирвинг Берлин. Под этим именем он и вошел в историю американской музыкальной культуры.

В 1911 году Ирвинг создал джазовую композицию «Alexander's Ragtime Band» («Оркестр джазового ритма Александра»»), принесшую автору оглушительный успех. Он становит-

ся популярным композитором, сочиняя все новые песни. Берлин стоял у истоков бродвейских шоу и мюзиклов. Профессор университета в Беркли Мэл Гордон отмечал, что Ирвинг Берлин «принес с собой музыку улицы, музыку разных стилей и, пропустив через себя, вывел их на концертную эстраду и на театральный Бродвей».

После Первой мировой войны И. Берлин открывает на Бродвее свой театр «Музыкальная шкатулка».

Каждая его новая песня становилась сенсацией, и ее распевала вся страна. Но самым важным своим сочинением он считал песню «God Bless America». Когда 11 ноября 1918 года певица Кэйт Смит впервые по радио исполнила песню «Боже, благослови Америку», она сразу же стала главной песней страны, неофициальным гимном.

Беспрецедентный успех имела пластинка Ирвинга Берлина «Светлое Рождество», выпущенная в 1942 году. Она вошла в Книгу рекордов Гиннесса как самая продаваемая песня XX века.

В 1962 году состоялось последнее публичное выступление И. Берлина, во время которого он исполнил песни из мюзикла «Мистер президент», посвященные Джону Кеннеди. За свою долгую жизнь он сочинил около 1500 песен. Они были широко известны и любимы народом. Многие из них стали хитами, а 35 — вошли в золотой фонд американской музыкальной сокровищницы. Ирвинг Берлин стал одним из классиков и символов Бродвея. Он написал музыку для 19 театральных мюзиклов и 15 художественных кинофильмов.

Редко кто из деятелей американского искусства удостаивался столь высоких почестей, как Ирвинг Берлин. Он получил многочисленные высшие знаки отличия. Президент Гарри Трумэн наградил его военной медалью «За выдающиеся заслуги». Дуайт Эйзенхауэр в 1958 году — «Золотой медалью конгресса США», Гарольд Форд в 1977 году — «Президентской медалью Свободы», а президент Франции — орденом Почетного легиона.

Композитор был избран почетным доктором наук ряда университетов США. В 2002 году почтовое ведомство США в честь И. Берлина выпустило марку с портретом на фоне текста и нот песни «God Bless America!».

Выдающийся композитор XX века скончался 22 сентября 1989 года. Ему шел 102-й год.

Одним из отцов мировой столицы кино — Голливуда — по праву считают героя очерка «Пионер американской киноиндустрии» минчанина Луиса Бурта Майера (1885—1957).

Когда Лазарю (Элиэзеру) было два года, семья переехала из Минска в канадский городок Сент-Джонс. В 1904 году Лазарь Меир переехал в США, обосновавшись в Бостоне, где стал Луисом Майером, на американский манер. Как и отец, Луис занялся сбором утильсырья.

Одним из достоинств рецензируемой книги является не пересказ интересных биографических фактов, а поиск фактов, неизвестных широкому читателю, приведение деталей, которые способствовали началу карьеры того или иного знаменитого американца.

Так, в очерке о Луисе Майере он знакомит читателя с интересной деталью или подарком судьбы, который сыграл свою роль в биографии этого человека: «Женившись, Луис стал подыскивать более престижную работу. И тут судьба сделала ему подарок. Как-то в утильсырье, в кармане старых брюк, которые принадлежали ранее местному банкиру, он обнаружил кошелек с крупной суммой денег. Когда Луис вернул кошелек хозяину, тот был потрясен честностью юноши. В знак благодарности банкир устроил Луиса на работу в кинотеатр!»

…Осенью 1907 года Луис Майер арендовал старое здание кафе и переоборудовал его в кинотеатр. Энергичный, умный, талантливый, он уже тогда понял перспективы кинематографа. К 22 годам Майер владел целой сетью кинотеатров. Художественные фильмы он выкупал у режиссеров, но они не всегда удовлетворяли его вкусу. И Майер решил создать свою кинопродукцию, которая прежде всего отражала бы доброту и справедливость, осуждала бы насилие над человеческой лич-

ностью. Он считал, что главные роли в фильмах должны исполнять яркие актеры, способные покорить публику.

В 1915 году 30-летний Луис Майер воплотил свою мечту в жизнь. Он приобрел небольшую студию, получившую название «Луис Б. Майер Пикчерс Корпорейшн». Первый же фильм «Большой секрет», продюсируемый им, получил всеобщее признание.

Луис Майер был первым человеком, который при создании кинофильмов сделал ставку на кинозвезд. У него был девиз: «Иметь больше звезд, чем на небесах».

Между тем в ноябре 1918 года Луис Майер обосновался в пригороде Лос-Анджелеса — Голливуде, становившемся центром развития американского кинематографа. Его фильмы получили самую высокую оценку зрителей.

Именно Луису Майеру принадлежит большая заслуга в том, что кино стало одним из самых популярных видов искусства. В 1924 году его студия объединилась с компаниями известных нью-йоркских кинобоссов Маркуса Лоева (тоже эмигранта, уроженца Гомеля) и Самюэля Голдвина (Самуила Гольфиша). Так возникла крупнейшая кинокорпорация «Метро-Голдвин-Майер». С этого времени кинофильмы с заставкой головы рычащего льва в кольце из кинопленки с девизом на латыни «Ars gratia artis» («Искусство ради искусства») имели грандиозный успех и до сих пор не сходят с киноэкранов мира.

Луис Майер стал вице-президентом и генеральным менеджером новоявленного киногиганта. В течение 27 лет он занимал ключевые позиции в корпорации, активно участвуя в развитии американской киноиндустрии.

В 1925 году, после выхода на экраны легендарных кинофильмов «Большой парад» и «Бен Гур» корпорация «Метро-Голдвин-Майер» становится флагманом Голливуда.

Гениальный менеджер Луис Майер стоял у истоков самой престижной в мире награды за выдающиеся достижения в области кино — «Оскар». По его предложению и при его активном участии 11 мая 1927 года была образована Американская академия кинематографических искусств и наук, которая ежегодно присуждает эту премию (официально «Оскаром» она называется с 1939 года). Впервые церемония вручения прошла 16 мая 1929 года. Премию получил кинофильм «Певец джаза», выпущенный студией «Уорнер бразерс». Это была первая звуковая кинокартина.

В 1931—1936 годах Луис Майер являлся президентом Ассоциации продюсеров США.

Среди его многочисленных наград был и французский орден Почетного легиона.

Более семи лет в США (с июня 1941 по август 1948 года) прожил всемирно известный художник Марк Шагал.

Уже через пять месяцев после его переезда в Нью-Йорк в ноябре 1941 года здесь состоялась персональная выставка картин, которая потрясла любителей живописи.

В 1942 году Марк Шагал оформил для Метрополитен-опера балетный спектакль «Алеко», воссоздав сказочную атмосферу пушкинской поэмы «Цыгане». Кстати, дизайн сцены финала этого балета экспонируется сегодня в Музее современного искусства в Нью-Йорке.

В октябре 1945 года Марк Шагал приобрел двухэтажный деревянный домик в Хай-Фоллсе, где местный пейзаж напоминал художнику белорусские места. Он создал здесь такие замечательные картины, как «Автопортрет с настенными часами», «Зеленый сон», «Букет с летящей возлюбленной», «Ноктюрн», «Вокруг нее», «Свадебные свечи».

Шагал был прекрасным графиком и книжным иллюстратором. По просьбе нью-йоркского издательства «Книги Пантеона» он создал коллекцию из 12 уникальных цветных литографий, украсивших сказки «Тысяча и одна ночь». А также красочные иллюстрации к томику стихов и поэм известного еврейского поэта Авраама Лесина «Лидер унд поэм» («Стихи и поэмы»).

В 1946 году в Нью-Йорке с огромным успехом прошли две масштабные выставки произведений Марка Шага-

ла: «Шагал 1945—1946» — в галерее Матисса, а вторая — в Музее современного искусства, где поклонники живописи могли ознакомиться с коллекцией из 144 работ великого мастера.

Через два года — в 1948-м — также состоялись две выставки работ художника: одна под названием «Марк Шагал: последние полотна из цикла «Тысяча и одна ночь», а вторая — грандиозная ретроспективная выставка его произведений в Чикагском институте искусств.

Одним из самых талантливых живописцев и графиков в американском искусстве XX века был Савелий (Завель) Сорин. Он родился 4 февраля 1878 года в самом древнем городе Беларуси — Полоцке.

В 1899 году после окончания Одесской художественной школы с золотой медалью Савелий поступил в Академию художеств в Санкт-Петербурге. В 1907 году за дипломную работу «Вдохновенная минута» он получил право на поездку во Францию и Голландию, где отточил свое мастерство и приобрел много друзей в мире искусства.

Уже в начале творческой карьеры Савелий Сорин определился как живописец-портретист. В мае 1920 года он эмигрировал в Париж, где стал одним из преуспевающих художников.

Савелий Сорин довольно часто и подолгу бывал в Нью-Йорке. Его талантливые работы стали выставлять на художественных выставках русского искусства в этом городе, проходивших в 1923 году (в Бруклинском музее) и в 1924 году (в Grand Central Palace).

Директор Третьяковской галереи в Москве Игорь Грабарь, посетивший Нью-Йорк в 1924 году, высоко оценил творения Савелия Сорина. Он писал: «Все выставки гоняются за его последними вещами, самые видные женщины Англии и Америки непременно хотят иметь соринский портрет. Музеи ищут его картины… Сорин в моде, Сорин в цене. Сорин мог быть доволен и почивать на лаврах… Но его счастье в том, что он недоволен и продолжает искать».

Высокую оценку ценителей живописи получили персональные выставки работ Савелия Сорина в Питтсбурге в 1924 году, в Чикаго в 1927 году, в Нью-Йорке в 1927 и 1934 годах.

Мировую известность принесла художнику коллекция великолепных портретов Джорджа Баланчина, Михаила Фокина, Льва Шестова, Сержа Полякова. Особенно славились пленительные женские портреты Анны Павловой, Элеоноры Дузе, Лилиан Гиш, Надежды Тэффи.

Эти и многочисленные другие полотна Савелия Сорина поражают необыкновенной эмоциональностью. Каждое из них являлось гимном женской красоте. Огромное впечатление творения Сорина произвели на королевскую семью Великобритании. Среди его чудесных работ портрет принцессы Елизаветы, нынешней королевы.

Искусствоведы признали Савелия Сорина одним из лучших портретистов своего времени.

После захвата Гитлером Франции Савелий Сорин навсегда уехал в США. Он продолжал активно работать в Нью-Йорке, где пополнил свою галерею знаменитостей. В то время он создал прекрасные портреты Федора Шаляпина, Александра Бенуа, своей жены Анны Сориной.

Большой резонанс вызвали выставки картин Савелия Сорина в Нью-Йорке в 1942, 1948 и 1949 годах.

Обладая высочайшей графической культурой, Сорин оставил после себя большое количество работ, многие из которых представлены в крупнейших музейных собраниях мира, в том числе в Бруклинском музее Нью-Йорка, в Люксембургском музее в Париже, в Третьяковской галерее в Москве и других.

Савелия Сорина не стало 22 ноября 1953 года.

По завещанию художника его жена Анна отправила в дар музеям Советского Союза двадцать полотен, в том числе портреты Ф. Шаляпина, А. Бенуа, А. Лурье, А. Сориной, М. Фокина. В настоящее время они экспонируются в Государственном музее изобразительного искусства имени А. С. Пушкина в Москве.

Отдельные очерки посвящены уроженцу Белостока, лауреату двух премий «Оскар», видному американскому

кинематографисту Борису Кауфману (1897—1980), четырем братьям Уорнерам (настоящая фамилия — Вороновы. — **Э. И.**) — Гарри, Альберту, Сэму и Джеку — основателям знаменитой голливудской кинокомпании по производству художественных фильмов и телесериалов — «Warner Brothers», выдающимся киноактерам семейства Дугласов — Кирку, Майклу и Кэмерону, знаменитому режиссеру, актеру и продюсеру Сидни Поллаку, легенде моды Ральфу Лорену, королеве американского предпринимательства Иде Розенталь, лидеру американских профсоюзов Давиду Дубинскому, лидеру мирового еврейства Нахуму Гольдману, одному из основателей Компартии США Джону Ловстону, знаменитому шахматисту Давиду Яновскому, мэру Нью-Йорка Майклу Блумбергу, четырехзвездочному генералу Уэсли Кларку, одному из основоположников современного Интернета Полу Бэрэну, руководителю американской корпорации Microsoft Стиву Баллмеру, выдающемуся ученому и успешному предпринимателю Феликсу Зандману, одному из крупнейших американских нефтепромышленников Джеку Гринбергу, всемирно известному парфюмеру Софии Гройсман, героине антинацистского сопротивления Циле Лупьян (Ботвинник), кавалеру ордена Ленина, отважному партизану Семену Лапидусу, королю американской прессы Сэмюэлю Ньюхаузу, патриарху тележурналистики Ларри Кингу, одному из самых известных режиссеров, сценаристов и продюсеров современного кино Стивену Спилбергу, звездам Голливуда Харрисону Форду и Скарлетт Йоханссон, американскому гражданину и Герою России Жоржу Ковалю.

Один из очерков — «На службе стране» — посвящен министру национальной безопасности США Майклу Чертоффу, Генеральному прокурору и министру юстиции США Майклу Бернарду Мьюкейси, заместителю Госсекретаря США, заместителю министра финансов США Стюарту Айзенштату, конгрессмену Сэму Гейденсону, Генеральному прокурору штата Нью-Йорк Элиоту Спитцеру, спикеру законодательной Ассамблеи штата Нью-Йорк Шелдону Сильверу и другим представителям законодательной власти США.

В чем новизна рецензируемого издания?

Автор скрупулезно собрал интересные биографические факты, которые во многом являются уникальными.

Отрадно, что в издании приведены фотографии подавляющего большинства героев очерков.

Книга написана хорошим литературным языком.

Отмечая многочисленные достоинства рецензируемого издания, нельзя не высказать несколько замечаний.

Кроме уроженца Пинска Саймона Смита и ученых с белорусскими корняими Шелдона Глэшоу, Алана Хигера и Мартина Льюиса Перла, ставших лауреатами Нобелевской премии, этого высокого звания удостоены другие ученые с белорусскими корням. Это физики Ричард Фейнман, Джером Айзек Фридман, Фредерик Райнес.

В книге приводятся очень краткие сведения о драматурге Хальпери Лейвике из местечка Игумен. Во всех энциклопедиях и справочниках он проходит как Хальперн Лейвик.

Автор книги указывает, что «в настоящее время в Республике Беларусь осталось менее 10 тысяч евреев». По результатам республиканской переписи населения в октябре 2009 года, в Беларуси насчитывалось 12,9 тысяч евреев.

Это не первая книга о США уникального белорусского историка-болгариста. Если к прежним работам профессора Давида Мельцера прибавить настоящее издание, то есть все основания назвать его талантливым историком-американистом.

Удивительно, что автор книги, которому идет 90-й год, сохраняет такую удивительную работоспособность. Как говорится, «есть еще порох в пороховницах».

Давид Мельцер создал очень познавательную, нужную и интересную книгу, которая найдет своего читателя в самых широких кругах — от студентов до дипломатов.

Эмануил ИОФФЕ

Оригинальное исследование на стыке белорусистики, гебраистики и американистики

Хорошо известно, что в основном население Соединенных Штатов Америки образуют иммигранты и их потомки.

К этому массиву принадлежит и доктор исторических наук, профессор Давид Борисович Мельцер. Он появился на свет на белорусской земле, сделал здесь блестящую карьеру, став одним из ведущих болгаристов СССР. Профессор Белорусского государственного университета Д. Б. Мельцер создал научную школу, представленную двумя докторами и одиннадцатью кандидатами наук. В августе 1992 года ученый и педагог эмигрировал в США, где проживает по настоящее время. Здесь он отметился серьезными работами по еврейской истории, талантливой пропагандой общественно-политических знаний в электронных и печатных СМИ, причастностью к руководящим органам самодеятельных общественных организаций, объединяющих евреев, эмигрировавших из СССР и постсоветского пространства.

Сосредоточившись на исследовательском процессе на стыке белорусистики, гебраистики и американистики, профессор написал книгу «Белорусские евреи в Америке», изданную в Нью-Йорке в 2014 году. Книга интересна не только тем, что ее автором является один из «50 тысяч евреев — выходцев из Беларуси, проживающих сейчас в США». Гораздо важнее то, что в ней прослеживается очевидная научная новизна касательно персонифицированного аспекта еврейского сегмента американской элиты, связанного с белорусской землей.

Научная разработка указанного сегмента была сопряжена с рядом проблем.

Первая проблема — исчерпывающий учет соответствующей части американского населения. По ней нет оснований для высказывания замечаний автору.

Вторая проблема — избегание сюжетных повторов касательно опубликованных ранее работ. Это — азбука исследовательского процесса, руководящая установка для всех серьезных ученых. Профессор выдерживал ее строго и последовательно. «Благодаря титаническому труду… ему удалось открыть множество имен неизвестных или малоизвестных не только русскоязычным, но и американским читателям».

Суть третьей проблемы такова. Обращение ко всем элитам — политическим, военным, экономическим, научным, культурным, спортивным — требует специальных знаний по профилю каждой из перечисленных сфер, что под силу только эрудитам с весьма широкими познаниями. Без этих знаний невозможно обоснованно причислять того или иного человека к конкретной элите. Есть все основания утверждать, что в конечном итоге получилось уникальное междисциплинарное исследование. Профессор продемонстрировал фундаментальную подготовку в области политической науки, представил убедительные заключения на предмет военной биографии персонажей, которым посвящены соответствующие очерки, показал готовность к доскональному разбору стратегического, тактического, технического аспектов военной истории, применил эффективную методологию анализа экономических показателей деятельности бизнес-элиты, реализовал оригинальные приемы исследования технологического базиса народнохозяйственного комплекса, сформулировал убедительно обоснованные оценки достижений в различных отраслях науки, образцово базировал подходящие для избранного тематического ряда очерки на логической структуре понятий «культурная элита», «спортивная элита».

Четвертая проблема — выбор наиболее эффективного метода в исследовательском процессе. Ученый и педагог сделал главную ставку на сравнительно-исторический и аксиологический

методы. Сравнительный анализ осуществляется, прежде всего, по следующим направлениям: а) положение белорусских и американских евреев в исторической ретроспективе; б) результаты профессиональной деятельности представителей анализируемого сегмента американской элиты и остальных сегментов этой же элиты. Благодаря аксиологическому методу автор подводит читателя к выводу о ценности каждого из исследуемых персонажей, рассматриваемой в цивилизационном интерьере.

Именно сквозь призму цивилизационного подхода лучше всего ответить на вопрос: «Кто терял и кто приобретал в результате эмиграции белорусских евреев в США?»

Д. Б. Мельцер пишет: «Они дали Америке немало специалистов, реализовавших себя в различных сферах деятельности. Наверное, нет ни одной области человеческого творчества, в которой бы не прославились своими успехами белорусские евреи. Утечка мозгов, естественно, стала болезненной потерей для экономики, науки и культуры Беларуси.

И, наоборот, усилиями наших соплеменников и соотечественников США обогатились экономически, интеллектуально и духовно».

Автор показывает, что выдающиеся американские евреи с белорусскими корнями внесли неоспоримый вклад в совершенствование индустриальной цивилизации, становление и развитие постиндустриальной цивилизации в главной стране Нового Света. Этот вклад несопоставим с их долей в населении США, которая никогда не достигала даже 0,005 %.

Известно, что изобретение радио явилось одним из ключевых событий в совершенствовании технологической базы индустриальной цивилизации, что люди, причастные к появлению телевидения, причисляются к тем, кто писал предысторию постиндустриальной цивилизации. Известно и то, что «отцом американского радио и телевидения стал Давид Сарнов».

Великий ученый Норберт Винер своими энергичнейшими научными изысканиями подготовил почву для технологического прорыва, о котором непременно упоминают все исследователи истории постиндустриальной цивилизации. В книге читаем: «В послевоенные годы ученый сосредоточил свои интересы на разработке процесса хранения и переработки информации, управления и контроля. Он создал новую научную дисциплину, назвав ее кибернетикой». Данная дисциплина заняла ключевое место в генезисе информационного общества, которое считается наиболее прогрессивным в современном мире.

Знаковой фигурой для информационного общества является Пол Бэрэн. С его именем вполне можно связывать такую реальность этого общества, как Интернет. «В 1969 году Агентство по перспективным научным разработкам при Министерстве обороны США на основе технологии Бэрэна создало первую компьютерную технологию передачи цифровой информации в Интернет».

Выдающийся вклад в укрепление медико-биологических основ постиндустриальной цивилизации внес Альберт Сэбин. Его научная биография была отмечена прежде всего «созданием первой противополиомиелитной пероральной (принимаемой вовнутрь) вакцины… Ему удалось определить вирус москитной лихорадки и создать вакцину против этой болезни».

Научно-техническая революция, занимающая важнейшее место в истории постиндустриальной цивилизации, имела в числе своих соавторов нобелевских лауреатов Шелдона Ли Глэшоу, Алана Хигера, Мартина Льюиса Перла.

С именем Шелдона Ли Глэшоу следует связывать «объединенную теорию слабых и электромагнитных взаимодействий <…>, предсказание слабых нейтральных токов <…>, существенный вклад в понимание теории, объединяющей сильное и электромагнитное взаимодействия элементарных частиц. Опираясь на результаты взрыва сверхновой звезды, ученый пришел к выводу о более низких оценках массы нейтрино».

Главную заслугу Алана Хигера можно сформулировать следующим образом: «открытие и развитие методов получения органических полимеров, электропроводимость которых сравнима с электропроводимостью металлов».

Мартин Льюис Перл выступил пионером в освоении проблемного комплекса, связанного с «третьим поколением элементарных частиц (тау, тау-нейтрино, u-кварк и d-кварк)», достиг на данном направлении прорывных результатов. «Он, в частности, открыл элементарную частицу тау-лептон. Этот результат подтвердил теорию Большого взрыва при создании Вселенной».

Опыт и индустриальной, и постиндустриальной цивилизации подтверждает колоссальную значимость теоретического наследия нобелевского лауреата Семена Кузнеца (Саймона Смита). «Он первым из ученых определил роль капиталовложений в человеческий фактор как основу экономического роста. Смит подчеркнул, что для страны «самым большим капиталом являются люди с их мастерством, опытом и побуждению к полезной экономической деятельности».

Еврейская диаспора с белорусскими корнями с момента своего появления в США постоянно обозначает свою причастность к формированию духовно-культурных предпосылок цивилизационного прогресса. Творческие продукты ее ярких представителей, вовлеченных в разнообразные культурные процессы, оказывают немалое влияние на общественное сознание. Судя по содержанию книги, именно так следует оценивать наследие классика мировой фантастики Айзека Азимова, авторов литературных произведений на языке идиш Давида Пинского, Нохема-Меера Шайкевича, Леона Кобрина, Аврома Рейзена, Боруха Глазмана, Исраэля-Залмана Гурвица, Переца Гирштейна, Бориса Горина, Залкинда-Залмана Шнеура, Исраэла-Иосифа Завина, Иосифа Тункеля, Иосифа Рольника, Арона Раппопорта, Шломе Юдсона, Мойсея Басина, Иосифа Бовшовера, Давида Эйнгорна, Нохема Ерусалимчика, Йоэля Энтина, Рувима Брайнина, Чарльза Ангоффа.

Не меньшими оказались результаты деятельности анализируемого сегмента культурной элиты и в области изобразительного искусства. Историки искусства ведут отсчет кубо-футуризма в изобразительном искусстве указанной страны от выдающегося живописца Макса Вебера. С экспрессионизмом этой страны следует связывать «наиболее вдумчивого и поэтического из американских живописцев» Джозефа Салмана. Среди художников, писавших портреты в первой половине XX века, в числе лидеров неизменно находился Савелий Сорин. Среди авторов акварелей, граверных работ весьма солидно выглядел Бен Зильберт. Уникальным «еврейским экспрессионистом» являлся Бенджамин Копман. В сокровищницу мирового искусства вошли жанровые картины Уильяма Аурбаха-Леви, скульптуры Сола Бейзермана, Хаима-Якова Липшица, декорации Льва Бакста. Некоторое время к числу белорусских евреев в США принадлежал Марк Шагал. «Он создал здесь такие замечательные картины, как «Автопортрет с настенными часами», «Зеленый сон», «Букет с летящей возлюбленной», «Ноктюрн», «Вокруг нее», «Свадебные свечи».

Эксперты и обычные меломаны по самым высоким меркам оценивают американских деятелей музыкального искусства из сегмента белорусских евреев. Профессор доказывает правомерность такой оценки, сделанной композитором Джеромом Керном в адрес Ирвинга Берлина: «Говорить о месте Берлина в истории американской музыки невозможно — он и есть американская музыка, ибо он сам эта история». Историки музыки неизменно отмечают, что Луис Грюнберг «одним из первых одновременно использовал элементы джаза и симфонической музыки», что еще в конце XIX — начале XX вв. «многие песни Шлойме Шмулевича стали популярны во всем мире», что с именем Артура Винцента Лурье прочно связано возникновение американского

музыкального авангарда. Как гении в музыке оцениваются Джордж Гершвин и Иегуди Менухин.

Не меньший след оставили белорусские евреи и в области киноискусства. Многие авторы не без оснований отождествляют начальную историю Голливуда с «Луисом Майером, одним из самых талантливых организаторов американской киноиндустрии», подчеркивают, что именно он «стоял у истоков самой престижной в мире награды за выдающиеся достижения в области кино — «Оскар». Два «Оскара» получил выдающийся кинематографист Борис Кауфман. С неподдельным интересом читаются страницы, посвященные «легендарной компании братьев Уорнеров Warner Brothers, стоявшей у истоков некоторых наиболее революционных новшеств XX века в области развлечений». Выдающихся успехов в киноискусстве достигли Кирк Дуглас и его сын Майкл. Оба — оскароносцы. Кроме того, отец был награжден самой престижной отечественной наградой — Медалью Свободы, а сын трижды был обладателем «Золотого глобуса». «Самым выдающимся режиссером современности <…>, самым кассовым режиссером в истории мирового кино» является Стивен Спилберг. Обращает на себя внимание и тот факт, что «белорусско-еврейские корни имеет прославленный голливудский актер Харрисон Форд». Белорусскими евреями взята такая высота, как появление именной Звезды на голливудской «Аллее Славы». Это произошло первый и пока единственный раз 2 мая 2012 года. Героиней соответствующей церемонии оказалась великая американская актриса Скарлетт Йоханссон. Общепризнанным является яркий талант еще одной голливудской звезды Гвинет Пэлтроу. Д. Б. Мельцер сосредоточился в своем очерке о Бене Хехте на доказательстве двух относящихся к последнему тезисов: 1) «Один из самых выдающихся и востребованных сценаристов классического Голливуда»; 2) «Классик гангстерских фильмов». Факты, приведенные в очерке, не оставляют сомнений в этих тезисах.

Еврейская диаспора в США, имеющая белорусские корни, отметилась и нахождением в составе спортивной элиты, которая по-своему обогащает американскую цивилизацию. Юрий Форман был чемпионом мира по боксу во втором полусреднем весе по версии WBA. Давид Яновский снискал мировую славу в шахматах и как спортсмен, и как теоретик. Уже полтора десятилетия Юрий Шульман небезуспешно участвует в престижных шахматных соревнованиях в качестве американского гражданина. Он был победителем и призером чемпионатов США, вошел в число победителей Word Open-2001. Отличились тренеры по спортивной борьбе Иосиф Вигдорчик, Макс Геллер, Роман Рудерман, родные братья Борис и Леонид Ходосовы, тренер по баскетболу Джозеф Рыжиков, тренер по шахматам Михаил Кац. Абрам Островский на очень высоком уровне судил многие престижные соревнования по спортивной борьбе.

Не менее удачным получился показ присутствия белорусских евреев в американской экономической элите. Многие из них отметились в наукоемких отраслях. В этой связи следует, прежде всего, назвать Генерального исполнительного директора корпорации «Microsoft» Стива Баллмера, руководителя гигантского электронного концерна «Vishay Intertechnology» Феликса Зандмана. Репутацию весьма успешного предпринимателя имеет президент «Greenberg Petroleum Company» Джек Гринберг. «Одной из самых влиятельных личностей в парфюмерном мире является» София Гройсман. Не без оснований называют «королем американской прессы» Сэмюэля Ирвинга Ньюхауза. Перечисленные представители бизнес-элиты отличаются стремлением максимально эффективно использовать преимущества цивилизованной конкуренции.

Особое место в истории белорусских евреев в США заняло представительство во властных структурах. На основании фактуры, содержащейся в книге, получается следующая таблица.

Белорусские евреи во властных структурах США

Фамилия, имя	Федеральный уровень	Уровень субъекта федерации	Уровень местного самоуправления
Чертофф Майкл	Министр национальной безопасности США в 2005—2009 гг.		
Мьюкейси Майкл	Генеральный прокурор, министр юстиции в 2007 — 2009 гг.		
Айзенштат Стюарт Д.	Заместитель министра торговли в 1996—1997 гг., в 1997—1999 гг. — заместитель Государственного секретаря США, в 1999—2001 гг. — заместитель министра финансов		
Коткинд Дэвид	Член Палаты представителей Конгресса США в 1957—1977 гг.		
Гейденсон Сэм	Член Палаты представителей Конгресса США в 1981—2000 гг.		
Спитцер Элиот		Губернатор штата Нью-Йорк с 1 января 2007 г. по 17 марта 2008 г.	
Сильвер Шелдон		Спикер законодательной Ассамблеи штата Нью-Йорк с 1976 г.	
Брук-Красный Алек		Член законодательной Ассамблеи штата Нью-Йорк с 2006 г.	
Блумберг Майкл			Мэр Нью-Йорка с 2001 по 2013 г.
Нельсон Майкл			Член городского совета Нью-Йорка с 1999 г.

Конечно, есть смысл прокомментировать эту таблицу. Она начинает федеральный министерский уровень с 2005 года. Дело в том, что до Майкла Чертоффа никто из белорусских евреев не достигал такого уровня в своей карьере. Проницательный читатель, знакомящийся с книгой Д. Б. Мельцера, поинтересуется, были ли попытки превзойти этот уровень. Удовлетворяя его любопытство, автор книги упоминает следующий факт. Потомок минских раввинов, видный представитель военной элиты США генерал Уэсли Кларк

«перед президентскими выборами в 2004 году был выдвинут одним из кандидатов в президенты США от Демократической партии, однако он вышел из борьбы за этот пост в пользу Джона Кэрри».

Дэвид Коткинд — первый белорусский еврей, ставший американским парламентарием федерального уровня. Первыми и в единственном числе по обозначенным в таблице позициям являются Элиот Спитцер, Сильвер Шелдон, Майкл Блумберг, Майкл Нельсон.

Следует обратить внимание и на то, что до Алека Брука-Красного ни один русскоязычный иммигрант не попадал в парламент субъекта американской федерации.

Нельзя обойти то обстоятельство, что третий уровень представлен исключительно Нью-Йорком, а второй уровень — исключительно одноименным штатом. Объяснение здесь предельно простое: в данном субъекте федерации и его столице традиционно отмечается наибольшая концентрация белорусских евреев.

Важным исследовательским приемом представляется сравнение содержащейся в настоящей таблице информации с реалиями других федераций, в которых проживает еврейская диаспора с белорусскими корнями. Реалии австралийской, германской, канадской федераций таковы, что нет соответствующей фактуры для заполнения подобных таблиц.

Показательно и то, что белорусские евреи проходили и проходят школу государственного управления в разных ветвях власти, функционирующих на основании цивилизованных стандартов.

Таким образом, в книге видного ученого Давида Мельцера «Белорусские евреи в Америке», изданной в Нью-Йорке в 2014 году, предпринята весьма удачная попытка системной реконструкции их истории в данной стране. Она обязательно будет востребована научным и образовательным сообществом.

Михаил СТРЕЛЕЦ



Память

«Не прападу я…»



17 апреля исполнилось бы 80 лет Михасю Рудковскому (1936—1991), поэту, чьи жизнь и творчество были неразрывно связаны с Брестом и Брестчиной.

Городу над Бугом, Брестской крепости, Беловежской пуще, Полесью никакой, пожалуй, другой белорусский поэт не посвятил столько вдохновенных строк, как Михась Рудковский:

І богам, і людзьмі напаўзабыты,
Без весялосці лішняй, без турбот
Каторы час жыву — жыву, нібыта
Стары правінцыяльны анекдот.

Стихи эти были написаны тогда, когда слово «Бог» писали у нас непременно с «малой» буквы, а ходить в храм Божий считалось «пережитком и мракобесием»…

Верил ли в Бога Михась Рудковский? По крайней мере, не отрицал. И уж точно могу сказать, что народные традиции, народ — для него были священными. Если не святыми: «Гультайства і фальш лічыліся ў нашай сям'і самымі вялікімі заганамі ў чалавеку», — говорил поэт, как бы между прочим, говорил и официально, в том числе, разумеется, и в своих стихах, этим сакральным для него значениям посвятил десятки поэтических миниатюр, гениальных по простоте и философской глубине:

Запомнілася гэта як святыня,
Як бацькі запавет:
кім ты б ні стаў —
Адной рукой гайдай калыску сына,
Другой — магілу дзедаву папраў…

В своей последней книге «Гарынь», которая вышла в 1992 году и которую, к сожалению, Михась Рудковский уже не увидел, он опубликовал целый раздел таких миниатюр-философизмов. Видимо, раздумья последних лет жизни, а прожил поэт всего 55 лет, к тому же много и тяжело болел, не давали ему покоя, не отпускали до последнего дня…

А вообще лиризм и глубокое философское начало были свойственны поэту Рудковскому с первых серьезных публикаций в 1958 году. Вот как характеризует его творчество одна из литературных энциклопедий: «Як паэт-лірык ён быў улюбёны ў край «запаветна-светлы — Беларусь», у яе добрых і мужных людзей, ганарыўся

гісторыяй, разважаў над праблемамі і трывогамі сучаснасці і будучыні. Яго вершам уласцівы глыбокі псіхалагізм, непасрэднасць, шчырасць пачуцця, яркая вобразнасць, тонкі лірызм. Спрабаваў свае сілы ў жанрах балады, элегіі, санета, трыялета і інш. Рэцэнзаваў кнігі пісьменнікаў, пісаў артыкулы па пытаннях сучаснай беларускай паэзіі. Выступаў як перакладчык з украінскай мовы». Кстати говоря, я мало у кого из поэтов, в том числе и мирового уровня, встречал столь мощный по лиризму, поэтичности и глубине философской мысли сонет, как вот этот сонет Михася Рудковского:

Маім барам звінець — не адзвінець,
Маім крыніцам ліцца — не праліцца.
Ёсць пад карой і ў каранях жывіца —
Жыць будзе дрэва: лесу — зелянець!

А полю рунню маладой рунець
І нівай красаваць і каласіцца,
Калі зярняты ў глебе і зямліца
Яшчэ, як маці, можа іх сагрэць.

Хаця вятры ў няласкавых стагоддзях
Зямлю маю астуджваюць-халодзяць,
Не прападу я — унукам прарасту,
Як поле жытам, як застолле песняй, —
Упаду — устану, згіну — уваскрэсну.
Як колас, я жыву начыстату.

Михась Рудковский родился 17 апреля 1936 года в деревне Остров Ганцевичского района. В 1944 году пошел в первый класс, а в 1952-м, после окончания восьмилетки, поступил в Ганцевичское педучилище. Правда, заканчивать учебу ему довелось в Пинске, куда были переведены учащиеся Ганцевичского педучилища. Несколько лет проработал на родной Ганцевщине — учителем, воспитателем, с 1960-го по 1962-й — заведовал отделом писем районной газеты «Сялянская праўда», там же, в Ганцевичах. В «Сялянскай праўдзе» опубликовал и первые свои стихи. В это время (1956—1961) учился на заочном отделении филологического факультета Брестского пединститута. В 1962-м переехал в Брест, где работал редактором и старшим редактором литературно-драматических и музыкальных передач Брестской студии телевидения. Награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР.

Здесь, на старой студии Брестского телевидения (еще не было, теперь всем брестчанам хорошо знакомого трехэтажного здания) на улице Куйбышева, 64, я и увидел впервые ЖИВОГО поэта Михася Рудковского. Это было в конце марта 1971 года. Я приехал по его же приглашению выступить в телевизионном литературно-художественном журнале «Буг», который он и готовил как редактор. Как сейчас помню, в Брест приехал рано утром. Михася Рудковского на студии не было, мне сказали далеко не отлучаться. Спустя каких-то полчаса на меня указали высокому, худощавому, еще довольно молодому человеку (я, конечно же, узнал Михася Рудковского по фотографии в его книге стихов), и он тут же пошел ко мне. Подал руку, сказал несколько приятных, одобряющих фраз. Так мы и познакомились. Потом было много встреч, много писем — я ездил к нему в Брест, он ко мне в Пинск, встречались и в других местах, писали друг другу письма, причем, бывало, получал от него письма совершенно неожиданно, порой — одно за другим. Нередко Михась присылал мне, что называется, горячие стихи — только что написанные. А на «ты» мы были давно, с лета 1975-го, как только я вернулся из армии и мы встретились в пинской гостинице «Припять», он тут же мне сказал: «Слухай, старык, давай без усякіх там выканняў, па-сяброўску!»…

Первый сборник стихов Михася Рудковского, который так и называется — «Першыя вёрсты», увидел свет в 1963 году. В 1967-м вышла книга «Сінія Брады», которая и засвидетельствовала поэтическую зрелость Михася Рудковского, его яркий и самобытный талант. Правда, в Союз писателей его приняли годом ранее, учитывая первый сборник, но в особенности — публикации стихотворений и баллад в периодике, которые и составили книгу «Сінія Брады». Это, надо сказать, был и мой самый любимый сборник Михася Рудковского. Потом у него выходили книги «Позвы», «У краі тым…», «Векавечная бацькаўшчына», «Трыгор’е», «Засцярога», однотомник избранной лирики «Залатазвон» и довольно объемный сборник поэзии «Гарынь» в 1992-м, спустя год после ухода поэта из жизни. В 1990-м в издательстве

«Советский писатель» в переводе на русский вышла книга «Да пребудешь ты в мире всегда!». Хорошо помню, как долго ждал Михась, пока дойдет и до него очередь издаться в Москве. Знаю и то, что сам он этой московской книге давал совсем другое название. А тут… Словно по злой иронии: «Да пребудешь ты в мире всегда!» Ждал книгу, ждал и вот дождался, что называется, на смертном одре, и на тебе — «Да пребудешь...». Но уже смертельно болен, уже и говорить не можешь…

Весной 1991-го мне посчастливилось провести три недели в подмосковном Доме отдыха. Ясное дело, я наведывался в советскую столицу, был, к слову сказать, и в издательстве «Советский писатель», где мне, зная мою дружбу с Михасем Рудковским, подарил только что вышедший его сборник поэт и редактор «СП» Петр Кошель.

Домой в Пинск я возвращался через Брест. Конечно же, знал, что навещу Рудковского, и, зная его давнее пристрастие к куреву, купил блок дефицитных тогда сигарет «Аэрофлот» и прямо с поезда поспешил на Московскую улицу, где напротив БИСИ жил поэт. Думал, вот обрадую его московской книгой и сигаретами!..

Увы, увы... Это была наша последняя встреча. Михась уже не мог и разговаривать: рак легких дожирал его… Я положил на стол сигареты, подал ему книгу. Не знаю, видел ли он до этого свой московский сборник. Михась взял книгу немощной рукой, посмотрел, положил на иссохшую грудь, одной рукой придерживая книгу, другой прочертил передо мной крест: «Все, мой земной путь окончен»…

Сдерживая слезы, я вышел из подъезда, несколько раз, уходя на остановку и ожидая автобус, оглянулся на еще недавно дорогой и для меня дом, понимая, что больше сюда я не приеду никогда…

Михася Рудковского похоронили спустя два с небольшим месяца, в начале июля, на кладбище его родной деревни Остров.

Односельчане присвоили имя поэта Михася Рудковского Островской средней школе. В Ганцевичах его именем назвали улицу. В Бресте на доме, в котором жил поэт, установлена мемориальная доска. В 2008 году вышел сборник трех поэтов Брестчины — Миколы Прокоповича, Алеся Каско и Михася Рудковского — «Трохперсце». За эту книгу им была присуждена литературная премия Брестского облисполкома имени Владимира Колесника. А может, и в самом деле, названием той московской книги редактор напророчил Михасю Рудковскому жизнь вечную — в том смысле, что поэзия его пребудет в мире всегда?..

Дай-то Бог!

Можно и точку ставить. Разве что хочется добавить: стихи Михася Рудковского при его жизни переводились на английский, польский, украинский, грузинский, русский языки. О нем много писали. Вспоминают иногда и сейчас. Для поэта такого масштаба и такой силы, как Михась Рудковский, этого очень мало. Давно настало время издать новую книгу избранных его стихов. Следовало бы и обновить мемориальную доску, установить настоящую, достойную его таланта памятную доску с барельефом и, в конце концов, назвать в Бресте улицу и одну из библиотек города именем поэта Михася Рудковского. Для Бреста и Беларуси он сделал немало. Это тем более актуально сегодня, в юбилей поэта, в Год культуры; сегодня, когда мы так много говорим о суверенитете и национальной идентичности белорусов.

P. S. Стихи М. Рудковского я переводил на русский, наверное, с года 1970-го, как только впервые прочитал их, и они очень понравились, так понравились, что, сам того не заметив, я стал переводить их. Первые мои переводы его стихов опубликовала газета «Знамя юности» в ноябре 1972 года. Потом стихи Михася Рудковского в моем переводе печатались и в Москве, и в Минске, и в других местах. Правда, эти публикации уже далеко не так радовали меня, как те, первые публикации на заре моей творческой и жизненной юности. Но более всего обидно и очень жаль, что этих публикаций не увидел и никогда уже не увидит Михась Рудковский…

Валерий ГРИШКОВЕЦ

Из почты журнала

Первый из первых



Валерий Попов

В апреле 1986 года полесскую землю накрыло радиоактивное облако. Тогда непосредственно на атомной станции лучшие человеческие качества проявили наши земляки — пожарные Василий Игнатенко из Брагина, братья Леонид, Петр и Иван Шавреи из Наровли. Их имена стоят рядом с именами героев-украинцев Владимира Правика, Виктора Кибенка, Леонида Телятникова... Они погасили пожар на атомной станции.

Но требовалось экстренно ликвидировать последствия катастрофы. Для этого были задействованы тысячи сотрудников органов внутренних дел нашей области, республики, всего бывшего Советского Союза. Первыми были милиционеры Гомельщины. Среди них — заместитель начальника УВД полковник внутренней службы Валерий Попов.

26 апреля 1986 года во второй половине дня к границе загрязненных районов по приказу начальника управления полковника милиции Светлана Сазанкова была направлена специальная группа во главе с полковником Поповым. Замеры радиации в населенных пунктах вблизи ЧАЭС, на территории Наровлянского, Хойникского и Брагинского районов удручали. Например, в деревне Крюки Брагинского района уровень радиации достигал 1000 миллирентген в час. Люди еще не знали об истинных масштабах и, естественно, последствиях катастрофы...

Один за другим отряды милиции уходили в зону чернобыльской беды. Отделы милиции Наровлянского, Хойникского и Брагинского районов, возглавляемые Н. Храньковым, И. Жевняком, В. Грибом (первые двое уже ушли из жизни), не могли справиться своими силами. Оперативные отряды из УВД возглавили опытные начальники отделов управления — полковники милиции В. Ищенко, В. Третьяк, В. Фроленков. В назначенное время они прибыли в указанные районы. На месте дислокации их уже встречал Попов. На его плечи легла ответственность за здоровье и жизнь сотрудников милиции. Требовалось срочно организовать размещение, питание, медицинский контроль, дезактивацию, отдых после дежурств, связь с семьями.

В контакте с местными властями он организовал работу и среди гражданского населения. Стояла задача не допустить дезорганизованности, паники, поддерживать порядок на всем пространстве зоны. Затем эвакуация населения, материальных ценностей. В первую очередь нужно было увезти беременных женщин, детей и стариков. Кроме этого, оградить колючей проволокой тридцатикилометровую зону. Огромную опасность представляла стоявшая жара и возникающие повсеместно пожары. От них уровень радиации становился еще выше. В то время Валерий Попов возглавлял службу пожарной безопасности области.

Если отряды через каждый месяц сменялись, то Валерий Петрович был бессменным начальником тыла и «комендантом» пораженных радиацией районов

Гомельской области. На самых трудных участках, в самых экстремальных условиях можно было встретить Валерия Попова. Он без шума, спешки, грубости и окриков «разруливал» возникающие то тут, то там сложнейшие проблемы. Энергичный, инициативный, добросовестный, человечный, порядочный и талантливый руководитель пользовался заслуженным авторитетом среди сотрудников правоохранительных органов и населения области. Ему верили, за ним шли.

Да иначе и не могло быть. За спиной у Попова большой жизненный опыт, постоянная работа с людьми: три года службы в армии, четыре года работы в Гомельской дистанции пути Белорусской железной дороги, студент БИИЖТа, слушатель высшей партийной школы при ЦК КПСС, избирался первым секретарем Гомельского горкома и обкома ЛКСМБ, вторым секретарем Железнодорожного райкома КПБ и первым секретарем Мозырского горкома КПБ. В 1993 году был направлен на работу в МВД, работал заместителем начальника управления внутренних дел Гомельского облисполкома, позже — начальником отдела МВД республики. Следует отметить его долголетнюю работу и в качестве председателя областного спортивного общества «Динамо».

За личный вклад в развитие народного хозяйства и социальной сферы области и за безупречную службу в органах внутренних дел он награжден орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, двумя орденами «Знак Почета», многими медалями и Почетными грамотами.

Валерий Петрович никогда не щеголял своими заслугами и наградами. Когда к 20-летию Чернобыльской аварии готовилась книга «Испытание Чернобылем» (воспоминания сотрудников органов внутренних дел Гомельщины), он под разными предлогами уклонялся от интервью. К сожалению, материал о нем в этой книге отсутствует. Я и сейчас корю себя за то, что не смог найти к нему подход, нужные слова, подготовить о нем очерк.

Не вычеркнуть из памяти его разговор с убеленным сединой ветераном войны, кавалером многих боевых орденов и медалей в отселяемой деревне Хойникского района:

— Сынки! Мы победили фашизм, помогите же нам победить взбесившийся атом!

— Победим, отец, не волнуйся. Мы еще свадьбы будем гулять на этой земле. Вот только окажите нам помощь в беседе с вашими аксакалами, чтобы все эвакуировались из деревни. Здесь оставаться небезопасно! — ответил ему Попов.

Через пару часов все население небольшой деревни было эвакуировано.

Не секрет, что некоторые пожилые люди все же наотрез отказывались оставлять родные места. Тогда Валерий Попов давал команду своим подчиненным организовывать доставку им продовольствия из походных кухонь. Иногда сам наведывался к старикам, и не с пустыми руками. Нужно было видеть их слезы благодарности за внимание и заботу. В лихое время их не забыли.

В. Ищенко, В. Третьяк, И. Матюнин, В. Сибирский, И. Курбацкий, В. Малетько, В. Зезюлин, А. Радевич, Е. Зборовский, поэт Н. Литвинов — печальная шеренга ликвидаторов-чернобыльцев. Она, к глубочайшему сожалению, ширится и растет. Более 200 человек в области преждевременно ушли из жизни. На 66-м году жизни скоропостижно умер и Валерий Петрович Попов. Сердце офицера не выдержало запредельных физических и психологических нагрузок.

Время постепенно стирает чернобыльские раны на полесской земле и в человеческой памяти. Но «мирный» атом напоминает о себе вновь и вновь. Об этом говорит трагедия на японской атомной станции после землетрясения в марте 2011 года. Эти техногенные аварии еще раз предупреждают о проблемах последствий чернобыльской катастрофы и еще раз обращают наше внимание на самоотверженность и героизм сотрудников внутренних дел Гомельщины, отдавших здоровье и жизнь за мирное и счастливое будущее человечества.

Михаил ДЕДОВЕЦ

КОНЕВ Федор Егорович. Родился в 1935 г. в селе Мужи Тюменской области (Россия). Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (Москва). Кинодраматург, прозаик. Автор книг «Сполохи» и «Снегопад». Участвовал в создании двадцати фильмов. Среди них — «Счастливый человек», «Пламя», «Половодье», «Сад», «Фруза», «Шляхтич Завальня», «Ятринская ведьма», «Черный аист» и др. Живет в Минске.

МЕТЛИЦКИЙ Микола (Николай Михайлович). Родился в 1954 г. в д. Бабчин Хойникского района Гомельской области. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, переводчик. Автор многих книг поэзии. Лауреат Государственной премии и премии Ленинского комсомола Беларуси. Живет в Минске.

БАДАК Алесь Николаевич. Родился в 1966 г. в д. Турки Ляховичского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор сборников поэзии «Будзень», «За ценем самотнага сонца», «Маланкавы посах», книг для детей «Верабей з рагаткай», «Незвычайнае падарожжа ў Краіну Ведзьмаў» и др. Живет в Минске.

ГУРИНОВИЧ Федор Федорович. Родился в 1950 г. в д. Кривичи Солигорского района Минской области. Окончил Белорусский государственный университет. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Литературной премии имени Янки Мавра. Живет в Солигорске.

ЖУРАВСКИЙ Виталий Ромуальдович. Родился в 1973 г. на Минщине. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Прозаик, драматург. Печатался в республиканских средствах массовой информации. Автор книги рассказов «Юмор моего города». Живет в Жодино.

КОШКИНА Елена Вадимовна. Родилась в 1956 г. в г. Орджоникидзе (Россия). Окончила физический факультет Белорусского государственного университета, училась в Литературном институте им. М. Горького. Печаталась в журналах «Октябрь», «Немига», «Монолог», «Нёман». Автор книги «На грани исчезновения». Живет в Минске.

ЗЭКОВ Анатолий Николаевич. Родился в 1955 г. в д. Потаповка Буда-Кошелевского района Гомельской области. Окончил историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. Поэт, прозаик, публицист, юморист и сатирик, детский писатель. Автор свыше десятка сборников поэзии, прозы, литературных пародий и книг для детей. Живет в Минске.

СОВЕТНАЯ Наталья Викторовна. Родилась в п. Янтарный Приморского района Калининградской области (Россия). Окончила Ленинградский государственный университет. Психолог. Автор нескольких книг поэзии и прозы, а также многих научных статей. Живет в г. Городок Витебской области.

КИРПИЧЕНКО Виталий Яковлевич. Родился в 1936 г. в д. Толстовка Иркутской области (Россия). Окончил Иркутское военное авиационно-техническое училище, Киевское высшее инженерно-авиационное училище. Прозаик, публицист. Автор книг «Волчье место», «Над окошком месяц», «Планета псов и ягнят» и др. Лауреат Международного литературного конкурса, проводимого «Новым журналом» (Нью-Йорк). Живет в Минске.

ЛОПУХИН Евсей Евстафиевич. Родился в 1937 г. в Бобруйске. Учился в Одесском мореходном училище, окончил Гродненский педагогический институт. Поэт. Печатался в республиканской прессе, коллективных сборниках. Живет в д. Гороховищи Октябрьского района Гомельской области.

НИКИТИН Андрей Николаевич. Родился в 1986 г. в Одессе (Украина). Окончил Одесский технический колледж и Одесскую государственную академию холода. Прозаик. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Одессе.

АНДЕРСЕН Вита. Родилась в 1942 г. в Копенгагене (Дания). Воспитывалась в детских домах и приемных семьях, что нашло отражение в ее творчестве. Автор сборника рассказов «Заткнись и будь красивой», пьесы «Люби меня», романов «Следующая любовь, или Лайла и другие», «Просто жаль», «Возьми меня за руку», «Любовь Себастиана», «Анна Зои», «Никому не говори» и др. Лауреат различных литературных премий. Живет в Копенгагене.